

**Н О В Ы Й
М И Р**

8

МОСКВА

1940

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1940 г.

№ 8

Год издания XVI

★ ★ ★

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
М. И. Калинин — О преподавании марксизма-ленинизма. Речь на Втором всесоюзном совещании руководителей кафедр марксиз- ма-ленинизма вузов 4 июля 1940 года	5
А. М. Горький — [Пропагандист]	11
Алексей Толстой — Хмурое утро, роман, продолжение	24
Степан Щипачев — Три стихотворения	52
Михаил Голодный — Стихотворения	53
А. Антоновская — Великий Моурави, роман	55
В. Вересаев — Невыдуманные рассказы о прошлом, продолжение	115
Павел Кутловский — Река, стихи	135
К. Мурзиди — Стихотворение	136
В. Тоболяков — Икона, рассказ	137
К. Бадигин — На корабле «Георгий Седов» через Ледовитый океан, продолжение	145
И. К. Луппол — Горький-поэт	191
Л. М. Шабд — Рак и его происхождение	214
А. Пальчунов — «Лучи смерти»	227
Кто правит Америкой. (Из книги Ф. Лундберга «Шестьдесят семейств Америки», Нью-Йорк. 1938 г.)	236

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Гурштейн — Рассказ о Ленине (О книге К. Федина «Рисунок с Ленина») 251
Б. Брайнина — Мы победим! (О творчестве Геннадия Фиша) 252
Семен Долянов — Записки замечательного актера (О книге Юр. Юрьева «Записки») 255

★

Братский привет работникам литературы, науки и искусства Советских Социалистических Республик Молдавии, Латвии, Литвы, Эстонии и Советских Районов Бессарабии и Северной Буковины, вступивших в дружную семью народов Советского Союза.

Сердечные пожелания успехов в творческой и общественной деятельности.

**РЕДАКЦИЯ
И КОЛЛЕКТИВ СОТРУДНИКОВ
ЖУРНАЛА „НОВЫЙ МИР“**

О преподавании марксизма-ленинизма

РЕЧЬ тов. М. И. КАЛИНИНА

на Втором всесоюзном совещании руководителей
кафедр марксизма-ленинизма вузов 4 июля 1940 года.

Являя часы потому, что у меня нет намеченной программы, нет тезисов, нет записочки, которая регулировала бы мое выступление. Такое выступление по интуиции чревато большими неприятностями; в частности, выступая так, можно слишком затянуть, и многие будут думать,—когда же он кончит.

Между прочим не берите с меня пример. Я просто не успел подготовить тезисы. Меня лишь вчера предупредили об этом совещании, и я не успел их подготовить, потому что в один день я сделать этого не могу, для этого необходимо больше времени. Поэтому я решил поговорить с вами обо всем без плана.

Передо мной аудитория, которая уже сложилась, и мои дурные стороны она не воспримет (в зале смех).

А вы—преподаватели, у вас молодая еще сложившаяся аудитория, и она за вами следит и все перенимает. Поэтому вам надо быть куда осторожнее, чем мне (в зале смех).

Товарищи, вопросы, которые обсуждаются на вашем совещании, эти вопросы не чужды и нам, если так можно выразиться, практическим работникам, политикам. Ведь вся наша повседневная работа, вся наша политика (и внутренняя, и внешняя) есть не что иное, как претворение в жизнь и дальнейшее развитие принципов марксизма-ленинизма. Конечная цель, которую мы преследуем, как практические работники, как политики,—это построение коммунизма.

Вы преподаете в вузах основы марксизма-ленинизма, вооружаете передовой, революционной теорией, будущие кадры советской интеллигенции — будущих инженеров, агрономов, педагогов, юристов, литераторов, артистов, художников и т. д., т. е. будущих строителей коммунизма. И не просто строителей, а командный состав. Вполне понятно, что советский народ кровно заинтересован в том, чтобы его интеллигенция, как его наиболее квалифицированная часть, работала не вслепую, а с полным сознанием, просветленная идеями Маркса—Энгельса — Ленина — Сталина, чтобы она владела методом марксизма-ленинизма в своей работе.

Когда-то, в далеком прошлом, мы тоже преподавали марксизм-ленинизм. Разумеется, мы были доморощенными преподавателями; свою работу мы вели в небольших подпольных кружках, в которых было много совершенно малограмотных людей. Не забудьте при этом, что наше преподавание, наша пропаганда натаккивалась на сопротивление оппортунистов, которым надо было давать отпор. Да и сами мы еще плохо знали марксизм, в особенности — в текстовом отношении. По существу мы искали и проторяли дорогу для молодого рабочего движения. Несмотря на все эти неблагоприятные условия, наша работа, как вы знаете, оказалась успешной.

У нас был большой плюс. Когда рабочий или работница шли в марксистский кружок, то они шли туда не по академическим соображениям, а во имя

своих кровных интересов. Ведь мы с вами знаем, что рабочие по интуиции влекутся к марксизму-ленинизму, так как это учение единственно правильно и наиболее полно выражает идеалы пролетариата как класса.

Для передовых рабочих, которые шли в кружки, овладение марксизмом-ленинизмом было вопросом жизни и смерти в развивающейся классовой борьбе. Они поднимались на борьбу за идеалы рабочего класса, а для этого им требовалось мощное оружие, каковым и был марксизм-ленинизм. Но, берясь за это оружие, они ставили на кон не только жалкие остатки своей свободы, но и свою голову. Получалась, если можно так выразиться, большая и азартная игра, полная романтизма и очень волнующая как своими опасностями, так и возвышенными целями.

И потому вполне естественно, что когда люди шли на эту борьбу, то они хотели как следует вооружиться, они хотели для себя осмыслить и осветить эту борьбу, чтобы не идти вслепую, они хотели и другим раскрыть смысл этой борьбы, чтобы их убедить и привлечь на свою сторону. Овладение марксизмом-ленинизмом давало революционным борцам возможность сравнительно легче переносить житейские невзгоды и в огромной степени увеличивало их сопротивляемость репрессиям властей. Вы поняли мою мысль? (*Голоса: да, поняли!*).

Как-то я читал замечательные отрывки из дневника Феликса Дзержинского. Ничто не могло сломить его железную волю, его веру в правоту нашего дела. Закованный в кандалы, он писал: «Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, но временам даже страшно... И, тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

Вот что значит, товарищи, выработать в себе твердое убеждение, вооружиться марксизмом-ленинизмом. И потому вполне естественно, что наши кружковцы воспринимали основы марксизма-ленинизма с такой жадностью и страстью, с какой, например, путеше-

ственник пьет воду из источника, который он нашел в благодатном оазисе после долгого и томительного пути.

Этого большого плюса, этого огромного преимущества, которое было у нас в прошлом, нет сейчас у вас, что вполне понятно. У вас в аудиториях — счастливая молодежь, здоровая, обеспеченная, не знающая страха за свой завтрашний день, свободная, воспитанная в советских условиях. Ваши слушатели непосредственно не прошли школы классовой борьбы. Они не видели и не испытывали на себе капиталистической эксплуатации. Если можно так выразиться, они ощущают капитализм умозрительно.

Правда, капиталистическое окружение напоминает и будет напоминать им о себе довольно-таки реально и непосредственно. Достаточно указать хотя бы на борьбу с белофинским авангардом мирового капитализма. И когда наша молодежь в таких случаях сталкивается лицом к лицу с капитализмом, то она ощущает его более конкретно, она начинает воспроизводить его в своем представлении более реально. Но в повседневной своей жизни она его не знает, потому что внутри мы давно с ним покончили. Поэтому многие студенты подходят к изучению марксизма-ленинизма с таким же умонастроением, как и к изучению других дисциплин.

У нас теперь марксизм-ленинизм является обязательным предметом во всех высших учебных заведениях. Это вполне естественно. У нас уже созданы многочисленные кадры преподавателей основ марксизма-ленинизма, и я уверен, что в ближайшем будущем появится богатая литература исследовательского и научно-популярного характера по всем общественным наукам. И вот, чтобы привлечь внимание студенческой молодежи к изучению марксизма-ленинизма, чтобы действительно заинтересовать ее этой передовой, революционной теорией, для этого требуется теперь высокое качество преподавания, т. е. вы должны овладеть ленинско-сталинским искусством пропаганды. В этом суть.

Мне лично кажется, что преподавание основ марксизма-ленинизма есть самое интересное и наиболее благодарное пре-

подавание. Если взять преподавателя даже среднего калибра, который мало-мальски сносно преподает, в котором есть хотя бы чуть заметная искра преподавательского дарования, то я уверен, что его аудитория всегда будет полна слушателями без всяких внешних поощрений. По-моему, нет более интересного и более занимательного предмета, чем основы марксизма-ленинизма. Какой предмет можно ярче всего расцветить в лекциях и на семинарских занятиях с молодежью? Вся жизнь, все науки, искусства, литература, все прошлое, настоящее и даже будущее человечества — все это к вашим услугам в качестве богатейшего арсенала самых ярких, увлекательных, наглядных и убедительных иллюстраций основ марксизма-ленинизма. Никакая наука в этом отношении не может сравниться с марксизмом-ленинизмом.

Это, конечно, не значит, что другие науки надо забросить или отодвинуть на задний план. Если бы вы меня поняли именно так, то это значило бы, что я не умею выражать своих мыслей. Нет, я говорю не о том. Напротив, марксизм-ленинизм требует, чтобы люди добросовестно изучали все науки. Марксизм-ленинизм кровно заинтересован в самом широком распространении научных знаний, потому что он сам есть наука и опирается на данные всех действительных наук.

Я говорю только о том, что преподаватели марксизма-ленинизма находятся в несравненно более благоприятных условиях, что у них имеется несравненно больше возможностей заинтересовать и увлечь своих слушателей, чем у преподавателей любого другого предмета. Возьмите, например, математику. Ведь даже самый идеальный, самый одаренный преподаватель математики не может так расцветить, оживить и ярко преподнести молодежи свою науку, как это может сделать преподаватель марксизма-ленинизма, если только он знает свой предмет, любит его и сам является убежденным марксистом-ленинцем. Конечно, одаренный математик может преподнести слушателям свой предмет лучше, чем обыкновенный преподаватель

математики, его влияние будет сильнее и глубже, но все-таки не на всех людей, а только на людей с повышенной математической восприимчивостью. Укажите же мне, какой предмет может больше увлечь? Я считаю, что нет такого предмета.

Правда, математика — это слишком отвлеченный предмет. Ну, возьмите тогда историю — это конкретная наука, богатая красочным содержанием. Однако и эта наука не может, по-моему, больше увлечь, чем марксизм-ленинизм, прежде всего потому, что она все-таки ограниченная наука. К тому же история сама является областью конкретного применения философии марксизма-ленинизма. Эта наука лишь постольку является наукой, поскольку она развивается в духе диалектического материализма, т. е. философии марксизма-ленинизма. В противном случае это будет простое скопление фактов и событий, которое не даст подлинного знания.

И вот, товарищи, я считаю, что хотя у ваших слушателей и нет того стимула, который был у нас в подполье, по существу же вы располагаете неизмеримо большими возможностями, чтобы увлечь, заинтересовать свою аудиторию. Марксизм-ленинизм, как предмет преподавания, как особая дисциплина в наших вузах, обладает всеми элементами, которые вообще должны увлекать и могут заинтересовать человека, особенно — молодого человека.

Вот здесь выступал один товарищ и говорил, что философия марксизма-ленинизма — очень трудный предмет. Поэтому, мол, ошибаются те, которые думают, что 18-летний юноша или девушка, поступившие в вуз, могут легко переварить философские идеи марксизма-ленинизма. Но тот же товарищ сам указывал, что философские идеи марксизма-ленинизма не являются чем-то непреодолимым и недоступным для широкой массы наших вузовцев, что постепенно эти идеи могут быть восприняты ими с достаточной глубиной и полнотой. Мне кажется, он прав. Действительно, философские идеи марксизма-ленинизма воспринимаются не сразу. Нельзя же сразу из ничего сделать все. Разумеет-

ся, на усвоение философских идей марксизма-ленинизма требуется срок.

Я считаю, что ваша аудитория, аудитория советской молодежи, не может быть невосприимчивой к основам марксизма-ленинизма. Ведь марксизм-ленинизм есть синтез, обобщение истории, осмысливание всей деятельности человечества, это — наука, преобразующая мир. Так как же это можно думать, что ваша аудитория, т. е. аудитория советских молодых людей, жизнерадостных и полных самых благородных намерений, невосприимчива к основам марксизма-ленинизма? У меня просто не вяжется в голове, чтобы 18-летний парень или 18-летняя девица, окончившие десятилетку и пришедшие в вуз, чтобы они были невосприимчивы к горячему (не в смысле внешней выразительности), к настоящему человеческому слову о марксизме-ленинизме. Этого быть не может. Значит, тут все дело в преподавании и только в преподавании.

Но может быть вам, как преподавателям марксизма-ленинизма, трудно вернуться и полностью реализовать те огромные преимущества, которые вы имеете по сравнению с преподавателями других дисциплин? Может быть, вы ограничены теми определенными рамками, которые даны в «Кратком курсе истории ВКП(б)»?

Если речь идет о коренных, принципиальных основах марксизма-ленинизма, о самой его революционной сущности, то я должен вам сказать, что тот, кто выскочит именно из этих рамок, тот далеко уйдет от марксизма-ленинизма. Но я думаю, что в среде наших теперешних преподавателей марксизма-ленинизма нет таких людей, которые тяготились бы этими рамками. Зато, к сожалению, в среде наших теперешних преподавателей марксизма-ленинизма еще немало таких людей, которые доктринерски, догматически подходят к преподаванию своего предмета.

Ведь если правильно понимать марксизм-ленинизм, если правильно понимать «Краткий курс истории ВКП(б)», как энциклопедию марксизма-ленинизма, — то могут ли его рамки ограничивать сферу человеческой деятельности и

мышления? Нет, не могут, ибо «Краткий курс истории ВКП(б)» охватывает космос.

Здесь выступал представитель кафедры марксизма-ленинизма Горного института. Вот если бы я был преподавателем марксизма-ленинизма в этом институте при современных условиях и под контролем товарища Кафтанова (*смех, аплодисменты*), то я бы, товарищи, считал бы своей обязанностью в интересах марксизма-ленинизма непременно изучить горное дело. (*Аплодисменты. Голоса: правильно*).

Я не говорю, конечно, изучить настолько, чтобы стать специалистом-горняком (вы поняли меня?), а настолько, чтобы иметь возможность широко пользоваться данными и материалами горного дела в процессе преподавания марксизма-ленинизма. Другими словами сказать, преподавая марксизм-ленинизм, я почерпал бы иллюстративный материал и из области горного дела, ибо этот материал был бы наиболее доступен моим слушателям, а с другой стороны, он показывал бы наглядно, как надо применять марксизм-ленинизм на практике именно в этой области.

Отсюда, товарищи, я вывожу общее правило: в каждом вузе надо строить преподавание марксизма-ленинизма с учетом особенностей его профиля, т. е. иллюстрируя конкретным материалом соответствующих специальных наук. Тогда мы действительно будем готовить специалистов, вооруженных марксизмом-ленинизмом.

Преподаватели марксизма-ленинизма, например, в Горном институте, должны помнить, что мы здесь, в этом институте, готовим не специалистов по марксизму-ленинизму, а специалистов горного дела, вооруженных марксизмом-ленинизмом. Для подготовки специалистов по марксизму-ленинизму существуют другие учебные заведения. Преподаватели марксизма-ленинизма Горного института, как и других специальных вузов, должны в своей деятельности исходить из главного назначения данного высшего учебного заведения.

Иные товарищи могут сказать: а какое мне дело до других дисциплин, ко-

которые преподаются в вузе — я заинтересован только в том, чтобы студенты хорошо усвоили основы марксизма-ленинизма. Это абсолютно неправильный взгляд. Он противоречит самому духу марксизма-ленинизма. Для меня были бы еще понятны аналогичные рассуждения преподавателей специальных дисциплин. Но когда так говорит преподаватель марксизма-ленинизма, то это уже никуда не годится. Почему?

Прежде всего потому, что преподаватели марксизма-ленинизма — это большевики. А большевики не могут подходить односторонне к делам, не могут рассматривать вопросы с точки зрения узко-цеховых интересов. Если ты большевик, то ты должен заботиться об успехе всего дела в целом.

С другой стороны, преподаватели марксизма-ленинизма — это политические воспитатели советского студенчества. И, как таковые, они должны интересоваться успехами студентов по другим дисциплинам, они должны воздействовать на студентов в том смысле, чтобы их успехи были еще лучше по всем предметам.

Как видите, задачи преподавателей марксизма-ленинизма по существу гораздо шире, чем задачи преподавателей других дисциплин. В связи с этим я хотел бы подчеркнуть следующую, на мой взгляд, главную задачу преподавания марксизма-ленинизма.

Представьте себе двух преподавателей марксизма-ленинизма: у одного 20 процентов слушателей имеют плохие отметки, зато остальные — превратились в горячих поборников марксизма-ленинизма, стали убежденными коммунистами; у другого — только 10 процентов слушателей имеют плохие отметки, но зато он не воспитал ни одного прозелита марксизма-ленинизма. Как по-вашему — какой из этих двух преподавателей лучше отвечает своему назначению? Я считаю, что первый из них лучше отвечает своему назначению, чем второй.

Отсюда, товарищи, ваша задача: не довольствоваться формальными показателями успеваемости, а воспитывать из студентов убежденных коммунистов, пламенных прозелитов марксизма-ленинизма, идеальных большевиков, а следо-

вательно — идеальных людей. По нашему представлению, идеальный большевик это и есть идеальный человек, ибо в нем концентрируются самые идеальные качества людей.

Если бы я был преподавателем марксизма-ленинизма, то я всегда обращал бы свое внимание именно на то, как по существу усваивают мои слушатели основы марксизма-ленинизма. Ведь можно усвоить марксизм-ленинизм только формально, можно хорошо заучить все формулы, исторические события и даты, но не стать при этом убежденным марксистом-ленинцем. Как вы думаете — возможно это или нет? (*Голоса с мест: возможно*). С другой стороны, можно формул и не знать, но по существу владеть духом марксизма-ленинизма.

И вот передо мною два таких студента: один из них отвечает все на-зубок, но видно, что он не марксист, не ленинец, а другой — по внешности как будто не вполне отчетливо отвечает, но когда подходит к какому-нибудь вопросу, то рассматривает его принципиально, в духе марксизма-ленинизма, как убежденный большевик. Я считаю, что второму студенту надо поставить более высокую оценку, чем первому, ибо нам нужны не начетчики, а марксисты-ленинцы. Верно это или нет? (*Голоса с мест: правильно*).

Но чтобы воспитывать из наших студентов прозелитов марксизма-ленинизма, убежденных большевиков, для этого надо вложить в самое преподавание марксизма-ленинизма много человеческой страсти, огня. Если преподаватель марксизма-ленинизма горит в своей работе, если каждая его лекция есть горение большевика, то можно быть уверенным в том, что он создаст многочисленных прозелитов марксизма-ленинизма.

Товарищи, вы должны быть не просто преподавателями, а политиками. К вам приходит молодежь. Она очень восприимчива. Загляните в прошлое, познакомьтесь с биографией крупных профессоров по разным наукам — и вы увидите, как велико было их влияние на студенчество. Выдающиеся профессора всегда оставляли глубокий след в сердцах своих учеников. На вас лежит самая

большая моральная ответственность в смысле политического формирования будущих кадров советской интеллигенции. Вы должны дать своим слушателям политическое направление на всю жизнь. Отсюда — ваше место среди всего профессорско-преподавательского коллектива вузов, а также на педагогическом совете.

Я понимаю, товарищи, что справиться со всеми этими задачами не легко. Для этого каждый из вас, помимо знания марксизма-ленинизма, должен располагать очень многими данными.

В частности, преподаватели марксизма-ленинизма должны быть самыми культурными людьми или, по крайней мере, одними из наиболее культурных людей в своем институте. Вместе с тем вы должны быть очень знающими людьми. Конечно, культурность и образованность — это не одно и то же, эти понятия не совпадают. Как по-вашему — совпадают или не совпадают? (*Голоса с мест: конечно, не совпадают*).

Значит, тут мы с вами договорились: вы должны быть и наиболее образованными и наиболее культурными людьми в своих вузах.

Образование не дается легко. Его надо завоевать в неустанном труде. Без широкой образованности нельзя преподавать марксизм-ленинизм с расчетом хотя бы на маленький успех. Какой может получиться преподаватель марксизма-ленинизма из человека, который плохо знает историю народов СССР, всеобщую историю, естествознание, литературу, философию, разные отрасли искусства и т. д.

Вы, наверное, хорошо знакомы с тетрадями Карла Маркса, в которых содержатся его знаменитые хронологические выписки. Но Маркс поражает не только своими знаниями истории, но и математики, и естественных наук, и литературы, и искусств и т. д. и т. п. Чего только не знал Маркс! Вот где успех! (*Аплодисменты*).

Широкая образованность даст вам возможность легко и увлекательно строить свои лекции. Вы заметьте, что в «Кратком курсе истории ВКП(б)» ску-

по и чрезвычайно глубоко сформулированы основные выводы и положения передовой революционной теории. И если вы хотите, чтобы эти выводы и положения органически воспринял 18-летний юноша, то для этого необходимо самим вам иметь широкую образованность. Пользуясь своей образованностью, вы сможете находить в процессе преподавания марксизма-ленинизма исторические параллели, приводить художественные картины, разъяснять отдельные выводы и положения яркими иллюстрациями.

При этом не мешает вам помнить указание товарища Сталина о том, что партийные кадры должны серьезно изучать международную политику. Помимо всего прочего она, международная политика, дает богатейший материал к пониманию классовой борьбы.

Все это значительно облегчит усвоение марксизма-ленинизма.

Итак, товарищи, на вас лежит огромная ответственность. Здесь собрались со всего Советского Союза преподаватели марксизма-ленинизма высшей школы. Где же разрабатывать вопросы преподавания марксизма-ленинизма, как не в нашей стране, как не здесь — в этом компетентном собрании?

И вот, мне хотелось бы, чтобы вы успешно разрешили эти вопросы и в самом ближайшем времени поставили на должную высоту преподавание основ марксизма-ленинизма, чтобы в наших вузах марксистско-ленинская мысль была ключом, чтобы наши вузы выпускали всех специалистов для разных отраслей социалистического строительства во всеоружии марксизма-ленинизма. Этого и добивается наша партия, к этому стремится товарищ Сталин. Я думаю, что с вашей стороны это будет наилучшая помощь в деле укрепления нашего социалистического государства, в деле построения коммунизма. Видите, как все тут связано одно с другим.

В заключение разрешите пожелать вам полного успеха как в работе настоящего совещания, так и в вашей дальнейшей преподавательской деятельности. (*Бурные аплодисменты, все встают*).

[Пропагандист]

А. М. ГОРЬКИЙ

★

Название дано по первому слову сценария.

Время написания сценария 1925—26 гг. Судя по изменившемуся почерку, глава «Через два дня» написана после значительного перерыва во времени. В эпистолярном материале Алексея Максимовича никаких указаний на сценарий нет. Оригинал представляет собой рукопись на 36 страницах писчей линованной бумаги большого формата. Последующие поправки сделаны коричневым, синим и красным карандашами рукой А. М. Горького. Рукопись хранится в архиве А. М. Горького.

Сценарий публикуется точно по рукописи, без всяких изменений. Зачеркнутое в тексте помещено под чертой. Зачеркнутое в зачеркнутом — в угловых скобках. Дополненные редакцией слова поставлены в прямые скобки.

Сценарий входит в состав «Архива А. М. Горького» (том II), подготовленного к печати Институтом мировой литературы им. А. М. Горького.

Публикуется впервые.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького.

Анфиса — вдова рабочего. Торгует сладостями. Лет сорок, но еще хорошо сохранилась.

Морозов — сын ее. Юноша лет двадцати. Скромный. Серьезное, задумчивое лицо.

Соколов — его товарищ. Веселый, сильный, ловкий парень, лет 25.

Петя — юноша, слесарь.

Бобров — чернорабочий, гуляка.

Сомов — кузнец. Алкоголик. Мрачная фигура. Сутулый. Бородатое лицо.

Сомов — сын его, молотобоец. Неуклюжий парень, ленивые движения, угрюмое, некрасивое лицо.

Лидия — учительница. Лет 30. Красивое, холодное лицо.

Соня — сирота, ее ученица. 15—16 лет. Бойкая, шаловливая, гибкая, точное кошко.

Бармин — лавочник.

Вера — его дочь. Лет 18. Резкое, грубоватое, но очень красивое лицо. Прямой взгляд.

Углов — шпион.

Медников — полицейский.

Туркин — табельщик. Щеголевато одет, смешон, суетлив¹, лет 24.

Лукин — пропагандист.

¹ лицо комическое

ПРОПАГАНДИСТ ИДЕТ НА РАБОТУ.

Ночь. Сквозь тьму идет на публику человек, в зубах его — папироса, вспыхивая, она освещает молодое, задумчивое лицо.

Ночь. Темное здание фабрики, дома фабричного села; к ним издали, по полю, движется красная искра папиросы.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ В ФАБРИЧНОМ СЕЛЕ.

Площадь перед церковью. Полдень. Кончилась обедня, из церкви выходит народ: служащие фабрики, пожилые рабочие, старики, старухи, бабы с детьми; расходятся по домам; некоторые останавливаются на площади, образуются группы, рассматривают¹ сходящих с церковной паперти.

Лавочник Бармин, лет 50, кругленький, с ласковым лицом, прищуренными глазками; Вера, дочь его, девушка лет 19, одета крикливо, безвкусно, красивое, надменное лицо; Туркин, табельщик, маленький, тощий щеголь, с эспаньолью; держится заискивающе пред лавочником; суетлив, ухаживает за Верой. Часть рабочих кланяется лавочнику почтительно, некоторые смотрят на него угрюмо, враждебно.

С паперти сходит Лидия, учительница,² скромно одета, лет под 30, серьезное³ лицо; стоит, пропуская мимо себя учеников школы. Туркин, подмигивая в сторону Лидии, что-то говорит⁴ Бармину, лавочник смеется. Вера смотрит на Лидию враждебно, нервно играет зонтом.

Другая часть площади. Фасад трактира Бармина, рядом его же лавка. Перед трактиром стоят торговки съестным: пирогами, калачами, среди них — Анфиса, она торгует орехами, семенами подсолнуха, сладстями. Около ее лотка — мальчишки, девочки.

⁵ Углов, бородатый человек, глаза

острые, внимательные, беспокойный взгляд, натянутая улыбка. Перед ним, на козлах, большой лоток с книгами; группа молодых рабочих рассматривает книжки, покупает. ¹ Углов кричит: — Вот — интересные книжки дешево продаю!

² Идут Морозов, Петя с удочками; в руке Пети ведро с водой и рыбой; оба одеты не празднично, в рабочее платье.

К Лидии подбегает Соня, говорит ей тихонько, с радостью:

— Пришел!

Лидия, улыбаясь, гладит ее по голове. Мимо их проходят Бармин с дочерью, Туркин, последний говорит Вере, указывая пальцем через свое плечо назад:

— Видите? Всегда у них секреты...

Бармину, оглядываясь:

— Опять ночью сегодня прокламации появились...

Вера, отстав от них, идет тихо, точно крадется, смотрит на учительницу откровенно враждебно, та отвечает ей спокойно ожидающим взглядом. Соня прижимается к ней, сердито сверкая глазенками. Вера остановилась, несколько секунд стоит, как будто собираясь что-то сказать, затем порывисто идет дальше. Провожая ее глазами, Лидия что-то говорит Соне, та бежит.

¹ Углов, через головы покупателей, наблюдает за Лидией и Соней. Анфиса незаметно следит за ним.

Туркин, поджидая Веру, тоже видит эту сцену, поправляет галстук, сдувает пылинки с костюма, щелкает пальцами по рукаву пиджака.

К Морозову подбегает Соня; оглядываясь, говорят:

— В лесу, у сторожки, в пять часов!

Морозов ласково кивает головою. Соня заглядывает в ведро, сует туда руку, Петр не дает ей сделать это; весело шалят; Соня брызжет водой в лица им, убегает, утащив какую-то рыбу. Смеясь, Петр кричит что-то вслед ей. Морозов, отирая мокрое лицо, улыбается Идут.

¹ Болтов

² Анфиса смотрит из-под ладони вдоль улицы.

¹ выходящих

² за нею

³ задумчивое

⁴ ему

⁵ Болтов;

Вера и Туркин.

Вера. — Ненавижу учительницу.

Туркин. — А — ученика? А — Морозова?

Вера. — Тоже. А вас — презираю...

Туркин, усмехаясь: — В последние слова ваши — не верю!

Гневно взглянув на него, Вера быстро отходит прочь. Туркин сердито дергает эспаньолку.

За огородами идет Соколов, кудрявый, ловкий юноша, несет на плече большую связку свежескошенной травы. К нему подбегает Соня:

— В пять часов, у сторожки, — ой, устала!

— Эх, ты, стрекоза!

Соколов осыпает голову ее травой.

Группа рабочих — человек десять — идет на реку, купаться; впереди — чернорабочий Бобров, оборванный, грязный, приплясывая, играет на балалайке, — это очень веселый человек, беззаботный к себе самому, добрый к людям. Некоторые из рабочих уже пьяны, идут обнявшись, поют, кричат, свистят, задевают встречных. Сзади всех — кузнец Сомов, большой, волосатый человек, сильно пьяный, пытается плясать, неуклюже топает ногами, разводит руками, рукава его рубахи засучены по локти; он в экстазе алкоголика.

Толпа окружает Туркина. Табельщик не любим рабочими, они издеваются над ним; кто-то, схватив конец галстука, срывает его с шеи Туркина; пытаются отнять галстук, Туркин смешно подпрыгивает, все смеются над ним, а кузнец, ничего не видя, все пляшет в стороне, один. Вырвав галстук, Туркин бежит прочь, наткнулся на кузнеца, тот схватил его за плечо, бессмысленно посмотрел и, оттолкнув, снова пляшет.

Николай Сомов, молотобоец, сын кузнеца, парень лет двадцати двух, неуклюжий, с тупым лицом, маленькими глазами, стоя у ворот смотрит на пьяные судороги отца. Мимо его идет растрепанный Туркин, повязывая галстук, Сомов провожает его равнодушным взглядом. Идет Углов, катит перед собой тележку с книгами, остановился, подмигнул Сомову, тот медленно подошел к нему.

Углов. — ¹Ночью — зайди ко мне.

Сомов ²кивает головою.

Чистенькая комната, на подоконниках горшки с цветами, на стене полка книг, географическая карта, охотничье ружье, двустволка. Анфиса, Морозов, с книгой в руках, пьют чай, Петя скручивает лесу удочки.

Анфиса, вздыхая, говорит:

— ³Этот торговец книгами все приглядывается к учительнице.

Петя. — Морда у него нехорошая, собачья...

Морозов, с улыбкой:

— Лицо не всегда зеркало души.

На берегу реки гуляет молодежь, рабочие, работницы. Одна группа поет песню, пением воодушевленно дирижирует Бобров; другая группа играет в горелки.

На песчаном холме, под соснами сидит более «чистая публика», служащие фабрики, пожилые рабочие, смотрят, как веселится молодежь. ⁴Тут же Углов и Анфиса со своими лотками. Рассказывает полицейский Медников, грузный, сонный человек. Прислонясь к стволу сосны, стоит Туркин, пощипывая эспаньолку, морщится, наблюдая, как группа молодых конторщиков, окружив Веру, ухаживает за нею.

По реке едет лодка; гребет молодой Сомов, на руле Петя, в лодке Лидия, Соня, Соколов... Лодка пристала к берегу, Соня вышла из нее, остальные поехали дальше.

Туркин смотрит из-под ладони за реку, потом подходит к Вере.

За рекою, полем, к лесу идет человек.

Туркин — Вере, указывая за реку:

— Взгляните!

Вера. — Что такое?

Туркин. — Морозов. И учительница в ту сторону поехала...

Вера. — Любите вы шпионить.

Отвернулась от него, но незаметно, искоса смотрит за реку.

¹ Не прозевай, смотри! куда пойд[ет?].

² Ладно.

³ Не любят тебя, сын, всех вас не любят. Морозов. — Потом — полюбят.

Анфиса. — А

⁴ По реке плывет лодка.

Соня около Анфисы, смеясь, рассказывает что-то. Анфиса слушает ее, улыбаясь.

Углов. — А вы, барышня, не пожелали¹ кататься?

Соня. — Не пожелала. А — что?

Углов. — Ничего.

Вера одна идет берегом, смотрит за реку, лицо — печально. Шагах в пяти за нею — Туркин.

Появляется группа выпивших, буйно настроенных рабочих, среди них — кузнец Сомов, они мешают молодежи играть, петь, гоняются за девушками; завязывается ряд ссор. Сомов дергает и тащит куда-то Боброва, тот его отталкивает, начинается драка, Сомов бьет своих и чужих, на него бросаются несколько человек, сталкивают в реку. Опрокидывают лоток с книгами Углова. Анфиса и Соня спешно уходят. Зрители на холме смеются, улюлюкают, стравливая дерущихся. Бежит полицейский Медников,² с ним еще двое.

Туркин, — сняв шляпу, размахивая тросточкой, идя рядом с Верой:

— Неужели вы не чувствуете, как мое сердце рвется к вам?

Вера, нахмурясь, смотрит за реку.

Лесная поляна, полуразрушенная избушка лесника; на пороге ее сидит пропагандист Лукин, — тот человек, который в первой картине шел с папиросой в зубах; он, оживленно жестикулируя, говорит. Его внимательно слушают Морозов, Соколов³ и еще человека три рабочих.

По реке едет лодка, в ней Лидия, Петя, на руле — Сомов. Пристают к берегу, выходят. Петя привязывает лодку, Лидия, пожав руку Сомова, идет берегом.

Туркин идет, нахлобучив шляпу на лоб, видит Лидию, прячется в кустах.

Вера сидит на сваленном дереве, чертит концом зонтика на песке буквы В. М. Видит Лидию,⁴ встает, спрашивает:

¹ гулять

² грузный человек.

³ молодой Сомов курит, глядя в землю; иногда, вскинув голову, испуганно прислушивается, привстает. Соколов, дергая его за руку, за платок, снова усаживает. Тут же

⁴ удивлена

— Гуляете?

— Да.

— Морозова видели?

— Нет.

— Врете вы, врете!

Лидия — изумлена, возмущенно оглядывает ее с головы до ног, молча идет дальше, Вера кричит вслед ей ругательство.

Туркин из кустов наблюдает эту сцену, поспешно идет к Вере, сдвинув шляпу на затылок, имея вид героя. Подошел; Вера смотрит на него, сжав кулаки, слепыми от ярости глазами.

— Хотите — я ей стекла в окнах выбью? Хотите?

— Да! О, да...

— Я для вас — на все готов!¹

На корме лодки сидит молодой Сомов, курит; идет Туркин.

— Дай огня!

— Иди сюда.

Туркин осторожно лезет в лодку, но, когда он идет к Сомову, тот резким движением встает на ноги, нарочно почачнув лодку так, что Туркин падает за борт. Сомов хохочет. Туркин, по колена в воде, ловит свою шляпу, грозит Сомову кулаком.

Вера одна, на сломанном дереве, горько плачет.

Комната Морозова. Он спит. Анфиса сидит у его койки, смотрит в лицо сына, тихонько гладит его руку, смотрит в окно, освещенное луною. Ее лицо очень грустно, — лицо матери, которая боится за сына.

НОЧЬЮ.

Лунная, светлая ночь. Пустынное место на берегу реки, далеко за селом. Песок, кусты ивняка. Под кустами лежит Углов; поднял голову, прислушивается, тихо свистит.

Спешно идет молодой Сомов, смотрит в кусты, свистнул осторожно, нырнул в кустарник.

По реке тихо плывет лодка, в ней Морозов и другие рабочие; пропагандист Лукин на корме, хорошо освещен.

Углов и Сомов смотрят на лодку. Она проехала. Углов — доволен, усмехаясь, говорит:

¹ — Оставьте меня... [реплика Веры]

— Ну, спасибо! Теперь я его знаю.

Сомов просит у него денег, Углов дал ему несколько монет, уходит.

Сомов, взвешивая деньги на ладони, сердито, волком, смотрит вслед ему.

С песнями, с гармоникой идет компания молодежи — парни, девушки, Соколов, Соня, Петя, Бобров с балалайкой. Соколов что-то видит в стороне, отстал.

Сомов стоит, закурив папиросу, считает деньги. Сзади к нему подошел Соколов, смотрит через плечо его и вдаль, где идет Углов.

— Что делаешь?

Сомов — вздрогнул, зажал деньги в кулак.

— Девушку поджидаю.

— А кто это идет там?

— Не знаю. Человек.

Поговорив, Соколов идет прочь.

Соколов бежит огородами, легко перепрыгивая через плетни. Присел, смотрит.

По улице идут: Углов, рядом с ним Бобров, наигрывая на балалайке, напевая, немножко выпивший. Видно, что Углов не доволен его компанией, он смотрит на спутника с досадой.

Огород; освещенное окно дома; к окну подкрадывается Соколов.

Маленькая комната. Углов, пред зеркалом, поспешно сбрасывает бороду, моет лицо, быстро одевается, уходит.

Соколов идет пустынной улицей, из-за угла ему преграждает дорогу кузнец Сомов, пьяный; схватил его:

— Стой! Кто таков?

Борются...

Здание школы. Пять окон, одно, крайнее, освещено.

Против школы, на берегу реки недостроенный дом — бревенчатые стены без крыши, окна без рам, груда досок, стружки, щепки. За досками прячется Туркин. Встал, оглядываясь, вышел на дорогу, размахнулся, бросил камнем в освещенное окно школы. Бежит на постройку, прячется в стенах ее.

Рама разбитого окна открывается, в окне — фигура и лицо Лидии,¹ учительница смотрит на дорогу.

Шатаясь, размахивая кулаками, идет кузнец Сомов, звон разбитых стекол остановил его, он остановился у постройки.

Закрыв окно, Лидия занавесила его темной шалью.

Кузнец идет к постройке, выскакивает Туркин, бежит, кузнец смотрит вслед ему.

Из ворот школы выходит Лидия, ее внимание привлек шум шагов бегущего, смотрит вдаль, спрашивает кузнеца:

— Это вы разбили стекла или тот?

— Не знаю. Пьян. Я давно пьян, лет двадцать. Мне — скучно. Я — драться хочу!

Лидия ушла; кузнец, пошатываясь, закуривает папиросу, бросает в стружки зажженную спичку, идет.

¹ На выходе из села, в кустарнике, спрятался Углов; мимо его проходит Соколов, смотрит вдаль, остановился; постояв, быстро идет назад.

У недостроенного дома разгораются стружки, щепы.

Пожар. Сбегаются народ; огонь гасят неохотно; большинство равнодушно смотрит, как некоторые пытаются затоптать ногами горящие стружки, растаскивают доски. Прибежали Бармин и Вера — это их постройка горит; Вера удовлетворенно смотрит на разбитые стекла в окне школы. Является Туркин, его костюм сзади в стружках, он подмигивает Вере на окно, она указывает ему на испачканный костюм, посылает его гасить огонь.

Прибежали Морозов, Петя, Бобров, энергично принялись за борьбу с огнем, Туркин помогает им неумело, напоминая работу клоуна.

Едет пожарная дружина: три бочки, насос. Насос — рваный, вода вырывается струйками из штанги, льется на огонь бессильной, тонкой струей. Зрителей это смешит. Пришел полицейский Медников, разгоняет народ.

Прибежала Соня, спрашивает Веру:

— Подожгли?

— Конечно. Слушай, Соня: я подарю тебе на платье, — скажи: учительница влюблена в Морозова?

¹ она

¹ За селом.

Соня удивлена вопросом, смотрит на Веру с досадой, пожимая плечом, отвечает:

— ¹Ты спроси ее об этом...

Пожар становится тише. Зрители, позевывая, расходятся. Лавочник Бармин благодарит Морозова за работу.

Вера ² — Морозову:

— Какой вы сильный, ловкий.

Морозов, улыбаясь, молчит.

— Но уж очень серьезный. Не знаю, как говорить с вами.

— Говорите, как со всеми...

Идут к школе Лидия, Соколов; Соколов рассказывает учительнице об Углове, жестом показывая, как тот брил бороду.

— Я пошел за ним, но потерял его из вида.

Заметив Морозова рядом с Верой, зовет его.

Морозов идет на зов товарища, Вера протянула ему руку, он, смеясь, показал, что его рука в саже, ушел. Рука Веры медленно опускается; она с ненавистью смотрит в сторону школы.

Бармин — Вере:

— Ловок Морозов, а — не люблю я его.

Вера. — Школе бы сгореть.

Бармин. — Школу — жаль, а вот учительницу выгнать бы: она людей портит.

Подошел полицейский Медников, Бармин разговаривает с ним; Вера смотрит на Лидию, Морозова и Соколова. Вдруг решительно идет к ним.

Вера — Лидии:

— Мне нужно поговорить с вами.

Лидия приглашает ее войти в школу. Уходят. Соколов и Морозов озабоченно продолжают беседовать.

Комната Лидии, чистенькая, скромная. На стене карта Европы, фотографии, полка книг. Лидия сидит у стола, Вера нервно ходит по комнате.

— Я хочу, чтоб вы приняли меня в вашу компанию. Я — злая, грубая, но это надоело мне. Я хочу быть иной. Мне — скучно. Мне так скучно, что я могу сделать бог знает что...

Поле за селом; едут в трех экипажах жандармы, их сопровождает отряд казаков, человек десять.

Улицей села идут Морозов, Соколов; Соколов говорит:

— Итак, — ты идешь в город и скажешь Лукину, чтоб он не являлся сюда, пока мы его не позовем.

Схватил Морозова за плечо, смотрит вдаль, прислушивается.

Комната Лидии. Вера, стоя среди ее, смотрит на учительницу исподлобья, недоверчиво; спрашивает:

— Чего вы хотите?

— Научить людей жить более разумно.

Стучат в окно; Лидия ¹ отдергивает шаль, которой занавешены разбитые стекла, в окне встревоженное лицо Соколова, он что-то шепчет, исчезает.

Лидия — Вере:

— Уходите, Вера, ко мне, кажется, приехали гости.

Вера, — усмехаясь: — Ночью-то?

Лидия. — Они всегда приходят ночью. Вера, обиженная, уходит; в двери сталкивается с Соней, ² оглянувшись на Лидию.

Лидия быстро достает из ящика стола маленькую брошюру, сует ее Соне:

— Уходи, беги, спрячь!

В двери — жандарм. Соня успевает спрятать брошюру ³ за карту Европы. Один за другим в комнату входят жандармы; Соня смотрит на них так комически испуганно, что некоторые из них не могут скрыть невольной улыбки.

Обыск. Распоряжается молодой щеголеватый жандармский офицер, сидя у стола. Лидия спокойно стоит у окна, равнодушно глядя, как жандармы сносят книги с полки на стол, где офицер просматривает их; смотрят в печь, выстукивают стены, пол, ищут тайников. Соня суетится среди них, показывая, что происходящее очень интересует ее, играет роль наивного подростка, сделала глуповатое лицо. Незаметно вытащила брошюру из-за карты Европы и так же незаметно сунула ее в карман шин-

¹ Какие глупости! <Они> Почему я знаю

² протянув ему руку

¹ открывает

² бро[сает?]

³ в карман

ли полицейского Медникова, который стоит у двери, как деревянный, и упорно, неподвижным взглядом идиота, смотрит на офицера за столом.

Вера¹ около сгоревшей постройки следит за окнами школы, в них мелькают тени; Вера — довольна, улыбается, отирает рот платком. Подкрался Туркин, убеждает ее уйти, она смеется:

— Какой вы трус!

Обыск кончен. Офицер, кивнув Лидии голову, сухо говорит:

— Извиняюсь за беспокойство, но — долг службы.

Жандармы уходят. Медников отдает офицеру честь, вытянувшись, свирепо шевеля усами. Соня, приплясывая, натягивает нос вслед ушедшим жандармам; рассказывает Лидии, как она спрятала брошюру. Лидия улыбается, но — обеспокоена, выпроваживает Соню из комнаты...

Вера наблюдает, как жандармы выходят из школы, хмурится, видя, что учительницы нет среди них.

По улице ведут человек десять арестованных; среди них: Петя, молодой Сомов, они окружены казаками, жандармами. Арестованных сопровождают родственники, любопытные, в окна домов — головы сонных зрителей. Уже светло, раннее утро. Медников, провожая арестантов, отгоняет публику, размахивает необнаженной шашкой, кричит. Сзади всех идет кузнец Сомов с палкой в руке; когда под ноги ему попадает камень или ком земли, он отбрасывает его сердитым пинком.

Двое жандармов выводят со двора Морозова, включают его в общую группу арестованных. Морозова сопровождает Анфиса, Соня; Соня плачет.

Кузнец Сомов схватил Анфису за плечо, кричит:

— Уважаю твоего сына! Понял?

Из-за угла выходят Вера, Туркин. Увидав Морозова, Вера вздрогнула, остановилась, закрыла глаза. Потом, сжав зубы, идет вслед группе, Туркин старается удержать ее. Она идет, как во сне.

Арестованных вывели за пределы се-

ла. Медников остановился, устало вздыхает, достал кисет с табаком. Сунул руку в карман, вытащил брошюру, недоумевая разглядывает ее, приложив к глазу кулак трубкой, шевелит губами, пытаюсь прочитать заголовок. Смотрит в небо, соображая. Оторвал от книжки кусок бумаги, сунул ее в карман, свертывает из бумаги папиросу. Курит, смотрит вдаль.

Идут Вера, Туркин, их сопровождает Бобров. Медников, приложив руку к фуражке, заговаривает с Верой.

Туркин. — Надо было учительницу арестовать!

Медников. — Всех арестуем!

На них угрюмо лезет кузнец Сомов, кричит:

— Радуетесь? Рада, лавошница?

Медников отгоняет его прочь, тыкая¹ концом шашки в живот. Бобров хохочет. Сомов идет дальше в поле, ругаясь, грозя кулаком.

Идут в село² Медников и Бобров, дружески разговаривая. К ним подбежала Соня, идет рядом, спрашивает Медникова о чем-то, вытаскивает из кармана его шинели книжку; кивнула им головой, отбегает в сторону, рассматривает книжку, видит, что она изорвана, — очень огорчилась.

Бобров — Медникову:

— Дай табаку!

Медников дает ему кисет, сует руку в карман за бумагой, удивлен; выворачивает карман наизнанку.

— Бумаги у меня нет, потерял.

— Хвали бога, что голову не потерял, голова у тебя легкая!

В ГОРОДЕ.

Утро. Глухая, безлюдная улица; сады, заборы. Дворник метет панель.

Из калитки в заборе выходит пропагандист Лукин, идет.

На углу оживленной улицы — бородастый извозчик; сидя на козлах экипажа, он внимательно, исподлобья рассматривает прохожих. Видит Лукина, глаза его блеснули. Предлагает Лукину свои услуги. Торгуются. Лукин сел в экипаж. Едут.

¹ шашкой
² Туркин

¹ за углом

Лошадь извозчика вдруг взбесилась, понесла. Извозчик, делая усилия сдерживать лошадь, еще более горячит ее. Лукин готов выскочить из экипажа, но лошадь круто сворачивает во двор полицейского дома; извозчик кричит, на Лукина бросаются полицейские, хватают его; извозчик, сидя на козлах, смеется.

В маленькой комнате полицейского дома извозчик раздевается, снимает бороду, это — Углов. Он очень доволен, кланяется своему отражению в зеркале.

Кабинет жандармского офицера, офицер, сидя за столом, пишет; у стола — молодой Сомов, говорит. Офицер подает ему бумагу, Сомов, стоя, наклоняется, подписывает, высунув язык.

Офицер. — Ты будешь получать 20 р. в месяц. Знай, что ты у меня — не один, и все, что ты будешь делать, будет известно мне. Ступай!

Сомов низко кланяется, уходит.

Собрание группы революционеров, человек пять, шесть, Соколов предлагает им устроить освобождение Лукина, говорит очень горячо.

Камера тюрьмы. Лукин, лежа на койке, стучит пальцем в стену, ведет беседу по слуховой азбуке.

Другая камера. Морозов, стоя у окна, читает книгу; окно значительно выше его головы. Прислушивается, подходит к стене, отвечает на стук.

Городской сад. На скамье сидят Анфиса с узелком в руках, Соня, Соколов скручивает маленький кусок бумаги в трубку толщиной не более спички, дает ее Соне.

— Попытайтесь, стрекоза, передать Морозову.

Анфиса, качая головой:

— Пропадете вы все...

Соколов. — Смотрите на жизнь веселее, и все будет хорошо!

Поле за городом. Здание тюрьмы, огражденное каменной стеною; из-за стен видно четыре круглые башни. Полем идет Вера, смотрит на тюрьму.

Пред воротами тюрьмы — группа родственников заключенных ожидает свиданий. Соня, Анфиса, кузнец Сомов, трезвый; умыт, но лицо все-таки

черное, и на нем ярко выделяются странно расширенные глаза психически ненормального человека. У ворот стоят двое часовых.

Ворота открываются; волнение ожидающих свиданий. Усмехаясь, из ворот выходит молодой Сомов.

Анфиса. — Выпустили тебя?

Сомов. — Скоро всех выпустят.

Его окружают. Соня смотрит на него радостно, дергает за рукав, Сомов разглядывает ее, облизывая губы языком. Отец, с размах[а] бьет его по плечу, говорит:

— Я — пьяница, но я понимаю, что ты сидел в тюрьме за честное, рабочее дело, за правду! Идем в трактир, выпьем!

Подходит Вера; спрашивает Сомова, кузнец издевается над нею, Соня отвернулась в сторону, очень демонстративно. Анфиса говорит с Верою ласково.

Комната для свиданий заключенных с родственниками; комнату разделяет решетка из толстой проволоки. По одну сторону решетки Соня, Анфиса, — Петя и Морозов по другую. Еще несколько пар. Стоит тюремный надзиратель с револьвером у пояса, с часами в руке; ему скучно, позевывает.

Соня просовывает Морозову сквозь решетку записку, свернутую трубочкой.

Тюремный двор; прогулка арестованных. Вдоль каменной стены ходит Лукин, вдоль другой, под углом к Лукину — гуляет Морозов. За каждым из них следит надзиратель, но они разговаривают посредством азбуки глухонемых.

Ночь. Фасад тюрьмы. В одном из окон мелькает огонек папиросы, пишет в воздухе:

Все готово.

Поле за тюрьмою. Анфиса стоит неподвижно, смотрит в небо, шевелит губами, видимо — молится.

Раннее утро. На углу пустынной улицы человек десять маляров готовятся красить двухэтажный, видимо, нежилой дом. Ставят лестницы, тащат доски для лесов, работают не торопясь. Ими лениво командует бородатый чело-

век, в фуражке, надвинутой на глаза, в белом переднике, обрызганном краской. Он смотрит на часы и вдоль улицы, прислушивается.

Едет карета с решетками в окнах, запряженная парой старых лошадей; на козлах маленький старичок кучер, рядом с ним — солидный жандарм, шашка через плечо, револьвер у пояса.

Человек в переднике взмахивает рукою; маляры начинают работать быстрее, один из них бежит за угол; оттуда выезжает огромный воз сена; правит им человек, притворяющийся пьяным. Воз встал поперек улицы, преграждая дорогу появившейся карете. Маляры окружили воз, издеваются над пьяным, стаскивают его с воза.

Жандарм, сидя на козлах, волнуется, ругает пьяного, маляров; одни из них окружили карету, другие, якобы стараясь поворотить воз, выпрягли лошадь, толкают воз, направляя его на карету. Пред мордами лошадей падают лестницы, доски; лошади пятятся, но сзади, под колеса кареты подброшены доски, в колеса сунуты малярные кисти¹. Человек в переднике бежит с ведром в руках, указывая жестами, что надо делать малярам.

Жандарм соскочил с козел, — человек в переднике надел на голову ему ведро, двое других схватили за руки. К ручке ведра привязана длинная веревка, ею связывают руки жандарма за спиной, — получается очень смешная фигура.² Револьвер жандарма вынули из кобуры. Жандарма кладут на землю. Стащили старика кучера, сунули ему в рот клок сена, связали, положили к забору.

В то же время сзади кареты открывается дверца, выскакивает другой жандарм с револьвером в руке; человек в переднике бьет его по руке малярной кистью, револьвер выбит, тычет кистью в лицо, окрашивает его. Маляры хватают ослепленного жандарма, вяжут. Человек сорвал с себя передник, маляры окутывают им голову жандарма.

Из кареты выскакивает Лукин, человек в переднике хватает его за руку, срывает с себя бороду, это — Соколов. Смеясь, они оба прыгают через забор, исчезают.

Маляры опрокидывают воз сена к забору на связанных жандармов, разбегаются в разные стороны, сбрасывая с себя испачканные краской пиджаки и фуражки, вынимая из карманов и надевая другие фуражки, шляпы. Все быстро исчезли.

Три лошади дружески жуют сено; сено бурно шевелится, но это не пугает лошадей.

ЗАБАСТОВКА.

В маленькой комнате у окна сидит Туркин, играя на гитаре. Лицо — унылое. Перестал играть, ходит по комнате, взволнованно жестикулируя, остановился перед зеркалом, рассматривает свое лицо, — недоволен. Послюнив палец, приглаживает мохнатые брови, подкручивает усики; всячески старается придать лицу выражение очаровательное. Вздвигает волосы — лицо становится испуганным. С огорчением плюет на пол. Надел шляпу, уходит.

Внутренность трактира. В углу за столом Бобров и молодой Сомов играют в карты. Подходит отец Сомова, с похмелья, просит на выпивку у сына. Тот вынул из кармана кошелек, дает отцу бумажный рубль, Бобров смотрит неодобрительно. Кузнец отошел к буфету.

Бобров. — Ты что же не работаешь?

Сомов. — Рука болит. Плечо.

¹ Сомов смотрит на часы; он чем-то обеспокоен.

Входит Туркин, садится у окна. Ему подают полубутылку водки, закуску.

Площадь. В дверях лавки Бармина задумчиво стоит Вера. Площадью идет Соня.

Внутри лавки. Вера отпускает Соне сахар, взвешивая его на весах.

Вера. — Что ж, выпустили из тюрьмы возлюбленного твоего?

¹ суета

² Отст[егнули?]

¹ Бобров, усмехаясь:

Соня. — У тебя только глупости на уме.

Вера смеется, поддразнивает Соню, та, оскорбленная, уходит.

Трактир. Сомов бросил карты, торопливо расплачивается с Бобровым, уходит Бобров, пряча деньги в карман, смотрит вслед ему, прищурив глаза, задумчиво.

Площадь. Соню остановил Соколов в рабочем платье, с молотом на плече. Разговаривают. К ним подходит молодой Сомов. Соколов критически осматривает его.

— Гуляешь? До свидания, стрекоза! Соколов идет прочь от них, Сомов спрашивает:

— Куда он?

— Говорить о забастовке, на фабрику.

Идут; Сомов вынимает из кармана горсть орехов, угощает Соню, любезничает с нею, она смеется.

Трактир. Туркин налил рюмку водки, встал¹, показывает рюмку в окно, пьет:

— За ваше здоровье, Вера!

Садится, снова наливает водки.

Берегом реки идет² нищий, старик с котомкой на спине, с палкой в руке.

Двор фабрики, заваленный³ бочками, ящиками, ржавым железом, частями машин. Группа рабочих, человек пятнадцать, среди них кузнец Сомов. Морозов говорит речь, подходит Соколов.

Берег реки. Бобров, с топором в руке, насвистывая, осматривает дно лодки. Мимо него проходит странник, кланяется. Бобров кивнул ему головою, наклонился над лодкой. Вдруг выпрямился и смотрит вслед страннику, что-то припоминая.

Из трактира через площадь идет Туркин, пьяный. На крыльце лавки стоит Вера. Туркин снял шляпу, кланяется ей, пошатнулся.

— Здравствуйте, Верочка! Погубили вы меня, а?

Вера, брезгливо взглянув на него, ушла в лавку.

На площадь выбегают из улицы подростки, рабочие с фабрики кричат:

— Забастовка!

Спешно идет Бобров с топором в руке.

Морозов в лавке, покупает продукты; Вера кокетничает с ним; озабоченный, рассеянный он не замечает этого, уходит. Вера стучит кулаком по прилавку, шепчет в отчаянии и озлоблении:

— Не нравлюсь...

Морозов идет площадью, встречу ему — Туркин, остановился, рычит:

— Р-рр.

Недоумевая, Морозов смотрит на него:

— Что?

Туркин, пошатываясь, размахивает руками, оскалив зубы, рычит:

— Арестант. Ненавижу.

Морозов отстранил его рукою, идет. Вера из двери лавки видит эту сцену.

Сад. Забор. У забора стоят, глядя в щель, Бобров и Анфиса. Бобров, мягко улыбаясь:

— Трудно тебе? Боишься за сына?

Анфиса: — Что делать? Дети хотят жить¹ лучше, чем жили мы.

Под кустами на берегу реки сидит странник, чертит палкой на песке. Около него падает ком земли, он вскочил, оглянулся.

Бобров, держа в руке ком земли, спрашивает Анфису:

— Он?

—² Он. Глаза — его... А это кто идет?

Идет молодой Сомов, из кустов высунулась палка, коснулась его ноги. Сомов, вздрогнув, остановился, видит бородатое лицо странника, ругается, грозит кулаком. Странник улыбается:

— Не узнал?

Сомов испуганно оглядывается.

— Я думал, ты не придешь.

Странник, усмехаясь, говорит:

— Я уж давно здесь люблюсь вами, черти.

Площадь заполнена рабочими. Женщины недовольны забастовкой, ссорятся с мужьями. Соколов, как всегда веселый, уговаривает недовольных, его слушают внимательно. Морозов, стоя на

¹ на

² странник

³ обло[мками?]

¹ иначе

² Ой, не знаю.

чем-то, выше людей, говорит речь. С крыльца лавки им любуются Вера. Идет стороною, осторожно, полицейский Медников.

В улице, выходящей на площадь, Соною остановил Туркин, растрепанный, без шляпы; держит Соною за руку и, дирижируя другою рукой, поет ей песню. На глазах его слезы, он смешон и жалок. Соня вырывается от него, смеясь.

На площади. Бобров и Анфиса торопливо, озабоченно разговаривают с Соколовым. Он слушает их, нахмурясь. Мимо бежит Петя, Соколов остановил его, говорит:

— Устрой сейчас же прогулку в лодках, пригласи Сомова — сына, приезжайте к лесному оврагу, — знаешь, куда? Живо!

Петя убегает. Соколов и Бобров хотят итти, Анфиса удерживает Соколова:

— Что ты хочешь делать?

— Все, что следует, мамаша.

Поспешно уходит.

Медленно идет Анфиса, остановилась, крестится; шепчет:

— Господи, не дай одолеть врагам правды!

У нее слезы на глазах.

Внутри обгоревшей постройки, в углу, молодой Сомов и странник; странник, держа Сомова за плечо, говорит:

— Я иду в город. Утром снова буду здесь. Глади в оба...

Поправляет котомку за плечами, выглядывает на берег реки, уходит.

Бобров и кузнец Сомов. Бобров говорит:

— Выследили шпиона, надо поймать, идем!

— Шпион? Убью!

На выходе из села, среди кустарника, прячутся двое рабочих.

¹ Берегом идет группа рабочих; часть их и Сомов-сын садятся в лодку, остальные трое идут дальше.

За селом идет странник,² подозрительно поглядывая на придорожный кустарник, на платни.

Из кустов выезжает на дорогу лошадь, запряженная в телегу, на телеге двое, один — правит лошадью, другой сидит на задке. Испуганный странник остановился, взмахнул палкой,¹ из кустов выпрыгнули двое людей, накинули на голову странника мешок, повалили его на землю, вяжут.

Лесной овраг. Горит костер. Странник — без шапки, без бороды, это Углов — привязан к дереву. У костра сидят четверо рабочих, молчат, мрачно глядя в огонь. Углов возится, пытается отвязаться. Один из рабочих встал, подошел к нему, смотрит, крепко ли он привязан. Углов спрашивает, искривив лицо усмешкой:

— Что ж вы будете делать со мною?

Рабочий отходит, не ответив, не взглянув на него. Углов медленно опускает голову.

Пришел Соколов, с ним кузнец Сомов, он бросается к шпиону с криком:

— Удавлю!

Его удерживают, он борется. Углов, тоже² извиваясь, кричит:

— Убить вы меня не смеете!

Вздрыгнул, замер, прислушивается; все рабочие тоже слушают, сумрачно переглядываясь, глядя в одну сторону. Соколов схватился за голову, лицо его искажилось.³ Сомов неотрывно смотрит на шпиона, стоя против его.

К костру весело, с песней, подходят трое рабочих, один — с гармоникой в руках. Впереди всех, приплясывая, Сомов. Видит Углова — остолбенел, остановился, на лице — ужас. Рабочие, пришедшие с ним, ничего не понимая, но чувствуя драму, тоже замерли на месте.

Углов, бешено извиваясь, кричит Сомову:

— Подлец, это ты выдал меня! Слушайте — он тоже служит в полиции, не верьте ему...

Соколов говорит, объясняя рабочим в чем дело, указывая на Углова, Сомова. Кузнец, дико вытаращив глаза, смотрит на сына, на Соколова, на суровые лица

¹ Вечер.

² Обогнал какого-то человека, обернулся, смотрит на него, остановился. Человек тоже встал.

¹ на него

² бьется

³ Из кустов

рабочих, опускается на землю, качая головой, рычит.

Молодой Сомов бросился бежать, перескочил через костер, запнулся за ноги отца, упал. Его схватили. Борьба.

Сомов-отец, схватив толстый сук, с размаха бьет по голове шпиона, Углов осел к земле, повис на веревках.

Соколов вырвал сук у Сомова, кузнец бросается на Соколова, — у него припадок буйного помешательства; страшный, с пеной у рта, он вырывается из рук рабочих и все смотрит на шпиона. Кузнеца связали, положили на землю, он извивается.

Сомов-сын в ужасе смотрит на муки отца, вырвался из рук рабочего, который держал его, упал на колени:

— Не убивайте меня...

Рабочие, стоя тесной группой, тихо совещаются, никто из них не смотрит на Сомова. Бородатый рабочий подошел к Углову, пощупал его, с отчаянием, безнадежно махнул рукою.

Костер горит все более слабо, почти погас. Сомов-сын падает лицом в землю, отец все возится на земле. Неподвижно стоит, совещаюсь, группа рабочих.

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ.

Площадь. Всюду стоят небольшие группы рабочих; некоторые сидят на крыльце трактира, сидят и лежат на земле, под заборами. Едет патруль казаков, разгоняет группы, взмахивая нагайками.

На крыльце лавки Бармина Вера разговаривает с казачьим офицером. Тут же, у крыльца, сидит, жует соломинку Туркин; костюм измят, лицо опухшее, унылое. Рядом с ним Бобров, наигрывает на балалайке, прислушиваясь к беседе Веры с казаком.

Дом сельского правления, занятый жандармами. У крыльца — часовые, солдаты.

С крыльца сходит полицейский Медников, щека у него подвязана, болят зубы. За ним двое полицейских ведут кузнеца Сомова, руки его связаны за спиною, лицо — бессмысленное, безумное.

Бежит Петя; подбежал к группе рабочих:

— Морозова арестовали. И весь стачечный комитет...

Среди рабочих — волнение; Петю окружают человек двадцать.

Солдаты и жандармы выводят на площадь Морозова и еще пятерых рабочих. Вера испуганно смотрит с крыльца, офицер, смеясь, указывает ей на арестованных, тронул коня, отъезжает.

Из улицы, вслед арестованным, идет толпа рабочих, настроенная бурно. Анфиса. К ней подходят рабочие, выражая сочувствие. Она говорит:

— Он сам выбрал эту дорогу.

К толпе подбегает Вера и с большою силой говорит рабочим:

— Что же вы не защищаете защитников ваших? Вас — тысячи.

Ее неожиданное вмешательство сначала вызывает недоверие и насмешки рабочих, но скоро зажигает в них чувство протеста. Толпа увеличивается, волнение все сильнее.

Двое жандармов ведут¹ Соколова, везлого, как всегда. Толпа преграждает им дорогу. Вера кричит, указывая на Соколова:

— И этого взяли! Не стыдно вам?

Соколов остановился, удивленно смотрит на Веру, жандармы грубо толкают его, он упал, катится под ноги рабочих. Поняв его намерение, рабочие сгружаются теснее вокруг жандармов, стискивая их так, чтоб они не могли действовать оружием.

В то же время толпа, расступаясь, открывает дорогу Соколову, он, согнувшись и на четвереньках, бежит к воротам дома, возбуждая сдержанный смех рабочих; они двигаются вместе с ним, прикрывая его. Анфиса, схватив Соколова за руку, увлекает его за собою во двор дома.

Кто-то поднял Веру на руки, посадил ее на плечо себе, и она, возвышаясь над толпою, говорит, указывая на дом, занятый жандармами.

Скачут пятеро казаков, врезались в толпу, бьют людей нагайками, но быстро исчезают, сорванные с лошадей.

¹ арестованного?

Из толпы выскочила испуганная лошадь, мчится прочь. Бобров бьет ее по крупу балалайкой, балалайка сломалась, Бобров смотрит с досадой на гриф, оставшийся в руке его.

Комната Анфисы; быстро переодевается Соколов; Анфиса, помогая ему, торопит:

— Скорей! Беги. Лесом...¹

Из окна дома жандармский и казачий офицеры стреляют в толпу, рабочие бросают в них камнями, палками; вышибли револьвер из руки офицера.

Лавочник Бармин торопливо запирает двери лавки.

Со стороны фабрики бежит отряд солдат, впереди — унтер-офицер с обнаженной шашкой. Припадая на колено, солдаты стреляют.

С другой стороны на площадь выскочило человек десять казаков, они бьют людей шашками плашмя.

Толпа мечется по площади, тает, люди прыгают через заборы, скрываются во дворах домов.

На крыше лавки — Бармин, сидит верхом на коньке, размахивая руками, как бесноватый, кричит:

— Бей, бей!

Быстро бежит Анфиса, увлекая за собою Соню; Соня прихрамывает, лицо ее искажено болью. Подбежал Бобров, помогает Анфисе.

Бобров. — Ранили?

Соня. — Ушибли.

Пьяный Туркин, стоя на крыльце трактира, поет. Вдруг что-то увидел, бежит с лестницы.

² Площадь опустела; в разных местах ее лежат убитые: четыре трупа мужчин, женщина, мальчик. Ползет человек с перебитой ногою.

Вера хочет подняться с земли и не может. К ней подбежал Туркин...

Бармин смотрит с крыши, наклонясь, рискуя упасть, кричит, ползет по крыше, скрывается...

Солдаты, казаки, жандармы столпились пред крыльцом дома, затылками на площадь. Жандармский офицер, стоя на крыльце, говорит им что-то, они строятся. В окне — казачий офицер, угрюмый, мундир изорван, в пыли.

Бежит Бармин, спотыкаясь; отталкивает Туркина, поднимает с земли дочь, хочет увести ее; она стоит, глядя в окно дома, куда увели Морозова. Она — ранена. Едва держится на ногах. Туркин, сидя на земле, смотрит на нее глазами преданной собаки, лицо его в пьяных слезах. Бьет себя в грудь руками, что-то говорит.

Из дома выводят арестованных рабочих во главе с Морозовым. Их тесно окружает конвой солдат.

Поравнявшись с Верой, Морозов вздрогнул, приостановился, снял фуражку, Вера улыбается ему, протянув руку, почти падая. Бармин грозит арестованным кулаком. Туркина оттолкнули, опрокинули солдаты; он встает на ноги, идет в цепь конвоя:

— Арестуйте.

Конвойные отталкивают его, толкают Морозова; он все-таки успел пожать руку Веры. Идут дальше. Рабочие снимают шапки, видя убитых.

Вера смотрит вслед им, медленно идя с отцом к лавке, страдальчески улыбается.

Дом, где жил Морозов. У ворот стоит Анфиса, в окне лица Сони и Пети.

Бедут арестованных. Анфиса низко кланяется им. Соня высунулась из окна, кричит:

— До свидания, милые!

Один из конвойных, ругаясь, прицеливается в нее, она ¹ исчезает.

Анфиса стоит у ворот, глядя вдаль. Подошел Бобров.

— Что, мать?

Бобров гладит ее плечо, она уклоняется от его ласки, глядя вдаль.

¹ иди...

² На площади лежат

¹ показала ему язык, сделала гримасу

Хмурое утро*

РОМАН

Третья часть «Хождения по мукам»

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Книга первая

★

ГЛАВА ВТОРАЯ¹

1

Вадим Петрович Рошин проснулся поздно в дрянной гостиничной комнате, с грязным окном, занавешенным пожелтевшей газетой, на коротенькой койке, под тощим одеялом. Поезд уходил поздно ночью. Предстоял пустой день. В папиросной коробке оставалась одна папироса. Он помял ее, закурил и стал смотреть на свою руку с гусиной кожей, с глянцевитым шрамом около локтя. Поиски Кати ни к чему не привели, Кати он не нашел. Отпуск кончился, надо было возвращаться на Кубань, в полк.

Через двое суток он вылезет из вагона, сядет в бричку, поедет степью, не заговаривая с нижним чином на козлах. В станице, на широкой улице, колеса брички завязнут в колеях, полных уже бесплодной в ноябре дождевой воды. Он вылезет прямо в грязь, прикажет нижнему чину отнести чемодан в хату и зашагает к станичному управлению, в

* См. роман «18-й год». Рошин, у которого уже давно начался внутренний разлад, взяв отпуск, поехал к жене, Екатерине Дмитриевне, в Ростов. Там он узнал, что Катя получила ложное известие о его смерти и уехала в Екатеринослав. Он бросился на ее поиски. Катя не доехала до Екатеринослава: по пути поезд был захвачен махновцами, и пассажиры, в том числе Катя, уведены в штаб Махно.

Автор

¹ Продолжение. См. «Новый мир», № 4—5, 1940 г.

штаб, к командиру полка, генерал-майору Шведе. Он застанет этого выхолен-ного дурака за чтением стихов симво-листов: «Огненный круг» Сологуба или «Жемчуга» Гумилева, две книжки, взя-тые из той жизни. После рапорта Вадим Петрович примет взвод. Может быть, получит роту. Начнется однообразное: строевые занятия, посещение офицерско-го собрания, где его будут расспраши-вать о девочках, о кутежах, острить по поводу его худобы, седых волос и мрач-ного вида. По вечерам — шаганье из угла в угол у себя в хате. В десять час-сов денщик будет молча стаскивать с него сапоги... Это — одна вероятность, а другая — если полк на фронте, в боях...

Ему представилась та же мертвая степь с грядами северных туч, печные трубы среди пожарища, завязшие в гря-зи телеги с ранеными, дохлые лошади и — крайняя черта этой степи: окол с людьми, валяющимися среди кала и окровавленных тряпок... И еще он пред-ставил себя профессиональным бодря-ком, легендарным фаталистом, показыва-ющим пример холодной ненависти, кото-рой у него нет, которой у него давно больше нет. В нем только брезгливость и тошнота при мысли о людях.

Он приподнялся на койке, стараясь застегнуть пуговку на сорочке, потянул-ся в поисках табаку за штанами, свалившимися на пол, и лег опять, закинув руки.

«Все-таки с таким настроением нель-зя» — проговорил он тихо, и этот не

его голос ему не понравился, гадливость поднялась в нем к тому, как он это проговорил... «Почему нельзя? Чего это «все-таки» нельзя? Все можно! Вплоть до ременного пояса, — одним концом — к дверной ручке, другим — за шею... Давай, Рошин, по-честному... Экий ты чистоплюй... Такая же сволочь, как все».

И он зло и мстительно стал вспоминать тысячи встреч здесь, в Екатеринославе... Женщин со следами эвакуаций на лицах и с жалкими остатками неприступности, бегающих по гостиницам с предложением бриллиантовой броши, потрепанного бального туалета, разных вещей, «дорогих по воспоминаниям»; генералов, которые похлопывают по спине, — называя батенькой, — иссиня бритых, сочащихся здоровьем, бешено развязных знатоков по продаже и покупке железнодорожных накладных на казенные товары; промогласных помещиков, спугнутых из своих усадеб, — они теснились в номерах вместе со своими.bestолксвыми помещицами и длинными, веснушчатыми, разочарованными дочерьми, перехватывая деньжонки, — полнокровно кушали в ресторане, где учили поваров готовить невиданные блюда, называли революцию заварухой и, в общем, коротали время среди самых радужных надежд, не покидавших российский дворянство даже в самые затруднительные времена; он вспоминал в вестибюле гостиницы всякий люд, с чрезвычайной быстротой потерявший общественную устойчивость, — лишь по гербовым пуговицам да фуражкам можно было догадаться: это — прокурор и, видишь ты, вцепился в какого-то нахального мальчишку, счастливого спекулянта, сядься всучить ему браслет-часы; а этот — начальник департамента акцизных сборов, седой, кашляющий, с палочкой, — он, видимо, разбазарил уже свои ценности и с завистью поглядывает на богатые сделки, на мелькающие руки, в которых шевелятся кредитки...

Пронзительные спекулянты, в шевиотовых шаркарых костюмах, влетают сквозь парадные двери, вертят пальцами и глазами, сбиваются в кучки, нервно шепчутся и уносятся снова на улицу,

как крылатые Гермесы, боги торговли и удачи. В вестибюле можно узнать о продвижении казенных грузов, о затерявшейся на узловых станциях цистерне с машинным маслом, о курсе доллара, вскакивающего и падающего по нескольку раз в день в прямой зависимости от французских или германских контратак на Западном фронте. Но это уже — дела серьезные... Мелкие спекулянты в вестибюле раздаются в стороны, прыгающие от возбуждения глаза их устремляются на «большого» человека...

Степенно и неспеша он входит в очень длинное пальто, в картузике или в бархатной шляпе на затылке, в руке зонтик, борода его от подбородка залоснена к шее, от этой неприкосновенной бороды можно лишь — для сосредоточия умственной деятельности — отделить пальцами один волосок и покрутить. Глаза его отражают напряженную духовную жизнь, отрешенную от мелочей, ибо он — мыслитель; он сопоставляет, ищет и находит те категории, которые обуславливают падение или подъем концентратов мировой энергии, то есть твердой валюты...

Здесь, в вестибюле и на улицах близ гостиницы, происходит игра. Официально гетманскими властями и германским оккупационным командованием она запрещена. Игроки находятся в постоянном движении на тротуаре — от дверей гостиницы до ближайшего перекрестка. При помощи пристально устремленных глаз, движения пальцев и нескольких слов они продают и покупают. Ни у кого из них валюты нет, она спрятана, и, вообще, количество ее в городе неизвестно. Играют на разницу курса и рассчитываются гетманскими карбованцами. В минуту создаются состояния, в минуту богат становится нищим. Счастливцев идет с прихлебателями в кафе — кушать пирожное с желудевым кофе, неудачник, шатаясь, бредет по бульвару, и ноябрьский ветер, метущий бумажки и опавшие листья, подхватывает пыльные полы его длинного пальто.

Люди, населяющие эту гостиницу, скопляющиеся на тротуарах, в табачных лавчонках, кафе, шашлычных, торгую-

щие и объегоривающие друг друга, были частью шумного, прожорливого стада, которое мычало и орало по всем отбитым у революции городам, где ему не мешали жрать, пить, совокупляться, жульничать и спекулировать... Это стадо надо было оберегать штыками и пушками, отвоевывать для него новые города, восстанавливать для него очищенную от большевистской скверны великую, единую, неделимую Россию...

«Пошлость, пошлость и ложь! — снова вслух проговорил Вадим Петрович. — Ну-с, а если дезертировать?»

И он стал размышлять, в первый раз за свою жизнь отпустив моральные вожжи, с острым наслаждением открывая в себе залежи подлости и низости... Он даже посмеивался со стиснутыми зубами. Мысли его были, как неожиданное творчество, как первый грех...

«Во имя каких таких святых проколесил ты, голубчик, по жизни на натянутых вожжах? Считал себя порядочным человеком, принадлежал к порядочному обществу, даже ушел из полка в университет, чтобы расширить умственный кругозор... В юности тебе казалось, что ты похож на Андрея Болконского. Нравственный импульс доставлял тебе удовлетворение, и этого было вполне достаточно: ты чувствовал себя чистоплотным. От всего сомнительного и нечистого ты воротил нос, как от помойной ямы. У тебя было всего только три связи с замужними женщинами, и ты порвал с этими бабами на высоте самых утонченных отношений, когда взволнованное любопытство начинало сменяться сочно привычными поцелуями... И вот — общий итог: куда же привела тебя безупречная жизнь с гордо поднятой головой? Пожарище! От человека — одна обгорелая печная труба!»

Подведя такой итог, Вадим Петрович методично начал обдумывать возможности дезертирства. Бежать за границу? Весь мир охвачен войной. Повсюду сыщики ищут подозрительных иностранцев — в гостиницах, кафе и ресторанах, везут в тюрьмы и там вешают... Во всем мире бодрыми ребятами грузятся транспорты... «Тру-ля-ля, — орут ребята, — поскорее всыпем свиньям немцам и вер-

немся к веселым подружкам...» В океанах их торпедируют, и веселые ребята барахтаются в ледяной воде вокруг масляного пятна... В Европе колонны молодых людей, в защитной одежде, сшитой, как на покойника, густыми цепями в безнадежном отчаянии покорно идут на пулеметы, на бомбометы, на минометы, на огнеметы, — огонь спереди, огонь сзади. Поездка за границу отпадает... Можно пробраться в Одессу, достать липовый паспорт и — в шашлычную — половым... Но кто-нибудь: «Ба, ба, ба, — удивится, — да никак это — Рошин, что же это вы, батенька?» Спекулировать по мелочам или даже — воровать? Нужен запас большой жизнерадостности... Сутенером? Стар... «Ну, хорошо, предположим — просуществую как-нибудь до окончательной победы: социалисты перевешаны, мужичье перепорото, англичане нас простили, с виноватым видом начинаем за Волгой собирать армию — колотить немцев. Оружие роздали, и в один ненастный день солдаты запарывает господ офицеров, героев ледяного похода, и сказка начинается сначала. Бедная моя Катя, так и не найденная, где-нибудь на вокзале с выбитыми окнами, среди спящих, бредящих и мертвых, позовет в последний раз: «Вадим, Вадим...» Итак, есть еще возможность: повеситься, немедленно... Страшно? Нисколько... Противно делать усилие над собой...»

Руки его были, как лед, он затылком чувствовал их холод. Никакого решения он принять не мог. И будто маленькие человечки, бегающие по нему, как мухи, растаскивали его волю, его душу... Когда стемнеет, он встанет, наденет штаны, пойдет пешком на вокзал и, наверное, даже папирос купит на дорогу... И будет жить, — такого и шашка не тронет, и пуля не шлепнет, и тифозная вошь не укусит...

★

За стеной, там, где была дверь, заставленная комодом, уже давно торопливо спорили два сердитых мужских голоса. Один все начинал фразу: «Слушайте, господин Паприкаки, если бы я был бог...» Но другой не давал ему догова-

ривать: «Слушайте, Габель, вы не бог, вы идиот! Надо сойти с ума — за полчаса до выхода газеты покупать акции Крупп Штальверке...» — «Слушайте, я же не бог...» — «Слушайте, Габель, у вас нехватит потрохов, чтобы погасить мои убытки, вы — труп...»

Фразы эти насильно лезли в уши Вадима Петровича. «Вот чорт, — подумал он, — хорошо бы выстрелить в дверь...» Затем за другой дверью, ведущей в гостиничный коридор, началась беготня и взволнованные голоса... «Надо же доктора...» — «При чем тут доктор, — он уже коченеет...» — «А что такое, как это случилось?» — «Как случилось, так и случилось, вам-то не все равно...»

Голоса затихли, послышался звон шпор.

— Господин вартовой начальник, простите, пожалуйста, — правда, что он племянник австрийского императора?

— Правда, все правда... Ну-ка, господа, очистите коридор.

И потом, уже у самой двери, — двое — вполголоса:

— Никакое это не самоубийство, его застрелил его же адъютант, большевик.

— То-есть, как это, — австрийский офицер и — большевик?

— А вы думали! Они — всюду... Не то что Вена, — Берлин со вчерашнего дня у них в руках...

— Боже мой, боже мой, это у меня не помещается...

— Да-с, бежать надо...

— Куда теперь бежать?

— А чорт его знает — на какие-нибудь острва...

— Правильно... Вчера рассказывали — в Голландской Индонезии острова с хлебными деревьями, каждый день прилив выбрасывает устрицы и ракушки... Одежды никакой, листовые передники... Но как туда добраться?

Затем, без стука, в комнату вскочил мальчик, чистильщик сапог при гостинице, — с приплюснутым носом и веселым ртом — от уха до уха...

— Экстренный выпуск, революция в Германии... Пассажир, платите три карбонца...

Он бросил газету на грудь Рошину, не замечая открытых страшных глаз

этого пассажира, ни его мертвенного лица...

— Деньги беру на подоконнике. Пассажир, почитайте газету...

Он выскочил из комнаты. Сердце у Вадима Петровича истерически билось, но еще долго на груди у него неразвернутым лежал желтый, бледно напечатанный газетный листок... Революция в Германии!.. Солдаты на крышах вагонов, разбитые вокзалы, толпы, поющие дикими голосами, ораторы, выкрикивающие с подножия памятников, молотя кулаками воздух: свобода, свобода! Как будто свобода заменит им хлеб, родину, чувство долга и размеренный покой веками слаженного государства? Революция, — замусоренные города, растрепанные девки на бульварах... И тоска, тоска человека, глядящего из окна на вылинявшие крыши города, где больше не оставалось тайн... Даже солнце поднялось недостижимо высоко... Тоска человека, с такими усилиями пытавшегося пронести через жизнь самого себя, свою независимость, свою гордость, свою печаль.

Вадим Петрович понял наконец, что разговаривает вслух. Это уже было похоже на бред с открытыми глазами, с холодеющим разумом. Он развернул газетный листок. Во всю полосу, большими буквами шло сообщение о начавшейся революции в Германии. Она разразилась в момент переговоров о перемирии в Компьенском лесу, в поезде генерала Вейгана, стоящего на артиллерийском тупике, куда явились германские уполномоченные. Они спросили — каковы будут французские предложения? Генерал, не приглашая их сесть, не подавая руки, с холодной яростью ответил: «У меня нет никаких предложений... Германия должна быть брошена на колени». В тот же день правители, которые привели Германию к позору, были свергнуты. В Берлине образовался Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Император Вильгельм тайно покинул ставку в Спа и бежал в Голландию...

Через несколько минут Вадим Петрович, одетый, в шинели, туго перетянутой ремнем, в фуражке, еще раз перечел

газету, стоя у окна. Сунул в карман мягкие кредитные бумажки и вышел на улицу.

★

Он увидел: мимо гостиницы шел плотный человек, как будто вылезший из скафандра — с большой глубины: багровое лицо было раздуто, глаза лезли из орбит; шевеля толстыми губами, обметанными коркой, он повторял: «Продаю Крупп Штальверке. продаю, продаю...» Он перекачивал глаза на проходящих, с сумасшедшей надеждой — найти дурака, еще большего, чем он...

Его начали толкать и оттиснули к стене австрийские солдаты, они шли нестройными кучками, перекинув винтовки за спину, — дулом вниз... Это был один из знаков революции, — сразу же, в первый же свой день отказывающейся от человекоубийства... Сбоку этой толпы по тротуару шагал тоненький офицер с шелковистыми юношескими усиками; изящное лицо его, напряженное до страдания, было надменно поднято, на левом погоне — красный бант. Этому мальчику, выпущенному в полк в военное время, не удалось, должно быть, пошататься в новеньком мундире, волоча металлические ножны сабли по тротуарам веселой Вены, где женщины так очаровательно беспечны. Выпало на долю — по молодости лет и добродушию — быть выбранным в солдатский комитет, и вот он ведет свою роту на вокзал, эвакуироваться, сквозь фланговый огонь злорадствующих, насмешливых взглядов... А в Вене — хаос, голод, рабочие строят баррикады...

Рошин долго глядел вслед этим гордым европейцам. У него тоже поднималось злорадство: «Недолго погостили на Украине, поели гусей и сала... Брест-то, видно, вышел боком...» Но он сейчас же насупила: «А тебе что в том? Потирают руки в Москве. А ты ступай в воюющий окоп, к своим контрреволюционерам...» И он сильнее насупила от того, что в первый раз, да еще так спокойно, цинично произнес это слово... Именно в этом слове таилась причина всей его душевной разодранности и чувство от-

вращения и обреченности... Катя была прозорливее его, когда сказала в час их бешеной ссоры в Ростове: «Если ты веришь всей силой души в справедливость твоего дела, тогда иди и убивай...» По всем традиционным понятиям честного и уважающего себя интеллигента контрреволюционер значит — подлец и негодяй... Вот и живи теперь с этим...

Засунув руки в карманы шинели, он побрел вверх по широкой улице, перерезывающей из конца в конец город. И походка у него была, как у негодяя и подлеца: шаркающая, рыхлая. Проходя мимо парикмахерской, он невольно взглянул на себя в узкое зеркало сбоку двери: ему зло и криво усмехнулось его лицо трупного цвета. Он зашел в голяню, не снимая шинели, сел в кресло: «Побрить!» Здесь тоже все внушало ему отвращение — и низенькое, теплое помещение, оклеенное отставшими от стен дешевыми обоями, и сам парикмахер с гребенкой в черных волосах, полных перхоти, с грязными, нежными руками, пахнущими сладкой гадостью...

Взбивая пену и не торопясь намыливать Вадиму Петровичу щеки, он сказал:

— Мало у жинки забот, — завела себе поросю... Воевали четыре года, теперь у них революция... О чем они думали, почему не спросили меня? — Он раскрыл бритву и ожесточенно начал точить ее. — Большая политика и наше маленькое, тихое дело, — желаю вам иметь разницу. — Горячей пеной он начал намыливать Вадиму Петровичу щеки. — Сегодня вы у меня первый клиент. Люди сходят с ума. Если император Вильгельм убежал в Голландию, почему в нашем городе никто уже не хочет бриться? Я вам скажу почему. Они все боятся большевиков, они боятся махновцев, они все хотят отрастить себе щетину и походить на пролетариев. — Он с хрустом повел лезвием по щеке. — Извиняюсь, вы не любите — когда берут за кончик носа? Есть, которые это просят. Я учился подмастерьем в Курске, наш мастер работал по-старинке, — засовывал палец в рот клиенту, а для благородных держал огурцы. С паль-

цем — десять, с огурцом — двенадцать, — не плохие были деньги. Вас буду брить еще раз, — времени хватит. Вот, только перед вами заходил один сумасшедший. Вы знаете Паприкаки? Наш крупный финансист. У него расстроены нервы, его невозможно брить, у него сыпь на щеках, страшная боль даже коснуться кисточкой. Сегодня у него, слава богу, высыпало уже по всему телу. Так он меня утешил: немцы собираются уходить из Украины, под Белгородом уже начали наступать большевики, а в Белой Церкви объявилось новое украинское правительство: Директория. Рада была, Советы были, гетман был, Директория еще не было. Во главе — Петлюра и Винниченко. Оба в шестнадцатом, в Киеве, были моими клиентами. Петлюра — бухгалтер, служил в Земском союзе мелким чиновником. А Винниченко — писатель, мы ходили на его пьесы, — ничего особенного: одна женщина, представьте, обманывает живописца, он крупно с ней разговаривает, а тут к ней подкатился любовник, и эта дамочка устраивается с ним рядом в комнате. Живописец — войти к ним, представьте, не может — разогнать-то их и бросить эту стерву не хочет, и он грызет себе руку, чтобы сухожилие перекусить, стать инвалидом, назло этой женщине. Брил я Винниченко, у него лицо дряблое, пористое... Паприкаки говорит: Директория выпустила уже универсал, призывает хлеборобов свергнуть гетмана Скоропадского... Да, нехватало гетману забот!.. — Побрив во второй раз щеки Вадиму Петровичу, он неодобрительно прищурился на его отросшие седые волосы. — Позвольте вам подстричь а ля бокс, если желаете, осталось у меня немного заграничной краски — вороньего крыла? Кому это нужно — седая мочала? («Побрейте голову» — сквозь зубы сказал Рощин.) Слушаюсь... — И он защелкал около своего уха ножницами, будто набирая скорость. — Знаете, господин капитан, одна моя мечта: есть же на свете где-нибудь тихий городок, ну, хоть самый захолустный, с керосиновыми фонарями... Много ли нужно? Десяток клиентов. Работу кончил, трубочку за-

курил и сиди у дверей. Тишина, покой, мирные старички проходят, — встанешь, поклонись, и они тебе поклонятся. Потолкуешь о том, о сем, зевнул, почесался и — на перину. О маленьких людях, господин капитан, никто сейчас не думает, — скинуты со счета. А нас нет, — вот мочала у вас и растет. Взгляните, — какими пришли и что я из вас сделал: картинка!

Рощин глядел на себя в зеркало. Лоснящийся череп был хорошей вместительной формы — для благородных и высоких мыслей. Лицо — узкое, с изящным переходом от едва выступающих скул к подбородку, не слишком выдающемуся, но и не безвольному. Темные, сдвинутые у переносицы, брови капризно разлетались на висках, смягчая строгость умных небольших глаз, кажущихся черными от расширенных зрачков. Это лицо можно было любить. Человек с таким лицом годен не только на удобрение. Пожалуй, рот портил все дело. Можно солгать глазами, глаза живы и скрытны, но рот не поддается маскировке... Видишь ты, — никакой формы, ни одного мускула, весь в движении, как слизняк... Чорт знает что такое! До Фауста не дотянул, голубчик...

Вадим Петрович поднялся, надвинул походную, грязную простреленную фуражку — несколько набок, щедро расплатился и вышел... Решения все еще у него не было никакого. Но он уже не чувствовал дряни в ногах, не цеплялся носками сапог за булыжник. Вот что значит — побывать у парикмахера! Капелька любви к себе просочилась в мутное отчаяние его души.

В окнах зажигался свет. Шумел ветер в голых тополях, уходящих вершинами в сумрак. Между стволами их — на другой стороне улицы — яркая лампочка нагло вспыхнула над размалеванной дверью ресторана-кабаре Би Ба Бо... Этот кабак славился любительскими шашлыками. При мысли об еде у Вадима Петровича слипся желудок, — со вчерашнего дня он не ел. Это было мучнее, мужественное чувство голода, оно возникло и заслонило всю психологическую дребедень. Рощин решительно свернул к освещенной двери. От дерева

быстро отделилось, пытаясь преградить дорогу, существо в белой юбке и уже вслед пропищало умоляюще: «Офисерик, я вам справлю удовольствие...»

★

Это было низкое, длинное помещение, не так давно размалеванное бежавшим из Петрограда знаменитым левым художником Валетом. Потолок в Би Ба Бо был черный, с большими звездами из серебряной бумаги. По черным стенам как бы неслись, подхваченные ураганом, желтые, оранжевые, кирпичные призраки с растопыренными ногами и руками, — угловатые схемы мужчин и женщин. Для кабака эта стенная живопись была слишком серьезна: ужас, а уже никак не чувственность, гнал по стенам это оголенное стадо. Капиталист, вложивший деньги в это предприятие — тот же Паприкаки — сказал однажды: «Вырвите мне ноги из туловища, если я понимаю эту мазню, меня от нее тошнит, а публике нравится...»

Рошин пообедал и пил вино. Поезд уходил в четыре утра, — он решил пробыть здесь до трех, а там будет видно... Ему было тепло, в голове слегка шумело. Официант, — татарин из московского невозвратного Яра, старый знакомый, — часто подходил, брал из ведра бутылку и, нагнувшись, наливая, говорил:

— Извините, Вадим Петрович, я все к вам пристаю... Вспомнишь Москву... Эх! Видите, как здесь живем. Во сне даже снится эта шушера...

Несмотря на тревожное настроение в городе, где на окраинах и в темноте переулков раздавались одиночные выстрелы и конные гетманские стражники, проезжая вверх к губернаторскому дворцу, старались их не слышать, несмотря на панику сегодняшней черной биржи, ресторан был полон. Кабаре еще не началось. На маленькой сцене сидел у пианино длинный молодой человек с вытянутой шеей, толщиной в руку, с растущими дыбом негритянскими волосами, съехавшими на затылок. Он играл по-пури из опереток.

Вокруг столика Рошина было шумно и пьяно. Несколько помещиков, не вы-

держав томления у себя в номере среди разочарованных дочерей, встряхивались здесь за графином водки.

— Уверю вас, — кричал один с холеными щеками, — немцам теперь капут! К новому году английский экспедиционный корпус будет в Москве. Будем пить скоч-виски. Нет хуже без добра! — Разинув рот с отличными зубами, добряк хохотал. — Получается: ура германской революции!

Другой, изысканно тощий, с глазами насмешливо мерцающими из глубины пепельных впадин, поднял руку, прося внимания:

— Лорд канцлер в палате лордов сидит, как известно, на мешке с шерстью... А симбирское дворянство гордилось, что у них в собрании на дворе стоит мраморный столп — в утверждение того, что с господами столбовыми дворянами во веки-веков ничего неприятного не случится... А посему беспечально дремали под сенью допухов... История российского дворянства кончена, — мешка с шерстью нам нехватало... Равно, как история матушки России кончена, господа... Повесть о городе Глупове прочитана, и книжку швырнули в угол. И случилось это не в грозу и бурю, как сказал один умнейший человек, а в простой понедельник, — бог плюнул и задул свечку... Еще в четырнадцатом году я продал землицку, и с тех пор — гражданин вселенной... Так-то вернее...

— Вам хорошо, батенька, вы Оксфордский университет кончили, а куда я с тремя моими девками денусь? Куда? — Румяный добряк засопел и потянулся за графином. — А насчет конца России тоже не согласен, это у вас английская отрыжка-с... В приказчики пойду, в подрядчики пойду, сам буду пахать на трех десятинах, а в Россию верю. — Он налил и сейчас же грузно повернулся к третьему собеседнику: — Куда я их дену? Выросли три коломенские версты, слезливы, конопаты, плоскогруды, — тургеневские барышни, это в наш-то век! Мать во всем виновата, да и я тоже виноват, каюсь. Старшая хотела на Бестужевские курсы, — отговорили, к тому же ленива... Младшая увлекалась театром, и была бы, скажу

я вам, первокласснейшей актрисой... С большого ума отговорили, даже грозили... Словом, — домострой, в наш-то век!.. А все от недомыслия... Англичанин на три года вперед видит, сидя на мешке с шерстью, это правильно... А мы, так сказать, мыслили по круговращению времен года. — Выпив, потряся щеками, он неожиданно добавил: — А в общем — не пропадем...

Третий собеседник был уже настолько пьян, что только скрипел зубами и ел цветы, — мелкие астры, — отрывая их от горшка на столе. Он ничего не слушал, не сводя мутных глаз с соседнего столика, где сидели очень хорошенькая девушка с большим невинным узлом пепельных волос и крупный молодой человек в полувоенной гимнастерке. Подперев щеку, не обращая ни на кого внимания, будто здесь, действительно, были одни призраки, он молча плакал. Девушка, жалобно морща круглое синеглазое лицо, гладила его руку, брала ее и целовала, близко наклоняясь, — торопливо, испуганно шептала ему. Он медленно покачивал крупным лицом. Рошин услышал его тусклый, неживой голос, каким бормочут во сне:

— Оставь, Зина, оставь меня... Я ничего больше не хочу, ни тебя, ни себя...

Он мог бы и не говорить дальше, — и без того было понятно, чем кончится эта ночь для молодого человека... Девушка чем-то напоминала Катю, не лицом, — тихой ласковостью движений... Тоже кончит жизнь где-нибудь среди сыпнотифозных на узловой станции... Их заслонили двое мальчишек, торопливо присевших за освободившийся столик. У обоих — подстриженные челки до бровей, гнилые зубы, на грязных пальцах бриллианты...

— Я как урежу Машку железной палкой, — хвастался один другому, — как зачал ее топтать, аж кости у нее захрустели, у стервы...

— Господин капитан, позвольте занять место за вашим столиком?

Рошин молча кивнул. За его столик сел человек в никелированных очках, подбирая под стул громоздкие ноги. На нем был зелено-серый тесный мундир

германского ландштурмиста. С трудом выговаривая русские слова, он сказал официанту:

— Пожалуйста, покушать немножко, я не кушал очень давно, — и пива, пива! — Он раздул худые щеки, показывая, как он напьется пива, засмеялся, затем с некоторым изумлением взглянул голубыми, как у галки, безбурными глазами на угрюмого Рошина:—Господин капитан говорит по-немецки?

— Говорю.

— Если я вам мешаю, — я охотно поищу другой столик.

— Вы мне не мешаете.

Рошин на этот раз ответил мягче. У ландштурмиста было одно из тех немецких лиц, — узкое, со слегка проваленным маленьким ртом, — которое до старости сохраняет детское выражение и нежный румянец. Острый нос его был приподнят, словно от благожелательного любопытства к каждому человеку.

— Прежде нам, солдатам, не разрешалось бывать в ресторанах, — сказал он, — со вчерашнего дня немецкая дисциплина стала более разумной.

Рошин криво усмехнулся. Ландштурмист поспешил уточнить свою мысль, подняв по-профессорски палец с твердым ногтем:

— Дисциплина должна быть разумной, тогда она есть форма общественно-порядка и необходимое условие развития. Такая разумная дисциплина рождается из глубоких социальных движений. Но если это не так, если она только одно из орудий принуждения, тогда мы ее не будем называть дисциплиной...

Он весело кивнул, оканчивая эту свою, несколько туманную, мысль.

— Эвакуируетесь в Германию? — спросил Рошин.

— Да. Наша воинская часть избрала комитет, и он вынес решение, к счастью, — хотя это было сопряжено с борьбой, — чисто принципиальное.

— Ну, что ж, по-русски говорится: скатертью дорога.

— Я неплохо изучил русский язык, я знаю, — когда говорят: «скатертью дорога», это значит: «убирайся ко всем чертям»...

— А хотя бы и так... Вы, кажется, умный человек: чего же нам притворяться? Врагами были, врагами и расстались...

— Так, так, — подумав и покачав головой, сказал ландштурмист, — с моей стороны было бы напрасно и даже бесцельно опровергать это.

И он опять улыбнулся тонкими губами, окончивая и эту тему. Ему принесли еду и пиво. Он извинился, что на некоторое время выключится из беседы, и принялся за шашлык, не спеша, с каким-то даже благоговением пережевывая кусочки мяса, пшеничного хлеба и поджаренных помидоров.

— Вкусно, — сказал он, чувствуя, что Рошин не сводит с него злых, темных глаз. Он съел все до крошки, корочкой вычистил тарелку и корочку положил в рот. Полузакрыв веки, вытянул большой стакан холодного пива. — Немцы к еде относятся очень серьезно. Немцы много голодали, и предстоит еще много голодать, прежде чем будет окончательно разрешена проблема еды. — И опять его длинный палец полез вверх. — На заре истории, когда человечество переходило от первобытного собирания даров природы к насильственному вторжению в природу, еда стала результатом трудного и опасного процесса добывания ее. Еда стала священным актом. Пожрать — значит завладеть чужой жизнью, чужой силой. Отсюда происходят представления о возможности заклятия природы, то-есть магия... Магический ритуал еды ложится в основу всех мистических культов. Едят тело бога... У меня записана интересная беседа с одним русским ученым о происхождении блинов. Масленица это — праздник поедания солнца. Его заклинали хороводными плясками, затем кушали его изображение — блины. Как видите, славяне в своих мировоззрениях всегда устремлялись очень высоко...

Он засмеялся. Расстегнул металлическую пуговицу мундира и вынул пухлую, в потрепанной коже, записную книжку, — ту самую, которую два месяца тому назад доставал в вагоне, чтобы прочесть Кате Рошиной одно место из Аммиана Марцеллина. Положив ее

на стол, осторожно перелистал страницы, мелко исписанные заметками, выписками, адресами...

— Вот, — сказал он, положив палец на страницу. Но Рошин глядел не на эти строки, а на то, что было написано карандашом сверху рукой Кати: «Екатерина Дмитриевна Рошина, Екатеринослав, до востребования».

— Откуда у вас эта запись? — хрипло спросил он. В лицо ему хлынула кровь, он поднес руку к воротнику гимнастерки. Ландштурмисту показалось, что другой рукой русский офицер сейчас вытащит револьвер, — нравы были военные... Но страшные глаза офицера выражали только страдание и мольбу... Ландштурмист как можно мягче сказал ему:

— Очевидно, вам хорошо известна эта дама, я могу кое-что рассказать про нее.

— Известна...

— О, это одна из печальных историй...

— Почему — печальных? Эта дама погибла?

— С уверенностью не могу этого сказать... Мне бы хотелось надеяться на лучший исход... За время войны я увидел, что человек чрезвычайно живучее существо, несмотря на то, что ранить его так легко и он так чувствителен ко всякой боли... Это происходит...

И он опять поднял было палец, — Рошин весь искажился:

— Говорите, где вы видели ее, что с ней случилось?

— Мы познакомились в вагоне... Екатерина Дмитриевна только-что потеряла своего горячо любимого мужа...

— Это была ложь! Я жив, как видите...

Ландштурмист откинулся на стуле, маленький рот его стал круглым, галочки глаза — круглыми, он хлопнул ладонями по столу:

— Я прихожу в этот ресторан, где никогда не бывал, сажусь за этот столик, вынимаю книжку... И — мертвые пробуждаются! Вы муж этой дамы? Она мне рассказывала о вас, и я тогда же представил вас таким, каким сейчас вижу, именно таким... О нет, камрад Ро-

щин, вы не должны, вы не должны...

Запнувшись, он поджал тонкие губы и поверх очков строго, испытующе взглянул Вадиму Петровичу в глаза, полные слез. На остром носу у ландшатурмиста проступили капельки пота, — так он взволновался.

— Я слезал раньше Екатеринослава, ваша супруга записала мне свой адрес. Я на этом настаивал, я не хотел потерять ее, как пролетевшую птицу. За дорогу мне удалось внушить ей некоторую бодрость. Она очень умна. Ее ясный, но мало развитой ум жаждет добрых и высоких мыслей. Я ей сказал: «Горе — это участь миллионов женщин в наше время, — горе и бедствия должны быть превращены в социальную силу... Пускай горе придаст вам мужественность и твердость». «Для чего, — она спросила, — мне эта твердость? Разве я хочу жить дальше?» «Нет, — я ей сказал, — вы хотите жить. Нет ничего более значительного, чем воля к жизни. Если мы видим кругом только смерть, бедствия и горе, — мы должны понять: мы сами виноваты в том, что до сих пор еще не устранили причины этого и не превратили землю в мирное, счастливое и роскошное обиталище для такого замечательного феномена, как человек. Позади вечное молчание и впереди вечное молчание, и только небольшой отрезок времени мы должны прожить так, чтобы счастьем этого мгновения восполнить всю бесконечную пустоту молчания...» Я ей это сказал, чтобы утешить ее... Итак, я слез и прибыл в свою часть. Ночью мы получили сведения, что поезд, в котором ехала ваша жена, был остановлен бандой махновцев, ограблен и все пассажиры уведены в неизвестном направлении. Вот все, что я знаю, камрад Рошин...

На сцене началось кабаре. Пианино и музыканта, с дыбом стоящими волосами, задвинули за кулисы. Появился дон Лиманадо, конферансье, московская знаменитость, хорошенький, с подведенными глазами, неопределенного возраста человек в смокинге и соломенной жесткой шапочке, надвинутой на брови.

— Поздравляю вас, господа, с германской революцией! — Он сам себе крепко пожал руки. — Только-что был на вокзале. «Здрате, — говорю я германскому обер-лейтенанту, — как поживаете?» «Очень хорошо, — говорит он, — а как вы поживаете?» «Тоже очень хорошо, — говорю я, — на дворе ноябрь, в соломенной шапочке холодно, а теплую я в Москве оставил, теперь не знаю, когда выручу». «А вы купите, — говорит, — теплую шапку». «Я, — говорю, — на шапку тысячу марок скопил, а сегодня мне за них пять карбованцев выдали». «Ай-ай-ай» — говорит он. «Ай-ай-ай» — говорю я. Так мы с ним поговорили о том, о сем, а его солдаты на крыши вагонов лезут. «Уезжаете?» — говорю я. «Уезжаем» — говорит он. «Совсем?» — говорю я. «Совсем» — говорит он. «Очень жалко» — говорю я. «Ничего не поделаешь» — говорит он. «А в каком смысле — ничего не поделаешь?» — говорю я. «А в таком смысле, — говорит он, — что без всякого смысла». «Ай-ай-ай, — говорю я, — а мы надеялись, что у вас этого не будет». А тут солдаты на крышах как грянут «Яблочко», — я и пошел... Кругом-то темно, ветер-то свищет, в переулках-то стреляют, а мне программу начинать, я опаздываю, на сердце кошки скребут. Я и запел.

За кулисой грянуло пианино. Конферансье подскочил, перебив ногами:

Эх, яблочко,
Ночка темная..
Куда мне теперь идти?
Разве помню я...

Повернувшись спиной к сцене, глядя в глаза этому странному немцу, Рошин спросил:

— Вы не могли бы дать сведения — в каком районе сейчас оперирует Махно?

— По нашим последним сводкам, Махно производит широкую мобилизацию и уже начал серьезно теснить отступающие австрийские и, кое-где, германские воинские части. Штаб Махно снова теперь находится в Гуляй Поле...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Так же, как голое дерево после суровой зимы медленно, от корней к ветвям, все выше поднимает соки и на безжизненных ветвях сморщенная кора становится коричнево-зеленой и кое-где уже вслухают красненькие глазки почек, — так жизнь возвращалась к Ивану Ильичу Телегину. (Он, помимо нервного потрясения, был ранен во многих местах крошечными кусочками стали от разорвавшегося снаряда.)

Вначале было забытье. Потом оно сменилось сном с короткими перерывами, когда ему давали еду. Затем он стал ощущать блаженное состояние покоя. Глаза его были прикрыты повязкой. Он лежал в уединенной комнате с плотно занавешенным окошком. Иногда он слышал мягкие шаги, шопот, — не более громкий, чем шелест листьев, — звон ложечки, шорох платья. Непрерывно около головы его тикали часики то явственнее, то слабее. Ощущения, идущие к нему извне, ограничивались только этим и еще невидимым присутствием какого-то осторожного существа. Он вздохнет, и сейчас же — легкое движение воздуха и «оно» наклоняется над ним, и он даже чувствует запах, нежный и свежий...

Время от времени вторгалось грубое существо, пахнущее крепким потом, главным образом — табаком:

«Ну, как пульс?»

Нежное существо едва слышно шелестело в ответ. А грубое гудело бодро:

«Прекрасно! Мужик крепкий... Главным образом следите: абсолютный покой, никаких внешних раздражителей...»

Иван Ильич мысленно медленно произносил: «Сам ты внешний раздражитель... Уйди, не гуди... А ты, заботливая, наклонись, поправь чего-нибудь, а еще лучше — погладь руку... Вот видишь, — подумал и — поняла. Что это за сиделка, откуда такую милую нашли?»

Говорить ему было запрещено. Но думать запретить нельзя. Много лет не

было с ним такого случая, чтобы остаться — без угрызений и забот — наедине с самим собой. Это была большая награда за все тяжелые годы честной службы. Нечестного он не сделал ничего и совесть его спокойно дремала, как дымчатый кот в ненастный день. Мысли его бродили по какому-то полуреальному миру. Чаще всего вспоминалось летнее северное солнце, какое бывало в Петербурге, когда в холодноватый день оно льет свет на длинную затихшую улицу, на синеватый асфальт тротуара, по которому метет ветерок... Здесь столько думано, столько было прожито... И вот, перед его закрытыми веками выплывает окошко деревянного дома, солнце неярко светит на пузырчатые стекла, за ними чудится ему... Но воспоминание гасло и уплывало, оставалась только любовная грусть от его прикосновения.

Неотвязно в памяти повторялись давно забытые слова песенки, — слышал он ее, точно не вспомнить, должно быть, в Новой Деревне, что за рекой Крестовкой, на даче. В голубоватом полусвете ночи ленивая худая цыганка пела вполголоса, перебирая струны: «Пойдете вы направо и налево и потом — темным коридором обогнете вы весь дом, направо будет дверца, а за дверцею чердак, все что вы искали, — не найдете вы никак...»

Пела им — мужчинам, сидевшим молча на стульях перед ней, — о вечном томлении, без него и жизнь не жизнь... Ищи, ищи, заглядывая на чердаки, — нет ли и там? Эх вы, глупые, с похмелья! Кого вы ищете? Идете по длинной улице на закат северного солнца, под ногами ветерок гонит пыль, ищете — где же это окошко с пузырчатыми стеклами? Не за ним ли сидит на подоконнике самая милая на свете, в ситцевом платье, подняв колени, — читает книжку, а в книге написано про тебя, который идет, ищет. Все это вздор, — ищете вы самих себя...

В тишине и темноте, под тиканье часиков, Иван Ильич полудремал, полугрезил: вместе с возвращением к жизни в нем пробуждалась любовь к себе, глубоко запрятанная, принципиально — им

осуждаемая. В этом полуфантастическом мире он будто собирал свои воспоминания, самые добрые, самые невинные, самые любовные, — то, что человек за свою жизнь теряет по пути, и часто безвозвратно. Любовь к себе приходила к нему, как здоровье. Он уже и ел с аппетитом, и потихоньку от сестры крепко потягивался.

Однажды, хорошо выспавшись, поев гречневой каши, удобно устроившись на подушке, он неожиданно громко сказал:

— Сестрица, можно поболтать немножко, о пустяках...

Она поспешно нагнулась к нему:

— Тсс, — прошептала испуганно и ладонью сжала его губы. — Тсс! — А, когда отняла руку, он опять — уже с озорством:

— Тогда вы что-нибудь расскажите... Вот, у вас рука приятная, маленькая. Сколько вам лет? Как вас зовут?

Она несколько раз коротко вздохнула, не то всхлипывая, не то задыхаясь... Чуждая какая-то была. А он ей хотел сказать вот что:

«Я проснулся, и вдруг мне пришло в голову... Если человек сам себя не любит, тогда же он никого не может любить, — на что он тогда пригоден, для больших-то дел? Например, бесстыдники, подлецы — они себя не любят, боятся быть голодными, боятся, что их в чеку посадят... Спят они плохо, все у них чешется, вся кожа свербит, то злоба к горлу подкатит, то страх обожжет... Человек должен себя любить, и любить в себе такое, что может любить в нем другой человек... И в особенности — женщина, его женщина...»

Но Иван Ильич ничего этого не сказал: сестра ушла из комнаты и скоро вернулась с доктором, врагом внешних раздражителей, который нахальнейше начал гудеть:

— Это что же вы, батенька, озорничаете? Нет, нет... Несколько слов, самых необходимых, еще разрешаю... Мне вас нужно представить в полк в самой лучшей форме. И ваша обязанность, красавец, как можно скорее стать полноценным человеком... Дайте-ка ему снотворного, сестра...

2

— Стой, мила душа, я здесь вылезу, в село я пешком войду, — сказал Кузьма Кузьмич.

— Чего же пешком-то?

— Ты уж меня не учи. Войду, как странник, — понятно тебе?

— Дело твое. — Латугин остановил сытого артиллерийского мерина на разъезженной дороге около плотины с корявыми и уже облетевшими ветлами. Село Спасское было на той стороне плоского пруда. Ближе к берегу подходили гумна с ометами свежей соломы. На камышовых крышах, низко и тепло прикрывавших мазаные хаты, из труб курились дымки.

— Самогон гонят всем селом, — сказал Латугин и, глубоко вздохнув, стал глядеть на гусей. Сытые, белые, важные птицы шли по плотине на эту сторону пруда. Передний гусак, увидав стоявшую тачанку с двумя людьми, недобрительно остановился и за ним остановилось полсотни гусей. Они погогопали между собой, совещаясь, и вперевалку, сползая на животах, спустились с откоса плотины на воду, и поплыли, будто гонимые легким ветерком, по темной воде к болотцу.

— Сытая птица, — сказал Латугин, — пареной пшеницей кормлена. В таком гусе фунтов пятнадцать, в подлеще. Варить его надо, ух, мать честная!..

— Ты, мила душа, поезжай. — Кузьма Кузьмич торопливо стал совать ему руку. — И скажи комиссару: мне нужно здесь обсмотреться, то да се — покрутиться, потолковать с мужичками. А уж тогда, через недельку, что ли, — приходите с продотрядом. Все будет полюбовно.

— Сопьешься ты здесь, Кузьма.

— Я, мила душа, его и в рот не беру. Ну, поворачивай, поворачивай, а то нас еще увидят...

Латугин опять вздохнул, повернул тачанку и сердито ударил хворостинной задастого мерина:

— Шагай, буржуй!

А Кузьма Кузьмич пошел через плотину на село. Ветхая до зелени бекеша

его, в свое время переделанная из поповской шубы, была подпоясана ситцевым платком, за спиной — красноармейский холщевый мешок, на голове — солдатская высокая шапка времен недоброй памяти империалистической войны.

Скучно в селе глубокой осенью. Вишни и яблони обрели листья, и она лежит, мокрая от ночного инея, на развороченных грядках, откуда повытаскали овощи. Вместо подсолнухов, приманивающих солнце в маленькие окошки хат, торчат одни гнилые стебли. Грязь повсюду — до самого порога. Полиявшиеся ставни скрипят и хлопают от студеного ветра, и не хочется выглянуть в окошко, откуда увидишь разве только ворону на плетне, угрюмо ожидающую — когда хозяйка выкинет на двор что-нибудь съедобное.

«Живут, не разбужены, кряхтят да почесываются. Страсти дремлют, желанья без фантазии... А ведь каждый создан по образу и подобию какого-нибудь Аристотеля или Пушкина, засиявшего над жизнью, как звезда на утренней заре. Те же у вас два глаза, чтобы видеть чудеса земли, к которым нельзя привыкнуть... Та же у каждого на плечах голова — самое удивительное из всех чудес... (Кузьма Кузьмич даже тряхнул высокой шапкой.) Если ее сопоставить со вселенной, то головы и нет совсем. А с другой стороны, вся вселенная в этой голове, она, голова, в такие тайны проникает, куда библейский бог и носу не совал... Так что же из окошек на ворон смотреть?»

Примерно так рассуждая, причмокивая от удовольствия, Кузьма Кузьмич шел мимо низеньких плетней и хат, придавленных соломенными, камышовыми крышами. Ему встретилась девушка в сапогах, в нагальном коротком полшубочке, — несла на коромысле полные ведра. Широка, статна, неприветлива.

— Надеждой зовут-то? Ай не ошибся? Здравствуйте.

Девушка остановилась, медленно повернула к нему широкое лицо:

— Ну, Надеждой. А вам откуда известно?

— Духовидец.

— У нас такие нынче не водятся. Идите своей дорогой.

— Ну, прогнали меня, — сказал Кузьма Кузьмич, — пошел я опять в степь — считать курганы. Эх, длинна дорога — итти одинокому. Боже мой, какая даль!..

Девушка передернула губами. Она шагнула было, чтобы отойти, но опять остановилась, подозрительно глядя на улыбающееся, невероятно хитрое лицо этого человека. Кузьма Кузьмич развел перед ней руками:

— Спать захочу — в стогу выплусь, есть захочу — сворую чего-нибудь... Не это мне нужно, хорошая моя... Пророки по острым камням босиком ходили, пророчествовали. Святители на столпах стояли, акридами питались... А знаешь — что такое акриды? Кузнечики... Из-за чего терпели? Ну-ка ответь... Задумалась... (Он придвинулся к ней, вытянул губы.) Человека любили... Каждый человек — чудо, а ты, Надежда, чудо двойное... А что вижу: пшеничку вы намолотили, самогону накурили, по дворам паленой свининой пахнет... Всего у вас довольно... А веселья нет... Света у вас нет...

— Ты керосин, что ли, продаешь? — уже неуверенно спросила девушка, оглядываясь.

— Ничего не продаю и милостыни не прошу. Пришел я к вам веселиться, вас веселить.

Девушка помолчала, опять взглянула на него длинными глазами, серыми, как туча. Присев, поставила ведра, положила на них коромысло:

— У нас на селе угрюмо, нас не развеселишь... А чем ты собрался веселить?

— Значит, знаю средство, когда горюю... Я — поп-расстрига...

Девушка раскрыла рот, такой свежий, с такими ровными белыми зубами, что Кузьма Кузьмич затоптал от удовольствия. И неприветливость у нее, как ветром, сдуло с лица.

— Ох, — сказала она, положив руку под грудь, на которой не сходилась полшубочек, — ох, — повторила она, переступив широкими бедрами, — так

пойдѣмте же в хату... Отец с вами поговорит, у него ключи от церкви...

— Нет, — сказал Кузьма Кузьмич, — не пойду... Вы ко мне придите... Так-то, чернобровая...

Подмигнув, весело подернул плечами и пошел по улице, поглядывая, где двор поплосе.

3

Настал день, когда Ивану Ильичу сняли повязку с глаз. Произошло это в сумерки. За дверью сестра что-то испуганно шептала доктору... «Глупости, — повторял он, — мужик не орхидея, — делайте, как я сказал». ...Сестра вернулась к кровати, нагнулась так, что тонкие волосы ее зашевелили нос Ивану Ильичу, сняла повязку, и в первый раз, вместо шелеста и шопота, он услышал ее голос — слабый и прерывающийся:

— Больной, лежите спокойно, привыкайте к свету...

С некоторым страхом он открыл глаза после долгой, долгой темноты. Все было неясно. В комнатку с покатым потолком проникал полусвет, — на окне с одного угла было отогнуто занавешивающее его одеяло. В ногах кровати сидела около столика сестра, — лица ее он не мог разобрать, — она низко склонилась и делала что-то с марлевым бинтом.

Иван Ильич лежал и улыбался. Над головой — покатый потолок, это, конечно, лестница на чердак, а это — то самое пузырчатое окошко. Лучше места не найти... И сейчас же, будто отдирая свежую плеву на ране, поплзло воспоминание о другом месте, дымном, грохочущем, взрытом, когда перед ним блеснул ослепительно желтоватый, с черными прожилками разрыв... «Не надо, не хочу!» — Иван Ильич отстранил воспоминание, едва не начавшее скручивать ему мозг... Снова стало слышно, как тикают часики, мягко и безболезненно отрывающая ровные промежуточки жизни...

— Сестра, — позвал Иван Ильич, — я плохо вас вижу.

Она затрясла головой. Бинт покатылся с ее колен, размотался, она опять принялась его скручивать. У нее были легкие движения, — должно быть, совсем еще молоденькая... И ведь какая опытная! Сколько ни силился Иван

Ильич всмотреться в нее, сумерки сгустились, и теперь только неясно различался ее холщевый халат и косынка, закрывающая плечи, как у сфинкса.

«Понятно, понятно... Бедняжка, должно быть, изуродована оспой или уж как-нибудь особенно некрасива, — зубы вперед торчат, или бывают лица без подбородка... Чувствует, конечно, как я ей благодарен. — Иван Ильич вздохнул. — А сколько таких — нежных и преданных, — друзей на жизнь и смерть. И умненькая, наверно, — некрасивые все умницы... На них-то и надо жениться, их-то и любить... А мужики нос воротят. Готовы шкуру с себя содрать — только бы у них на подушке лежала смазливая головка с кукольными ресницами, прищепывающая всякую дребедень, вранье и пошлости... Даша другое дело, не за красоту ее полюбил... — Иван Ильич закрыл глаза, положил кулак под щеку. — Врешь, врешь... За особенную красоту полюбил... Так бы взял ее на руки и понес через всю жизнь... А вот она и не захотела...»

Сестра неслышно встала, думая, что он заснул, ушла и долго не возвращалась. Потом едва скрипнула дверь. Появился желтый, неяркий свет. Иван Ильич, не шевелясь, чуть-чуть приоткрыл веки. Он увидел, что вошла Даша в белом халате и косынке. Она несла маленькую жестяную лампу, прикрывая огонь просвечивающей розовой ладонью. Иван Ильич не удивился, увидев Дашу, только он не поверил, что это Даша.

Она поставила лампу на стол, припустила огонек, села и начала глядеть на Ивана Ильича. Лицо у нее было худенькое, как у девочки, перенесшей тиф. В углу большого, слегка припухшего рта — морщинка. Освещена одна щека и глаз, спокойный и огромный, с точечкой лампового огонька в зрачке. Устраиваясь сидеть долго, она оперлась локтем о колено и опустила подбородок на кулачок. Так сидеть умела только одна Даша...

...В тот вечер в Петербурге она пришла на «Центральную станцию по борьбе с бытом» — телегинскую квартиру, там он увидел ее впервые, она показалась

ему прекрасной, как весна. Щеки ее горели, ей было тепло в суконном черном платье. Комната, где на досках, положенных на чурбаны, сидели поэты, участники «великолепных кощунств», наполнилась нежным запахом духов. Слушая заумные стишки, она опустила подбородок на кулачок и мизинцем трогала чуть-чуть припухшие, капризные губы... Стул, на котором она сидела, он унес потом к себе в кабинет...

Все это вспыхнуло в памяти между двумя ударами сердца. Все громче оно стучало у Ивана Ильича, как сторож в полночь: очнись! Но эта женщина на табурете — в ногах кровати — не могла же быть Дашей! Не шевелясь, он жадно глядел на нее сквозь щелки век... Должно быть, она заметила это и вся подалась вперед...

— Сестра, — позвал он, — сестра...!

И, широко раскрыв глаза, приподнялся... Даша сорвалась навстречу ему с тревожным, слабым, счастливым криком... Он схватил ее за плечи, за спину, будто страхась, что растает видение... Это была Даша, худенькая, хрупкая, живая! Он прижимал к себе ее лицо и чувствовал, как дрожат ее губы, все тело ее вздрагивало... Он взял ее голову и отстранил, чтобы глядеть в ее любимое, всегда новое, неожиданно прекрасное лицо. Она повторяла с закрытыми глазами:

— Я с тобой, все хорошо, все хорошо...

Он стал целовать ее рот, уголки ее рта, где страдания проложили две ниточки, ее закрытые глаза.

— Теперь успокойся, успокойся, Иван, милый, — шептала она, — я никуда не уйду, я — с тобой навсегда, навсегда...

4

К вечеру все село знало, что у вдовы-бобылки, Анны Трехжильной, в хате сидит какой-то человек, который догнал Надьку Власову на улице и сказал ей: «Пришел вас веселить, я поп с красной стороны...» Женщины все, старые и молодые, этому поверили. У Надьки язык заболел рассказывать то же самое, как она несла ведра, и еще у нее было будто предчувствие, он и окликни: «Надежда!» («Да, батюшки, — перебивали

слушательницы, — откуда же он узнал?» «Вот то-то что, — духовидец...») И лицо у него — русское, красное, будто вся кожа содрана, волосы — до плеч, одет худо-плохо, но не голодный, веселый, всё загадками говорит...

Мужчины, слыша бабьи пересуды, смеялись: «Как бы этот духовидец село не поджег с четырех концов... Был бы он доподлинно поп, первым делом — шашть — в самую богатую хату... А у Трехжильной и тараканам-то есть нечего... Нет, бабочки, надо его вести в сельсовет, пусть предъявит документы... Может, он разведчик от бандитов? Про Афанасия Лисицю слышали, что гуляет пониже в уезде? То-то...»

«Полно зубы скалить, людям смешно, — отвечала жена такому человеку, и другие женщины поддакивали единодушно. — Слушались мы вас до революции, — кричала жена, бесстрашно сверкая глазами, — доброго от ваших приказов мало видели... — И упирала кулаки в могучие бедра. — Ума у нас не меньше вашего, да понятия больше... Милые мои, — обращалась она к женщинам, — да взгляните на мою Надьку, у нее груди лопаются... В зеркальце поглядит: мама, зовет, мама, за что я пропадаю? Так что же ей — до нового Покрова ждать? — И опять мужу: — Нет, почему он к тебе в хату не пошел — свинину жрать? Христос по одним богатым, что ли, ходил? Потому он у этой Анки, у дубленой шкуры, сидит, что он — красный поп, ему не свинина твоя нужна, у него забота о нашем горемычном счастье».

Человек только махал рукой, уходил куда-нибудь. К вечеру женщины собрались толпой около анниной хаты и послали туда делегаток. Прежде чем войти, делегатки узнали от девчонки, от соседки, что Анна Трехжильная топила сегодня с утра баню (плохонькую черную баньку на задах, на берегу озера) и поп там мылся, и она дала ему покойного мужа чистую рубашку. Поп сейчас, после бани, собирается пить с Анной шалфей (в селе его пили вместо чая).

Поп сидел в голубой линялой рубашке на лавке, положив руки на стол, и — Надька не обманула — лицо у него

было красное, можно испугаться, губы сладко сложены, как у медведя. Вдова жарила на лучинках яичницу; из самовара сквозь худую трубу, наставленную в отдушник, гудело синее пламя.

Три делегатки вошли, с поклоном сказали: «Здравствуйте» — и сели на лавку поближе к двери. Они ничего не говорили, но все замечали.

— Выкладываете, зачем пришли? — вдруг громко спросил Кузьма Кузьмич. У делегатов заметались глаза. Одна, надеждина мать, ответила приторным голосом:

— Обычай-то, говорят, отменили? А мы, батюшка, за обычай. Свадьбу играют один раз, а жить долго... Так, что ли?

— Долго жить — много доброго нажить, — ответил Кузьма Кузьмич. — Зачем же у вас дело стало?

— Да ты нас не бойся, мы советские. Мы в сельсовет выбирали, голосовали за советскую власть. Церковь запечатали и попа постановили сдать у уездную чеку за хранение пулемета.

— Ого, — сказал Кузьма Кузьмич, — поп у вас был серьезный.

— И ведь как грозил: «Я, говорит, антихристы, ваш митинг из максима полью, из окошка-то...» Так нас напугал... Нащи невесты, конечно, голосовали со всем обществом, а когда подошло к Покрову, захотели венчаться в церкви, — уперлись, сговорились, что ли, а, знаешь, — девки собьются в стадо, — ни одну не оторвешь... Вот ты и растолкуй нам — что делать? Ты, говорят, расстриженный?

— Обязательно, — ответил Кузьма Кузьмич.

— Как же так?

— За вольнодумство, — с богом в ссоре.

Делегатки тревожно переглянулись. Надеждина мать шепнула одной и другой на ухо, те ей — тоже на ухо. Она — уже голосом пожестче:

— Значит, венчанье будет не действительное?

— Отчего же, — была бы у девки охота... Обвенчаю и в книгу запишу, — на вселенском соборе не развенчают. И венец надену, как на бубновую даму, и

вкруг аналоя обеда, и спрошу, что положено, и скажу, что положено, и погуляем без греха и досыта... Чего вам еще нужно?

Другая делегатка сказала:

— У нас младенцы некрещенные, без именная.

— Сколько?

— Можно сосчитать. Много.

— Что же они — некрещенные — хуже сиську сосут?

Делегатки опять переглянулись, пожалы плечами. Вдова поставила на стол сковороду и, отойдя к печи, мрачно глядела, как Кузьма Кузьмич, захватывая ложкой яичницу, уплетает и жмурится.

→ И крещение будет действительное? — спросила вторая делегатка.

— Самое действительное, как при Владимире святом.

— Как же ты служить будешь — без дьякона, без певчих?

— А мне зачем они? Один справлюсь, — на разные голоса.

Тогда надеждина мать подошла к нему, села около и ребром ладони постучала по столу:

— Много денег возьмешь?

Кузьма Кузьмич ответил не сразу. Она даже тяжело задышала, и рука у нее начала дрожать, а другие две делегатки, сидя у двери, вытянули шею.

— Ни копейки я с вас не возьму, вот что. Не для этого я сюда пришел. Заплатите только в сельсовете писарю за документы.

Со всех сторон заманчивым показалось предложение этого человека, но и страшно было: а вдруг он — какой-нибудь перевертень... Месяца полтора тому назад, когда село еще было под Мамонтовым, также пришел один, в калошах на босу ногу, с мешком, — зарос бородой от самых глаз. Подошел к хате, где, сумерничая, сидел народ, постоял, покуда к нему привыкли, и сел около старого деда Акима. Думал, должно быть, что ему дадут покурить, но ему не дали. Он нога на ногу закинул и деду — секретно на ухо: «Узнаешь меня, старый солдат?» — «Никак нет». Тот еще секретнее: «Так узнай — я император Николай Второй, в Екатеринбург не меня казнили, я кожу по земле

тайно, покуда не придет время открыться...» Дед Аким был туговат на ухо, не все разобрал, да и зашумел. Народ не дурак,—сейчас же этого императора поволокли на плотину, только тем и жив остался, что все вскрикивал: «Что вы, что вы, братцы, я же пошутил...»

— На юродивого ты не похож, да и нет их теперь,—сказала надеждина мать и расстегнула бекешу, так стало ей жарко.— Почему ты денег не берешь? Какие у тебя мысли? Как тебе поверить?

— Я соль люблю. От каждого двора, где буду венчать и крестить, дадите мне по щепотке соли. — Кузьма Кузьмич положил ложку и обернулся к вдове: — Давай самовар! Вот видите, — и указал делегаткам на Анну, худую, с темным, опущенным лицом, плоскогрудую, в заплатах подоткнутой юбке, — она в меня поверила, за мной куда хочешь пойдет. А вы, сытые, гладкие, все ищите — где в человеке гадость, ищите в человеке мошенника. Кулачухи вы, скучно мне с вами, рассержусь, чуть зорька, уйду — искать веселья в другое место...

Анна поставила на стол самовар, и делегатки увидели, что она улыбается, испитое, некрасивое лицо ее было счастливым. Надеждина мать, как соколиха, полоснула ее глазами:

— Ладно! — И протянула жесткую ладонь Кузьме Кузьмичу: — Не сердись, далеко ходить тебе нечего, все здесь найдешь...

С утра Кузьма Кузьмич влез на колокольню и ударил в большой колокол, — покотился медный гул по селу, к окошкам прильнули старики и старухи. Ударил во второй и третий раз, подхватил веревки от малых колоколов и начал вызванивать мелко, дробно и опять — бум! — в трехсотпудовый. Не успеешь поднести персты ко лбу, — трени-брени! — так и чешет расстрига-поп плясовую.

Кое-кто из почтенных селян вышел за ворота, неодобрительно глядя на колокольню...

— Озорничает поп...

— Стащить его оттуда за волося, да и отправить...

— Куда отправишь-то, он тебя сам отправит... Его, говорят, из Москвы прислали.

— А складно у него выходит, однако... Что ж, девки рады, бабенки рады, пускай народ потешит.

Все село — званые и незваные — готовилось гулять. День был мгlistый, на траве лежал иней, пахло печеным хлебом, паленой свиной. На ином дворе начиналась беготня, птичий крик, через ворота взлетали гуси, куры... В одной хате томился на лавке в красном углу одетый, побритый жених, не ел, не курил. В другой обряжали невесту. Старухи, — почувявшие, что в таких делах теперь без них не обойтись, — учили ее прилично выть:

Не уточка в берегах закрикала,

Красна девица в тереме заплакала... —

запевала бабушка мертвячьим голосом, и другая подхватывала, горемычно уронив на ладонь морщинистую щеку:

— Ты прости, прости, красное солнышко,

Желанный кормилец-батюшка

И родительница-матушка,

Обневолили меня, продали,

Продали меня, пропили

На чужую дальнюю сторонушку...

Но невесты ни одна не захотели выть, даже досадовали:

— Это в ваши времена, бабушка, пропивали на чужую сторону, у нас одна сторона — советская...

Повсюду варили и пекли, бегали с ведрами и венниками. Из хаты в хату ходили сваты, от которых уже крепко пахло вином. На церковном дворе собиралась молодежь, два гармониста перебирали лады...

В это же время приехал с почтой председатель сельсовета, инвалид и кавалер четырех «георгиев», Степан Петрович Не Доешь Каши. Не обращая внимания на колокольный звон, будто его и не слышит, он отпер своим ключом дверь в сельсовет, зашел туда и через некоторое время вышел на крыльцо с молотком и листом бумаги; четырьмя гвоздями прибил лист к двери, вынул

из кармана завернутую в обрывок газеты печать, подышал на нее и приложил к своей подписи. На листке стояло:

«Граждане села Спасского, по случаю произошедшей в Германии революции, равно как ухода германских войск с Донбасса, назначаю собрание-митинг сегодня в одиннадцать часов».

Народ повалил к сельсовету. Кузьма Кузьмич, увидев сверху, что церковная площадь опустела, перестал звонить и слез с колокольни. Церковный староста, надеждин отец, в синем кафтане с галуном, хлопнув с досадой крышкой свечного ящика, сказал:

— Этот сукин сын, Степка Не Доешь Каши, летось неделю за мной ходил, просил двести целковых — избу тесом крыть. Мстит, одноногий чорт! Сорвал свадьбу.

— А что случилось?

— Да где-то еще революция, в Германии, что ли... Митинг согнал, без политики ему минуты не терпится! А уж дурак-то, господи!

На крыльце сельсовета Степан Петрович, работая кулаками, стуча деревяжкой, говорил народу. Лицо у него было плотное, рот раззявистый, усы, как шипы.

— Международное положение складывается благоприятно для советской власти! — кричал он, когда Кузьма Кузьмич протискивался поближе к крыльцу. — Германьцы протягивают нам свою трудящуюся руку. Это означает — большую помощь нашей революции, товарищи. Германьцев я видал, в Германии бывал. Одно скажу: ~~скупо~~ живут, каждый кусок у них на счету, но живут лучше нашего. Над этим фактом надо призадуматься, товарищи. В таком селе, вот, как наше, у них — водопровод, канализация с выбросом дерьма на огороды, телефон, проведен газ в каждую квартиру, парикмахерская, пивная с миллиардом... О школах я и не говорю, о поголовной грамотности не говорю... Велосипед в каждом хозяйстве, граммофон...

По толпе пошел гул, кто-то хлопнул, и все похлопали в ладоши...

— Мне оторвало нижнюю конечность германским снарядом. в Восточной

Пруссии. Но я, в данный момент, становлюсь выше личных отношений...

— Понятнее говори! — отчаянно крикнул юношеский голос.

— В этом моем жалком увечье я винов не германский народ, не он виноват, а виноват международный империализм... Вот кому нужно горло перервать со всей решимостью... Мы, русские, это поняли раньше, но и германьцы это поняли. И мы, товарищи, на настоящем митинге бросаем лозунг обоим народам: да здравствует мировая революция...

— Ура! — опять закричал молодой голос, и собрание зааплодировало...

— Перехожу к местным делам... В школе у нас крыша течет, как решето, об этом было постановление. Я спрашиваю — деньги собраны, тес для крыши куплен? Нет. А на гулянку у вас деньги есть. На попу у вас деньги нашлись... От трезвону на десять верст кругом в степи скучно... Ради этих фактов, что ли, германьцы протягивают нам трудящуюся руку? Предлагаю вынести постановление: покуда не будет произведен сбор на ремонт школы, на оплату труда учительницы, также на тетради и карандаши, до покрытия общей суммы: четырех тысяч девятисот семи рублей семи копеек, — свадьбы не играть и трезвона не производить...

Речь председателя произвела впечатление, — главное, что стало стыдно перед германцами. После него выступило несколько ораторов, и все они повторили его слова, добавив только, что, раз уж свадьбы залажены, — канителиться нет расчета и деньги надо собрать немедленно, но не по общей разверстке, а пускай эти шестнадцать богатых дворов, где играют свадьбы, и заплатят. На том общее собрание и вынесло резолюцию.

Невесты подняли такой крик, узнав о резолюции, наговорили родителям таких слов, — отцы отмуслили денежки и внесли в сельсовет. Степан Петрович выдал расписки и сказал только: «Качайте». Было уже подвечер, когда повели невест в церковь. Народ так и ахнул: чего только на них не было наверхено! Шубы с меховыми воротниками, фаты с

серебряной, с золотой бахромой, ботинки на двухвершковых каблуках, — невесты шли, как на цыпочках. А когда в притворе они разделись, — что за наряды, что за невиданные платья! Разных цветов, в заду узкие, чуть не лопаются, внизу — букетом, шеи голые, а у Надьки Власовой и руки голые до подмышек.

«Глядите, глядите, да неужто это Ольга Голохвастова?» «На Стешку-то взгляните!» «Батюшки, откуда это у них?» «Известно, — она с отцом пять раз в Новочеркасск на волах муку, сало возила... У новочеркасских барынек наменяю...»

Некоторые бывалые люди говорили так:

«Видал я губернаторские балы, — ну — куда!»

«Что балы... Трехсотлетие Романовых было в Новочеркасске, в соборе собрались барыни, — из карет вылезали, по сукну шли, но до этих — далеко...»

Кузьма Кузьмич вышел без ризы, в одном стихаре и в засаленной камилавке, прикрывавшей лысину. (Прежний поп, который грозил народу пулеметом, мало того, что убежал из-под ареста, — успел ограбить ризницу, оставив кое-что, рваное, ломаное. Кузьма Кузьмич оглянул невест, ставших полукругом, — красавицы, пышные, налитые! Женихи с испуганными лицами казались мельче их. Кузьма Кузьмич брякнул кадилом, окутывая каждую пару облаком ладана, и начал обряд — быстро, весело, то бормоча скороговоркой, то гудя за дьякона, то подпевая, но все — честь-честью, слово в слово, буква в букву, как положено.

Окончив венчание, он велел молодым поцеловаться, поздравил их и обратился со словом:

— В прежние времена вам говорили притчи, расскажу вам быть. — Кузьма Кузьмич подумал, шевеля губами, и поднял ласковые глаза. — Лет пятнадцать до революции имел я приход в одном глухом селе. Жил я тогда уже в большом смущении, дорогие мои граждане. Я человек русский, беспокойный, все не по мне, все не так, ото всего мне больно, до всего мне дело: ищю справедли-

вости. И вот, один случай окончил мои колебания. Пришел ко мне древний старик, слепой, с поводырем-мальчиком. Из-за онучи вытащил трешницу, тоже старую, помял ее, пощупал, положил передо мной и говорит: «Это тебе за сорокоуст по моей старухе, помяни ее за покой ее души...» «Дедушка, говори, ты трешницу возьми, твою старуху я и так помяну... А ты издалека пришел?» «Издалека, десять дён шел». «Сколько же тебе лет будет?» «Сбился я, да, пожалуй, за сто». «Дети есть?» «Никого, все померли, старуха жива была, шестьдесят лет прожили, привыкли, жалела она меня, и я ее любил, и она померла...» «Побираешься?» «Побираюсь... Сделай милость — возьми трешницу, отслужи сорокоуст...» «Да ладно, говорю, имя скажи». «Чье?» «Старухи твоей». Он на меня и уставился незрячими глазами, долго думал: «Как звали-то ее? Позабыл, запомнил... Молодая была, молодухой звали, потом хозяйкой звали, а уж потом — старухой да старухой...» «Как же я без имени поминать ее буду?» Оперся он на дорожный посошок, долго стоял: «Да, говорит, забыл, от скудости это, трудно жили. Ладно, пойду, добьюсь, может, люди еще помнят...» Вернулся этот старик уже осенью, достал из-за онучи ту же трешницу: «Узнал, говорит, в деревне, один человек вспомнил: Петровной ее звали».

Все шестнадцать невест стояли, опустив глаза, поджав губы. Молодые мужья, напряженно-красные от тугих воротов рубашек, стояли о-бок с ними, как на параде, не шевелясь. И народ затих, слушая.

— Русский человек, как бурьян глухой рос, имени своего не помнил. Господа господствовали, купцы денежки пригребали, наше сословие ладаном кадило, и вам бы, красавицам, в те проклятые времена не из жилочки в жилочку горячую кровь переливать, а увядать, как цветам в бурьяне, не расцветши.

Кузьма Кузьмич прервал речь, будто задумавшись, снял камилавку, поскреб лысину. Надежда Власова спросила громко:

— Теперь можно иттить?

— Нет, подожди... Вот мне на склоне жизни и довелось увидеть самое справедливость. Не такая она, как о ней писано у Некрасова. Читали, чай? Нет... И не такая, как мечталось мне, бывало, у речки, вечерком, на одинокой рыбалке, сидя у костерка да похлопывая на шее комаров. Справедливость — воинственная, грозная, непримиримая... Греха нечего таить, — не раз я пугался ее... Как начнут строчить из пулемета, да вылетят всадники, свистя клинками, — тут уж не до философии. (По толпе прошел сдержанный смех.) Справедливости не найдешь ни там, — он указал на купол, — ни вокруг себя. Справедливость — это ты сам, бесстрашный человек. Желай и дерзай... Что же вы смотрите на меня? Или я непонятно говорю? Пришел я сюда, чтобы научить вас пировать... Будете вы сегодня, — и он стал указывать рукой поименно, — Оля, Надя, Стеша, Катерина, — плясать так, чтобы половицы стонали, чтобы у Миколая, Федора, Ивана глаза бы горели, как у бешеного... Все... Проповедь кончена...

Кузьма Кузьмич повернулся к народу спиной и пошел в ризницу.

5

Комиссар полка Иван Гора, только что вернувшийся из Царицына, куда ездил за информацией и директивами, весь забрызганный дорожной грязью, стоя среди бойцов на выгоне, где происходили занятия, говорил тяжелым, медленным басом:

— Многие из вас, товарищи бойцы, думают, — если теперь Германия не будет снабжать Краснова и Деникина, скоро эту белогвардейщину мы разобьем и — разбредемся по домам сеять пшеничку. Такие товарищи глубоко ошибаются. Конечно: немцы нам больше не враги, немцы уходят от нас, мало того — просят нас, чтобы мы им помогли вернуться на родину... Но это не конец войне, это только начало... Вот вам факт: по договору, который англичане и французы заставили немцев подписать, германская армия не должна уходить из Донбасса и Украины, а должна начать военные действия с большевиками. Я

уже вам говорил не один раз — кто начал империалистическую войну и в каких целях она ведется, — повторять не стану. Главная зараза — это Англия. У нее бесчеловечная политика. Вот факт: вчера английский и французский военные флоты вошли в Новороссийск и Севастополь. Это значит — англичане хотят оторвать от нас Кавказ. Они привезли Деникину оружие и боеприпасы... Среднюю Азию, Сибирь и Урал англичане тоже хотят заглотить. Вот факт: их ставленник адмирал Колчак в Омске произвел переворот и объявил себя верховным правителем всей России. Принимаемая во внимание, что Архангельск и Мурманск заняты англичанами, а в Эстонии англичанами же формируется армия Юденича, получается полное окружение. Товарищи, по домам расходиться рано. Англия на свои кровавые деньги весь мир вооружает против нас. Понимаете вы, что я говорю? Какое жуткое дело предстоит вам, рядовым красноармейцам? Пощады в этой борьбе не будет. Или смерть в бою, или победа, — другой мысли не должно быть у бойцов славного Качалинского полка! А уж на досуге можете ругать батьку с мамкой, что родили вас не в тот призывной возраст...

Бойцы не ждали такого поворота речи и грохнули смехом...

В Царицыне комиссару рассказали, что продотряды, приезжие из Петрограда и Москвы, не всегда справляются с задачей. Люди в них попадают неопытные, озлобленные от голода и, видя как в деревне едят гусей, теряют самообладание. Один такой отряд исчез без вести, другой был обнаружен на станции Воронеж в запечатанном товарном вагоне, где лежали трое питерских рабочих со вспоротыми животами, набитыми зерном, а у одного прибита ко лбу записка: «Жри досьта».

Комиссар обещал помочь. По возвращении в полк он совещался с помкомандира Саложковым, который не слишком горячо пошел на то, чтобы посылать красноармейцев в села и хутора за хлебом. Иван Гора с ним даже поспорил, после чего Сергей Сергеевич, как это с

ним случалось, напился и всю ночь разговаривал сам с собой.

Комиссар начал подбирать людей в отряды, предварительно ведя с ними беседы. В село Спасское он назначил ехать Латугину, Байкову и Задуивитру; вызвал их к себе в хату, где раньше было голо и нетоплено, а теперь, когда вернулась из госпиталя Агриппина, пол был подметен, у порога лежала рогожа, на столе — вышитое полотенце, и пахло уже не кислой махрой, а печеным хлебом, — попросил товарищей хорошенько вытереть ноги:

— Сядите. Что скажете хорошего?

— Ты что скажешь? — ответил Латугин.

— Да вот слышал, будто наши ребята не с охотой едут за хлебом.

— А при чем — охота, неохота? Надо — поехали. Тебе еще — с охотой!

— Да дело-то очень тонкое.

Иван Гора, сидя спиной к окошку по одну сторону стола (а эти трое — напротив него), обратился к Задуивитру, угрюмо стучавшему ногтями:

— Ты, хлебороб, что об этих делах думаешь?

— Тебе сколько пшеницы надо взять в Спасском?

— Многовато. Со ста шестидесяти двух дворов — четыре с половиной тысячи пудов зерна, по классовой разверстке, само собой...

— Столько вряд ли дадут.

— За тем нас и посылаю, чтобы дали. Посылаю без оружия, товарищи.

— Оно и ни к чему, — проворчал Латугин.

— Без него бойчей будешь доказывать, — сказал Байков и разогнал всей горстью бороду на обе стороны. — Не к врагам едем, к своим.

— И к своим, и к врагам, — сказал Иван Гора.

— Слушай, комиссар, — сказал Задуивитер, — я не пячусь, заметь это. Но не наше, все-таки, это дело — в чужие амбары лазить. Противно.

— А ты, как думаешь, Латугин?

— Не лезь ты ко мне в душу, Иван... Привезем тебе хлеб и — точка.

— А ты, Байков?

— А я помёр, я человек артельный.

— Товарищи, вот для чего я вас позвал. — Иван Гора положил большие руки на стол и стал говорить тихим и густым голосом, как батька с сыновьями. — Хлебная монополия, это — становая жила революции. Отмени сейчас монополию, — сколько бы мы пота и крови своей ни пролили, — хозяином окажется кулак. Не прежний лавочник, с ведерным самоваром, но — подкованный, в семи щелоках вываренный, каленый...

— Да какой — кулак, кулак? Растволкуй ты мне. У меня в хозяйстве две коровы. Кто я?

— Не в коровах дело, Задуивитер, а — чья будет власть? Деревенский кулачок день и ночь об этом думает. Он и работника отпустил, он и корову зарезал, и землю осенью не пахал, и на митингах кричит, голосует за советы. Он крепенький, как блоха.

— Хорошо, Иван... Я домой вернулся, купил еще корову или пару волов. Тогда как?

— А ты волей или неволей пошел в Красную армию?

— Ну, волей...

— Тогда волов не купишь...

— Почему? Не знаю — почему мне не купить волов.

— Интерес у тебя должен быть шире, не из-за этих же двух волов ты взял винтовку...

— Да купит он волов, — сказал Латугин, — чего ты его мучаешь. Говори дальше.

Иван Гора качнул головой, усмехаясь:

— Спорить не стану, а хочется в человека верить... Ну, ладно... Какая же задача у этого кулацкого класса? Задача у кулака — перехватить хлебную торговлю. Революция ему раскрыла глаза, он уж теперь не деревенскую лавочку, не кабак видит во сне, видит элеваторы да пароходы. Если он революцию оседлает, поработаешь ты на него, Задуивитер, да кровавого пота, и твои волы будут его волы. В июле проходит сильный дождь, на степи полно мелкой лягушки, люди говорят — из тучи нападали. Так и он в революцию вылез из нор — набираться силы. Он и монополию думает повернуть к своей выгоде. Был случай, — приезжаем

мы в село с продотрядом. Как ни бьемся, — все мимо: вражда, никакие слова не действуют. Ихний кровопивец, Бабулин — в плохоньком тулупчике, в худых валенках, ласковый, смиренный, только все бороденку покусывает... Что, думаю, такое? Мы — в амбары к нему, там ни зерна. Само собой, порыли, — ничего нет. На скотном дворе — паршивенькая лошаденка да — две коровьих шкуры под крышей. Что же он сделал? Узнал, сукин кот, о нашем приезде, пошел по мужичкам: «Ах да ах, царские исправники вас так не мучили, как мучает советская власть. Мне-то, говорит, все равно, я к дочери в город переберусь, дочь моя — за председателем исполкома, а вы уж не знаю — как этот год переживете. Большевики все берут, и солому у вас с крыш возьмут для Красной армии... Бог любит милостивых, — идите, братцы, ко мне в амбары, берите хлеб до последнего зерна, живы будем — сосчитаемся...» Расписочки, все-таки, он с них взял, но — благодетель... Нам он ничего не дал, а зерно свое с мужичков вернет вдвое. Он мал, да он — везде, его много. Справиться с ним нелегко. Он тысячу лет сидит у мужичьего рта, он знает — кого за какую нитку потянуть. Да, ребята, хлебная монополия — капитальное, дальновидное дело. Тяжелое, — правильно. А чего легко-то делается? Целину пахать всегда трудно. Легко только на балалайке играть... Если крестьянин этой большой политики не понимает, — виноват в первую голову ты. Заходишь на зажиточный двор, говоришь хозяину: «Отопри амбар». Каждое зерно в нем, как слеза. Но каждое зерно — святое, для святого дела.

6

- А где ключи от сельсовета?
- У председателя же...
- А где председатель?
- Там же, гуляет...

Латугин, Байков и Задуйвитер вылезли из тачанки и не знали — что им делать. Человек, у которого они спрашивали, ушел. Они долго глядели, как

он колесил по улице, будто земля под ним сама лезла вверх и валилась на стороны. Они сели на крыльцо сельсовета, свернули и закурили. В лицо им дул холодный ветер, гнавший тучи, такие низкие, что туманные клочья их ползли через крыши; посыпалась, как из решета, колючая крупа и сразу забила снегом колеи на черной дороге; стало еще скучнее.

— Послушаешь комиссара, аж рука до клинка просится, — сказал Задуйвитер. — А на деле — село, как село. Где они, эти враги-то? Видишь ты, как наяривает знатно!

Вдали, дворов через десяток отсюда, виднелась небольшая толпа, — должно быть, те, кого не позвали в хату или просто не поместились там. Оттуда доносились широкие, как размах разгульных рук, звуки гармонии и топот ног.

— Ты только цыпочки хочешь замочить, а нырять надо до дна, дорогой товарищ, — сказал Латугин. — Революция требует углубления, — об этом говорил комиссар.

— Углублять, углублять! До каких же пор? Разворочаем все, а жить надо, хлеб сеять надо, детей рожать надо. Это когда же?

— А чорт его знает — когда, не у меня спрашивай.

Латугин был зол, кусал соломинку. Задуйвитер, наморща лоб, думал, не отрываясь, не сбиваясь, — по-мужицки, — над вчерашними словами комиссара. Байков сказал:

— Так у нас дело не двинется, ребята. Сходить, что ли, за председателем?

Он приподнялся. Латугин — ему:

— Не пойдешь.

— То-есть — как это? Почему?

— Не интересно объяснять тебе причину.

Тогда Задуйвитер — решительно:

— Итти, так уж всем вместе. Пошли за председателем.

— Не пойду.

— Должен подчиниться.

— Будет тебе, Латугин, — примирительно сказал Байков, — да мы и к столу не подойдем; мы из сеней его вызовем.

Латугин выплюнул соломинку. Пото-

пал одним и другим сапогом, плотнее вгоняя в них ноги, оправил кушак:

— Помыните вы меня, — чем это кончится...

Они пошли искать председателя. Степан Петрович Не Доешь Каши крепился два дня, на третий стал думать, что село от него может оторваться. Он соскочил грязь с деревяжки, надел черные брюки навыпуск, закрутил усы и важно пошел в обход по селу.

«Ну, слава богу... Степан Петрович, пожалуйста...» Хозяин обнимал его, иной крепко хлопал в руку: «Председателю — первое место!» Сажали его в красный угол. Сваха подносила густо соленой каши на блюдечке, чтобы он откупился, и он откупался рублем (много не давал), принимал полный стаканчик, закусывал вяленой рыбкой. Он ошибся, думая, что на третий день гулянка подходит к концу. На третьи сутки только и началось широкое гулянье, пляски, песни, обниманье, сердечные разговоры, ссоры, миренье.

Ох, и крепок был народ! Чего только не выцесли за эти годы: и царские мобилизации, когда, уже подконец, начали брать пятидесятичетырехлетних, и пахать пришлось одним женщинам; гденибудь на севере баба и справляется с одноконной сохой, — в этих местах пахали чернозем тяжелым плугом на двух, а то и на трех парах волов; женщины до сих пор вспоминали эту осень. Много народу умерло от испанки. Село горело два раза. Не успели мужчины вернуться с мировой войны, — начались красновские мобилизации, тяжелые поборы и постой казачьих сотен. Казаки — известно — легки на руку. Кажется уж — свой, кум любезный, а сел казак в седло, взял пику и, чтобы он проехал по улице, не поддев пробежавшего поросенка или курицу, — такой казак — не казак. Все это осталось позади. Теперь — власть была своя, недоимки похерены, земельки прибавлено, — народ хотел погулять без оглядки.

Степан Петрович, посидев в одном месте ровно столько, чтобы не обидеть хозяев, шел в другую хату, где пировали. Заводил в красном углу разумные речи с тестем и тещей, со свекром и

свекровью — о гражданской войне, кипевшей на севере Дона, под Воронежем и Камышином, где Краснов, разбитый Десятой армией, трепал теперь Восьмую и Девятую, — «так что, свекор дорогой, тещюшка дорогой и сваты дорогие, дремать нам нельзя — как бы не продрематься! — а надо нам помогать советской власти...» Говорил о домашних делах и о том, и о сем, и хозяева только дивились, до чего Степану Петровичу все известно: у кого что лежит в амбаре и стоит в хлеву, и у кого что припрятано.

Все труднее становилось ему переползать на деревянной ноге из хаты в хату и опять начинать сначала: здороваться и садиться. В одном месте он вдруг взял у свахи блюдечко с кашей и эту кашу — голую соль — съел, вытащил из кармана солдатской шинелишки скомканные кредитки, — все, что у него осталось, — шваркнул их свахе в руку, вытянул большой стакан самогону и крикнул невесте, третьи сутки танцовавшей тут же, около стола, — в жаркой духоте, в тесноте, — кадрили в десять пар:

«Степанида, поддай жару!»

В это время ему сказали, что его спрашивают трое красноармейцев. «Зови их сюда!» — «Да мы звали, они не ходят...»

Степан Петрович оперся руками о стол, нагнув голову, постоял некоторое время. Вылез и, расталкая народ, пошел в сени, где, действительно, стояли три серьезных человека.

— Что вы за люди? — спросил он твердым голосом.

— Продотряд!..

Латугин ответил угрожающе, ожидая, что председатель, по крайней мере, пошатнется. Но Степан Петрович, — от которого шел такой густой и приятный запах, что Байков даже придвинулся ближе, — нисколько не пошатнулся:

— В самый раз угодили! Давно вас жду... Народ! — крикнул Степан Петрович в раскрытую дверь, за которой стоял шум, звон, топотня. — Временно прекратите музыку! — На этот раз его так сильно качнуло, что Байков взял его на буксир. — Товарищи, вы не куда-нибудь приехали, — в спасский сель-

совет! — Его опять кинуло к двери; ухватясь за притолоки, он еще решительнее закричал в хату: — Граждане, все на митинг!

Он пошел из сеней на двор, где трое пожилых крестьян, прислонясь к распряженной телеге, пели вразногласно казачью песню, двое, обнявшись, что-то показывали друг другу, а еще один крутился, никак не находя ворот, чтобы уйти домой. И здесь, и за воротами, где плясали под гармонью, Степан Петрович повторил, чтобы шли, не мешкая, к сельсовету.

Бешено вонзая деревяжку в мерзлую землю, он говорил на ходу:

— Гульба гульбой, а дело делом... Списки готовы, запасы выяснены... Посылайте телеграмму в Царицын: хлеб сдан полностью. На уговоры Байкова и Задувitra — отложить митинг хоть до завтра, когда народ, по крайней мере, вытрезвится, он повторял: — Кто пьян да умен — два уголья в нем. Вы меня не учите. Завтра будет хуже: надо не дать кое-кому опомниться.

Покуда собирался народ к сельсовету, Степан Петрович разложил перед товарищами из продотряда ведомости и списки и начал горячо шептать:

— Кулацких дворов у нас три: Кривосучки, — это бандит, в девятьсот седьмом ограбил почту, убил почтальона и десять лет прятал деньги, за давностью лет поставил каменный амбар и лавку, в войну нагреб деньжищ на поставках воловьей кожи. В одном Спасском зарезал половину скота. Сейчас добивается устроить кооперативное товарищество и передать свою лавку, — эту хитрость я раскушу скоро... Про себя он говорит, что у него чахотка и по ночам видит свет... Его у нас боются. Другой двор: Миловидова, — этот был подрядчиком на шахтах, вернулся в село перед войной, стал держать тайный шинок с закладом... Такой паук, ростовщик, сволочь, все село высосал по мелочам. Это он, мы узнали, подослал сюда для пробы одного человека, который говорил про себя, будто он император Николай Второй... Третий двор: Микитенко, — потомственный прасол от отца к деду, у него свои баржи были на Дону. Кро-

ме этих дворов, считай — их родня, сватья, кумовья, — еще дворов десятков. Да есть осторожные мужички. «Чем-то, мол, все это еще окончится, чья-то будет власть, умнее ни с кем не ссориться». Это — противный фронт... А вот это — все наши, все наши. — Степан Петрович водил толстым пальцем по спискам. — Положение в селе острое, — либо меня убьют, либо я кое-кому подрежу крылья...

Народ подваливал к сельсовету, — и трезвые и пьяные. Толпа теснилась, колыхалась и гудела. Байков, глядевший в окошко, приговаривал про себя:

Чайки ходят по песку,
Моряку сулят тоску,
А пока не сядут в воду,
Штормовую жди погоду.

И громко, товарищам:

— Давайте на крыльцо скорее, а то не было бы качки...

...Немного позднее девчонка от соседей, маленькая, веснушчатая, голубоглазая, всезнающая, вскочила в аннину хату и скороговоркой сказала, втягивая в себя воздух:

— Да батюшки, что у сельсовета делается, мужики колья из плетня уж выворачивают.

Она зыркнула немигающими глазами и все заметила: и то, что Анна — в бордовом платье, которое один раз в жизни надевала при живом муже, в ботинках с ушами, на ней белые чулки, и она, простоволосая, сидит на краешке кровати, а расстрига на этой кровати лежит, подняв колени, и Анна опять ему чистую рубашку дала — черненьким горошком, и он держит аннину руку...

— Куда же ты в дверь мечешься! — смущенно прикрикнула на нее Анна, и девчонка выскочила из хаты, ничего не договорив со страху. Но Кузьму Кузьмича она все-таки разбудила. Он притомился за эти дни, — много пил и ел и еще больше разговаривал. Крестьяне ни слова тогда не упустили из его проповеди, кое-чего не поняли, но эти темные места лишь придали ей значительность. В каждой хате ему приходилось толковать преимущественно о том, что силь-

нее всего их задело: о справедливости. Когда за столом оставались одни пожилые и почтенные, ктонибудь, кому вино развязало мысли, — отодвинув рукавом кости и объедки, — начинал:

«Кузьма Кузьмич, обидел ты нас... Как же так, — справедливости нет? Тогда — дикий лес. А разве мы звери?»

Другой перебивал его:

«Молодежь наша, — и кивал на другой конец хаты, где крутились юбки, вертелись косы, ленты, возбужденные лица. — Сладу нет с ними. Теперь, они говорят, все можно: бога нет, царя нет, отец с матерью дураки, — вот и хорошо... За какой прикол детей наших теперь привязывать? Где эта станова яжила? А ты еще подбавил: справедливости нет... Тогда чего же есть-то?»

Третий, бородач, вмешивался в разговор:

«Если она — от человека, — кто сильнее, тот и взял верх, тот и справедлив. И опять мы оказываемся, как обкошенный куст...»

«Ты силен?» — спрашивал Кузьма Кузьмич.

«Я силен... А рупь сильнее меня, рублем меня всю жизнь били».

«А ты комунибудь жаловался?»

«Да куда бы я пошел жаловаться».

«В Киево-Печерскую лавру к мощам ходил?»

«Нет, туда не ходил».

«Значит, нет справедливости?»

«Как так нет? Злоба-то у меня кипела. Я с войны винтовку принес, встал на меже, — вы что, говорю, меня убитым считали? Приверстывай мне три десятины!..».

«Приверстали?»

«А как же...»

«Есть, значит, справедливость?»

«Какая же это справедливость — винтовкой народ пугать? Нет, брат, я никого не обижаю, но и меня не обижайте. А то — вон дедушка Аким, — один-одинок, — вроде про которого ты рассказывал... Работать больше не может, живет у людей за печкой, дают ему горький кусок. Куда его все труды ушли? Была хатенка, — Миловидов за долги взял... А мои труды куда пойдут? За пятьдесят лет я столько наворочал —

четыре каменных дома можно поставить, а у меня локти рваные... Мои труды, как голуби, от меня летят, кому-то на крышу сядут, только не ко мне. Складно ты говорил: «Справедливость это ты — бесстрашный человек». Кузьма Кузьмич, я смерти не боюсь, на хребте еще сейчас двадцать пудов поднимаю, а справедливости не могу добиться. Вот была бы справедливость: закон — станова яжила, — чтобы человека считать не на рубли, а на труды... Как этого добиться? Вот тогда бы — спасибо советской власти...»

«Чудак голова, так это же и есть закон советской власти...»

«Ну, значит, до нас еще не дошел, значит, что-то еще не доделано...»

Кузьма Кузьмич досадовал, что при всей своей хитрости нечего ему ответить такому человеку. Или хмель уже слишком шумел в голове? С интеллигенцией разговаривать было много легче, чем с мужиками. Во всех застольных беседах он улавливал и будто довольство, и будто недовольство, и смущение, и ожидание чего-то существенного — становой жилы. Казалось, само сознание этих людей ожидает от революции больше и торопит ее вперед.

На вторые сутки ночью он припелся к Анне совсем плох. Сел на пол мимо лавки, хлопал себя ладонями по лицу, закрывался, смеялся, повторял: «Слаб я становлюсь, Аннушка, стар я стал, Аннушка».

Ни слова не говоря, Анна повела его на берег озера в баньку. Сама его мыла и — парила. У Кузьмы Кузьмича только лицо было старое, а тело — белое, гладкое, и у Анны клочкотала нежность, когда он, как рыбка, подсказывал на полке: «Ну-ка еще венником, воздух-то, воздух надо мной секи!»

После бани он успокоился и спал, тихо дыша, до позднего утра. Проснулся, поел молочка, сказал: «Уж ты на меня не сердись, Аннушка, что-то голова болит» — и опять заснул. А когда разбудила его соседская девчонка, он был уже весел попрежнему.

— Чего девчонка прибежала?

— Да собрание, что ли, красноармейцы приехали за хлебом, ну и шумят.

— Батюшки, это наши!

Кузьма Кузьмич стал торопливо одеваться. Анна молча, исподлобья, поглядывала на него. В это время опять дернули дверь, и девчонка уже только просунула голову:

— Дерутся, народу побили! Власиха мужа повела, весь в кровище... На всю улицу кричит, вас ругает... Митрофан Кривосучка лошадь стал запрягать, ему не дали, — как потащили его за ворота, зачали трепать, батюшки!

Она опять скрылась. Кузьма Кузьмич только шагнул вслед за нею в дверь, — Анна крикнула страшным голосом:

— Не пушту!

Она стояла у печки, высокая, худая, поднимая мужские плечи — закидывалась, будто ей ломали спину. Кузьма Кузьмич изо всей силы сжал ей руки:

— Анна, не дури! Ай, возьму ухват... Успокойся. Я скоро приду... С товарищами, обедать. Напеки нам блинов, слышишь... Ну, перестань, тебе говорят!

Анна — с трудом сквозь стиснутые зубы:

— Хорошо, батюшка...

Соседской девчонке хотелось чего-то гораздо более страшного, чем она видела, бегая к сельсовету и обратно — по дворам, разнося вести. Но собрание, действительно, было шумное. Вопрос о сдаче хлеба не вызвал больших споров: «Надо — так надо». Прочитанный председателем список справедливой разверстки выслушали в тишине и заставили повторить. В толпе начались короткие разговоры, движение, — одни люди стали ближе тесниться к крыльцу, другие подавались налево к соседнему огороду, где был плетень.

«Неправильно!» — крикнул всем знакомый властный голос Микитенко. «Правильно, правильно!» — ответило много голосов. На крыльцо кинулся бородастый человек с оторванным рукавом, бросил шапку под ноги и начал выкладывать старые обиды:

«Куда все мои труды пошли? Вон они к кому пошли. Третьеводни он у меня за долги кабана требовал. Что же мне у него в ногах из-за кабана валяться? Это, что ли, советская власть?»

Его отвихнул другой человек, — блед-

ный от злости, — бешено стал говорить еще более страшные слова. Тогда часть толпы, стоявшая поодаль, кинулась к плетню, вывернула колья и налетела на собрание с тылу. Латугин, Задуйвитер и Байков сбежали с крыльца в толпу, раскидывая людей, выхватывая из рук у них колья — кричали: «Никакой паники, все в порядке, мать вашу так, собрание продолжается...»

Стычка была коротка, нападающих оказалось не так много. Кое-кто из них скрылся, кое за кем гнались по улице. Несколько человек осталось лежать на земле, запорошенной снежной крупой...

... Кузьма Кузьмич пошел для сокращения пути перелазями через плетни и огороды, запутался и попал на чей-то двор. Там стояли женщины, — одна причитала, другие слушали ее. Увидев Кузьму Кузьмича, они заговорили, и Варвара Власова, надеждина мать, гневно подбирая длинные рукава бекешки из чортовой кожи, стала подходить к Кузьме Кузьмичу; другие двинулись за ней.

— Вот почему ты с нас денег не взял, расстрига! — сказала Варвара. — А мы-то, глупые, ему поверили... Все село спол... Все у нас выведал... Всех дураков смутил, смутьян... Продал нас коммунистам... Да что вы на него смотрите, сатану, бейте его до смерти...

— Нельзя меня бить, — ответил Кузьма Кузьмич, отступая, — жалеть будете, бабы... Ох, не трогайте меня!

— А ты нас пожалел?

Сбивая с голов своих платки, разъярясь, женщины закричали все враз, обвиняя расстригу в каторжной разверстке и в побоище у сельсовета, и в том, что теперь хорошему хозяину места нет на селе, и в том, — сколько гусей и поросят было сожрано за эти дни, — во всем оказался поп виноват. Они прижали его к плетню. Напрасно Кузьма Кузьмич силился снова очаровать их, насильно улыбаясь и бормоча: «Ну потерпите, ну и ладно... Давайте тихо поговорим...» Варвара Власова первая вцепилась ему в волосы с боков ушей, — по согнутой спине его замолотили кулаки. Он сообразил, что умнее всего лечь и закрыться руками. Ребра у него так и трещали. «Ох, только бы твердым чем-

нибудь не ударили...» И он услышал, похолодев, дикий голос: «Колом его, перевертня!» Попробовал вскинуться, но лишь потемнело в глазах. И вдруг его отпустили. Тогда он услышал свое кряхтенье и с усилием перестал кряхтеть. Его подняли и прислонили к плетню. Кузьма Кузьмич разлепил забитые землей глаза и увидел Анну, из-за юбки ее — восторженное личико веснушчатой девчонки; увидел Латугина, Задуивитра, Байкова.

— Жив? — спросил Латугин. — Ничего, отойдет. Ему стакан самогона сейчас же, ну-ка принесите кто-нибудь. Ну, Кузьма, натворил ты тут делов... На собраньи постановлено — тебя избрать посторонним попом. Гражданам очень понравилась твоя антирелигиозная агитация...

7

— Ты не можешь представить, Даша, до чего я был серым и занудливым человеком все это время, то-есть с самого Петрограда, когда мы расстались... Был, понимаешь, был... Теперь самому смешно... Видимо, есть в нас какая-то подсознательная жизнь, чрезвычайно могущественная... Как недуг, — томит, и глеешь на медленном огне... Объясняется, конечно, просто... Ты меня разлюбила, и я...

Даша быстро обернула к нему голову, — серые, влажные, всегда странные глаза ее сказали, что он ошибается, — она его не разлюбила. От этого взгляда Иван Ильич на минуту онемел, рот его расплылся в улыбку, не слишком умную, во всяком случае — счастливую. Даша продолжала укладывать в маленькую корзинку то, что сегодня утром Иван Ильич, обегав десяток учреждений, получил в виде вещевых пайков.

Здесь были вещи нужные и полезные: чулки, несколько кусочков материи, из которых можно было сшить пегое платье, очень красивое батистовое белье, к сожалению, на подростка, но Даша была так хрупка и тонка, что могла сойти за подростка, были даже башмаки, — этим приобретением Иван Ильич гордился не меньше чем, — если бы захватил неприятельскую батарею. Были и ве-

щи, о которых нужно было думать: пригодятся ли они в предстоящей походной жизни? Ивану Ильичу их всучили вместо простынь на одном складе, — фарфоровую кошечку и собачку, кожаные папильотки, дюжину открыток с видами Крыма и чрезвычайно добротного матерьяла корсет с китовым усом, такой большой, что Даша могла им обернуться два раза...

— Дашенька, я говорю о нашем прощанье на вокзале... Ты мне тогда сказала что-то вроде: «Прощай навсегда...» Может быть, это просто послышалось, я тогда был тоже очень подавлен... Ты была зелененькая, бледненькая, далекая, разлюбившая...

— Какая гадость, — сказала Даша, не оборачиваясь. Она завертывала кошечку в толстый чулок, чтобы не побилась в дороге. Даша всегда была рассеяна к вещам, но эти две фарфоровые безделушки, хорошенькая кошечка и спящая собака с большими ушами, почему-то ей очень нравились: будто они сами пришли к ней, чтобы устроить для Даши в этой большой, страшной, разоренной жизни, над которой неслись грозные тучи идей и страстей, — маленький мирок невинных улыбок...

— Во всяком случае, с этим образом твоим я уехал из Петрограда... Унес его, с ним жил... Ты была со мной, как мое сердце со мной. Я так и решил: прожить одному, холостяком... Теперь — ого — ты меня не узнаешь...

Он старался двигаться по комнате так, чтобы Даша была в центре его вращения. Косынку она сняла, вьющиеся пепельные волосы ее были перехвачены на затылке красной атласной ленточкой (выдали на складе артиллерийского управления). Даша то нагибалась над корзинкой, поставленной на табурет, то, опустив руки на бока, обдумывала что-то. На ней был, очаровательнее всякого какого-нибудь расфуфыренного платья, белый сестрин халат, и она его еще перетянула в талии (тоже, как и ленточка, это было не без умысла)...

— Как странно, Дашенька, опасность, смерть раньше казались как-то безразличны — убьют, так убьют... В военном деле это совсем не значит, что

ты храбрец, а просто — меланхолик... Все из-за того же внутреннего тления... А теперь мне задним числом иной раз страшно... Хочу жить тысячу лет, чтобы вот так тебя трогать, смотреть на тебя...

— Хороша я буду через тысячу лет... Слушай, Иван, что же все-таки мне с ним делать? — Она опять развернула корсет и приложила его к себе. — Здесь три женщины могут поместиться. Может быть не брать его?

— А вдруг пополнеешь, пригодится.

— Не ношу я никогда корсетов, ты с ума сошел. Знаешь что, — если вытащить из него усы и распороть, — может выйти хорошенький жилет.

Иван Ильич воспользовался тем, что обе руки ее были заняты, подошел со спины и нежно привлек Дашу:

— Так — правда? Скажи еще раз...

— Конечно — правда... Ты единственный человек на земле, без тебя я — ничто... Я же пошла тебя искать... Иван, ты все-таки соображай, — она высвободила плечи и слегка отстранилась, — нужно соразмеряться с силой, ты когда-нибудь просто меня сломаешь... Слушай, чего мы забыли? Хотя теперь уж поздно...

— Моментально слетаю...

— Хорошо бы достать губку...

— Есть губка...

Иван Ильич кинулся к шинели и вытащил из кармана губку и еще несколько принудительных предметов.

— А вот это, Даша, мне никто не мог объяснить — для чего, я все-таки взял.

— Иван, это роскошная вещь, это — резиновая штучка для массажа лица, какой ты милый, это мне страшно нужно...

Уложив корзинку, Даша подошла к Ивану Ильичу, сидевшему на краю койки и готовому каждую минуту сорваться, подняла его лицо, внимательно взглянула, улыбнулась ему, потом подошла к окошку:

— Снежок, снежок, — сказала она, — как хорошо, Иван, — и она слегка хрустнула пальцами. — Я дала себе зарок. В моей новой жизни — не ждать ничего, как Сольвейг, глядя на морской туман... Только любить и делать... Та-

кой ты меня и бери... Плоха ли, хороша ли, но я тебе верная жена. Начнем с тобой все сначала...

Как всегда, — не постучав, ворвался доктор, «внешний раздражитель...» В руке у него была газета и он сейчас же начал сообщать новости: дела, в общем, идут блестяще. Десятая армия перешла в наступление и уже очистила от белоказарков несколько районов вдоль железной дороги на Москву. На Украине — неопишущий хаос, слоеный пирог... Дерутся немцы, петлюровцы, повстанцы, махновцы, появился еще какой-то атаман Григорьев... «Прочтите военный обзор, — громыхал доктор, потрясая газетой, — все ясно... Красная армия, поддерживая повстанческие отряды, наступает на Валуйки, Двинск, Минск, Лиски, Купянск... Вы представляете, — и он очертил газетой дугу, — концентрическое наступление на Киев, черт возьми! Не совсем хорошие вести только из Сибири: Колчак заходит правым флангом на Пермь».

Доктор, большой любитель стратегии, долго объяснял Даше и Ивану Ильичу военный план адмирала Колчака, заходящего правым флангом на Пермь, а левым на Астрахань. «Мы недооцениваем Колчака! За его спиной — японцы, англичане и американцы. Опасность колоссальная, — японцы рвутся на континент. Разные Петлюры — это плевое дело. Сибирь, Сибирь! — вот куда нужно повернуть острие гражданской войны...»

Откричавшись, доктор оглянул уложенные вещи:

— Уезжаете? Сегодня? Жаль... Ваша жена, Иван Ильич, оказалась образцовой сестрой, могу выдать патент... Понятлива, спокойна, как ангел, выносива чертовски... Поглядеть — пигалица, но невероятная душевная сила... Жалею, жалею... А, за всем тем, — приглашаю на борщ с гусятиной, ни более, ни менее. Помните, Дашенька, у нас лежал один со штыковыми ранами... От него получил длиннейшее письмо, наполовину касающееся вас, гуся и мешок с капустой...

Конец третьей главы.

Три стихотворения

СТЕПАН ЦИПАЧЕВ

★

ПОТОМКАМ

Вас нет еще: вы—воздух, глина, свет,
о вас, далеких, лишь мечтать могли мы,
но перед вами нам держать ответ.
Потомки, вы от нас неотделимы.

Был труден бой. Кажались нам не раз
незащищенными столетий дали.
Когда враги гранатой били в нас,
то и до вас осколки долетали.

★

Пускай умру и вновь летят года,
но весь я не исчезну никогда.

Полями девушка пойдет босая,
я встрепенусь, преодолая тлен,
горячей пылью ног ее касаясь,
ромашкою пропахших до колен.

★

СОЛОВЕЙ

Где березняк рябой и редкий
и тает дымка лозняка,
он серенький сидит на ветке
и держит в клюве червяка.

Но это он, простой, невзрачный,
озябший ночью от росы,
заворожит поселок дачный
у пригородной полосы.

Стихотворения

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ

★

СЛАВА ГЕРОЯ

Трансвааль, Трансвааль...

Лежал герой в краю родном,
Глубок могильный сон.
И ждал в безмолвии степном
Хотя бы песни он.

Но время шло; и годы шли,
Забыл о нем живой.
Порос могильный холм земли
Высокою травой.

Как мы, он жил и в бой ходил,
Сжимала колыт рука.
Нашел его и подкосил
Огонь с броневика.

Он пал за нас, он жил для нас,
Для нас на свете жил,
И песню людям в мирный час
Я в честь его сложил.

И встал он в памяти людей,
Как некогда живой.
Воскрес герой в стране моей
Для славы боевой.

Поют по всей стране о нем
В походах и в бою,
Поют в безмолвии степном
В его родном краю.

Две жизни есть; одна пройдет —
И ты в земле сырой.
Вторая — вечной славы ждет,
Нет смерти для второй!

★

ОСЕННЯЯ СТЕПЬ

В осенний тусклый цвет рядится
Дождливой осени рассвет.
Стоит-летит на месте птица,
Как будто ей пять тысяч лет.

Идешь, идешь, и все знакомо:
Дорога, насыпи, овраг.
И двести километров к дому
Пройти без отдыха — пустяк!

Но вот в тумане холм покатый
И за оврагом перевал.
И кажется, здесь был когда-то,
А может быть, и не бывал.

Как древний ящер, дачный поезд
Ползет по насыпи в Херсон.
И, рыжим дымом в небе роясь,
Походит на забытый сон.

Какой—не вспомнишь, не опишешь,
Он тенью в памяти мелькнет.
И долго голос детства слышишь,
Пока он в сердце не замрет.

Великий Моурави

РОМАН

А. АНТОНОВСКАЯ

★

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ 1-й КНИГИ

Роман А. Антоновской «Великий Моурави» — первая книга в советской художественной литературе, посвященная историческому прошлому Грузии.

Роман освещает один из самых трагических эпизодов в истории грузинского народа.

К концу XVI века (время действия романа) феодальная Грузия не представляла единого централизованного государства. На территории Грузии, раздробленной вековыми вторжениями арабов, хозар, монголов, турок и персиан и бесконечными междоусобными войнами феодалов, образовалось три царства: Картлийское, Кахетинское и Имеретинское, а также ряд владетельных княжеств — Гурия, Мегрелия, Абхазия и Самцхе-Саатабаго.

Непрекращающиеся вторжения внешних врагов и междоусобицы привели Грузию к экономическому регрессу. От неустойчивости царской власти и произвола феодалов страдало и крепостное крестьянство, и городское сословие, и мелкопоместные азнауры-дворяне.

Пренебрегая общенациональными интересами, феодалы стремились всеми средствами расширить личные владения за счет более слабых князей, а также за счет азнауров, не имевших возможности противостоять вооруженной силе и власти феодалов.

Но не только желание присвоить имущество и земли азнауров руководило владетелями.

Во время частых войн грузинские цари зависели от феодалов. Личные княжеские дружины всегда решали исход боя. Во главе отдельных военных округов (сардарств-воеводств) стояли именитые князья. Они всеми средствами противодействовали укреплению единого грузинского войска. Такое положение, вынуждало царей усиливать свои дружины, но зависимость от феодалов мешала широко проводить эти мероприятия.

Отличившихся в войне крестьян цари награждали званием азнаура и мелкими поместьями, а потомственных азнауров за воинскую

доблесть жаловали поместьями и угодьями и должностям в царских владениях и личной свите.

Это приводило к усилению азнаурского сословия, что не могло не представлять угрозу для князей. Политические интересы азнауров, направленные к укреплению царской власти, шли в разрез с интересами феодалов, стремившихся подчинить царскую власть себе.

Нарастало столкновение.

В этот период бурь и потрясений на политической арене Грузии выдвинулся один из замечательных ее людей — Георгий Саакадзе.

Есть данные, что предки Георгия Саакадзе за доблесть были награждены еще царицей Тамар (XII в.) и отличились в освободительных войнах с Тимурленгом (XIV в.).

Отец Георгия Саакадзе Шно не участвовал ни в политической, ни в военной жизни страны. Обедневший азнаур в царском поселении Носте, он весь был поглощен делами своего небольшого хозяйства.

Георгий Саакадзе не походил ни на ограниченного отца, ни на робкую мать. Он унаследовал властный и непокорный характер своей бабушки — бабо Зара. Она научила внука презирать мелкое благополучие — «лишний баран или мешок зерна не делает человека ни лучше, ни счастливее».

С юных лет Георгий Саакадзе жаждал борьбы, подвигов, первенства.

Он тщательно подбирал себе товарищей, отвечающих его понятиям о бесстрашии и отваге. Так создалась «дружина барсов», верных боевых соратников Георгия Саакадзе. Дато, Димитрий, Даутек, Элигбар, Ростом, Матарс, Пануш и Гиви были неразлучны со своим предводителем на всех этапах его необыкновенной жизни.

Неразлучен был с Георгием Саакадзе и азнаур Папуна — философ и оптимист.

Военное возвышение Георгия Саакадзе началось с битвы у Триалетских вершин. В этой войне с Турцией, стремившейся поставить

Картли в вассальную зависимость, восемнадцатилетний Георгий Саакадзе проявил себя не только как воин, но и как политик и стратег. Выдав себя за посланца царя, он, по собственной инициативе, ввел в бой царские резервы, подготовленные для прикрытия отступления царя, и провел свой план двойного охвата турецких войск, разделив их подоженным горным лесом.

Царь Георгий X сразу оценил Георгия Саакадзе и решил использовать его, как орудие против своевольных князей. Наградив Георгия Саакадзе поселением Носте, — «земля, возраставшая героя, должна принадлежать герою», — а «дружину барсов» — поместьями, царь зачислил их в личную охрану. В Метехском замке, представляя ностевцев наследнику, царевичу Ауарсабу, царь подчеркнуто сказал: «Да не оскудеет милость наша к героям Картли».

Князь Шадиман Бараташвили — владетель Марабды, идеолог феодального строя — умышленно водворился в Метехском замке в качестве воспитателя Ауарсаба. Дальновидный Шадиман, чувствуя приближение борьбы за княжеские привилегии, решил воспитать Ауарсаба, будущего царя, в духе, угодном своей клике.

По договору 1554 года между Ираном и Турцией были разграничены сферы влияния, причем Турция получила особые права на западную Грузию, а Иран — на восточную.

Марабда и другие земли Шадимана находились вблизи иранской границы. Шадиман, с целью обезопасить свои владения, стремился заручиться помощью Стамбула. Тайные переговоры с султаном укрепили решение Шадимана придерживаться турецкой ориентации. Стамбул за проведение противоиранской политики гарантировал Шадиману и расширение владений, и поддержку в укреплении власти князей — сторонников Шадимана.

Победа Грузии у Триалетских вершин облегчала Шадиману дальнейшие переговоры с Османской Портой.

Но эта победа привела в уныние светлейшего Баграта, его сына Симона и князя Амирииндо Амилахвари, рассчитывающих после поражения Георгия X захватить картлийский трон. Светлейший Баграт, представитель Багратидов (царская династия) и претендент на картлийский престол, считал, что Георгий X узурпировал трон, по праву принадлежащий ему, Баграту. Союз заговорщиков был скреплен женитьбой Амирииндо на дочери Баграта, красавице Гульшари.

В планы князей проник не только Шадиман, но и начальник охраны Метехского замка князь Баака, поспешивший поручить «барсам» наблюдение за враждебными князьями.

Столкновение Георгия Саакадзе с князьями Магаладзе на ностевском базаре и на поле битвы у Триалетских вершин, а также щедрость царя, возвысившая незначителю азнаура, заставили Шадимана внимательно присмотреться к Георгию Саакадзе.

Шадимана беспокоило и отношение к Георгию Саакадзе могущественных князей иранской ориентации — Эристави Арагвских, Эри-

стави Ксанского и Мухран-Батони. Саакадзе завоевал расположение знатных владетелей, спасши жизнь на поле битвы Зурабу Эристави, сыну Нугзара. Это же положило начало взаимному чувству Георгия Саакадзе и княжны Русудан Эристави Арагвской, ставшей впоследствии женой Георгия Саакадзе.

Получив в собственность Носте, Георгий Саакадзе попал в двойственное положение. Закон делал Саакадзе господином не только крестьян-ностевцев. Его собственностью становились и родители «барсов», так как «дружина барсов» получила только личные азнаурские грамоты.

Саакадзе горячо принялся за переустройство жизни в Носте. Он решил в корне изменить условия тяжелого существования крестьян.

Крепостное крестьянство в Грузии было разбито на несколько категорий (мсахури, глехи, хизани, месепе) с различными обязанностями и правами. Так, высшая категория мсахури (дворовая челядь, оруженосцы, стражники, сборщики податей и пр.) обладали правом иметь крепостных крестьян из нижестоящих категорий.

Такое положение создавало между крестьянами антагонизм, искусно разжигаемый феодалами.

Мелкопоместное, обедневшее азнаурство, к которому принадлежала и семья Саакадзе, по существу мало отличалось от глехи — второй категории крепостных, основной массы земледельцев. Таким образом, Георгий Саакадзе с детства был не только свидетелем произвола князей, но и сам разделял с народом всю тяжесть феодального гнета. Естественны его живые сердечные симпатии к народу, к угнетенным.

Получив в собственность Носте, Георгий Саакадзе решил облегчить страдания народа. Одним из первых мероприятий Саакадзе было то, что он перевел всех крестьян из низшей в высшие категории, с обеспечением землей. Так, между прочим, Георгий спас от голодной смерти и Эрасти, ставшего на всю жизнь его верным оруженосцем.

Крепостной крестьянин для феодала был только бессловесным рабом, созданным для того, чтобы увеличивать благосостояние господина.

Георгий Саакадзе в крестьянине видел главную созидательную силу грузинской земли, ее векового защитника. Он всегда ощущал кровную связь и с земледельцем, и с ремесленником, и с ополченцем.

Но забытых крестьян пугали непонятные действия Георгия Саакадзе, в которых им мерещилось только тайное желание нового владельца еще более ухудшить их положение, потому что эти действия шли в разрез с вековыми устоями и законами феодальной Грузии.

С другой стороны, мероприятия Георгия Саакадзе встретили яростное сопротивление азнауров и церкви. Азнауры видели в действиях Саакадзе посягательство на их сословные права, нарушение священных законов бога и царя.

Георгий Саакадзе понял: необходима упорная борьба, чтобы подорвать существующие

устои. Но для борьбы необходима сила, а сила — в объединении. Как же сплотить те силы, с помощью которых можно было бы сломить могущество феодалов?

Присутствуя однажды на избрании уста-баши — старосты цеха — у амкар-оружейников, Георгий Саакадзе был поражен организованностью ремесленников, их умением отстаивать свои цеховые интересы, их девизом: «Все за одного, один за всех». Так зародилась у него мысль о «союзе азнауров».

В разгаре споров с азнаурами, священником и крестьянами Георгий Саакадзе спешно был вызван в Тбилиси князем Баака для встречи первого русского посольства в Картли. Баака поручил Саакадзе и «дружине барсов» тайный надзор за посольством боярина Татищева.

Россия, стремясь к берегам Каспия и Черного моря, преследовала цель подчинить своему политическому влиянию все грузинские царства и княжества. «Союз» с Картли решено было скрепить браком сына Бориса Годунова царевича Феодора с царевной Тинатин — дочерью Георгия X.

Лазутчик Ирана хан Али-Банндур, находясь в Тбилиси, проводил о целях русского посольства и поспешил осведомить шаха Аббаса.

Шах Аббас стремился создать из грузинских царств вассальное ханство — буфер между Ираном и Русией и свой аванпост перед Турцией.

Разбивая планы Бориса Годунова, шах Аббас спешно отправил послов к Георгию X, требуя Тинатин себе в жены.

Шадиман красноречивыми доводами убедил царя согласиться на домогательство грозного шаха.

Так была предотвращена губительная война с Ираном. Шадиману даже удалось выговорить у послов шаха Аббаса большой калым — выкуп за царевну. Эти действия возвысили Шадимана. Он стал советником царя и везиром. И план Баака доказал царю, что пребывание Шадимана в Метехском замке опасно для трона, потерпело поражение.

Георгий Саакадзе вникал во все происходящее и пришел к убеждению, что сила грузинского царства в объединении всех княжеств в единое государство и в единовластии царя.

Георгий Саакадзе, правильно понимая преимущества централизованного государства, не учитывал, однако, особенностей географического положения Грузии, находившейся на главных торговых путях, в окружении сильных мусульманских соседей, и ошибочно думал, что Грузия может существовать как самостоятельное государство, без помощи могущественных союзников. Впоследствии (в начале XIX в.) Грузия вопрос о союзнике разрешила правильно и присоединилась к России.

С пышной свитой, сопровождавшей царевну Тинатин в Исфагань, царь отправил и Георгия Саакадзе, поручив ему тайно разведать настоящее политическое и военное положение Ирана.

Но и шах Аббас, осведомленный Али-Банндуром о внимании царя Картли к незнатному

азнауру, решил использовать Георгия Саакадзе в своих целях.

Шах наградил Саакадзе подарками и тайно предложил осведомлять повелителя Ирана о действиях князей турецкой ориентации.

Георгий Саакадзе понял — в его жизни начинается новая эра; он нужен двум царям. И Саакадзе также решил использовать обоих царей в целях выдвижения азнаурского сословия на политическую арену. У него уже твердо созрел план создания «союза азнауров», который должен противостоять силам князей.

Так началось политическое возвышение Георгия Саакадзе.

Возвращение Саакадзе на шахском коне и донесения князей и свиты о щедрости шаха к Саакадзе безошибочно ориентировали Шадимана. Везир пытался убедить царя во враждебности действий Георгия Саакадзе. Но царь, помня свое поручение азнауру, блестяще им выполненное, и, по обыкновению, опасаясь князей, не поддался уговорам Шадимана, настаивавшего на удалении Саакадзе из Метехского замка.

Напротив, царь после тайной беседы с Георгием Саакадзе разрешил организацию «союза азнауров». Саакадзе убедил царя, что основной целью союза будет обуздание своевольных князей и борьба за единовластие царя.

Шадиман, почувствовав нарастающую угрозу, поспешил еще теснее связаться со Стамбулом и объединить князей, возненавидевших «плебея» Саакадзе.

В свою очередь Георгий Саакадзе и созданные им «союз азнауров» и «дружина барсов» платили князьям ненавистью.

Так началась борьба азнауров с шадимановской кликой.

Георгий Саакадзе проник в замыслы Шадимана, Баграта, Амириндо и других князей и поспешил известить шаха Аббаса о тайных сношениях князей с Турцией.

Шах прислал царю грозное предупреждение. Шадиман понимал, кому он обязан тем, что не удалось склонить царя к союзу с Турцией против Ирана, и стал искать случая отторгнуть царя и наследника от Георгия Саакадзе. Такой случай скоро представился. Нугзар Эристави, видя враждебность князей клики Шадимана и желая подчеркнуть покровительство Арагвских Эристави Георгию Саакадзе, пригласил его погостить в ананурском замке — своей резиденции.

В Ананури Георгий Саакадзе окончательно забыл синеглазую Нино, увлечение своей юности, и овладел сердцем гордой княжны Русудан.

Шадиман поспешил «обрадовать» царя предстоящей женитьбой Георгия Саакадзе на Русудан.

Царь, тайно влюбленный в Русудан, обуреваемый ревностью, приказал Шадиману уничтожить Георгия Саакадзе и разогнать «союз азнауров».

Но князья, опасаясь могущественного владельца Нугзара Эристави, не поддались искушению сделать Русудан преждевременной вло-

вой. Шадиман тем более не желал такой развязки. Влюбленный царь мог заточить царицу Мариам в монастырь и сделать царицей Русудан, что укрепило бы позиции Нугзара Эривани и его приверженцев.

Все это побудило Шадимана к более решительным действиям.

Однажды утром царя Георгия X нашли на ложе мертвым.

Несмотря на скрытое противодействие Баграта, на престол вззошел юный Луарсаб II.

Шадиман стал полновластным господином Картли. Крестьянство застонало под железным ярмом Шадимана. Проводя политику укрепления феодальной власти, Шадиман заключил союз со всеми грузинскими царями и владетельными князьями.

Разорительная политика Шадимана вызвала брожение и недовольство среди амкар (ремесленников) и купцов, обремененных непосильными налогами.

Луарсаб одобрял все мероприятия Шадимана, но, помня тайный совет отца — всегда противопоставлять князьям азнауров, — решительно отклонил домогательство везира изгнать Саакадзе из царского замка.

Георгий Саакадзе, желая умерить влияние Шадимана на Луарсаба, решил водворить в замок сильного князя, партии Нугзара, Эривани. С этой целью Георгий Саакадзе использовал соперничество из-за Луарсаба двух красавиц — Гульшари, жены Амириндо, и княжны Нестан Орбелиани. Влюбленный Зураб Эривани при содействии Саакадзе женился на Нестан и был приближен Луарсабом.

Случай помог Шадиману, и самолюбивый Луарсаб вежливо предложил Георгию Саакадзе отправиться в Носте к скучающей Русудан.

В Носте Георгий Саакадзе энергично принялся за переустройство своего владения. Это уже не был молодой воин, которому азнауры некогда читали нравоучение. Властный предводитель «союза азнауров», тайно существовавшего, несмотря на запрет, Георгий Саакадзе требовал укрепления воинских дружин и единства действий всех азнауров, состоящих в союзе.

В течение многих лет Георгий Саакадзе упорно оказывал помощь обращавшимся к нему крестьянам, особенно из дальних мест. И сейчас, под гнетом шадимановских законов о барщине и податях, крестьяне стихийно перебегали к Саакадзе.

Народ все больше видел в Георгии Саакадзе своего защитника от произвола князей.

Саакадзе понимал, что его борьба с князьями может увенчаться успехом только с помощью народа. Силе феодалов Георгий Саакадзе хотел противопоставить силу народа и это еще больше укрепляло его стремление улучшить материальное положение крестьян.

Популярность Георгия Саакадзе разжигала ненависть князей, и они потребовали от царя решительных мер.

Но в это время неожиданно в Картли вторглись турки.

Луарсаб, помня непрерывные войны деда Симона I и отца Георгия X с Османской

Портой, упорно не поддавался доводам Шадимана и не пошел на союз со Стамбулом и на разрыв с Ираном. И вот Османская Порта ответила на отказ Луарсаба военным вторжением.

Разгром царства заставил Луарсаба с приближенными князьями покинуть опустевший Тбилиси и укрыться в Цхиретском замке.

Георгий Саакадзе взял ведение войны в свои руки. Его надежды на народ оправдались. Из Верхней, Средней и Нижней Картли под знамя Георгия Саакадзе стекались крестьяне.

Во главе азнаурских дружин и народного ополчения Георгий Саакадзе явился в Цхиретский замок.

Предложенный им стратегический план разгрома турок изумил Луарсаба и князей. Этот план был противопоставлен феодальному способу ведения войны.

Искусными маневрами Георгий Саакадзе заманил турецкое войско к долинам Сурама, в Ташись-Карские теснины, и одержал блестящую победу.

В Сурамской битве двадцать пять тысяч грузин под начальством Георгия Саакадзе разбили стотысячное турецкое войско.

За Сурамскую битву признательный народ прозвал Георгия Саакадзе Великим Мсурави¹.

Георгий Саакадзе отказался в пользу ополченцев от богатых трофеев.

Луарсаб, подчеркивая царскую благодарность герою, выразил желание отпраздновать победу в ностевском замке. В Носте Луарсаб влюбился в красавицу Тёкле, сестру Георгия, и, несмотря на отговоры Георгия Саакадзе, настойчивое предостережение Шадимана и угрозы князей, женился на Тёкле.

Георгий Саакадзе стал во главе всех царских войск Картли. Облеченный доверием Луарсаба, Георгий Саакадзе энергично принялся за организацию единого царского войска и за расширение картлийской территории. Одним из первых мероприятий Георгия Саакадзе было освобождение картлийских земель, захваченных султаном Мурадом.

Князья понимали, что мощь царского войска ослабляет княжескую власть. Все сильнее разгорался антагонизм между князьями и азнаурами.

Шадиман всеми мерами доказывал Луарсабу вредность действий Георгия Саакадзе, ибо чрезмерная популярность полководца умалит царское достоинство, а объединение азнаурских дружин с царскими Георгием Саакадзе может использоваться в личных целях, недаром он тайно переписывается с шахом Аббасом.

Георгий Саакадзе, зная об интригах князей, об их намерении очернить его в глазах царя, решил стремительно претворить в жизнь идеи объединения Грузии и единовластия царя.

Но общенациональная программа объединения, выдвинутая Георгием Саакадзе, не вместились в узкие рамки феодализма. Георгий Саакадзе не учел, что современная ему Грузия

¹ Мсурави в прямом смысле — правитель, в данном случае и полководец. Применяется к Георгию Саакадзе как собственное имя.

экономически и политически не была подготовлена к восприятию его идей. Стремительные действия без укрепления уже завоеванных политических позиций не могли быть эффективными.

Готовясь к решительному удару, Георгий Саакадзе тайно собрал в ностевском замке азнауров и открыл им свой замысел укрепить с помощью шаха Аббаса единовластие царя, а затем, опираясь на народ и азнауров всех грузинских царств и княжеств, объединить Грузию в единое сильное царство, которое сможет отразить любое посягательство извне.

Произошел раскол. Наиболее состоятельные азнауры — и потомственные, и разбогатевшие при помощи Георгия Саакадзе — поспешили порвать с «союзом азнауров». Но мелкоземельные азнауры во главе с «дружиной барсов» навсегда вручили Георгию Саакадзе свои судьбы.

По уговору с царем Георгий Саакадзе стягивал якобы на царский смотр азнаурские и картлийские дружины.

В Метехском замке были собраны Шадиманом все его приверженцы, ультимативно требовавшие от царя уничтожения Саакадзе.

Георгий Саакадзе ждал сигнала царя, чтобы начать истребление князей, но в последний момент Луарсаб испугался смелого шага, направленного к уничтожению феодального строя. Луарсаб поручил Шадиману примирить Саакадзе с князьями.

Хитрослепенная Шадиманом интрига привела к тому, что Луарсаб и Тэкле отправились на отдых в Твалади, летнюю резиденцию Багратидов, «дружина барсов», по приказанию царя, повезла подарки шаху Аббасу, войско оказалось в стенах Тбилиси, а Георгий Саакадзе, якобы от имени Луарсаба, был приглашен в Цавкисский замок на царскую охоту.

В Цавкиси уже были Шадиман и князья, подготовившие убийство Георгия Саакадзе. Но предупрежденный князем Баака, Георгий Саакадзе необычайно смело вырвался из западни и ускакал в Носте.

Таким образом, оставшийся без войска и без верных друзей «барсов», обманутый двуличьем царя, Георгий Саакадзе вынужден был вместе с семьей бежать в Иран.

Так завершился первый этап борьбы Георгия Саакадзе с феодалами.

Б. Черный

★

КНИГА ВТОРАЯ

I

Георгий Саакадзе откинул пеструю занавеску, широко распахнул окно. В полукруглую комнату ворвалась пред-рассветная свежесть.

Он любил утро. Утро — юность дня: еще не смята трава, воздух не отравлен пылью; не тронута прозрачная вода и мысли не омрачены изменчивым днем.

Георгий с наслаждением вдохнул аромат причудливых цветов, распустившихся за ночь. Яркие кусты роз вздрагивали от холодных брызг фонтана. Стройные пальмы бросали легкую тень на оранжевые дорожки.

Улыбаясь, он следил за борьбой двух голубых с розоватыми хохолками птичек. Хитрецы, применяя сложную стратегию, вырывали друг у друга из клюва жирного червячка.

Георгий взял пригоршню зерен и бросил в сад. С кустов и деревьев хлопотливо слетались розовые, зеленые, белые и синие птицы. Они деловито застучали клювами. В разгар пира с пальмы упали кольчатые попугаи. Сердито кося круглыми глазами, они стремились наверстать потерянное время.

Георгий рассмеялся, блеснули белые, крупные зубы.

«И тут сильный прав!» — подумал он.

Саакадзе озабоченным взглядом скользнул по еще сонной столице Ирана. Вот Давлет-ханэ, резиденция шаха Аббаса.

Георгий нахмурился, отвернулся. Взял свиток и прочел: «Тридцать шесть тысяч пеших и четыре тысячи конных вели римские полководцы в битве при Требии. От поступи легионов дрожала земля. На римлян бросились двадцать тысяч пеших и десять тысяч конных карфагенян. Преимущество конницы принесло карфагенянам славу победителей».

Саакадзе задумчиво прошелся по комнате и снова развернул свиток: «За двести шестнадцать лет до рождения Христа карфагенская конница одержала победу при Каннах. Римляне имели восемьдесят тысяч пеших и только шесть тысяч всадников, Ганнибал — около сорока тысяч пеших и десять тысяч всадников. Победил Ганнибал...»

Превратности судьбы научили Георгия ценить не только оружие, но и науку познания человеческих душ. Он проник в мохамметанскую мудрость, углубляясь в коран и персидские фирманы. Он изучал войны древних царей, изучал историю родоначальника Сефевидов — шаха Исмаила Сефевидов, развернувшего наряду с национальным персидским знаменем знамя шиизма и положившего начало религиозным распрям с суннитской Турцией.

Знал Саакадзе и сокровищницу мыслей Фирдоуси, поэму «Шах-Намэ».

Знал искусство иранское — парфянское и сассанидское.

Широкие познания сделали Саакадзе желанным собеседником шаха Аббаса в часы досуга и кейфа.

Беседуя с надменным Сефевидом о луристанской бронзе, сассанидской ткани, парфянских вазах или о вечном блаженстве, ожидающем правоверного в раю Мохаммеда, или о поединке Ростом с китайским Хаканом, Саакадзе упорно изучал деспотическую, изменчивую натуру шаха.

Шах все больше проникался доверием к Саакадзе.

Не только в часы утреннего разговора с шахом, но и в длительных переходах и опасных битвах, увеселительных охотах на диких зверей и на пышных шахских пирах Саакадзе ни разу не выдал обуревавших его чувств. И ему удалось внушить всем, что он живет только желаниями шаха.

Но, когда исфаганские высокие минареты погружались в синюю мглу, в своей закрытой наглухо грузинской комнате бушевал одинокий Георгий Саакадзе.

Возникали воинственные планы.

Через Папуна и Ростом он установил прочную связь с тбилисскими амкарами, а через Дато и Даутбека — с азнаурами и грузинскими горцами. Никто в Грузии не должен забывать имя Георгия Саакадзе: ни народ, ни цари, ни князья.

Он уже видел, как грузинские горы соединены каменной цепью башен и крепостных стен, как стоят, обнявшись, закованные в кольчуги три исполина — Картли, Кахети, Имерети — с мечами,

поднятыми на восток, север и запад, как по Дидубийскому полю проходит войско объединенной Грузии: вот на низкорослых диких скакунах хевсурсы с нашитыми на груди крестами, вот стройные гурийцы в красных коротких куртках, вот имеретины в высоких папахах, вот тушины в задорных шапочках, вот герельцы, бряцающие чеканным оружием.

Это он возвращался с грузинскими племенами после изгнания последних османов и персиян...

Саакадзе резко повернулся, провел рукою по упрямому лбу. Здесь он мог быть откровенен в мыслях и чувствах. Сюда, кроме Эрасти и «дружины барсов», никто не входил.

Он оглядел стены, увешанные драгоценным оружием.

На почетном месте висела простая шашка, с ней он одержал победу у Триалетских вершин. Рядом красовалась изогнутая шашка Нугзара Эристави, подарок за спасенную жизнь Зураба. В зеленых ножнах с золотой чеканкой покоилась сабля с белой выгнутой рукояткой из слоновой кости — подарок шаха Аббаса. Индийская секира, подобная пасти змеи, пика из Раджпутаны со стальными ребрами, двойной пламенеющий кинжал из Индостана, звездчатая палица из Гайдерабада, боевой топор, изогнутый полумесяцем, из Хоты Нагпура, жертвенный меч из Непала с рукояткой, похожей на китайскую пагоду, и с лезвием в виде распластанного крыла летучей мыши, кинжал из Лагора с золотым гребнем рукоятки и серебряными серьгами на мозаичном пояске, кончары — древние персидские рапиры с остроконечными клинками, черкесские кинжалы, дамасские клинки, турецкие ятаганы, русийские чеканы, мечи крестовосцев, испанские шпаги, щиты из кожи носорога, панцирные нагрудники, хамаданский серебряный шишак, обернутый шелковой шалью и нитками жемчуга, багдадские латы, персидские боевые цепи, — все это в непривычном покое дремало на белых стенах.

Каждая рукоятка, каждый клинок будили память о яростных битвах, о длинных путях, о бесконечных пространствах и упорных стремлениях.

Георгий с теплой усмешкой оглядел свою комнату: спартанское убранство не гармонировало с великолепием оружия. Грубо сколоченная грузинская тахта с ковром, мутаками¹ и жесткой подушкой служила ему постелью. Картлийская бурка и папах висели в углу, а на простом столе, покрытом ностевской самостанной скатертью, стояли деревенский глиняный кувшин с водой и чаша. Над столом изогнулся светильник из рога оленя, убитого Георгием в молодости. Под светильником на тонкой цепочке висел кисет, некогда подаренный ему золотой Нино.

Георгий снял кисет и бережно достал горсть грузинской земли. Он захватил ее в Носте, покидая Картли. Георгий жадно вдохнул увядающий запах родины. Затем осторожно вынул шелковый лоскут со дна кисета, развернул и посмотрел на золотой локон синеглазой Нино. Повесив кисет, Георгий тихо вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Он проходил через анфиладу комнат, не замечая иранской и индийской роскоши. Дворец еще спал.

По мраморной лестнице Георгий сбегал в сад. Здесь, под высокой финиковой пальмой, уже ждал Эрасти с большим кувшином, наполненным холодной водой. И хотя во дворце имелся банный зал с бассейнами, искусственным дождем и нишами с благовониями и маслами, Георгий не изменял привычке далекой юности.

Он сбросил шелковый халат и вытянул сильные руки. Ранние лучи заиграли на могучих плечах. Огромные шары мускулов катались под упругой кожей, точно выкованное из смуглой бронзы тело впитывало в себя прохладу и солнце. Георгий подставил согнутые чашей ладони, и Эрасти благоговейно влил в них полкувшина. Георгий с наслаждением окунал лицо в воду, фыркал, брызги летели во все стороны, скатывались по спине Георгия и по лицу Эрасти. Георгий смеялся над гримасами Эрасти и снова, и снова гонял оруженосца за водой к фонтану.

Насухо вытершись банной простыней, Георгий стал метать диск. Медный круг, вырываясь из пальцев, перелетал через пальмы и тонул в синеве неба. Эрасти подал двухконечное копье. На высоком шесте желтели кружки. Георгий бросил копье, и они стремительно вылетели из обручей. Пристыдив Эрасти за увлечение от воинских упражнений, Георгий, словно горный олень, рванулся вперед.

— Эй, Эрасти, догоняй! — крикнул Георгий, ускоряя бег.

Эрасти без воодушевления последовал было за ним, но, сделав несколько прыжков, махнул рукой, сел на мраморный барьер фонтана, терпеливо ожидая нетомимого «барса».

А когда проснулся дворец, слуги увидели властное лицо могущественного сардара Георгия Саакадзе. Он надменно спустился по мраморной лестнице, за ним волочился персидский алый плащ, отороченный мехом, и звенело золотое оружие.

У выхода толпились слуги. Старший конюх в фиолетовой одежде подвел любимого коня Георгия — черного Джамбаза — в уборе с серебряными узорчатыми бляхами. Чепрак из малинового бархата играл золотой и серебряной вышивкой.

Эрасти подал нагайку, оплетенную золотыми нитями. Саакадзе легко вскочил в седло, обитое серебром. Джамбаз изгибал выхолонную шею, тряс головой.

Георгий выехал из мавританских ворот на широкую улицу. За ним Эрасти и рослые телохранители.

Исфаганцы шумно встречали сардара. Угождая любимцу шах-ин-шаха, они бежали за Джамбазом и, надрываясь, пели о победах прославленного полководца:

О гурджи, большой гурджи*,
сколько сбил ты башен, стен!
Про тебя сказал хаджи:
возрожденный ты Ростем!

Ты летишь быстрее орла,
равен тигру и огню,

¹ Мутака (груз.) — длинная подушка.

* Стихи в романе Бориса Черного.

Под Неджефом сам пророк
передал тебе ханжал¹.

Кровь у турок замерла,
лишь одел гурджи броню.
Ветер, горы и песок
ты в одной руке зажал.

Розу видит соловей,
но поет он для гурджи.
Взгляд сверкнул из-под бровей—
пали в Индии раджи.

О, гурджи, большой сардар,
ты победами богат.
Вел с добычей караван,
цепи бились на пашах.

Лишь нанес мечом удар,
пал к ногам твоим Багдад...
«Саакадзе пэхлеван!»²
молвил грозный шах-ин-шах.

Саакадзе щедро бросал в толпу мелкие монеты.

Колючие цветы обвивали беседку «отдыха и раздумья» шаха Аббаса.

Причудливые розы вились вокруг резных столбиков. Вдыхая тонкий аромат, возлежал на мраморном возвышении, заваленном шелковыми подушками, «лев Ирана».

У стены на коврике сидел Али-Баиндур. Он провел год на разведке в русийском царстве и даже пробрался в Москву. Вместе с послами атамана Зарудкого он только вчера вернулся из Астрахани, где под видом богатого купца Хозро Муртазы выполнял тайные поручения шаха Аббаса. Али-Баиндур, подражая купцам, степенно рассказывал шаху о большом торговом городе Астрахани.

Выкрашенная хной борода, подобно пламени, обволакивала лицо Али-Баиндура. Халат купца скрадывал его гибкую фигуру. Купеческий перстень, величиною с миндалину, блестел на мишине бирюзовой голубизной.

Шах, потешаясь, слушал хана.

— Аллах благословил мой путь, и я видел и слышал многое, что может послужить поучением правоверным. Астрахань подобна жилищу шайтана.

Нож и огонь заменяют беседу, жизнь человека дешевле испорченного ореха. Встреченный с восхищением, как верный слуга шаха Аббаса, я ночью был ограблен, а наутро эти же казаки бесстыдно присутствовали на беседе моей с атаманом Зарудким. В усладу моего слуха он сразу, словно финики из мешка, высыпал тысячу и одну просьбу. Все нужно атаману: покровительство великого шах-ин-шаха, золото, хлеб, войско. Об одном только не просил Зарудкий — верить его слову, ибо заметил мое равнодушие к клятвам. Наконец, он заговорил словами, понятными купцу. За помощь атаман предлагал повергнуть к твоим благословенным стопам просьбу принять в собственность Ирана Астрахань со всеми реками и прилегающими землями. Я обещал умолять шах-ин-шаха исполнить просьбу атамана, но потребовал грамоту, скрепленную целованием креста, ибо этот атаман украдет ресницу из глаза, и ты ничего не заметишь.

Шах весело посмотрел на своего хана.

— Если о казаках все, говори об Астрахани.

— В Астрахани, шах-ин-шах, сходятся новые торговые пути по воде и песку. Кто захватит реку-море, тот будет повелевать торговлей со странами, лежащими на западе, где мужчины носят чужие волосы, а женщины нагло раскачивают на бедрах юбки, натянутые на обручи. Да покарает их аллах,—презренные в опасных юбках прячут своих возлюбленных, а несчастные мужья в то время бегают с обнаженной саблей по всему городу, разыскивая оскорбителя чести.

Шах оживился:

— А какую юбку носит ханум Марина, дочь Мнишка?

Али-Баиндур, слегка опешив, неопределенно ответил:

— Красивую...

Шах Аббас мечтательно погладил подушку и уже твердо решил помочь Зарудкому построить на Тереке каменную крепость, посадить в ней атамана для охраны входа на Кавказ, а Марину Мнишек взять к себе в гарем.

¹ Ханжал (перс.) — кривой кинжал.

² Пэхлеван (перс.) — богатырь.

Не только в шахских покоях Давлетханэ обсуждались важные дела и строились грандиозные планы. И Гарем-ханэ жил сложной, закутанной в чадру жизнью, часто влиявшей на благополучие страны. Здесь завоевывалось внимание грозного повелителя и отвращалось его сердце от соперниц. Отсюда шли нити интриг во все ханские дворцы. Здесь ханы через жен и наложниц искали поддержки своим домогательствам. Здесь страдали, остро ненавидели, жаждали власти, но не были счастливы.

Кипучий гарем нередко прибегал за советом и просьбой к Тинатин, матери наследника Ирана, любимой жене шаха.

Сквозь полосатые навесы в окна пробивался зной. В нефритовом фонтане лениво журчала прозрачная вода. На желтых плитах стен покачивались черные тени деревьев. В глубоких нишах дремали евнухи.

Рабыни облачали Тинатин в затканые жемчугами и бирюзой одежды. Как всегда по пятницам, у нее сегодня гости.

Овальное зеркало в раме из золотых роз отражало счастливое лицо Тинатин. Ее сын Сефи-мирза, наследник престола, вчера в первый раз командовал шахсеном¹.

Прошлое тревожной птицей промелькнуло в памяти.

Много лет назад шах Аббас вынудил Тинатин покинуть родную Картли.

Навсегда ушли вдаль лиловые изломы картлийских гор, а за ними отец, царь Георгий, мать и любимый брат, прекрасный Луарсаб... Луарсаб!.. Самое дорогое воспоминание. Тинатин неустанно лелеет образ брата, но ее сокровенное чувство глубоко спрятано в тайниках души, ибо шах Аббас не терпит, когда его собственность обращает мысли не в сторону «солнца Ирана».

Тинатин поправила жемчуг на красных волосах и снисходительно улыбнулась зеркалу.

Она не очень красива, но любима шахом. Недаром в часы посещений шах говорит с нею не только о ласкающих слух стихах Гафиза и Фирдоуси, но и о тай-

ных делах Ирана. Любима? Тинатин грустно улыбнулась, вспомнив свое обращение в мохамметанство. И вот она даже не Тинатин, а Лейлу.

Но она сумела втайне воспитать в своем сыне Сефи-мирзе большую любовь к Грузии и научила за любезной улыбкой скрывать сокровенные мысли.

Шах гордится красивым и умным наследником трона Сефевидов, гордится его почтительностью и нежностью.

Тинатин поспешила скрыть навеянную воспоминаниями грусть. Звеня браслетами и ожерельями, вошли три законных жены шаха Аббаса.

Они весело приветствовали искренно любимую Тинатин. Ведь она, родив наследника, нисколько не возгордилась перед ними, а, главное, они благодарны Тинатин: она избавила законных жен от унижения, лишив возможности одну из хасег, — наложниц, — имеющую от шаха сыновей, стать признанной матерью наследника.

Комната, убранная дорогими тканями, яркими коврами, длинными шелковыми подушками и оранжевыми розами в фарфоровых вазах, быстро наполнилась нарядными женщинами.

Пришли жены Караджугай-хана, Карчи-хана, Эреб-хана, пришли и другие именитые ханши и принцессы.

Но особенно большую радость, усиленно скрываемую от ханш, доставил Тинатин приход дорогих ее сердцу грузинок — Нестан, Хорешани, Русудан и Дареджан.

Курился фимиам, нежно звенели накры — старинные литавры, кружились танцовщицы, подбрасывая бубны, развевая прозрачные покрывала, на подносах разносился изысканный дастархан и в граненых разноцветных графинах жулеп — прохладительный напиток, настоечный на розах, и душистый шербет. Шутили, смеялись, но, как всегда, зорко приглядывались и прислушивались ко всему, следя друг за другом. Все подмеченное, все услышанное ханши, конечно, сообщат своим мужьям. И ханы, смотря по обстоятельствам, используют ценные сообщения жен... Это знали, и веселые слова были осторожны, выражения

¹ Шах-сёвен — шахская гвардия.

дружбы любезно сдержанны, ибо неизвестно, кого завтра шах оттолкнет, а кого приблизит.

Вот почему изящный персидский разговор, перевитый поэтическими сравнениями, уснащенный изречениями мудрецов, походил на калканы, расставленные в лесу опытным охотником.

Только одна Хорешани была попрежнему откровенна и независимо весела. Про нее шах Аббас сказал: «Это единственная женщина, которой можно доверить хранение кувшина с питьевой водой»¹. Хорешани, совсем того не добиваясь, пользовалась в Давлет-ханэ влиянием. Намек шаха, что Хорешани можно без опасения доверить даже жизнь, создал ей счастливую славу.

Смелая Хорешани неоднократно обращалась к шаху, прося за грузин, живущих в Исфагани. И Аббас никогда не отказывал Хорешани, потому что в ее просьбах не было ни раболепства, ни лести.

Тинатин любила Хорешани: с нею можно было открыто говорить обо всем. В тайных беседах с Хорешани она неустанно расспрашивала о любимом брате Луарсабе. Ее волновала странная женитьба царя Картли на Тэкле, сестре Георгия Саакадзе.

Саакадзе! Не раз сквозь золотую сетку чадры она смотрела на замкнутое лицо исполнина, и ей казалось, что она видит обрыв крутой горы, обожженной огненной бурей. Она инстинктивно боялась этого человека.

Нестан тайно тосковала по Метехи, где сейчас царит ненавистная Гульшари. Царит ли? Нестан жадно расспрашивала приезжих купцов и успокаивалась, узнав о неизменной любви Луарсаба к Тэкле. При одной мысли о Гульшари ярость захлестывала ее сердце.

Нестан томилась в позолоченной Исфагани. Она жаждала поклонения, кипучей борьбы, победы над соперницами, признания ее первенства не как княгини Эристави, а как неповторимой Нестан.

¹ Хранителем питьевой воды был надежный служитель шаха — абдар. Вода хранилась в запечатанном кувшине, чтобы не подмешали яду.

Зураб!.. Но он подолгу пропадает у Саакадзе, в шахском дворце, или на бесконечных охотах, сопровождая шаха, или с «дружиной барсов» изучает искусство огненного боя. Любовь Зураба?! Но разве может одна только любовь заполнить ее гордую душу?! И вот чаша благоуханной жизни опрокинулась на пыльную дорогу.

Одно утешение — дом Русудан, где собираются все «барсы», где откровенно можно поделиться печалью и радостью, где можно свободно повеселиться, посмеяться над Ревазом Орбелиани с его Мамукой, показать свое превосходство перед Дареджан, ради которой дурак Реваз принял мохамметанство.

Реваз не любит, когда ему напоминают об Астан, оставленной в Тбилиси. И, конечно, все напоминают. Шах наградил Реваза за принятие мохамметанства, отправив Луарсабу фирман о неприкосновенности владения Реваза.

Астан вернулась к отцу Леону Магаладзе, а Дареджан...

Вот она скромно сидит здесь, в стороне, удивляя всех обилием алмазных нитей, вплетенных в черные косы.

Керим говорит, что, когда он, прибыв под видом купца в Тбилиси, сообщил Астан о женитьбе Реваза на Дареджан, изо рта Астан, точно из болота, заквакали тысячи лягушек. И купленный у него сосуд с египетскими благоуханиями был безжалостно опрокинут ему на голову. Бедный Керим целый месяц благоухал розовым маслом, и весь тбилисский майдан смеялся над ним.

Керим счастливый! Он по желанию Али-Баиндура и, кажется, по тайному желанию Саакадзе несколько раз в год ведет караван в Картли. Там персидский купец Керим предлагает веселому тбилисскому майдану и княжеским замкам дорогие товары.

Наверно, для лучшего проникновения в дела князей Керим выучился у Эрасти грузинскому языку.

Когда Керим возвращается в Исфагань, все спешат к Русудан, взволнованно слушают картлийские новости. В эту ночь женщины сдавленно рыдают, а мужчины хмуро шагают по персидскому ковру.

Потом Георгий запирается с Керимом, Папуна и Эрасти, и никому не известно, о чем беседует Георгий с мнимым купцом Керимом.

Зураб пробовал обижаться: Георгий доверяет простому персу больше, чем ему, влиятельному князю. «Дружина барсов» подсмеивалась над тайными беседами, но Георгий неизменно отвечал мудростью Папуна: «Хочу для вас меньше забот, больше радости».

Нестан поспешила ответить на любезный вопрос Тинатин: рада ли она скорому отъезду в Каргли?

— О, конечно, но разлука с лучезарной Тинатин, с великолепной Исфганью и приятными ханшами отравляет радость.

Разговор быстро перешел на волнующую тему — возвращение Нугзара и Зураба с семьями в Каргли. В этом возвращении видели большую победу Саакадзе и Эристави Арагвских в борьбе с Шадиманом.

— А ты, ханум Русудан, не боишься долгой разлуки с мужем? — небрежно спросила статная жена Карчи-хана, дразня голубого попугайчика.

— Под солнцем «льва Ирана» жена Георгия Саакадзе ничего не боится, — с улыбкой ответила Русудан.

— Мой слух уловил — великий из великих шах Аббас оставляет Паата в Исфгани, — любезно протянула жена Карчи-хана, смеясь над стараниями голубого попугайчика выклевывать бирюзу на кольце. — О, аллах, сколь благосклонен наш шах-ин-шах.

Только Нестан заметила, как в уголке рта Русудан дрогнула морщинка.

— Я всем довольна, великий из великих шах Аббас все решает мудро, как предначертано в книге судеб.

Нестан скрыла в ароматной розе улыбку: да, Русудан не хуже ханш прониклась мудростью Давлет-ханэ. Довольна!! Не она ли, гордая Русудан, часами сидит с окаменелым лицом, переживая муки персидского ада. Паата остается во власти коварного шаха!.. Пусть Георгию удалось добиться у шаха Аббаса разрешения на отъезд Русудан, но какой ценой!

— До моего слуха дошло, ханум Хо-

решани отказалась вернуться домой. Наверно, в Исфгани сон прохладнее? — спросила младшая жена Караджугай-хана, томно склонив к шелковой подушке головку. На ее подвесках изменчиво заиграли бриллианты.

— Нет, совсем не потому я отказалась.

— А почему, ханум, почему? — зажужжали ханши.

Хорешани небрежно расстегнула на пополневшей груди застежку:

— В Исфгани для меня сон жарче, ибо здесь остается Дато.

Неловко помолчали. Как эта женщина смела! Она даже не сочла нужным из вежливости или страха сказать, что ей хочется быть поближе к шах-ин-шаху, оказавшему ей столько внимания.

Тинатин, заглаживая неловкость, пригласила гостей в сад полюбоваться сине-оранжевыми птицами, привезенными Георгием Саакадзе из страны чудес — Индии.

II

Шах Аббас ударил в китайский гонг. Фарфоровый мандаринчик учтиво закивал головой. С такой же почтительностью приблизился к шаху вошедший мехмандар.

Шах спросил, все ли послы собрались в Табак-ханэ, и, узнав, что послы многих стран благовейно ожидают выхода шах-ин-шаха, самодовольно улыбнулся:

— Пусть ждут, ожидание утомляет тело, но просветляет мысли.

Через низенькую дверь бесшумно вошли на тайный совет Караджугай-хан, Карчи-хан, Фергат-хан, Ази-Хосро-хан, Эрб-хан и Эмир-Гюне-хан.

Рассевшись полукругом на ковровых подушках, ханы, выражая на своих лицах предельную преданность, благовейно слушали шаха Аббаса.

Шах пронизательно посмотрел на советников и, не спеша, произнес:

— Мудрость «Шах-Намэ» сегодня совпала с моей мудростью. Я дам атаману Заруцкому двенадцать тысяч золотых туманов, десять кораблей хлеба и пятьсот сарбазов шах-севена. Мир

аллаха кружится, подобно самому в пустыне. Цари Востока, Запада и Севера обнажили мечи и с вожделием смотрят на чужое поле. Все считают друг друга обманщиками, но каждый стремится обогатить в обмане другого. Испанцы несутся, как шайтаны, на кораблях, высматривая чужие гавани. Турки, как шакалы, оскалили свою пасть на Иран, англичане и голландцы подкрадываются к северным морям, но и Персидский залив радуется их жадным глазам. Шведы и поляки топчут русский снег. Сейчас, ханы, спокойно сидеть опасно. Мудрость древней Персиды предопределила наше первенство. Кто сегодня чужое упустит, завтра свое потеряет. Только сильные царства останутся наверху. Аллах дал мне победу над узбеками, я отнял у османов Азербайджан и Ширван, я отберу у них и Багдад, и Неджеф, и Кербелу. Творец вселенной направляет мою руку, как четыре ветра, на север, запад, юг и восток.

Шах посмотрел на восхищенного Карчи-хана:

— Ты угадал, Карчи-хан, я заставлю Каспийское и Черное моря ласкать благословенные берега непобедимого Ирана.

Шах Аббас выпрямился и, заглядывая через головы ханов в чужие страны, предвкушал славу грядущих битв и триумф побед. Пальцы с шафрановыми ногтями теребили бархат арабского кресла, жестокость заволакивала глаза, и они казались еще более черными и глубокими. Шах молчал. Молчали и ханы.

Выждав, сколько требовало приличия, Карчи-хан вкрадчиво заговорил:

— Мои глаза достают тучные отары на сочных пастбищах Грузии, богатства монастырей и искусных мастеров тонких и грубых изделий.

Шах Аббас усмехнулся:

— Грузия и сардару Георгию Саакадзе снится.

— Шах-ин-шах, грузинские князья против Георгия Саакадзе. Он не имеет ни в Картли, ни в Кахети единомышленников, значит, несмотря на высокий рост, его вес легче пуха.

— Фергат-хан изрек истину, не лучше ли сговориться с Шадиманом? Он — могущественный князь, ум и рука князей Картли.

— Шадиману я не верю, он хочет царствовать над царем, а не служить «льву Ирана».

— Шах-ин-шах, можно выбрать другого князя. Георгий, сын Саакадзе, не родовитый князь. Говорят, он для царя Картли ловил лисиц в лесу. —

Шах одобрительно кивнул:

— А разве ты, Караджугай, не был куплен мной? А разве я сейчас продам тебя за пятьдесят чистокровных ханов? А ты, Эреб, не пас стада? А сейчас не ты ли пьешь вино из золотой чаши, мною подаренной? И пусть сардар Саакадзе ловил лисиц картлийскому царю. Разве это помешало ему разбить османов в Сурамской битве? Почему мне и в Картли не поить из золотой чаши пастухов, которые хотят привести в покорность «льву Ирана» стадо ягнят? Гнев сардара Саакадзе против князей — справедливый гнев. Величие Персиды возродится благодаря шаху Аббасу, умеющему отличать солнце от луны. Я не доверяю князьям, они подобны сухим листьям и относятся ветром то в сторону Турции, то в сторону Руси. Я благосклонно окажу покровительство Саакадзе и его приверженцам, ибо им выгодно быть моею тенью.

Дежурный хан в третий раз перевернул ампулетт — песочные часы. Зелено-золотой песок медленно пересыпался в хрустальный шар.

В Диван-хане томились послы. Во всех углах шептались, жужжали, спорили.

Пестрели камзолы с белоснежными манжетами, бухарские халаты, испанские плащи, крымские тюрбаны, португальские широкополые шляпы с перьями, русские терлики. Среди кожаных портупей, разноцветных ремней, шелковых поясов выделялись золотые кружева Пьетро дела Валле, воинствующего пилигрима папы римского Урбана VIII, и в стороне переливался ало-синей парчой кафтан Хохлова, посла атамана Заруцкого.

По залу шныряли толмачи. Они услужливо переходили от одной группы к другой, одновременно переводя беседу и собирая для шаха мысли чужеземцев.

Только Пьетро дела Валле, не пользуясь толмачами, оживленно разговаривал то с испанским капитаном Педро Бобадилла, то с ханом Гиреем, крымским царевичем, бежавшим к шаху, то с английским путешественником сэром Ралеем, то с Али-Баиндур-ханом.

Затянувшееся ожидание создавало неловкость, но каждый посол старался небрежным разговором показать независимость своего государства.

И лишь сын боярский Иван Хохлов и Богдан Накрачев, астраханский подьячий, угрюмо сидели в углу. Не легко быть послами атамана Ивашки Заруцкого и его полюбовницы Марины Мнишек. Толмачи, прибывшие с Хохловым из Астрахани, переводили отрывки долетающих фраз. Но Хохлов и Накрачев не интересовались чужими разговорами. Что им эти кружева на камзолах и петушиные перья на шляпах, когда казацкую вольницу Заруцкого уже обдавало ледяное дыхание Москвы, а шах Аббас все оттягивал помощь. Сегодня велел быть у себя. Что ждет казаков?

Но не только Иван Хохлов и Богдан Накрачев озабоченно оберегали тайну своего посольства. И другие послы за небрежностью легкого разговора скрывали сложные миссии, возложенные на них.

Сэр Ралей, флегматично наблюдая за испанским послом, еще раз мысленно взвешивал предложение шаху предоставить Ост-Индской компании покровительственные пошлины для борьбы с испанской монополией торговли.

Дон Педро Бобадилла, свирепо поглядывая на англичанина, решил еще настойчивее добиваться монопольного права захода в персидские гавани для испанских кораблей с грузом индийских пряностей.

Пьетро дела Валле, с увлечением доказывая гольштинскому послу, страдавшему подозрительностью и одышкой, превосходство африканских женщин перед грудастыми голландками, обдумывал

предстоящую беседу с шахом для наилучшего проведения замыслов «римской коллегии пропаганды веры».

Решительно оспаривая мнение гольштинского посла о невыносимом мускатном запахе жительниц Занзибара, Пьетро дела Валле уже видел торжество папы Урбана VIII над исламом. Его воображение рисовало армию миссионеров в Иране, вербующих в святую церковь заблудшие души.

В средней нише сидел Абу-Селим-эфенди, турецкий посол. Он тонкими пальцами перебирал кисти пояса, равнодушно оглядывал зал, но от его глаз не ускользала малейшая перемена в настроении посланников.

Молодой наиб выткнулся у двери.

В Диван-ханэ вошел Георгий Саакадзе. Не только исполинский рост, не только индусская жемчужная звезда на синем атласе привлекли внимание послов. Поражала мраморная неподвижность лица и пылающие вулканическим огнем огромные глаза.

Георгий учтиво приложил руку ко лбу и сердцу и направился было в средние двери, но его остановил восхищенный возглас Пьетро дела Валле:

— Синьор, какой стране мы обязаны восхитительным сочетанием огня и мрамора?

Георгий испытующе посмотрел на незнакомца. Его сразу пленила необычайная внешность итальянца: его живые, лучистые глаза, стройная фигура, затаенная в черный шелковый камзол, длинные розовые пальцы из-под золотой пены кружев.

Георгия удивила чистота персидской речи западного человека:

— Уважаемый чужеземец, я — грузин, а имя мое Георгий Саакадзе, и если ты путешествуешь с целью познания чужих стран, удостой посещение мой дом, и я расскажу тебе о моей родине.

— Вы, синьор, угадали, я поэт и путешественник. Жажда сильных ощущений и познания человека влекут меня из страны в страну.

— Твоя жизнь, чужеземец, достойна зависти, ибо сказано: «Кто едет в путь ради науки, тому бог облегчает дорогу в рай».

Заметив приближение Али-Баиндура, Георгий громко продолжал:

— Тебе посчастливилось, чужеземец, попасть в великолепный Иран, здесь ты найдешь все, что пожелает твой острый ум. Великий шах Аббас собрал в Исфагани все чудеса мира.

И Саакадзе еще учтивее приложил руку ко лбу и сердцу и прошел в средние двери.

Абу-Селим-эфенди смотрел на тяжелую поступь Саакадзе: «Необходимо завладеть душою этого советника и полководца».

Молодой хан в четвертый раз перевернул хрустальные шары песочных часов.

Дон Педро мужественно боролся с зевотой. Сэр Ралей злорадно посматривал на испанца. Уныло смотрел на плотно закрытую шахскую дверь Хохлов, и в арабском кресле, уже не сопротивляясь, размяк гольштинский посол.

Наконец, шахская дверь медленно открылась. Послы приняли подобающие позы, но это, увы, был только Эребхан:

— Высокочтимые послы, да будет над вами солнце Ирана, великий шах Аббас завтра, иншаллах, выслушает ваши речи и осчастливит вас милостивым приглашением на вечерний пир.

Европейские послы галантно взмахнули широкополыми шляпами. Страусовые перья взметнулись над ковром. Никто не выдал своего истинного настроения. Только дон Педро тяжелым ботфортом наступил на атласный тufель сэра Ралея, и Иван Хохлов пустил в черную бороду крепкое слово.

III

В серебристых зарослях пшат послышались пофыркивание. По узкой тропе медленно шли выхоленные кони.

Впереди на Джамбазе, слегка придерживая поводья, ехал Георгий Саакадзе. Рядом Паата, старший сын Георгия, на золотистом жеребце.

Немного позади на скакуне гордо восседал Эрасти, и с трудом сдерживали горячих коней Арчил и девятнадцать преданных телохранителей, выросших в доме Саакадзе. Некогда они были спа-

сены Георгием в Ананури от продажи турецким купцам.

Всадники повернули направо и выехали на прогалину.

Хлопковые поля тянулись до синей полосы, где, казалось, усталое небо припадало к земле. Арыки с медленно переливающейся мутной водой ровными четырехугольниками перерезали поля. И на всем пространстве, куда доставал глаз, маячили в солнечных лучах серые силуэты персиан в куполообразных шапочках. Здесь шла вечная борьба с солнцем и землею за кусок черной лепешки и глоток прохладной воды.

Георгий откинулся в седле, остро всматриваясь в даль. Он вспомнил приказ везира снова увеличить подати с хлопка и риса для обеспечения надвигающихся войн. Георгий задумался: и на границе узбекских земель, и в северной Индии, и на долинах Грузии он видел одни и те же заскорузлые руки, приносящие богатства ханам, раджам, бекам и князьям.

В памяти Георгия ожили стоянки в далеких степях, в пальмовых лесах, на отлогах настороженных гор, в оазисах солончаковых пустынь. И всюду в ночной мгле он слышал разговоры воинов. Одни, разрубая грубое мясо, обугленное на кострах, или заскорузлыми руками снимая с огня медный котел с кипящим бараньим жиром, говорили о добыче ханов, об обильных яствах, мягком ковре или о красивой женщине. Другие мечтали о кувшине с монетами, открывающими дорогу к Мекке и торговле. Но их заглушали скупые отрывистые слова: вода, рис, верблюды, соха, конь, хлопок.

Слушал он и другие разговоры.

В шелковых шатрах, в полосатых палатках восседали на мягком ковре, за изысканной едой надменные сардары, серхенги¹ и минбаши — тысячники.

Иные из ханов фанатично напоминали о круге неба, опоясывающем землю, на котором начертано предопределение, неотвратимое для каждого человека, и призывали к пренебрежению земными благами во имя неуывающей истины Мохаммеда. Другие с упоением спорили

¹ Серхенг (перс.) — полковник.

о битвах, приносящих военную славу и бессмертие, подобное фигурам победителей, высеченным на Нехшеростемской скале.

Но их заглушали алчные слова: золото, власть.

Паата нетерпеливо поглядывал на погруженного в думы Георгия. Потрепав густую гриву Джамбаза, Паата нарушил молчание:

— Знаешь, отец, я больше всего люблю наши конные прогулки. Жаль, ты не очень часто даришь мне свое внимание.

— Мой Паата, я стремлюсь приблизить наши конные прогулки к дорогам Носте... Ты спрашивал, такие ли облака в нашей Картли? Нет, мой сын, не такие... В Иране они, как распутившийся хлопок, свешиваются с бирюзового неба. У нас облака дымчатыми клубами скользят по изломам гор и падают с крутых выступов крупным дождем в ущелья и долины. На этих выступах росла моя любовь к Картли и, когда бушующий ветер срывал стволы и стремился сбросить меня в пропасть, я душою смеялся. Разве можно навеки прикованного, как Амирани¹, сбросить с вершин Грузии? Там каждая мысль от высоты становится возвышеннее.

— Отец, мой большой-отец, как бы я хотел на тех вершинах, подобно тебе, бороться с буйными ветрами.

— Мой Паата, не делай того, что уже сделано другими... Стремись к новому, только тобою обдуманному, тобою решенному. Завоевывай своими мыслями, и если даже на этом пути постигнет неудача, тебе скорее простят, чем удачу, другими предрешенную. Мой Паата, к тебе обращаю свои чаяния. Недаром в долгие часы наших бесед я рассказывал о сокрушительных нашествиях на Грузию хозар, арабов, сельджуков, монгол, персов и турок. Не раз враги превращали в обломки и пепел наши города, не раз Грузия спускалась по окровавленным ступенькам, и в потемневших реках отражалось ее скорбное лицо. Но грузин всегда умел отомстить

врагам, и, вновь поднявшись на вершины, возрождал свой очаг и гордо смотрел в будущее. На тебя возлагаю большие сложные дела, сложнее, чем власть над царством. Ты должен управлять не каменными городами, а волей и чувствами живых людей, которые создают и разрушают эти каменные города. Властелин человеческих желаний — вот вершина, к которой должен стремиться мой наследник, будь это даже и не мой сын.

— Клянусь, отец, Паата никому не уступит права быть продолжателем твоих великих деяний. Я глубже других проник в намерения моего отца. Знай, если тебе когда-нибудь понадобится жизнь Паата, бери ее, не задумываясь.

— Твоя жизнь принадлежит не Георгию Саакадзе, любимый Паата. Она принадлежит твоей родине, непокоримой Грузии.

— Каждое твое слово, мой отец, как драгоценный камень, ложится в кольцо моих надежд. Иншаллах...

— Говори по-грузински, сын мой, здесь все грузины, жаждающие грузинского солнца, грузинского слова. И даже, когда ты беседуешь с Сефи-мирзой или с сыновьями ханов, не забывай, что ты грузин. Но будь наружно изменчив, подражай персам во всем, ибо это лучший щит для прикрытия истины.

— Твоя мудрость, отец, закаляет мой дух... Отец!..

Паата вдруг выхватил шашку и перегнулся через седло. Блеснул клинок, и перерубленная яркозеленая змея упала у ног шарахнувшегося Джамбаза.

— Отец, змея ползла к твоим цагам. У меня дрожит сердце, отец!

— Успокойся, Паата, я раньше тебя заметил змею, — Георгий, улыбаясь, похлопал сына по плечу, — и даже заметил под ее глазами белые пятнышки. Эти змеи безвредны. Запомни, сын мой, воин должен быть не только храбрым, но и наблюдательным. Так и с князьями, из них тоже не все ядовитые... Многие просто глупы и ни для кого не опасны. Мой Паата, смотри на пятна и против таких безвредных глупцов не обижай шашки, отбрасывай их тупой палкой.

¹ Амирани — кавказский Прометей, знаменитый герой народного эпоса грузин.

Паата задумчиво, с некоторой робостью, смотрел на вновь погрузившегося в раздумье Георгия. Он вспомнил рассказы «барсов» о змеином князе Шадимане Бараташвили.

Так они ехали молча мимо хлопковых полей, каждый занятый своею мыслью.

Георгий с глубокой нежностью поглядывал на наследника своих дел и чаявший. «Паата очень похож на Русудан, — думал Георгий, — на гордую, умную мою Русудан. Но Папуна уверяет — извергающие пламя глаза Паата и сильные руки такие же, как у Георгия Саакадзе из Носте».

Вдруг Паата вскинул лук. Взвизгнула стрела, и дербник¹, перевернувшись в воздухе, камнем упал на поле.

Паата рассмеялся и, шаловливо перегнувшись через седло, заглянул в глаза Георгию:

— Отец, помнишь, однажды в Носте я ранил ястребенка? Он жалобно пищал, подпрыгивая на одной ноге. Тетя Тэкле плакала, а Папуна сердился: «Если пришло желание убить, убивай, но не причиняй страданий». Тогда я не понимал... даже насмеялся, ибо ястребенок, излеченный доброй Тэкле, утащил ее любимого соловья и исчез...

Георгий улыбнулся. Обрадованный Паата стал вспоминать раннее детство.

Просека все больше ширилась. Издали монотонно прозвенели колокольчики. Саакадзе ласково отбросил со лба Паата черную прядь волос и придержал коня. Из-за песчаного холма показался караван. Медленно ползли по желтому песку черные тени верблюдов. Это был обычный торговый караван, направляющийся в далекие страны. Покачивались плоскатые тюки, ящики и меха с водой. Впереди равномерно шел белый шутюр-баад². Он горделиво поворачивал вправо и влево голову, украшенную перьями, точно приглашая бесстрашно следовать за ним.

На сафьяновом седле восседал Керим в купеческом одеянии. Под халатом за широким поясом торчала костяная руч-

ка кривого ножа. К седлу ремнями был прикреплен лук с колчаном и персидское копьё.

Так дважды в год Али-Баиндур посылал ловкого оруженосца в Картли за сведениями.

На одногорбых верблюдах, быстрых и терпеливых, натянув на себя грубые серые плащи, дремали слуги и погонщики, и только караван-баши¹ острыми глазами подмечал каждую неправильность в караванном строю.

Поровнявшись с Саакадзе, Керим поспешно прыгнул с верблюда и, приложив руку ко лбу и сердцу, до земли поклонился сардару. То же самое поспешили сделать встрепенувшиеся слуги и погонщики.

Саакадзе, едва ответив на раболепные поклоны, молча проехал мимо.

И никто не мог подумать, что большую часть сегодняшней ночи Керим провел в комнате Саакадзе, угощался тонкой едой и, как всегда перед отъездом в Тбилиси, внимательно выслушивал указания Саакадзе о тайных встречах с мествире², с Вардиси, сестрой Эрасти, старшей прислужницей царицы Тэкле. Запоминал, в какие княжеские замки завозить персидский товар и у каких монастырей скупать ореховое масло и черные четки. Запрятывал в халат кисеты с золотыми туманами, в ковровые мешки богатые подарки от ханум Русудан настоятелю Трифилию и семьям «дружины барсов».

И тем более никто не мог подумать, что благодаря уму и ловкости Керима надменный сардар Георгий Саакадзе получает ценные сведения из Картли, добытые в княжеских замках и в греческой лавочке Попандопуло от тайных людей Али-Баиндура. По возвращении в Исфгань Керим сообщал Али-Баиндуру только дозволенное Георгием.

Пропустив вперед Паата и телохранителей, Эрасти, соскочив с коня, радостно приветствовал Керима. Такая встреча не удивила погонщиков и слуг, ибо они

¹ Караван-баши (перс.) — водитель каравана.

² Мествире — странствующий певец-музыкант в Грузии.

¹ Дербник — маленький пернатый хищник.

² Шутюр-баад (перс.) — верблюд-ветер, бегающий быстрее коня.

знали о духовном братстве Керима с любимым оруженосцем сардара.

— Керим, будь осторожен в пути и в Тбилиси, — едва слышно шептал Эрасти, — лазутчик князя Шадимана Вардан Мудрый едет за тобой следом. Утром об этом на майдане узнал азнаур Папуна. Нарочно выехали тебя встретить. — И громко продолжал: — Непременно купи белую бурку, давно хочу. В Тбилиси не найдешь, может, в Гори поищешь.

Керим обещал брату поискать просимое даже в горных теснинах, и пусть все верблюды падут на безводный песок, если он вернется без белой бурки...

Саакадзе повернул к Чаарбагу. Наперерез скакал Абу-Селим-эфенди в сопровождении пожилого турка.

Георгий догадался: эта встреча не случайная, но, не подавая вида, вежливо пожелал Абу-Селим-эфенди приятной прогулки и хотел проехать дальше.

Абу-Селим-эфенди остановился и, ответив Саакадзе изысканной благодарностью, спросил: не пожелает ли сардар уделить ему внимание?

— Здесь? — удивился Саакадзе.

— Конечно, нет, но...

— Я завтра буду в Давлет-ханэ, — простодушно сказал Саакадзе.

Абу-Селим-эфенди сощурил узкие глаза. Он рассчитывал на большую догадливость, и неожиданно заинтересовался, — сколько лет Паата? Он похвалил его посадку и попросил его проехать вперед, дабы полюбоваться ездой стройного всадника. Но лишь Паата отъехал, Абу-Селим-эфенди проговорил:

— На свете четыре дороги, и все они ведут в средоточие счастья — в Стамбул. Ханы заблудились в пустыне, грузинские князья задохнулись в замках. Только у порога Стамбула дует свежий ветер. Много золота, много славы сулит полумесяц, восходя над Босфором. Ночью буду ожидать тебя в индусской курильне. Не удивляйся, если Абу-Селим-эфенди превратится в йога. Советую и тебе накинуть индусский плащ, и если ты любопытный и обладаешь смелостью...

— Я пришлю своего друга, — пере-

бил Саакадзе, и, приложив руку ко лбу и сердцу, поскакал догонять Паата.

IV

В узорчатые ворота дома Дато и Хорешани торопливо входили «барсы». Азнауры все утро состязались на шахской площади в меткости огненного боя, но сейчас шумно бросались друг другу навстречу, точно после долгой разлуки.

Положение в Исфагани обязывало их как минбашей шаха Аббаса жить в отведенных везиром отдельных домах, обставленных с персидской роскошью.

Вначале «барсы» шумели, настаивая на совместной жизни. Но везир Фергат-хан резко оборвал: он не позволит картлийцам ютиться в одном доме, ибо на майдане это могут истолковать, как недостаточную щедрость шах-ин-шаха к своим минбашам.

После долгого торгоа Гивви, по просьбе Хорешани, поселился у Дато, Даутбек и Димитрий — вместе, напротив дворца Саакадзе; Элизбар, Пануш и Матарс как помощники минбашей Даутбека, Димитрия и Ростомы поселились вместе подле мечети Чехель-сотун — «сорока балок».

Только Ростом не сопротивлялся везиру и, повидимому, с удовольствием зажил один в уютном доме, утопающем в причудливых пальмах и цветниках.

«Барсы» собрались в прохладной курильне — кушке, уставленной разноцветными кальянами и полукруглыми низкими тахтами. Дато накануне обставил стены зеркалами, подаренными ему везиром. И сейчас друзья, разглядывая свои отражения, неожиданно загоготали. Эти богатые одежды, расшитые золотом и камнями, это дорогое оружие из дамасской стали в мозаичных и золоточеканных ножнах, эти шелковые тюрбаны с развевающимися султанами прислал им шах Аббас за отвагу при взятии Багдада.

Они невольно вспомнили свой первый пир в Метехском замке, на который пришли юными азнаурами в одеждах, подаренных им царем Георгием за воинскую доблесть у Триалетских вер-

шин. В те времена скромные азнаурские одежды казались им ослепительной роскошью.

Тогда они были неизвестными азнаурами, охваченными буйным желанием одерживать победы над врагами родной Картли.

Там, за далекими кряжами гор, — близкое сердцу Носте, шумная Ностури, где они купались детьми, крутые улочки, где их поджидали красивые девушки, мост, где их кони оставили следы копыт, аспарези¹, где в веселые базарные дни они восхищали приезжих молодой удалью, вершины ностевских гор, где они оставили свою юность.

А сейчас над ними бирюзовый купол исфаганского неба, они знатные начальники, богато одаренные грозным шахом, их дома наполнены керманшахскими коврами и арабской мебелью, но у Матарса вместо левого глаза черная повязка, у Элизбара отсечено ухо, багровый шрам перерезал лоб Ростому. Даутбек уже угрюмо смотрит из-под нависших бровей, у жизнерадостного Дато появилась настороженность, а у Дмитрия над крутым лбом свисает белая прядь.

Томительная тоска по родине сурово легла на лица ностевцев. И сознание, что там, в Картли, княжеские кони топчут земли, добытые кровью азнауров, и звон цепей рабов заглушил песни Грузии, наполняет сердца «барсов» бессильной яростью.

Вот почему сегодня, отправляясь в Давлет-ханэ на шахский пир, они с особым нетерпением ждут Саакадзе, удостоенного утренней беседы с шахом.

Что скажет Георгий, друг и полководец? Скоро ли затрубит призывный рог? Скоро ли соскучившиеся кони повернут на картлийскую дорогу? Скоро ли грузинское солнце сгонит тоску с лиц ностевцев?

Папуна с любовью обвел взглядом взволнованные лица друзей. Скромная грузинская чоха, неизменно сопутствующая Папуна в изгнании, несмотря на упреки Саакадзе и увещевания друзей «барсов», резко выделялась среди

¹ Аспарези (груз.) — площадь для состязаний и турниров.

блестящих одеяний придворных. Но пронизательный шах Аббас, умеющий разгадывать людей, многое прощал Папуна, как прощал и Хорешани.

Десять базарных дней Папуна вместе с Ростомом пропадали на шахском майдане. Предлог был подходящий: приехал караван тбилисских купцов с амкарскими изделиями. Конечно, грузинам тоже было интересно закупить любимые вещи из своей страны. Они целыми днями торговались, выбирали, взвешивали, спорили. Наконец, купленное грузили на осликов и отсылали с многочисленными слугами по домам «барсов». Потом в каве-ханэ запивали сделки черным кофе и шумно бросали игральные кости.

Папуна и Ростом не только громко торговались с тбилисцами, но и тихо шептались...

Несмотря на восемнадцатидневный караванный путь, разделяющий Тбилиси и Исфагань, эта прочная связь с амкарами давала возможность Саакадзе держать в своих руках нити интриг Метехи и княжеских замков.

Сегодня Папуна и Ростом свободны. Утром караван ушел в Тбилиси. У азнауров распухли головы от торгового разговора, мелькания аршина и стука весов. Не легкое дело — десять дней грузить на себя, как на ишаков, батманы вестей из Тбилиси и разгружать их ночью в грузинской комнате Георгия.

Но Папуна на этот раз выиграл. Он, ссылаясь на усталость, наотрез отказался от вечернего шахского пира и решил, растянувшись на тахте, предаться излюбленным рассуждениям: почему человеку так много надо?

Папуна оглядел мрачных «барсов» и стал было рассказывать, как Иван Хохлов и Накрачев беспокойными глазами следили за сыпкой в мешки зерна для Астрахани, но, видя полное равнодушие «барсов» к этому рассказу, решил разведелить друзей испытанным средством.

— Э, барсы, все же придется вам оказать дружескую услугу Ревазу.

Ростом равнодушно задымил кальяном:

— Похитить из Картли Астан?

— Почему Астан? Он мечтает похитить из Индии алмаз кровожадной богини Кали.

Элизбар махнул рукой:

— На что ему еще алмаз?

Папуна притворно взволновался:

— Как на что? Тюрбан придавить к голове, а то все на ухо съезжает.

— Для его башки и в Исфагани полтора кирпича найдется, — обрадовался предлогу излить свой никогда неугасящий гнев Димитрий.

Папуна притворно вздохнул:

— Реваз не согласится, придется за алмазом в Индию прыгать.

— Уже раз прыгали, зачем там не напомнил? — удивился простодушный Гиви.

«Барсы» рассмеялись.

— Я напомнил, дорогой Гиви, только Реваз заупрямился, он тогда свои тридцать пять лет вином запивал... Э, друзья, еижу вам ничего не известно о непоправимой глупости человека. Слушайте и сокрушайтесь: когда бог распределял долготу жизни, то дал человеку только тридцать лет, ишаку сорок, а свинье шестьдесят. Человек не подумал и уговорил бога отнять для него у ишака двадцать лет, еще больше не подумал и надоедал богу, пока бог не отдал ему сорок лет свиньи, от которых умная свинья сама отказалась. И знайте, пусть человек живет хоть сто лет, по-человечески он живет только тридцать, остальные двадцать, как ишак, и сорок, как свинья. У Реваза сейчас как-раз ишачий возраст.

Георгий изумленно остановился. Ему показалось, он переступил порог своего ностевого замка, — так безудержно хохотали «барсы».

Димитрий оборвал смех:

— Георгий, что сказал шах? Долго еще будем здесь поганить шашки?

Георгий небрежно сбросил на тахту папаху.

— Шах-ин-шах будет ждать известий от Нугзара и Зураба. И еще... вместе с грамотой о милостивом расположении Нугзар передает Ауарсабу желание шаха женить Теймураза на Натиа.

Димитрий вскочил:

— Натиа двоюродная сестра Теймураза! Полторы обезьяны им на закуску! Что, этот перс, шутит?

— Не перс, а великий шах Аббас, запомни это, Димитрий.

Димитрий нервно откинул со лба белую прядь:

— А разрешение церкви?!

— Церковь не разрешит, — хмуро бросил Даутбек.

Саакадзе усмехнулся: шах рассчитывает на быстрый отказ Ауарсаба. Тогда оскорбленный шах пойдет войной на картлийского царя.

Саакадзе не сказал «барсам», что мысль о сватовстве он сам подсказал шаху. Не сражаться же ему с турками еще пять лет за Иран.

«Барсы» угрюмо молчали. В углу сердито бурлил кальян Ростомы.

Дато сел рядом с Саакадзе.

— Георгий, какими словами ответил Теймураз шаху?

— И словами, и слезами молил не принуждать итти против закона церкви, — усмехнулся Саакадзе. — Шах напомнил царю о более снисходительном законе Мохаммеда.

— Лишь бы церковь отказала, — взволновался Элизбар. Только надежда на скорое возвращение сдерживала его тоску и желание тайно перейти грузинскую границу и хоть на один час увидеть Носте.

Саакадзе подбадривал «барсов», обещая скорое возвращение на родину.

Даутбек с сомнением покачал головой: шах не доверял кизыл-башам и, конечно, не доверяет и картлийским азнаурам.

Саакадзе улыбнулся: недоверие к кизыл-башам и рождает надежду на скорый отъезд азнауров в Картли:

— Если шах Аббас не доверял своей родовой знати, то будет ли доверять грузинским аристократам? Шах Аббас знает враждебное отношение Шадимана к Ирану. Знает тесную связь Шадимана с турецким везиром и тяготение к Стамбулу влиятельных князей, приверженцев князя Шадимана. Князья тяготеют к Руси и ведут переговоры с посланцами русского царя. Но мы не стремились к Турции и не кланялись русскому

царю. Правда, мы не тяготели и к Ирану, но это нам удалось скрыть от шаха.

Шах Аббас, желая привести Кахети и Картли к вассальной зависимости, конечно, будет поддерживать азнауров, за которыми пойдет народ. Другой силы у шаха в Картли нет. Мы бесконечными победами доказали преданность «льву Ирана», и кого же спустить на непокорных картлийских князей, как не диких «барсов»?

Знайте, друзья, истребив князей с помощью шаха, мы объединим Картли и Кахети под скипетром единого царя. Настанет время, возродится союз азнауров, тогда создадим единое войско и избавимся от ненужной опеки.

«Барсы» повесели. Как умеет Георгий распутать самый сложный клубок! Да, скоро они увидят картлийские горы.

Но Саакадзе скрыл от «барсов», что сам он не очень доверяет шаху Аббасу, лишь рассчитывает в этой опасной игре перехитрить хитрейшего из хитрейших.

В Диван-ханэ на золотом возвышении под пурпурным балдахином восседал шах Аббас. На бирюзовом тюрбане горела бриллиантовая звезда и развевались страусовые перья.

Черные невольники белыми опухами навевали на властелина прохладу. Послы, ханы, иноземные купцы, муллы, путешественники, сардары, поэты, астрологи, отличившиеся начальники войск, — все толпились вокруг золотого возвышения, стараясь попасть в пределы зрения шаха.

Шах пронзительным взором скользил по лицам, и довольная усмешка шевелила его тонкие губы.

Слева у золотого возвышения Сефимирза, наследник иранского престола, изящный, приветливый, с гордой осанкой и мечтательными глазами Тинатин, оживленно беседовал с Паата...

Через боковой вход в Диван-ханэ скромно вошел Хосро и в нерешительности остановился у стены. Пробегавший прислужник слегка задел Хосро подносом.

Никто бы не обратил внимания на этого человека с упрямыми скулами, ес-

ли бы Саакадзе поспешно не бросился к нему навстречу, чтобы проводить на почетное место.

Ханы посмотрели на Саакадзе и с опасением перевели взгляд на золотое возвышение. Но шах Аббас с легкой иронией сказал Караджугай-хану:

— Астрологи собираются известить мир о появлении на восьмом небе еще одной туманной звезды.

Ханы поняли: шах Аббас одобрил поступок Саакадзе.

Дверь в Табак-ханэ широко распахнулась. Заиграли невидимые флейты. Шах Аббас величественно поднялся. У входа образовалась давка. Каждый стремился первым пройти за шахом.

Ага-хан насмешливо скосил глаза: Саакадзе с подчеркнутым уважением уступил дорогу непризнанному царевичу Хосро и не сел, пока смутившийся Хосро не опустился на ковровую подушку.

Целое полчище прислужников вносило блюда, украшенные цветами.

Караджугай-хан вдруг оборвал беседу с Саакадзе и изумленно уставился на жареного каплуна, мысленно сравнивая судьбу царевича Хосро с судьбой глупого петуха. Наверно, еще вчера бегал по птичьему двору никому неизвестный, а сейчас нагло разлегся на золотом блюде, прищурился вставной изумрудный глаз и держа в лапах ароматные розы.

«Пхе! — подумал Караджугай-хан, — этот Хосро тоже до появления Саакадзе жил в Исфагани в тени неизвестности. Почему же властолюбивый Саакадзе оказывает царские почести этому петуху Хосро?»

Караджугай-хан погладил сизый шрам на левой щеке, вспомнил, как еще совсем недавно Саакадзе просил разрешения привести к нему на пир в честь шахской охоты грузинского царевича.

На пиру шах неожиданно заинтересовался, кому Саакадзе с таким почетом преподнес наполненный кубок.

Раз шах заинтересовался, все ханы поспешили пригласить к себе неизвестного царевича.

И вот сегодня этот петух Хосро удостоен приглашения шах-ин-шаха на прием иноземных послов.

Но не только Караджугай-хана осаждали беспокойные мысли.

Капитан дон Педро Бобадилла, ошетилив черные усы, свирепо покосился на коренастого соседа. И успокоился только тогда, когда ему сказали, что это — грузинский царевич Хосро. Бравый Педро покрутил усы и любезно придвинул Хосро золотое блюдо.

«О, грузин в этой стране может пригодиться» — и капитан сразу вспомнил другого Педро, короля Кастильского Педро I, который еще в XIV веке, борясь с доном Фадриком, главой ордена Сант-Яго, доверил командование арбалетчиками своей стражи грузину.

Хосро в ответ учтиво подвинул капитану золотой кувшин и пожелал, чтобы в саду его судьбы всегда цвели розы счастья.

Педро Бобадилла побагровел. В звучании непонятных слов ему почудилась знакомая брань испанских матросов. Он нервно стал искать на кожаной привязи кортик и успокоился только тогда, когда ему перевели изысканное пожелание.

Хосро украдкой рассматривал высокие ботфорты, кружевные манжеты дона Педро и остановил взгляд на сапфировом кольце беспокойного соседа. Хосро уныло подумал о своем неповторимом кольце, принадлежавшем, по преданию, царю Георгию Блистательному. Эту драгоценность он вынужден был сегодня преподнести шаху Аббасу. Благосклонно приняв подарок, шах и не подозревал, какую борьбу выдержал с собою Хосро, решившись по настойчивому совету Саакадзе расстаться с единственной фамильной драгоценностью.

Саакадзе уверял — в кольце замкнется судьба царевича, а сабля, подаренная Сефи-мирзе, родит тысячи сабель, и тогда он, Хосро, сумеет занять подобающее Багратиду место.

Хосро неоднократно выслушивал туманные намеки Саакадзе, и беспокойные видения все чаще тревожили его сон.

Нет сомнения, шах Аббас уже одобрил дальновидный план. Хосро мохамметанин, и шаху выгодно будет посадить на картлийский престол правверного, надежного проводника политики Ирана.

Вот почему Нугзар Эристави, владе-

тельный князь Арагвский, угадывая намерения Саакадзе, с особым уважением смотрит на своего зятя.

Пьетро дела Валле, остановив взгляд на Саакадзе, вспомнил свое посещение загадочного полковода. Вспомнил Русудан, воскрешающую легенду об амазонках, ее сыновей — отличных наездников и стрелков и не по годам вдумчивых собеседников.

Пьетро дела Валле решил не возвращаться в Рим, не посетив Грузии.

За другим столом Иван Хохлов и Богдан Накрачев в алтабасовых кафтанах и широких казачьих шароварах, развалясь, сидели рядом с Карчи-ханом, напротив чопорного сэра Ралея. Прислужники едва успевали подносить блюда посла атамана Заруцкого. Послы с легким сердцем отдавались пиру. Утром, они, наконец, были тайно приняты шахом, милостиво объявившим им свою волю помочь Марине Мнишек и атаману Заруцкому.

Хохлов и Накрачев наливали полные чаши дюшала — опьяняющего напитка, — крепости ради горстями сыпали туда индийский перец. Залпом опорожняли чаши и заедали напиток индейкой или бараньим окороком.

На них смотрели с восхищением. Сэр Ралей даже перестал есть и отодвинул серебряную тарелку. Англичанин все больше удивлялся и не выдержал, решил поразить Лондон рассказом о русском напитке, который он попробовал в Исфгани. Но из присущей ему осторожности, сэр Ралей высыпал в дюшал только ложечку индийского перца. Помешав, он, подражая русским, залпом опорожнил серебряную чашу. Крупный пот выступил на лбу сэра Ралея, он жадно силился вдохнуть воздух и выпученными глазами долго смотрел на Хохлова. С трудом вынув клетчатый платок, он стал вытирать хлынувшие слезы, бормоча по-английски:

— Мой бог, какой варварский напиток!

Дон Педро, откинувшись на подушки, бесцеремонно хохотал и тут же решил: «Если русским понадобится помощь в поединке, моя шпага будет к их услугам».

Эреб-хан поспешил развеселить шаха рассказом о неудаче английского путешественника. Посмеявшись, шах послал с везиром по пяти золотых туманов Хохлову и Накрачеву.

Еще одно лицо приковывало любопытные взоры. Кахетинский царь Теймураз, недавно похоронивший любимую жену Анну Гурийскую, прибыл в Исфгань по приглашению шаха, якобы пожелавшего утешить своего воспитанника в тяжелой потере.

Ханы помнили, как много лет назад, по настоянию шаха, кахетинский царь Давид прислал своего сына Теймураза к шаху Аббасу, пожелавшему воспитать будущего царя Кахети в духе мохамметанства.

Шаху понравился умный царевич, одинаково ловкий в метании копья и слова. Он решил обратить воспитанника в мохамметанство, но во всем послушный Теймураз решительно отклонял домогательства персидского духовенства. Он понимал, что христиане-кахетинцы никогда не доверятся царю мохамметанину.

В пылу полемики о преимуществе мохамметанского рая перед христианским пришло известие об убиении царя Константина кахетинского, и Теймураз, получив наставления шаха Аббаса, поспешил в Кахети. Несмотря на пятнадцатилетний возраст, Теймураз, как прямой наследник, занял кахетинский престол.

Прошло десять лет, и трудно узнать в возмужалом Теймуразе пылкого царевича.

Что заполнило молодость Теймураза? Свист лезгинских стрел, лязг сабель янычар и звон чаш на его свадьбе с дочерью владетельного князя гурийского Мамия I.

Теймураз тайно содрогался при каждом вопросе шаха о его двух сыновьях — Леоне и Александре — и с тяжелым сердцем согласился на свой брак с близкой родственницей.

Нугзар низко поклонился шаху Аббасу и осушил присланную шахом чашу с дюшалом.

— Пей, князь! Да будет бархатом до-

рога твоему коню, — милостиво улыбнулся шах Аббас.

— Ибо сказано, — добавил Эреб-хан: — веселье укорачивает путь и удлиняет удовольствие.

Нугзар учтиво крякнул и разгладил пышные усы:

— Удовольствие мое, благородный хан, омрачается разлукой с великим из великих шах-ин-шахом.

— Тебе будет сопутствовать счастливая звезда, ибо я послал к Луарсабу посла с извещением, что ты и преданный мне Зураб находитесь под моим покровительством. Но я не хочу лишать Исфгань лучшего украшения, — добавил шах Аббас, откусывая персик, — тем более не могу отказать в просьбе матери Сефи-мирзы пригласить прекрасную Нестан погостить в шахском гареме.

— Ибо сказано: кто не совсем согрелся, пусть не уходит от солнца, — весело прибавил Эреб-хан, пододвигая Пьетро дела Валле золотую чашу с дюшалом.

Дато сочувственно посмотрел на побледневшего Зураба.

«Заложницей оставляет!» — подумал Зураб, подавляя крик. Внезапно вспомнились бесконечные походы, пройденные вместе с дорогим Георгием. Не раз в жаркой битве он подвергался смертельной опасности ради величия шаха. Так неужели награда за все испытания — потеря любимой Нестан? Но почему потеря? Разве князя Эристави Арагвские не решились быть верными шаху Аббасу?

И Зураб изысканно благодарил шаха Аббаса.

— А ты, Хосро-мирза, не хочешь ли в Грузию? — хитро прищурился шах.

Ханы переглянулись — шах назвал петуха мирзою, значит, отныне этот неизвестный грузин признается царевичем.

— Великий из великих шах-ин-шах, умоляю разрешить твоему рабу остаться у волшебного Давлет-ханэ, ибо сказано: от источника счастья уходит только глупец, — и Хосро низко склонился.

Довольный шах пристально оглядел Хосро.

Караджугай-хан иронически шепнул Саакадзе:

— Хорошо ли ты посеял? Ибо сказано: что посеешь, то соберешь.

Саакадзе слегка приподнял изогнутую бровь — неужели догадывается?

— Да, высокочтимый хан, я воспользовался подходящим случаем, ибо сказано: на плодородной земле и палка расцветет.

Караджугай-хан медленно погладил сизый шрам.

V

По заглохшим улочкам Носте, опираясь на толстую сучковатую палку, медленно шел дед Димитрия. Он часто останавливался, прикладывая руку к печальным глазам и всматривался в знакомые плоскостыльные жилища, покачивая головой.

Совсем мало народа, опустело Носте.

Вот жилище Гогоришвили, когда-то оно славилось гостеприимством и чистотою. А сейчас в саду все деревья почернели, в разбитые окна врывается горный ветер и до утра бродит вокруг потухшего очага. Сам старый Петре слышал, как недовольный ветер в ночь святого Евстафия, забравшись в пустой кувшин, до рассвета кричал кукушкой.

Вот жилище Элизбара Таткиридзе. Здесь всегда любили красить балкон голубой краской, а сейчас перила на земле, как мертвые, лежат.

Дед остановился и, опершись на палку, стал слушать доносившуюся издали песню:

За горой не слышно бури.
В очаге погас огонь,
Под печальный сказ чонгури
К Дарчи склонился конь.

Только птичка прилетела,
Дышит в губы горячо.
О, не плачь во мгле, Натела,
Не проснется Дарчи.

Дед вздохнул, приложил руку к глазам, посмотрел на небо: лебеди низко летят, весна будет долгая, теплая. Постоял, проводил ласковым взглядом торопливую стаю и свернул на знакомую тропу. Там, на краю обрыва, стоял нетронутый старый дом Шио Саакадзе, отца Георгия.

Дед Димитрия каждое воскресенье приходил к покинутому дому, как прихо-

дят на кладбище проведать могилу близкого.

Он не боялся, как все ностевцы, войти в этот опустелый, когда-то любимый дом, где теперь каждую ночь под пятницу злые дэви в большом черном котле варят себе ужин и до самого неба от ядовитого мяса подымается зеленый пар.

Дед молча садился на почерневшие доски тахты, прикрывал глаза, и ему казалось, что вот-вот сейчас войдет Маро с дымящейся чашкой лобно, что, рассыпая звонкий, как стеклянные чотки, смех, вбегит маленькая Тэкле, что его дорогой внук Димитрий окликнет деда и, сверкнув горячими глазами, закричит: «Мой дед, полтора часа целовать тебя должен за желтые цаги».

Дед вздрагивает, оглядывает холодные стены, и медленные слезы стекают по морщинам щек. Он заботливо поправляет на тахте полуистлевшие мутки, откидывает палкой сухую ветку и, тихо прикрыв за собою дверь, направляется к берегу реки, где его уже давно ждут друзья далекого детства и юности.

Ностевцы особенно чувствуют гнет тяжелой руки Шадимана. Носте, после побега Саакадзе в Иран, снова перешло в собственность царской казны. Шадиман, укрепляя княжескую власть, с особой жесткостью придавил Носте и крестьян бывших азнауров, приверженцев Георгия.

Особенно опустошил он деревни «барсов», стремясь тяжелыми повинностями и непосильной податью вытравить из крестьян свободные мысли, внедренные Георгием Саакадзе.

Но идут ли крестьяне на полях за деревянным плугом, вздымают ли на цепях тяжелые камни на гребни бор, гонят ли по Куре царские плоты от Ацхури до Чобисхеви, от Гори до Мцхета, от Тбилиси до Саганлуга, калечат ли ноги в липкой глине, сутулят ли спины в виноградниках, — они угрюмо смотрят на зубчатые башни замков и угрожающе произносят имя Георгия Саакадзе.

Сегодня воскресенье, совсем затихло Носте. Устал народ, отдыхает. Но старики боятся сна, они избегают его днем и тревожно поджидают ночью. Они не

устают любоваться восходом солнца и с сожалением провожают закат.

Дед Димитрия спешит к любимому бревну, где старики потихоньку, почти шопотом, вспоминают веселую жизнь при Георгии Саакадзе и, оглядываясь по сторонам, уверяют друг друга: прискачет наш Георгий, непременно прискачет, да хранят его все триста шестьдесят пять святых Георгиев.

Дед Димитрия по обыкновению затеял спор:

— Э, пока Петре пришел, с Павле кожу содрали.

— Ты, дорогой, правду сказал,—сокрушенно покачал белой, как облако, головой прадед Матарса. Он за свои сто пятнадцать тяжелых лет пережил не мало царей, не мало князей, но уверял, что таких собак, как ностевские нацвали и гзири, выгнанные некогда за грабеж народа Георгием и сейчас нагло водворившиеся на старых местах, он, прадед Матарса, никогда и в темном лесу не встречал.

Поговорив о битвах и по молчаливому соглашению обходя воспоминания о дорогих каждому старику ностевцах, сейчас страдающих в Иране, они перешли на волнующий разговор о податях.

— Раньше при царе Симоне I все же совесть имели, брали одну десятую часть урожая. Потом при Георгии X немножко помолились, стали брать одну седьмую, а сейчас окончательно с чортом сдружились, одну пятую берут, — с остервенением сплюнул дед Диасамидзе.

— Чорт хорошо свое дело знает, в монастырь пролезть не может, все же монахам, когда в Тбилиси едут, мысли бросает. Пока до царя доскачут, уже знают, сколько дать бога просить. Раньше в винную подать с церковных глеихи одну десятую урожая брали, сейчас дождей мало, наверно, потому одну восьмую требуют, — насмешливо протговорил дед Димитрия.

Некоторые при упоминании чорта на всякий случай незаметно перекрестились.

Помолчали, прислушиваясь к тихому плеску Нустури у берега, белеющего кругляками.

Дед Димитрия глубоко вздохнул:

— Сад Даутбека совсем пропал..

— А кто будет смотреть; раз царское — не жалко, — равнодушно отозвался юркий старик.

— Плохо говоришь... Разве дерево виновато, что царское? — покачал головой дед Димитрия. — Вот я ни одного черного волоса в усах не имею, а у меня все деревья зеленые... Всегда весной от моха сам очищаю, сучья не отмываю рукой — дерево тоже боль чувствует, живое — ножом срезаю, такое больше любит.

— А траву под деревом вырываешь, тоже живая...

— Э, траву надо вырывать, пусть у чужих корней воду не ворует.

— Правду, дорогой, говоришь,—кивнул головой прадед Матарса. — Вот у меня в прошлую пасху молния чинару ранила... Я испорченное место ножом вырезал, потом белой смолой помазал, потом мокрым платком перевязал, через два воскресенья дерево спасибо сказало: еще лучше расцвело.

— Хорошо сделал, дорогой, если дерево получило рану, зачем сразу хоронить, — одобрительно сказал дед Димитрия.

— Э, что сад! Не везет Гогоришвили. Вот Даутбек, говорят, богато живет в Исфагани, а у его отца всего четыре дыма осталось, и уже третий раз с каждого дыма гзири¹ по два барана отбирает. Жаловаться тоже нельзя, некому, — сказал угрюмо сутулый старик.

— Некому... Опасно тоже, по три начнут брать, — засмеялся худенький старик, и морщинки разбежались по его румяному лицу.

С откоса посыпались кругляки. Старики быстро подняли головы и радостно приветствовали мествире.

Спускался, мествире поднятой рукой приветствовал ностевских друзей. На его плечах топорщилась короткая бурка, колпак из белого войлока острым концом перегибался набок. Черные цаги с кожаными кистями выдавали в нем странствующего музыканта. Никто не знал, откуда мествире родом, как звали его отца, но смеющиеся глаза и смелые

¹ Гзири — начальник деревенской полиции. полицейский.

слова делали его близким каждой деревне.

С тех пор, как смолкла на Гостибских высотах чианури старого Бадри, молодой мествире оставил свои сады и пажити и подхватил незаконченную песню смеха и грусти.

Еще издали улыбаясь, мествире подошел к бревну:

— Победа, друзья! Кто соскучился по песне?

— Победа, дорогой! Все соскучились.

Мествире пристально оглядел стариков:

— Эристави Арагвские возвращаются из Ирана. Русудан с ними, дети Георгия тоже. Настоятель Трифилий умно советовал царю Луарсабу помириться с женой Саакадзе. Царица Мариам от злости чуть Метехи не подожгла.

Старики недоверчиво покосились на мествире.

— Русудан не может приехать, опасно, — покачал головой дед Димитрия.

— Откуда узнал? — с затаенной надеждой попытывался прадед Матарса.

— Сестра Эрасти рассказывала. Часто вижусь с Вардиси, она все время при царице Тэкле... Утром в Метехском замке у конюха Арчила пою песни, а вечером в деревнях народ веселю.

Взбудораженные старики забросали мествире вопросами. Они уже не сидели спокойно на бревне, они бегали вокруг мествире, радостно восклицали, бросали дз мь папахи, обнимались. Прадед Матарса выразил общую надежду:

— Э, друзья, мы еще увидим время освежающего дождя, время Георгия Саакадзе.

Его радостно поддержали, и уже кто-то предложил притащить бурдючок с вином, но вдруг раздался возглас:

— Гзири идет!

Мествире посмотрел на падающее за потемневшими полями багровое солнце, оглянулся и негромко проговорил:

— Керим приезжает в Тбилиси, наверно, большие новости в тюках везет... Думаю, Керим недолго в Тбилиси останется. Если кто хочет купить персидский товар, пусть поспешит в Тбилиси.

И, спрятав под бурку гуда-ствир¹, направился к старогорийской дороге. Он еще до ночи хотел попасть в деревню Даутбека и там рассказать о возвращении Русудан.

Дед Димитрия засуетился. Он и Горгосал всегда ездили на свидание с Керимом, и никто даже не пытался оспаривать у деда раз навсегда присвоенное им право. Да и, правду сказать, никто лучше деда не мог в полной тайне видаться с Керимом и привозить все новости и подарки из Исфагани.

— Вчера еще буйволов подковал; когда запрягать арбу, сейчас или утром? — спросил Горгосал деда.

Старики заволновались.

— Утром надо запрягать.

— Опасно ночью, злые дэви с гор в ущелье спускаются, в туман кутаются, как в бурку, да хранит нас божия мать Кватахевская.

— Когда арба скрипит, дэви на дороге не выходят, боятся! — спокойно отвечал дед. — А когда прохладно, ехать удобнее, с луной в дружбе живу, с темной ночью тоже дружу.

VI

По каменным ступенькам на площадку башни поднялся Шадиман. Ушедшие годы не оставили следа на выхоленном лице князя. Наоборот, осанка Шадимана стала величественнее. Он, следуя турецкой моде, подстриг курчавую бороду, и в его одежде преобладали светлые тона.

Телохранитель вытянулся и отвел копые в сторону.

Шадиман бесшумно приблизился к Луарсабу.

В метехском саду печально вскрикнул сыч. Луарсаб резко обернулся.

— Царь! Нугзар и Зураб изволили, не заезжая в Ананури, прямо пожаловать в Метехи, — насмешливо протянул Шадиман.

Луарсаб нахмурился и провел рукой по волосам:

— Надо помнить, мой Шадиман, Эристави находятся под покровительством:

¹ Музыкальный инструмент, род волынки.

«льва Ирана». Ты, надеюсь, не забыл намека шахского гонца Ага-хана, как дорого ценит мудрый шах Аббас каждый волос на голове арагвских владетелей? — и Луарсаб спустился по витой лестнице.

Когда царь и правитель вошли в приемный зал с оранжевыми птицами на фресках, их лица выражали приветливость, а слова сердечность.

Нугзар и Зураб не поддались обаянию царя и выражениям радости правителя. Стоя около трона, Нугзар удивленно разглядывал придворных. Чопорные, надменные, боявшиеся повернуться в своих куладжах, расшитых тяжелым золотом, они стали похожи на Шадимана.

Нугзар радовался, что Русудан отказалась заехать в Метехи, и вся семья в сопровождении Баадур, свернув на боковую дорогу, проследовала прямо в Ананури.

И только Тэкле, сидевшая на троне рядом с Луарсабом, грустным взглядом и приветливой улыбкой смягчила сердце старого князя.

Луарсаб обнял Нугзара и пригласил Зураба вновь занять почетное место в Метехи. Князя Эристави Арагвские всегда были любимы им, Луарсабом II, его отцом Георгием X и дедом Симоном I.

«Да, — подумал Нугзар, — когда-то я, неизвестный ванатский азнаур, был обязан царю Симону своим возвышением».

И старый князь уже намеревался рассыпаться в благодарностях, но вспомнил, как в ненастную арагвскую ночь он, обезоруженный Шадиманом, вместе с Саакадзе успешно покидал Ананурский замок. «И кто же провел меня? — внутренне распалился Нугзар. — Этот заяд в короне и пышная лиса Шадиман».

И Нугзар, мрачно поблагодарив Луарсаба, буркнул, что и его отточенная, как шашка, память, ценит любовь, которая дала ему возможность познакомиться с великолепной столицей грозного шах-ин-шаха.

Зураб не менее сурово смотрел на приветливо улыбающегося Луарсаба и язвительно поблагодарил внука царя

Симона за проявленное внимание к Арагвскому княжеству.

Луарсаб, осведомленный Шадиманом о плачевном состоянии владения Нугзара, с нарочитой внимательностью слушал Зураба.

— ... известно каждому князю, светлый царь: только кот из амбара — мыши в зерно. Пока мы гостили в Иране, дерзкие хеви посягнули на эриставскую землю, отнятую мною у них в честном бою. Мтиульцы тоже отложились, забыли, волчий дети, как шашка Зураба грела их на снежных вершинах... Оссы¹ на полет стрелы не подползали к Ананурскому замку, а теперь, говорят, жарят джейранов у стен Ананури... Но напрасно некоторые князья Картли смеются в шелковые усы. Может, рано? Еще многие вспомнят:

Время Нугзара Эристави,
Время кровавого вождя!..

Скоро стяг на башне Ананурского замка вновь засверкает белым орлом, гордо парящим над владением доблестного Нугзара. И тогда, любезный царь, князя Эристави Арагвские с восхищением примут твоё милостивое приглашение.

Придворных поразило явное пренебрежение Эристави к царскому замку. И уже всем казалось, что Нугзар чересчур невежливо теребит свои страшные усы, выкрашенные шафраном, а Зураб чересчур смело ступает на царский ковер.

И все вздохнули с облегчением, когда за арагвскими владетелями закрылись метехские ворота.

Русудан бродит по замку, она долго сидит на вершине, где ей некогда открыл сердце Георгий Саакадзе. Она всматривается в крутые изломы нависших над долиной скал, в беспокойную Арагву, ведущую вечную борьбу с тяжелыми валунами. Всматривается в накренившееся небо, оно казалось ей в детстве старинным арагвским щитом. И снова Русудан видит, как над далекой

¹ Осетины.

сторожевой башней парит одинокий орел.

Но почему все знакомое, когда-то бесконечно близкое, кажется сном наяву?

Русудан тяжело вздыхает... Нет, она сумеет через Тэкле убедить царя Луарсаба в необходимости мирного возвращения Георгия Саакадзе. Поэтому она и решилаась на тяжелую разлуку с Георгием и с Паата. Конечно, она открыто не говорила с гордым Георгием о настоящей цели ее возвращения в Ананури, а Георгий инстинктивно избегал откровенного разговора. Но по намекам она чувствовала, что Георгий одобрит ее удачу.

Все обдумано, и Трифилий тоже поможет ей.

И Русудан уже видит, как Георгий выгоняет из Метехи двуличного Луарсаба, презренную Мариам, лицемерного Шадимана, надменных Амилахвари и с ними всех придворных шакалов...

И вот на престол Картли... Нет, нет!.. Русудан гнала от себя заманчивые видения. Русудан только хочет поселиться в близком ее сердцу Носте, где она познала счастье и страданье...

VII

В покоях Шадимана, на широком балконе, свисавшем над шумной Куруй, совещались Шадиман, Амириндо и Баграт, приехавший в Метехи проведать свою дочь Гульшари.

У Амириндо еще резче изогнулись черные брови, а на бархатной куладже засверкал бриллиантовый полумесяц, присланный из Стамбула везиром султана Азам-пашой.

Амириндо поднялся, привычно заглянул за дверь, охраняемую верным чубуком Шадимана, и таинственно заговорил:

— Керим приехал, привез мне кальян, принадлежащий шаху Измаилу, а вместе с кальяном — веселые вести.

— О приезде Керима меня Вардан уже просветил... Ты попрежнему доверяешь купцу из Исфагани? — усмехнулся Шадиман.

— За четыре года Керим ни разу меня не обманул, о всех сражениях преда-

теля Саакадзе первый знал я. О всех планах шаха Аббаса тоже первый знал я. И сейчас я первый знаю: шах готовит новую войну с Индией.

— А сколько ты золота отсчитал за последнюю новость?

— Э, Шадиман, ты слишком подозрителен, — проговорил Баграт, смахивая в Куру лежавшую на перилах розу.

— С тех пор, как я допустил бегство Саакадзе в Иран, я не доверяю собственной тени.

— А сейчас другое дело. Мы должны воспользоваться войной Ирана с Индией и окончательно заключить союз с Турцией. Если же Луарсаб и теперь отклонит наше желание, тебя, Шадиман, не надо учить, какими средствами убедить упрямого, — растягивая слова, процедил Амириндо.

Шадиман пристально посмотрел на Амириндо: «Убрать Луарсаба, очистить дорогу к трону этому Баграту? Нет, я не хочу уподобиться розе, выброшенной только-что в мутную Куру».

— Мне, друзья, так же важен союз с Турцией, как и вам, но возвращение Арагвских Эристави подсказывает большую осторожность. Шах Аббас не любит смены царей Картли без его вмешательства. С Керимом я сам поговорю, меня он кальяном не затуманит. Потом обсудим, как лучше убедить Луарсаба.

Не скрывая разочарования, Баграт и Амириндо сухо попрощались и вышли.

Шадиман несколько раз прошелся по балкону, вынул из фаянсового кувшина оранжевую розу и положил на перила.

Его сильно тревожило возвращение Эристави, особенно Русудан. «Жолудь упал, ищи рядом свинью. Значит, Саакадзе собирается в Картли». Нет, князь Шадиман не допустил возвращения Саакадзе. Но пока Тэкле на троне, Луарсаб не надежен. Саакадзе не должен вернуться в Картли, значит, Тэкле должна умереть...»

В духане «Золотой Верблюд» сегодня особенно шумно. Сыплются серебряные монеты, льется вино, под мерный грохот дапи взвизгивают тонкие дудочки зурны.

Сразу видно — выгодно торговали купцы на майдане, выгодно обменивали грузинские товары на персидскую роскошь. Большие караваны уже наполовину распроданы, а у духанщика Пануша распух мешок от серебряных монет.

Дверь с шумом распахивалась, выходили, пошатываясь, засидевшиеся, бодро входили новые:

— Эй, Пануш, новостей нет?

— Почему нет? Молодой барашек, сациви...

И снова со стойки скатывались на тарелки сочные яблоки, пунцовые сливы, абрикосы, покрытые пушком. Под острым ножом распадался тяжелый сыр, роняя соленые слезы. Весело ложилась около него свежая зелень. Тут же в пузатой бочке подпрыгивала, поблескивая красными и черными пятнышками, форель, точно сама рвалась в кипящий рядом котел.

В духан вошли двое в нахлобученных остроконечных папахах и в длинных чохлах с откидными рукавами. Оглядев буйных посетителей, они пробрались в самый дальний угол.

И сразу между ними и подлетевшим парнем установились холодные отношения. Поставив перед скупыми «обезьянами» кувшин простого вина, парень больше не замечал пришедших. Но зато пришедшие замечали все и пытливо вглядывались в каждого посетителя. И пока они, скучая, потихоньку выплескивали под скамью прокисшее вино, внизу, в сводчатом подвальчике, за наглухо закрытыми дверями лилась счастливая беседа.

На низкой деревянной скамье, поджав под себя ноги, сидел Керим. В красивом, богато одетом купце, изысканно поддерживающем тонкими пальцами трубку кальяна, трудно было сейчас узнать каменщика Керима, некогда слонявшегося в отрепьях по исфаганскому майдану.

Против него сидели счастливые дед Димитрия и Горгосал. Они в сотый раз расспрашивали Керима — один о своем внуке Димитрии, другой — о сыне Эрасти.

Керим передал старикам четыре ки-

сета с монетами, два тюка с подарками и просил не выходить из подвала, пока Пануш не придет за ними. Сам же Керим сейчас вернется в духан, он должен разыскать азнаура Кливидзе и передать ему кисет с золотыми туманами и поклон от батона Георгия Саакадзе.

— Зачем искать? Кливидзе в Тбилиси, сегодня видел его мсахури. Я сказал, ночью в «Золотом Верблюде» ждать будем.

— Без монет Кливидзе в Тбилиси не покажется.

— Мсахури говорит, шерсть привез продавать.

— Шерсть продавать? — удивился Горгосал. — Откуда взял? Спасибо Шадиману, в одной бурке остался.

Керим встал и, пообещав старикам завтра встретиться в «Золотом Верблюде» и еще вкуснее поужинать с ними, поднялся по каменной лесенке вверх.

Когда Керим, обогнув стойку, вошел в духан, он в первый момент из-за пара ничего не мог разглядеть. Но двое, сидящие в углу, сразу заметили его. Более молодой быстро поднялся и, подойдя к Кериму, шепнул:

— Ага Керим, прошу к нашему столу, дело есть.

И когда Керим, подозрительно оглядывая сидящих, опустился на скамью, старший вкрадчиво спросил:

— Ага Керим, тебе князь Саакадзе ничего не передавал для азнауров?

Керим удивленно поднял брови:

— Ничего. Бедный купец не смеет поднимать взор на высокого князя, отмеченного благосклонным вниманием шах-ин-шаха.

— Что ж, очень жаль. Напрасно Саакадзе забывает старых друзей. Из-за него змеиный князь Шадиман разорил мой богатый замок. И вот теперь я угощаю тебя сухими словами, не приправленными дорогой едой и душистым вином.

Керим поспешил заказать яства, и вскоре его новые знакомые с невероятной жадностью поедали все подаваемое на стол. Они повеселели, захлебываясь, рассказывали о нетерпении азнауров, ожидающих возвращения Георгия Саакадзе. И тогда много крови придется

пролить надменным князьям, много земель вернуть ограбленным азнаурам.

Керим внимательно слушал, пристально вглядываясь в собеседников.

— Получил сведения: один исфаганский купец должен привезти мне монеты и тайное поручение от Саакадзе. Ду мал, этот купец ты.

Керим все еще колебался.

— Высокочтимый азнаур, удостой мой слух твоим именем.

Старший наклонился к Кериму и прошептал:

— Кливидзе.

— Да будет благословенна наша встреча! — быстро сказал Керим. — Можешь спокойно доверить мне знак и азнаурские вести для Георгия Саакадзе.

— Вести хорошие: тайно вооружаем всех, кто умеет держать оружие. Когда Саакадзе подойдет к Саганлугским высотам, пусть, как раньше условились, зажжет огонь на сторожевой башне. С азнаурскими дружинами навстречу выедем. Замок Шадимана первым разрушим... Или у Георгия новый план?

— Ага Саакадзе не считает нужным посвящать купца Керима в свой план, — уклончиво ответил Керим.

— Тогда, может, передал, как поступить: распустить дружины или еще ждать?

— Аллах подсказывает мне совет — держите воинов на конях.

— На конях? А где монеты взять? Саакадзе обещал золото с купцом Керимом и бросил слово на ветер.

— Слава аллаху, ага Саакадзе всегда верен своему слову, — сказал задетый Керим. — Вот, высокочтимый азнаур, — и, вытащив тугой кисет, передал его старшему собеседнику. — Когда удостоишь меня условным знаком верности Георгию Саакадзе и люди признают в тебе азнаура Кливидзе, еще получишь персидское золото.

Поспешно пряча кисет, старший тайно зашептал:

— Тебе, Керим, советую больше говорить на майдане о скором походе шаха Аббаса на Индию. Пусть князья спокойно охотятся на фазанов.

— Дозволь напомнить, высокочтимый азнаур, знака от тебя жду.

— Здесь опасно, лазутчики Шадимана шныряют, как шакалы, пойдём с нами, у одного амкара остановились, свой человек.

— Удостой узнать имя амкара.

— Сиуш!

Керим поднялся.

— Я готов следовать за тобой.

— Вместе выходить опасно, я выйду первый, буду ждать тебя и молодого азнаура у Сиуша, — проговорил старший, надвигая на лоб островерхую папаху.

Но, выйдя из духана, Шадиман, так как это был он, направился через Метехский мост в замок.

Немного подождя, Керим, сжимая в складках иранского плаща рукоятку кинжала, направился к выходу вместе с чубукчи Шадимана.

Но Шадиман, все рассчитав, забыл о случайностях, часто расстраивающих самые продуманные планы.

Распахнув дверь, Керим и чубукчи столкнулись с плотным азнауром, обвешанным богатым оружием, но в старой чохе.

— Ты что толкаешься, позолоченный ишак! — зарычал азнаур.

— Осмелюсь заметить, ты первый толкнул меня, — вежливо посторонился Керим.

— Что?! Я толкнул?! Повтори еще, я тебе устрою рай Мохаммеда.

— Батоно, я тороплюсь...

— Торопишься?! Почему знаешь, ишачий сын, может, у меня минуты нет лишней, а ты меня задерживаешь у дверей.

— Осмелюсь заметить, батоно, ты загородил дверь.

— Я?! Ты что же, воробыный помет, в неучтивости меня обвиняешь?! Весь Тбилиси знает, что я первый рыцарь! — рявкнул азнаур, схватив намеревавшегося пройти Керима за плечо: — Эй, кто еще здесь не знает меня?!

И одновременно с разных концов духана закричали:

— Победа, азнаур Кливидзе!

— Будь здоров, азнаур Кливидзе!

— Пожалуйста, дорогой, к нашему вину!

— Почему к вашему? Мы ближе сидим!

Керим побледнел, быстро обернулся, но чубукчи Шадимана нигде не было, он точно растворился в густом паре.

Керим поспешно шепнул:

— Я от Георгия Саакадзе вести привез.

Кливидзе откинулся, молча посмотрел в глаза Кериму и еще яростней зарычал:

— Что?! Теперь шерсть мою хочешь купить? А кто тебе продаст? В этом году новые чохы ткнут для моей стражи. О шерсти с моим мсахури торговаться будешь, а мой долг научить тебя азнаурской вежливости: пять тунг вина выпьешь. Что?! Мусульманину нельзя?! Тогда семь проглотишь. Мохамметане любят семь. Семь и пять всегда двенадцать, по числу ваших святых имамов... Эй, Пануш, пришли двенадцать тунг красного, которое всегда пью.

И под одобрительный хохот Кливидзе поволок Керима в середину духана.

Пануш незаметно кивнул юркому парню. Тот, угодливо изгибаясь, подлетел к Кливидзе:

— Батоно, здесь места мало, просим в другую комнату, там гуляют все азнауры.

Кливидзе, не выпуская Керима, как бы насильно поволок его за стойку, но, очутившись в темной комнате, они скользнули в глубокую нишу и по крутой лестнице спустились в сводчатый подвальчик.

Мягкая ночь расплывалась над заснувшим городом, располагала к веселью или к доброму сну. Но Шадиман, поглощенный своими мыслями, уже видел приближение другой ночи. «Мое предположение оказалось правильным, — думал озабоченный Шадиман, сняв фальшивую бороду и швырнув ее через мост, — мог бы не утруждать себя бородой в этом пахучем «Верблюде»... И чем там только дышат торгаша?.. Конечно, открыто брать купцов Ирана и бросать в яму не полезно сейчас... Хотя все эти купцы — лазутчики шаха и, что еще хуже, — Саакадзе... Попытки Выходной башни развяжут язык этому Кериму. Можем узнать веселые новости».

Начальник метехской охраны князь Баака Херхеулидзе по старой привычке обходил замок, проверяя посты.

В полумгле вырисовывались силуэты караульных копыеносцев. Они, молча, вскинутыми пиками приветствовали проходившего мимо начальника.

Баака хмурился — ни одного часа спокойного. То персидские купцы в коже турецких беков, то турецкие беки в коже персидских купцов... То Вардан Мудрый с наклеенными усами бродит по замку, то Шадиман с наклеенной бородой бродит по майдану. То князья шумно точат мечи на азнауров, то азнауры тихо точат шашки на князей. То княгиня Гульшари в темных коридорах поджидает Ауарсаба, то царевич Кай-хосро в светлых переходах поджидает княгиню Гульшари.

Баака даже остановился и сплюнул: вот почему начальник Баака целую ночь мучает охрану, гоняя по всем углам замка и Тбилиси, то охрана всю ночь мучает начальника, сообщая собачьи новости. Спит в этом замке хоть одну ночь кто-нибудь спокойно? Спит мутака на моей тахте!

Баака злобно посмотрел на луну, мягким серебром обволакивающую башенки и кипарисы Метехского замка, посмотрел на качающийся в лунных бликах фонарик и уже намеревался повернуть в дворцовый сад, как перед ним, словно из-под земли, вырос Шадиман.

— Гуляешь, дорогой?

— Чтоб чорт так гулял! — продолжал раздражаться всегда спокойный Баака.

— Кто сегодня так сильно тебя огорчил?

— Ты лучше спроси, кто когда-нибудь меня радовал?

— Как, а разве наш светлый царь Ауарсаб не веселит твои глаза?

— Веселит, поэтому целыми ночами скучаю по темным углам.

— Ты самый верный друг царя Картли, — хочу, дорогой, с тобой посоветоваться об очень важном деле.

Баака сразу насторожился и решил, о чем бы ни попросил Шадиман, сделать наоборот.

Шадиман взял под руку Баака и, гуляя по чинаровой аллее, понизил голос:

— Сегодня узнал о намерении Саакадзе шумно войти в Тбилиси. Придет-ся сильные укрепления возвести. Как думаешь, просить царя присутствовать на высотах, где князья решили строить новые башни? Мне кажется, не стоит тревожить царя. Я, Баграт и Амириндо сами выберем выгодные высоты.

Баака покосился.

— В таких случаях нужно тревожить, царь должен знать места будущих боев.

— А я думал, ты другое посоветуешь! — разочарованно протянул Шадиман и, помолчав, продолжал: — Тогда, друг, тебе придется удвоить охрану и самому ни на час не покидать Метехи.

Баака все больше настораживался и угрюмо произнес:

— Незачем удваивать охрану в замке, когда царь выезжает. Моя охрана — верный щит в дороге, она должна сопровождать царя.

— Как хочешь, дорогой, но я думаю, охрана Баграта не хуже твоей охраны.

Перепуганный Баака мысленно решил лично с усиленной охраной сопровождать Луарсаба, но, не дав заметить свой испуг Шадиману, насмешливо сказал:

— Пока ты узнавал в «Золотом Верблюде» о шумном возвращении Саакадзе, в Метехи не менее шумно прискакал гонец от Теймураза хакетинского.

Шадиман остановился и искренно рассмехался: от этого начальника не только в золотом, но и в живом верблюде не спрячешься. Ис деланным равнодушием произнес:

— Наверное, Теймураз опять просит помощи против шамхала¹.

— Просит, только на этот раз царевну Натиа себе в жены.

И Баака, махнув рукой, стал подниматься по каменной лестнице на зубчатую башню.

Заложив руки за спину, Шадиман зашагал по аллее. Под его ногами тихо поскрипывал песок. Он взвесил все, услышанное в «Золотом Верблюде» и в

лунном саду Метехского замка, и решил действовать на этот раз стремительно и без промаха.

Час спустя в комнату Шадимана, завешанную персидскими коврами, осторожно вошли князья.

Раздосадованный неудачей с Керимом, успевшим скрыться, Шадиман язвительно высмеивал Амириндо, в течение четырех лет получавшего от Керима «точные» сведения о Саакадзе.

Амириндо с перекошенным от злобы лицом то вскакивал и бегал по комнате, то бросался на тахту, яростно сжимая рукоятку шашки.

— Сколько золота передал Амириндо этому разбойнику Кериму, целый монастырь купить можно, — сокрушался скупой Баграт.

Шадиман, игриво постукивая по крышке перламутрового ящика, наслаждался огорчением князей, но упорно скрывал свои неудачи. Он открыл крышку и, вынув кисет, высыпал золото.

— Я узнал твои монеты и отобрал их у купца Керима. Отсчитай, дорогой Амириндо, свои, а остальные подари моему чубукчи, он помогал князю Шадиману ради твоего прозрения давиться жирной бараниной и кислым вином в «Золотом Верблюде».

Лицо Амириндо напоминало раскаленный медный котел. Он хрипло выкрикнул:

— Долго сардар Саакадзе будет смеяться над князьями?!

— Над терпеливыми долго, — медленно отчеканил Шадиман.

— Что предлагаешь, Шадиман? — быстро спросил Баграт.

— Выход единственный — убрать с нашей дороги царицу Тэкле, сестру Саакадзе. Из любви к ней Луарсаб может неожиданно примириться с Саакадзе, а это — смертельный удар по княжеской власти.

Долго совещались три князя в полумночной тишине Метехского замка.

Наутро чубукчи Шадимана, зевая, будто невзначай проговорился копыеносу, что не спал всю ночь, ибо светлейший Баграт и князь Амириндо вздумали до утра пить вино у его господина Шадимана. Копыеносец, едва отделав-

¹ Шамхал — глава шамхалата, ханства, занимавшего в XVII веке территорию Дагестана.

шись от чубукки, помчался к начальнику копыеносцев. Таким образом, Шадиман, когда ему было нужно, не раз обогащал осведомленность зоркого Баака.

Узнав от начальника караульных копыеносцев о тайном совещании Шадимана, Амириндо и Баграта, Баака решил неотступно сопровождать царя во всех его выездах.

VIII

В момент цавкисского заговора на жизнь Георгия Саакадзе азнаурские дружины, по ложному приказу стянутые в Тбилиси, были разоружены и беспощадно разогнаны Шадиманом. Особенно жестоким преследованиям царской стражи подверглась любимая Георгием ностевская дружина.

У ностевских дружинников отобрали не только оружие, но и земельные наделы. Им запретили охотиться, джигитовать, одеваться в одежды дружинников. Их разобщили, сделали каменотесами, гонщиками плотов, землекопами, не переставали подвергать жестоким преследованиям. Но покорились они только внешне. Били ли они по мрамору, или вздымали на цепях огромные бревна, или крутили каменные жернова, или на горных озерах высушивали соль, — распаленные ненавистью, они не переставали ждать возвращения Георгия Саакадзе.

С каждым годом тайное брожение все больше охватывало деревни средней Картли.

Два года спустя после разгрома азнауров, десятого ноября, в день святого Георгия, азнауры встретились в дремучем лесу у Ничбиси с тайными выборными от народа.

Были тут крестьяне из царских поместий, из княжеских деревень, из монастырских владений, из бывших поселений азнауров. Пришли седые, пришли молодые. Суровые лица выражали отвагу и решительность.

В затемненной долине, на поваленном молнией дубе сидели азнауры. Против них разместились выборные.

Говорили о многом: о Георгии Саа-

кадзе, о скрытом возмущении в деревнях, о последней надежде крестьян на помощь азнауров.

Азнауры переглянулись. Медленно поднялся пожилой азнаур и развернул свиток.

— Сюда уже внесены имена крестьян, пожелавших стать под азнаурское знамя для борьбы с князьями.

Пристально оглядев выборных, он добавил:

— Каждый внесенный в эту грамоту получит оружие, коня и хлеб.

Он напомнил о жизни Носте при Саакадзе и обещал от имени азнауров Верхней, Средней и Нижней Картли после победы над князьями устроить жизнь по примеру Носте.

Выборные, поднявшись, переминались с ноги на ногу. Идя в Ничбисский лес, они твердо решили просить у азнауров крестной клятвы о нерушимости обещаний. Они с большим уважением смотрели на свиток, но одностороннее обязательство озадачивало их.

Кливидзе сверкнул глазами из-под нависших бровей. Он порывисто поднялся, сбросил бурку и напомнил о совместных битвах, о предательстве князей, о том, что лучшей опорой народа всегда было азнаурское сословие.

— Эй, народ! — продолжал Кливидзе: — Что головы повесили? Разве на земле вино высохло? Или кони в ишаки превратились? Или, может, женщины курицами стали?

И, дружески ударив молодого парня по затылку, еще громче крикнул:

— Азнауры вместе с вами месить глину княжескими головами будут. Из одного дерева и заступ, и лопата вышли. А мы с вами разве не из одного дерева? Разве азнауры, делая народу добро, не притравляли добро солью? Кто был обижен азнаурами?

И хотя выборные могли бы назвать многих обиженных, но мужественный вид Кливидзе, его веселая речь, слава рубаки и тамады пленили их.

Да и выхода другого не было.

Вскоре выборные, радостно взволнованные, ставили на свитке неуклюжие крестики, чувствуя себя отныне клятвенно связанными с азнаурами.

Азнауры поручили выборным завербовать в каждой деревне всех, готовых стать под азнаурское знамя. Каждый желающий драться вместе с азнаурами передает выборным кизилую палочку, надсеченную посредине его шашкою, и клянется такой клятвой над этим знаком верности: «Пусть у меня в битве переломится занесенная на врага шашка, как легко может переломиться эта кизилуя палочка, если я изменю делу азнауров. Да будет свидетельницей в том Кватахевская божия мать и ее пречистый младенец».

Кизилуые палочки крестьяне должны были передавать Кливидзе через ностевца Горгосала, дабы азнауры знали число народных дружинников в каждой деревне.

Выехав из Ничбисского леса, Кливидзе предложил для усыпления подозрительности лазутчиков Шадимана отправиться в Телети и приложиться к иконе и мощам святого Георгия.

—

В ближайший приезд Керима в Тбилиси дед Димитрия и Горгосал передали ему для Георгия тайное послание.

Азнауры сообщали Саакадзе о своих удачных действиях и о готовности княжеских, царских и церковных крестьян по первому зову стать под знамя Саакадзе.

Крестьяне еще больше уверились в прочности обещаний, когда стали получать оружие для надвигающейся борьбы.

Ждали возвращения Георгия Саакадзе.

Уже совсем стемнело, когда арба повернула к лесистым предгорьям и въехала в Ничбисский лес.

Дед Димитрия, соскочив с арбы, остановил буйволов. Горгосал, подражая оленю, призывно крикнул. Из леса послышался ответный олений крик. Вскоре к арбе приблизились пять крестьян в заплатанных чохлах.

Сердечно поздоровавшись со стариками, крестьяне, поспешно сняв с арбы выюки, перенесли оружие в Медвежью пещеру, закрытую камнями и кустарни-

ком. В Медвежьей пещере хранилось много оружия, но об этом знали только пять крестьян, выборных от деревень: Ахал-Убани, Дзегви, Ниаби, Гракали и Цители-Сакдари.

Дед Димитрия зорко следил, как крестьяне заносили в пещеру выюки и опускали в глубокие ямы, обложенные сухим хворостом.

И только когда ямы завалили грудой камней, дед вернулся к арбе, где Горгосал уже распрягал измученных буйволов.

Загнав буйволов в пещеру и последовав за ними, крестьяне разложили бурки и, подложив под голову кто папаху, кто башлык, а кто просто камень, тотчас заснули.

А когда косою луч солнца скользнул по колючей лапе сосны, опустевшая пещера была снова завалена камнями и кустарником.

Вниз к дороге спускалась арба.

У горного родника старики, напоив буйволов, с наслаждением прильнули к ледяной струе. Нацедив опустошенный ночью бурдючок, бросили в арбу и вытянулись на соломе, предоставив буйволам самим добраться до Носте.

Дед улыбнулся. Он с гордостью подумал, как ловко они провели с помощью Пануша тбилисскую стражу, незаметно на рассвете ускользнув из города. Кливидзе, тоже не желая попасть в Высокую башню для опасных преступников, перекинул на коня хурджины с подарками Саакадзе, глубоко засунул в карманы кисеты с золотыми монетами и ускакал в Имерети.

Дед Димитрия то загорался тревогой, то успокаивал себя. А вдруг таинственный человек, без всякой совести вымазавший у Керима монеты, прикажет свирепым гзире догнать Кливидзе?.. «Э, не догонят, — подбадривал себя дед, — трудно догнать Кливидзе, особенно, когда у азнаура в кармане кисет с золотом».

— Керим тоже, наверно, сейчас далеко от Тбилиси, — улыбаясь, сказал дед.

Старики и не подозревали, что Керим, доехав до первого караван-сарая, переделал в заплатанную одежду, вы-

мыл лицо и руки шафраном и вернулся обратно в Тбилиси погонщиком верблюдов богатого купца из Решта.

IX

Луарсаб внимательно выслушал Шадимана. Кровавые замыслы шаха Аббаса? Но царь Картли давно был подготовлен к ним. Мстительные планы Саакадзе? Но разве кто-нибудь верил смиренному желанию изгнанника навсегда остаться в Иране? Еще смешнее думать, что опытный полководец спокойно вернется в Картли и с удовольствием сядет в подземелье или даст себя растерзать князьям. Охранная грамота от шаха Аббаса? Но разве грамота спасает от кинжала из-за угла? Или от индийского яда, подмешанного иной раз в целебное вино из собственного марани¹? Значит, война? Надо всеми средствами оттянуть время.

Луарсаб пригласил католикоса, вызвал из Кватахевского монастыря настоятеля Трифилия, из Шио-Мгвимского монастыря отца Доментия. И церковный синклит, мирясь с неизбежностью, постановил предотвратить войну разрешением на брак Натиа с царем кахетинским Теймуразом.

Луарсаб по совету Шадимана решил использовать свадьбу для тайного военного совещания.

Вскоре по дорогам Картли мчались почтенные гонцы к царям и владельческим князьям Грузии.

Тэкле вчера выдержала сильное искушение. Настоятель Трифилий привез от Русудан пожелание долгих лет царствования Луарсабу и Тэкле. Возмущенно слушала Тэкле о втором сыне Георгия, красавце Автандиле, которого она помнит веселым мальчиком, гонящимся за голубями, о сыне Шио, названном так в честь ее бедного отца, о серьезном Бежане, изучающем науку о звездах, о красивой дочери Маро, носящей имя кроткой матери Георгия и Тэкле. Еще о многом рассказывал отец Трифилий.

Тэкле осторожно кончиком ленты вы-

терла затуманенные глаза. С какой радостью она выплакала бы на груди Русудан слезы, накопленные за долгие годы.

Но нет! Нет! Она — царица, и должна помнить, что брат ее изменил царю Картли. Она хорошо поступила, отказавшись вчера от предложения Луарсаба поехать гостить в Ананури.

Тэкле вспоминала, как все проклинали Георгия после побега его в Иран. Княжеские замки кипели гневом против «изменника». Особенно, когда от шаха Аббаса приехали послы с грозным предупреждением. Да, брат царицы картлийской Георгий Саакадзе открыл шаху тайные переговоры друзей Шадимана с Турцией.

Она тяжело пережила свое несчастье. Кто знает, была бы она жива, если б Луарсаб не пригрозил всех изрубить мечом в случае покушения на ее жизнь.

Луарсаб остановился у затемненных дверей. Он молча наблюдал. Кто, как не он, Луарсаб, сумел оценить силу необычайной души Тэкле. В памяти промелькнуло, как Тэкле умоляла отпустить ее в монастырь. Как его мать, царица Мариа, Шадиман и многие князья требовали его развода с сестрой изменника. Вспомнил свое бесстрашие перед всеми угрозами. Он властно прекратил домогательства князей, а потом мольбой и слезами добился у Тэкле согласия не покидать его до последних минут жизни. И сейчас он снова и снова гордится избранницей своего горячего сердца. Он осторожно подошел к Тэкле, опустился на колени и с нежностью поцеловал черные косы, переплетенные жемчугом.

В распахнутые ворота Метехи въезжали надменные всадники в белоснежных бурках, обшитых золотыми позументами. Въезжали в черных бурках, обшитых серебром, на конях, разукрашенных перьями и бархатом. Въезжали в пурпурных плащах, сверкая чешуйчатыми кольчугами и костяными рукоятками. Въезжали светлейшие и владельцы князья Нижней, Средней и Верхней Картли.

Луарсаба искренно обрадовал приезд имеретинского царя Георгия III. Вот рядом с ним на белом коне царица Та-

¹ Марани — винохранилище и винодельня.

мар и наследник Александр. Плывет голубое знамя Имерети: олень с большими рогами и серебряным крестом на лбу притаился в шелковых складках под золотой короной.

Только въезд царевичей Баграта и Симона вызвал общее недоумение. Царские одежды, золотые пояса династии с прямыми мечами, золотые времена Давида Возобновителя, развевающиеся перья на пышных тюрбанах, разукрашенные в серебро и сафьян кони, свита и личная охрана из рослых мсахури в боевом вооружении подчеркивали: въезд Баграта в Метехский замок — это въезд царей.

Особенно поразило всех знамя, высоко поднятое великаном знаменосцем: два вздыбленных льва на зеленом бархате поддерживают знак Багратидов — под короной хитон Христа, арфа Давида, рога, меч и скипетр. Это знамя выносилось в особо важных случаях: или когда вторгнувшийся враг вынуждал Багратидов всех грузинских царств объединить войска под родовым знаменем, или когда четыре картлийских сардарства-воеводства — Сабаратнано, Сацциано, Самухрано и Саарагво¹ — давали клятву верности наследнику Багратиду, вошедшему на престол Картли.

Луарсаб полуобернулся к Баака и едва слышно спросил:

— Не знаешь ли, мой Баака, на какой престол собирается сесть Баграц?

— Шут собирался тихо прокрасться к чужой жене, а бубенцы на колпаке только рассмешили разбуженного мужа, — сквозь зубы процедил Баака. И Баака, придерживая шашку, осторожно выбрался из толпы придворных и прошел в боковую башню караула.

Через час в Твалади и Кахети поскакали гонцы с посланием от Баака. А на пятый день свадебного пира в Метехи въехали царские азнауры — Асламаз с отборной сотней тваладцев на белых конях и Гуния с отборной сотней на черных конях.

И еще через день из Кахети галопом въехали в Метехский замок девять

братьев Баака Херхеулидзе. Старшему из них было не более тридцати, а младшему около семнадцати. Братья отличались одинаковыми белыми чохами, одинаково кверху торчали задорные усики, и даже цвет кисточек на цагах был одинаков. Братья славилась буйной веселостью, безудержной храбростью и меткостью ударов своих шашек.

Не успели они еще как следует обнять Баака, как тотчас их зачислили в личную охрану царя.

Луарсаб добродушно пошутил над осторожностью Баака и подарил ему драгоценный ятаган, а девяти братьям — шашки из дамасской стали. Тэкле поцеловала Баака и надела на него талисман: агат в золотой оправе, имеющий силу предвиденья.

Тэкле, зная, как много надежд возлагает Луарсаб на этот съезд, решила помочь ему в приеме знатных гостей и выйти из затворничества.

Прислужницы Тэкле радостно открыли большие, окованные железом сундуки, пять лет не открываемые, и разложили на тахте царский наряд.

На Тэкле засверкало белое атласное платье и темномалиновая мантия с вышитыми жемчугом белыми лилиями. Под казакином на малиновой вставке замерцали бриллиантовые звездочки. Узкие ленты на бортах казакина, украшенные узорами из крупных изумрудов, замыкались на талии круглой драгоценной пряжкой. Широкие шелковые концы пояса с бахромой, затканного розовыми птицами, ниспадали на платье. Черные длинные косы с вплетенными жемчугами и нежный отсвет щек Тэкле оттенялись белоснежной фатой — лечаки, ниспадающей на тонкие плечи в пышной мантии.

Султан на короне и жемчужные подвески подчеркивали необычайную красоту Тэкле, и она, словно ожившая фреска, смотрела из драгоценной рамы большими печальными глазами, словно видение, тревожила и восхищала всех.

Царица Тамар, славившаяся большим умом и изящным вкусом, увидя Тэкле, изумленно воскликнула:

— Ты ли это, царица Тэкле, или я вижу сон?! Может, царица ангелов сле-

¹ Удельные владения князей Бараташвили, Цицишвили, Мухран-Батони и Эристави-Арагвских.

тела с неба вознаградить нас за земные страдания лучезарным видением рая?

И Тамар обняла смущенную и взволнованную Тэкле.

Гульшари, пользуясь уединенностью Тэкле, до съезда царя на всех приемах. Отодвинутая в тень красотой и нарядом Тэкле, Гульшари сразу возненавидела Тамар, а ненависть к Тэкле вспыхнула в ней с еще большей силой.

Шадиман, видя, как Тэкле обаянием и умом расположила царей к военному союзу, приказал оберегать Тэкле от всех случайностей.

Озадаченный Баака поведал об этом царю, и тронутый Луарсаб еще доверчивее прислушивался к советам Шадимана.

К вечеру, после большого приема в тронном зале и торжественной еды, когда женщины отдыхали за приятной беседой в покоях Тэкле, а мужчины возлежали на мутаках, куря кальян и предаваясь кейфу, от Эристави Арагвских прибыл гонец с подчеркнuto скудными подарками весте. Написанное без обычных учтивостей послание извещало Луарсаба, что князя Эристави Арагвские не могут прибыть на свадебный пир. Хотели, — говорилось в послании, — но приготовления к походу на непокорных мтиульцев отнимают все время.

Оскорбленные отказом Тэкле повиждать воспитавшую ее Русудан и угрождая шаху, Эристави решились на открытый разрыв с Метехи.

Луарсаба немало обеспокоила вражда могущественных владетелей, но он никому не дал это заметить.

Мариам, задетая грубой насмешкой над царской семьей, угадывая, кому она этим обязана, решила отплатить тем же.

Напрасно Шадиман уговаривал подождать — скоро пробьет час Эристави Арагвских, они будут проклинать день своего рождения. Но Мариам, уже много лет таившая ненависть к Русудан, не хотела упускать случая. Тем более, что потайная комната молельни Мариам давно забыта Шадиманом. Отговорки, что он, Шадиман, опасается возбуждать в Луарсабе неудовольствие, не могли заглушить в Мариам оскорбленное самолюбие, а внимание Шадимана к кня-

гине Цицишвили не успокаивало сердца. Сейчас она радовалась возможности поступить вопреки советам Шадимана.

Утром к Арагвским Эристави двинулся караван. Три старых верблюда покачивали на облезлых горбах заплатанные тюки, набитые поношенной одеждой и обувью.

Прибыв в Ананури, хилый начальник каравана в оборванной чохе с перекошенным от страха лицом передал для Русудан послание.

Но Русудан, не желая доставить удовольствие Мариам вспышкой гнева, не только не приказала обезглавить дерзкого посла, но повелела накормить несчастного. Потом заперлась с матерью, княгиней Нато в комнате и вслух про-
чала:

«Русудан!

Благословен еси едиnorodный сын и слово божие Иисус Христос и непорочная родительница его дева Мария.

Ты цветешь, подобно неувядаемой розе эдема, и украшена подвигами благочестия. Ты сияешь, подобно утреннему Фебу, ты райская ветка, из любви к Христу принесшая многочисленный приплод и по этой причине прославленная далеко за пределами святой Иверской земли.

До меня дошло, что ты обременена многочисленным семейством и живешь у отца вдовой, ибо твой муж хан Саакадзе никогда не посмеет переступить порог Картли.

Из милосердия посылаю тебе собранную в моих старых сундуках одежду, пересмотри, — наверное, тебе и твоим детям пригодится.

Господи, возвеличи меня и услышь ныне зывающую к тебе!

Пребывающая в заботах о своих подданных

царица-цариц Мариам».

Русудан долго хохотала над бессильной злобой Мариам. К счастью, Нугзар, Зураб и Баадур уехали на охоту. Русудан с трудом уговорила бушующую мать скрыть от них глупый поступок Мариам.

— Еще не пришло время расправиться с ними, подождем Георгия. Тогда метлой выметем из Метехи.

Пошептавшись с матерью, Русудан отослала в Метехи ответное угощение. Разодев в шелк и бархат хилого гонца Мариам и водрузив на дряхлого осла кувшин с серной банной мазью для снятия волос, мамка Русудан собственноручно прикрепил к хвостам трех старых верблюдов знамя светлейшего князя Липарит — отца царицы Мариам. Русудан написала послание, способное возбудить зависть даже остроумного султана Джелал-эд-дина:

«Великой царице-цариц, до неба возвысившейся своею добротой, преданнейшей защитнице Христа, непоколебимой перед соблазнами сатаны, милостивой к несчастным, помогающей больным, кормящей сирот, беспорочной, во всякое время достойной громких похвал и упования всего христианства.

До меня дошло, что ты, царица-цариц Мариам, по собственному желанию осталась вдовой и живешь у сына, покинутая всею рыцарем. По этой красивой причине утруждаешь себя вырыванием волос со своей мудрой головы. Из милосердия посылаю тебе мазь для снятия волос более легким способом последней травы, вежливо называемой твоими придворными угодниками волосами.

Твоих верблюдов с тюками за непригодностью также возвращаю тебе, ибо ты донашиваешь одежды, пока они не покроются потом и салом и от них идет дурной воздух, ощущаемый за три конных агаджа.

Надеюсь, многомилостивый бог вскоре удостоит тебя за ангельскую доброту вознесением на небо, ибо ты родилась под благоприятным созвездием и лик твой — солнцеподобное светило.

Пребываю на грешной земле в счастливом супружестве с полководцем Георгием Саакадзе.

Княгиня Русудан Саакадзе, из могущественного рода князей Эристави Арагвских».

В воскресенье утром, когда в Метехи гремели пандури свадебного пира, а на майдане стучали весы и аршины, в час, когда праздничная толпа, торгуясь и отругиваясь, теснилась у крытого караван-сарая, по узким улочкам Тбилиси с трудом передвигался странный караван.

Тбилисцы изумленными глазами провожали трех облезлых верблюдов с княжескими знаменами у хвостов и покорно плетущегося за ними дряхлого осла с кувшином на спине.

Под улюлюканье, смех и шуточные восклицания хилый «начальник» каравана, он же погонщик и гонец, облаченный в богатую одежду, погнал верблюдов и осла к задним воротам Метехского замка.

Получив «ответное угощение», Мариам от ярости чуть не лишилась рассудка, тем более она догадалась, что дерзкий погонщик с разрешения Шадимана выстроил у нее под окном позорный караван и через церевича Кайхосро вручил ей послание Русудан.

Рассвирепев, Мариам велела бросить погонщика в Нарикала — башню для малоопасных преступников.

Мариам осатанела, видя лицемерное возмущение придворных, которые за ее спиной давились смехом. Но что еще хуже — это веселые огоньки в глазах Луарсаба.

Проклятая Русудан и на этот раз восторжествовала.

Лазутчик донес Луарсабу: умная Русудан скрыла от отца и братьев послание Мариам, и все окончилось бранью, развеселившею весь Метехи.

Свадебный двухнедельный пир подошел к концу.

Только один Шадиман мог так умело поддерживать достоинство царского замка.

Незадолго до свадебного пира из Тбилиси выступили в разные стороны Картли отряды сборщиков. Под вопли мужчин и плач женщин в деревнях и поселениях брали скот, птицу, кувшины с медом, просо, масло, вино. Отбирали фрукты, сыр, ташили визжавших свиней, блеющих овец, кудахтающих кур, мычащих коров. Нагружали на арбы корзины с битой дичью, овощами, рыбой.

Гзири и нацвали не брезгали ничем: «Чего не съедят князья, сожрут слуги». Вереницы арб и стада рогатого скота

бесперывно тянулись к Тбилиси и поглощались боковыми воротами Метехского замка.

Все это кипело в больших котлах, жарилось на жаровнях, на вертелах, плавало в жиру, в пряных соусах, разукрашивалось зеленью, цветами, постепенно разливалось, раскладывалось в золотые чаши, на золотые блюда, подхватывалось и выплывало в большие залы царского пира. Блюда с золотыми знаками Багратидов склонялись перед знатными гостями и опустошались под звоны чаш и веселье возгласы толумбаша.

Княгини тонкими пальцами, усыпанными перстнями, осторожно разламывая поджаренное крылышко цыпленка, вели изысканный разговор о грузинских стихах, о тонкости рисунка на китайских вазах, о заманчивых картинах из «Тысячи и одной ночи».

Князя запивали вином из прадедовского рога душистое мясо и пряную дичь и, подхватывая остроумные тосты толумбаша, пересыпали изысканные ответы афоризмами Шота Руставели и Фирдоуси.

Высшее духовенство, степенно запивая нежную рыбу светлым вином, переговаривалось о фресках грузинских храмов, о каллиграфии древних книг, о значении иверской церкви.

Теймураз, польщенный пышным празднованием его свадьбы, поклялся Ауарсабу в дружбе и братстве.

Тесная связь Кахети и Картли подсадила Мамия Гуриели и Левану Мегрельскому войти в военный союз. Георгий Имеретинский, отчасти по собственному желанию, отчасти под давлением Тамар, тоже поклялся в дружбе Ауарсабу и Теймуразу.

Сегодня последний вечер свадебного пира. Все шумно веселы, все довольны. Многие княжны запылали любовным жаром, многие рыцари отдали свои сердца «гибким сернам». И тут же при благосклонном внимании царей и царич наметались соединения сердец и знамен.

На угловой тахте, утопая в шелковых мутаках и подушках, шептались княгини.

— Нино Магаладзе, наверно, под языком кизил держит.

— Будешь кислой, когда две недели никто, кроме зеркала, тебя не замечает.

— Тамаз и Мераб тоже мало танцуют.

— Из-за Астан сердятся.

— Сами виноваты, зачем пустили Реваза в Иран.

— Правда, принесенное ветром ветер и унесет.

— Гульшари, как ядовитая змея, шипит.

— Довольно чужим местом пользовалась.

— Чужой тахтой тоже довольно...

— Мариам свое лицо потеряла...

— На лошадиный каштан стала похожа.

— Никогда не была очень красивой...

— Умной тоже нет.

— А Теймураз к невесте совсем спокоен...

— Стесняется, родственница.

— Ничего, привыкнет. У иного и орехи не шумят, а у Теймураза и хлопок затрещит.

— Ха... ха... ха...

— Хи... хи... хи... Нато всегда развесят.

Тэкле оживлена, она словно проснулась от тяжелого сна, на нежных губах расцветает теплая улыбка. Тэкле поднимает бархат ресниц, и два черных солнца обжигают самые ледяные сердца.

Взволнованная молодежь доверяла Тэкле свои тайны. К ее советам прислушивались пожилые княгини. Ее посвящали цари в планы будущих битв. К ее ногам бросали рыцари оружие, умоляя для счастья наступить на клинки.

Ауарсаб не сводил с нее влюбленных глаз. Он радостно думал: «Наконец, моя Тэкле стала не только царицей моего сердца, но и царицей Картли. Вот она сидит, окруженная первыми красавицами, но все звезды меркнут перед сиянием луны в четырнадцатый день ее рождения».

Тамар уговорила спеть написанную самой Тэкле песню любви. Нежно звенят струны чонгури, перебираемые тонкими пальцами. Нежно звенит голос Тэкле:

Какими словами описать мне
Красоту царя сердца моего?
Какими шелками вышить
Прекрасное имя его?

Есть ли на земле ценность больше,
Чем мудрость царя сердца моего?
О, люди, скажите мне, где найти
Песни, достойные слуха его?

Где найти слова, достойные внимания его?
Где найти красоту, достойную взора его?
Есть ли душа возвышеннее его души?
Есть ли пламя сильнее его взгляда?

Есть ли цветы ароматнее его уст?
О, люди, не ищите напрасно:
Ни на небе, ни на земле нет равного
Царю сердца моего.

Как же мне смеяться без смеха его?
Как же мне петь без взгляда его?
Как же мне жить без любви его?
О, люди, скажите, как жить
Мне без любви царя сердца моего?

Тихо замолкла песня, а струна чонгури
еще звенит в зачарованной тишине.

Тамар крепко поцеловала Тэкле и
растроганно сказала:

— Бог обидел меня, не дал дочери,
но в тебе я нашла долгожданную радость.
Будь мне дочерью, прекрасная Тэкле,
и тебя прошу, мой прекрасный Луарсаб,
будь мне сыном.

Не успел взволнованный Луарсаб ответить,
как Гульшари, рванув на себе подвески,
задыхаясь от гнева, прохрипела:

— Ты делаешь добро, царица Тамар,
приглашая к себе в дочери кроткую Тэкле,
но царица Мариам, да живет она вечно,
мать Луарсаба Багратиды, и ему незачем
запасаться второй.

Пораженные, все молчали. Слышалось
только тяжелое дыхание Луарсаба. Глаза
Тэкле блеснули черной молнией, рука
властно отбросила чонгури:

— Княгиня Гульшари, ни твой возраст,
ни твое положение в царском замке не
дают тебе права на подобную дерзость.
Горный воздух замка Арши будет полезен
для укрощения твоего нрава.

Побледневшая Гульшари до крови закусил
губы и, с трудом сохраняя величие, поспешно
покинула зал. За нею, шатаясь, вышел
Амириндо. Восхищенный Луарсаб поцеловал
край ленты на плече Тэкле.

Шадиман изумленно смотрел на Тэкле...
Как раньше не видел? Ведь это достойная
сестра Саакадзе! Как допустил столько лет
созревать ядовитый плод?! Сегодня плебейка
изгнала из Метехи светлейшую Гульшари,
и влюбленный Луарсаб целует ей хвост. Завтра
она захочет изгнать из замка всех князей,
и Луарсаб будет целовать ей ноги, крича о
необыкновенной мудрости царицы Картли.
Через день она захочет меня бросить в
подземелье, даже, наверное, замышляет
такое, а Луарсаб будет целовать след ее
копыт и воскликнет, что она избавила царя
Картли от шадимановского ига. При
поддержке Тамар хочет брата вернуть.
Как раньше не замечал? За две недели
всем царям ума прибавила... Как мог не
видеть смертельной опасности у себя под
усаами?

Тэкле, оглядев затихший зал, махнула
платком. Загремели пандури, и, угадывая
желание царицы, понеслись в танце
стройные пары. Танцевали молодые,
танцевали старики. Плавно неслись по
ковру легкие фигуры. Колыхались в
воздухе легкие шелка. Изгибались, как
крылья, изящные руки.

Тэкле оглядела зал: «Как лебеди,
плывут». Мертвенная бледность покрыла
лицо Тэкле, ей показалось, что зал поет...
«Песня лебедя!» — мелькнуло в ее
встревоженном мозгу, и непобедимый страх
свожал сердце. До боли стало ясно:
двухнедельное ее торжество — тоже
песня лебедя.

Тэкле смотрела на кружащийся зал в
испуге и смятении.

— Жизнь моя, прошу! — точно изда-
лека донесся голос Луарсаба.

Тэкле очнулась, широко раскрытыми
глазами смотрит на Луарсаба, и ей снова
кажется — Луарсаб не рядом, а за
далекой каменной стеной.

— Жизнь моя, прошу!..

Тэкле, трепетно взмахнув руками,
понеслась, едва касаясь ковра.

И снова, как тогда в ностевском саду,
слышит она жаркое дыхание опьяненного
Луарсаба. И снова все окружающее теряет
реальность. Где-то мелькают восхищенные
глаза, где-то слышится крик восторга,
и совсем близко — обжигающий взгляд
Луарсаба. И как то-

гда, в саду у берега, падает она к ногам царя и, рыдая, восторженно повторяет:

О, люди, скажите, как жить мне
Без любви царя сердца моего?

Этим танцем закончился двухнедельный свадебный пир.

Под звон чаш, под раскаты пандури был заключен военный союз трех грузинских царств и двух владетельных княжеств.

Х

На другой день после разъезда гостей Луарсаб, узнав, что Амириндо остался в замке, удивленно спросил:

— Как, разве Амириндо не последовал за княгиней Гульшари? Не следует обречь ее на долгое одиночество в замке Арши.

Шадиман понял, что Амириндо изгоняется из Метехи навсегда, и, вздохнув, произнес:

— Амириндо сильно заболел. Еще бы не заболеть от такого огорчения. Он, как перезревший красный перец, на тахте лежит, даже память от внутреннего огня потерял, никого не узнает. Старая Нуца лечит: ставила пивявки, поила напитком из тваладских трав, растирала укусом, прикладывала сердолик¹, — уверяет старая ведьма, если князь спокойно три дня пролежит, здоровым встанет. Я велел Тамазу и Мерабу не отходить от Амириндо. Как только Амириндо глаза откроет, его посадят на арбу и отвезут в Арши, — и, не давая Луарсабу ответить, быстро продолжал: — Кого прикажешь, мой светлый царь, назначить вместо Амириндо начальником замка?

— Вызови старика Газнели, — вдовец, от него будет меньше неприятностей.

— Очень удачно придумал, мой царь. Сегодня же пошлю к князю гонца. — И тут же решил, что этот гонец доедет к Газнели не раньше, чем через три дня.

Шадиман, запершись в своих покоях, надел свободную чоху, позвал чубукки,

¹ Сердолик — по-грузински сардиони — излечивает, по поверью, от ран опухолей и др.

приказал подать столетнее вино и сушеные горийские персики, начиненные орехом, и пригласить к нему князей Цицишвили и Джавахишвили.

Когда за чубукки закрылась дверь, Шадиман выпил из золотой чаши черное густое вино, откусил персик и пошел к своему любимому лимонному дереву. Он осторожно снял засохший лист, озабоченно осмотрел корни и с нежностью погладил шершавые спинки золотистых плодов. Это дерево много лет помогало ему углубленно развивать тайные замыслы. Срезая лимон или осторожно сдувая пылинки с блестящих листьев, Шадиман сплетал сложные нити своих планов.

И сейчас, перед выездом на иранскую границу, Шадиман обдумывал принятое им решение. Он не заблуждался относительно намерений Саакадзе и знал, какая опасность надвигается на княжеские знамена. Но он, Шадиман, сумеет противопоставить силам шаха Аббаса силу грузинских царств. Удар должен быть нанесен верный, а для этого необходимо согласиться на военный картлийско-турецкий союз, которого так давно домогается Стамбул.

И когда вошли князья Цицишвили и Джавахишвили, уже было готово длинное послание к Ахмету I, написанное с полным знанием внутреннего положения турецкого государства и рассчитанное на немедленное согласие султана с помощью грузинских царств расправиться, наконец, с кровным врагом османов — шахом Аббасом.

Отправив князей тайными послами в Стамбул, Шадиман стал думать о назревшей необходимости укрепить внутреннее положение Картли. Разрыв с Эристави Арагвскими тоже надо учесть... хотя... — Шадиман улыбнулся, вспомнив, как встревожились Эристави Ксанские и Мухран-Батони, когда он, Шадиман, под шум свадебного пира просветил их, что ждет всех князей в случае возвращения и победы Саакадзе. Он напомнил растерянным князьям «азнаурский бунт»... И сейчас Шадиман, довольный, расправил выхоленную бороду, вспомнив донесение лазутчика о Нугзаре, потерпевшем поражение в стараниях заключить союз с Эристави

Ксанскими и Мухран-Батони и расположить их в пользу Саакадзе.

Но Шадиман упустил более важное обстоятельство: увлеченный организацией защиты княжеских знамен Картли, он забыл о народе.

Луарсаб старался скрыть от Тэкле тяжесть предстоящего расставания. Его любовь вспыхнула с новой силой, — так тлеющие искры костра под порывом буйного ветра разгораются в яркое пламя. С какой бы радостью Луарсаб взял с собою свою Тэкле. Но перед князьями неудобно, скажут: даже по делам царства едет с женой, как же на войне будет?

Тэкле тем более скрывала охватившую ее тревогу. Конечно, не пристало царю сидеть в покоях жены, когда враг на пороге Картли. О, с какой радостью она поехала бы с царем. Но перед народом неудобно, скажут: даже на военное дело не отпускает от себя.

В замке готовились к отъезду на пограничные высоты.

Шадиман первый надел одежду без всяких украшений, даже шапка была в простых кожаных ножнах. Следуя его примеру, все царевичи и князья велели спешно шить им одежды простых воинов. Свита и слуги также получили приказ одеться в будничные чохы, — «не на охоту едем». При таком выезде присутствие женщин было излишним. Шадиман к удовольствию Баака очищал замок от лишних собеседников.

— Спокойнее будет! — сказал Шадиман, наблюдая, как в уголках губ Луарсаба дрогнула улыбка.

Уехали близкие к царице Мариам княгини. Уехали все, дружившие с Гулшари. Даже княгиням Нино и Астан Магаладзе вежливо предложили покинуть Метехи.

Для охраны Тэкле Баака назначил преданных ему дружинников под начальством азнаура Датико. До приезда старика Газнели начальником Метехского замка оставался царевич Кайхосро.

Шадиман прочел царевичу целую проповедь, как в отсутствие царя надо

охранять цариц Мариам и Тэкле. Шадиман даже пробовал в присутствии Луарсаба уговорить Баака остаться в Метехи. Но Баака, видя с какой настойчивостью Багра́т и Симон навязались сопровождать Луарсаба, твердо заявил царю о своем желании подышать свежим воздухом.

Попытка Шадимана избавиться от Баака еще больше встревожила Тэкле. Она, вызвав Баака, заклонила его всеми святыми оберегать царя.

Ночью Баака беседовал с Зугзой.

Зугза, пленница в Метехском замке, была попрежнему непокорной казахкой. Но на смкнутых губах застыла усталость и лишь порой в черных зрачках вспыхивал недобрый огонь.

Зная о чувствах Зугзы к Георгию и Тэкле, Баака доверил Зугзе тайно оберегать Тэкле днем, а ночью спать, вернее, не спать, на пороге опочивальни царицы.

Несмотря на ранний час, замок бурлит. На холодных плитах двора выстраиваются оруженосцы. Блестят копья, переливаются в колчанах орлиные перья стрел.

На главный двор старший конюх Арчил вывел царского коня. Он сам оседлал скакуна, осмотрел фиолетовый чепрак, вышитый серебром и золотом, подтянул подпруги, проверил копыта. «Хороший конь — половина удачи!» — и Арчил погладил золотистую гриву царского любимца.

Наконец, из покоев Тэкле вышел Луарсаб. Он, вложив ногу в серебряное стремя, легко перекинулся на седло и загарцовал. Белая мягкая бурка послушно легла на золотистый круп коня.

Луарсаб повернул к воротам, за ним, как тень, девять братьев Херхеулидзе.

И только конь Луарсаба застучал серебряными подковами по Сеид-Абадскому мосту, как с криками: «Царь едет!» со всех сторон сбежалась толпа, теснясь на узкой улочке.

Керим, увлекая за собой толпу, напрасно стремился выскользнуть из ворот Тбилиси и проследить, в каком на-

правлении последовал царский выезд. Рослые стражники по приказу Баака оттеснили толпу, и ни один человек не смог прорваться за ворота Тбилиси.

Едва выехали на ганджинскую дорогу и повернули к крцанисским садам, Баака с личной охраной окружил тесным кольцом Луарсаба, Шадимана и царскую свиту. Второе кольцо замкнул азнаур Гуния с тваладской сотней на черных конях, и третье кольцо замыкал азнаур Асламаз с тваладской сотней на белых конях. За этими тремя кольцами вооруженных дружинников следовали Баграт, Симон, светлейшие князья и молодые царицы со своими свитами и дружинниками.

По обочинам дороги растянулись в цепь царские дружинники, словно конвоируя светлейших и несветлейших князей.

Зыбкий розовый туман плыл над вершинами Саганлугских гор. Вдали, на отлогах, точно волны, колыхалось желтое руно. Это перегонялась на сочные пастбища высот Ягруджи царская баранта. И в настороженной утренней тишине глухо разносились окрики чабанов, озабоченные, гортанные: «О-да! чар-за-цо-о!» А над ущельем, прижавшись к каменным бокам Хатис-Телетских высот, одиноко белела дряхлая церковка.

На вершинах высились сливающиеся с серыми скалами остроконечные замки и древние монастыри. А внизу, к подножию гор, прижимались ветхими домиками царские и княжеские деревни: Мтелети, Кумиси, Хатис-Телети. Они притаенно молчали. Народ ушел на запашку. Только кое-где из прокопченных отверстий в плоских крышах тянулся медленный дымок. У дороги на покосившихся плетнях сушилось цветное тряпье. Черный петух беспокойно бегал по крыше буйволятника. Размахивая пучками полевых цветов, бежали к дороге оборванные дети с засохшей на ногах грязью. У низеньких дверей словно застыли старухи с прялками. Около опрокинутой арбы уныло лежало колесо, и на почерневшем шесте торчал белый оскалившийся череп.

Луарсабу показалось, что череп издали подмигивает ему.

Дорога круто поднялась на Шав-Набади — «Черная бурка» — пик, густо заросший тенистыми деревьями.

Здесь остановились на первый привал. Пока разбивали шатры, прогуливали коней, оживленно приготавливая еду, Луарсаб, с наслаждением вдыхая свежий воздух, забрался на верхний уступ Шав-Набади. За ним неотступно карабкались девять Херхеулидзе.

Луарсаб расстегнул ворот, сбросил папаху и растянулся на ворохе багряных листьев. Сощурившись, он смотрел на прозрачную синеву. Колыхнулась ветка, и, блеснув розоватыми крыльями, красивая птичка с тревожным криком пронеслась над головой Луарсаба. «Тэкле!» — подумал он и, невольно поднявшись, стал следить за улетающей птичкой.

Ничем не нарушаемое торжественное безмолвие наполняло ущелья, и между горами, в серебристом тумане, лежали долины, словно разостланные пестрые ковры. В отдаленной синеве Картли, опоясанные черными тучами, застыли в суровом молчании, нахлобучив белоснежные башлыки, снеговые исполины Кавказа.

Солнце клонилось к закату, когда затрубил призывный рог. Вскоре по ложине снова застучали копыта коней.

Где-то в третьем кольце дружинник затянул любимую песню тваладцев. И молодые голоса задорно подхватили веселый напев:

Бей дружнее в толумбасы,
Триалетская дружина!
Эй, Нодары и Тамазы,
Песню слушайте грузина.

Кто не знал меня, Заала,
На пиру в хмельных разливах?
В Картли я встречал немало
И красавиц, и красивых.

Но одну Жужуну в Мцхета
Полубил, как рыбу в чане,
Не один бурдюк за это, —
Восемь выпил их в марани.

Эй, Заал! Жужуне дорог
Будешь в тишине и шуме,
Потому всегда пей сорок,
Чтобы верным быть Жужуне.

Бей дружнее в толумбасы,
Триалетская дружина!
Е.. к лицу сафьян, атласы
И к лицу любовь грузина.

Изменить могу ль красотке?
Губы родника послаще.
Хоть тряусь, как от чесотки,
Пить, друзья, хочу все чаще.

Эй, дружинники, без шуток!
Поклянусь — Жужуна чудо!
Сколько лет ловил я уток,
Сам теперь попал на блюдо.

Стан ее, скажу негрубо,
Не обнять, друзья, нам вместе.
Ноги смуглые — два дуба,
Грудь, как два кизила в тесте.

Эй, Заад! Поздравить надо!
Все Жужуне удивились.
Все же мы немного рады,
Что не мы в нее влюбились.

Бурдюки, баранов мясо
К свадьбе приготовь грузинам!..
Бей дружнее в толумбасы,
Триалетская дружина!

Раскатистый смех огласил лошину.
Среди шуток и песен не заметили,
как подъехали к деревне Кода, владе-
нию Реваза Орбелиани. Луарсаб вдруг
нахмурился и, стегнув коня, проскакал
мимо.

Уже мягкий туман спустился с гор,
когда показалась Марабда, владение
Шадимана. Усталые кони, почувствовав
запах жилья, весело замотали голова-
ми, убыстряя рысь.

Шадиман в изысканных выражениях
просил царя остановиться на ночлег в
его замке. Но Баака решительно запротестовал: разве князь не знает, что посещение царем княжеских замков невозможно без тройной просьбы, а Шадиман ни словом не обмолвился в Метехи о приглашении.

Луарсаб, не нарушая власти начальника охраны, первый поскакал вперед к марабдинским полям, где разбили шатры на короткий ночлег.

Едва забрезжила заря, как отдохнувшие кони с шумом переправлялись через речку Алгети. Всадники, стоя на седлах, подбадривали коней криками и взмахами нагаек.

К вечеру отряды достигли Марнеули, конечного пункта Картлийского царства.

Здесь, на покато́й вершине Ломта — Льевина́я гора — были разбиты шатры.

XI

Тэкле отодвинула пяльцы и грустно погладила лиловый шелковый платок, предназначенный Луарсабу. Безотчетная печаль все больше охватывала Тэкле. Непривычная тишина замка пугала своей настороженностью. Тэкле велела прислужницам петь веселые песни.

Позвала старшего дружинника Датико и почему-то долго расспрашивала о его семье. Она ловила себя на мысли: «Невнимательно слушаю!» — и, заглаживая вину, подарила взволнованному Датико для его матери атласную шаль, затканную васильками. Потом расплела черные косы и не заметила, как Вардиси вновь их заплела. Она не дотронулась до принесенных яств и не прикоснулась к золотой чаше с белым вином. Ее утомил даже короткий разговор с Кайхосро и молодым Газнели.

Она подходила к узкому окну и с надеждой смотрела вниз. Но конь Луарсаба не стучал копытами по Метехскому мосту.

Едва надвинулись сумерки, Тэкле велела зажечь роговые светильники по всему замку. Она хотела спуститься в сад, но тут же забыла об этом и снова села за пяльцы.

Сонная тишина сковала Метехский замок. Только изредка неосторожное копьё заденет стену или сдавленно кашлянет копыносец.

Любимец Баака Датико, недавно за верную службу получивший звание азнаура, обрадованный вниманием царицы, особенно тщательно проверил ночную стражу и вернулся к покоям Тэкле.

Перед иконой святой Нины, держащей крест из виноградных лоз, молилась Тэкле. Мерцали разноцветные лампы, и мягкий весенний аромат струился через узкое окно.

В полночь Мариам отпустила на сон Зугзу. Казахка сняла звонкие браслеты, надела мягкие чувяки и, выждав, когда

в замке замерли все шорохи, тихо скользнула вдоль стен, едва касаясь пола.

Пройдя сводчатый переход и обогнув охотничий зал, Зугза остановилась. Затаив дыхание, она еще сильнее прижалась к стене, сливаясь с холодным мрамором. Там, где у темного перехода сверкал стеклянными глазами леопард, на полу под мерцающим светильником лежал дружинник, нелепо запрокинув голову, крючковатыми пальцами сжимая копье. Зугза, подкравшись, тихо толкнула копыеносца ногой. Дружинник не шевельнулся. «Пьян, презренный!» — подумала Зугза. Но, скользнув дальше, она вздрогнула: за углом, скорчившись, лежал второй дружинник, а дальше еще и еще... Ужаснувшись, Зугза решила разбудить царевича Кайхосро и сообщить о странном сне верных дружинников Баака. Бесшумно она спустилась по крутой лестнице и неожиданно заметила сквозь узкую щель ставня тусклую полоску света. Это были покои Амириндо. Зугза уже намеревалась перейти площадку, но на круглом балконе показалась неясная фигура, дверь в комнату Амириндо осторожно приоткрылась, и Зугза острым взглядом увидела смеющегося Амириндо с обнаженной шашкой, Тамаза и Мераба, надевающих оружие, и вошедшего Сандро.

Мгновенно, и дверь захлопнулась. Зугза прильнула к косяку: неясное бормотание, что-то зазвенело, что-то с шумом отодвинули, и долетевшее слово «плебейка» заохлодило сердце.

Зугза все поняла. Серной перепрыгивая через ступеньки, она бросилась наверх.

Ужас все больше охватывал Зугзу: на помощь никто не придет, стража отравлена.

Датико тяжело облокотился на копье и, стоя, заснул у дверей Тэкле.

Зугза стремительно распахнула дверь в покои царицы, обежала опочивальню, диванную и бросилась в молельню.

Тэкле даже не обернулась.

— Царица! — задыхаясь, выкрикнула Зугза и кинулась к удивленной Тэкле, — слава аллаху, ты жива! Стража

отравлена. Амириндо и Магаладзе идут сюда, бежим, пока не поздно.

И, порывисто схватив за руку ошеломленную Тэкле, увлекла ее за собой.

Перебежав сводчатый переход, Зугза внезапно остановилась, не выпуская трепещущей руки Тэкле.

В темном провале лестницы послышался приглушенный шум торопливых шагов. Зугза круто повернулась и бросилась с Тэкле к покоям царицы Мариам. Нигде не было стражи, ни живой, ни мертвой. Она вспомнила условный стук, однажды подслушанный ею у Нарри. Зугза три раза отрывисто ударила в медный круг. Едва дверь приоткрылась, она сильным толчком свалила Нарри, втолкнула старуху в опочивальню Мариам, задвинула серебряную задвижку и ворвалась с Тэкле в молельню.

Мариам сидела на шелковой подушке перед открытым ларцем, перебирая драгоценности. Взглянув на вбежавших, она порывисто захлопнула ларец и метнулась к дверям.

Зугза точно выросла, глаза ее сверкали ненавистью. Выхватив кинжальчик, казахка вцепилась в волосы Мариам:

— Стой, старая ведьма! Открой потайной ход! Кинжал отравлен... Нас убьют, но раньше лезвие пронзит твою свиновую грудь.

Мариам молчала.

Тэкле, потрясенная, схватилась за сердце:

— Царица Мариам, ты ли мать Луарсаба?

Где-то хлопнула дверь.

Зугза замахнулась:

— Скорей, просохший кизяк! Или умрешь в страшных мучениях.

Мариам застыла.

Издали донесся шум. Зугза решительно приблизила кинжальчик к горлу Мариам.

— О-о-открою... — прохрипела Мариам и дрожащей рукой надавила золотой мизинец Влахернской божьей матери. Икона сдвинулась и открыла в стене черный провал. Отбросив Мариам, Зугза схватила роговой светильник и втащила в потайную комнату бледную Тэк-

ле. Икона задвинулась. Задрожали язычки лампад.

В молельню ворвались с обнаженными шапками Амириндо, Тамаз, Мераб и позади Сандро. Тамаз бросился к опочивальне Мариам. Не успел он откинуть задвижку, как оттуда выскочила Нари и бросилась в молельню.

— Где плейбейка? — дико выкрикнул Амириндо, схватив за плечи захлебывающуюся от проклятий Нари.

Мераб, Тамаз и Сандро, оттолкнув Нари, бросились обыскивать покои Мариам.

Мариам почему-то с любопытством начала рассматривать уши Амириндо, торчащие, как ей казалось, по-волчьи. Она быстро сообразила: «Указать потайной ход, — значит, отдать в волчьи лапы собственную жизнь! Нет, цари не открывают потайных ходов даже друзьям. И потом, если подлая Зугза найдет выход и скроется до приезда Луарсаба, скажу, сама укрыла Тэкле; если не найдут выхода, — с голода сдохнут, и никто не проникнет в тайну».

И Мариам гордо выпрямилась:

— Как смеешь ты, Амириндо, врываться ко мне в ночное время и нарушать час моей молитвы?

— Не притворяйся, царица, Сандро видел, плейбейка с какой-то собакой вбежала сюда.

— О какой плейбейке говоришь, Амириндо?

— Ты хорошо знаешь, о ком я говорю!

— Как смеешь подозревать меня?! Никто сюда не входил, видишь, молельня пуста...

— Вижу и удивляюсь тебе, царица Мариам! Не ты ли была столько лет унижена? Не ты ли умоляла Гульшари избавить тебя от сестры Саакадзе? Не ты ли сокрушалась перед всеми о моей болезни, зная от Шадимана, что я здоров, как мой конь? Не ты ли в эту ночь не обратила внимания на отсутствие у твоих дверей стражи? Так почему подвергаешь сейчас единомышленников Шадимана смертельной опасности? Или, думаешь, я скрою от Луарсаба твое участие?

— Как смеешь путать меня в свое

темное дело?! Как смеешь угрожать мне? Или забыл: Мариам — мать царя Картли! Благодарю бога, я из любви к Гульшари скрою от царя все случившееся в эту ночь... Тэкле, наверно, в покоях Луарсаба, — часто там ищет уединения.

Заговорщики, поняв бесполезность дальнейших увещаний, сжимая оружие, поспешили из молельни.

Они метались по замку, выплевывая брань, с лихорадочной поспешностью обшаривая все углы Метехи.

Амириндо в бессильной ярости смотрел на бледнеющее небо.

Потом пробовали забраться в покои Луарсаба. Но тяжелые двери с секретными замками оставались равнодушными к усилиям князей.

Утром к главному входу Метехи подъехала арба, разукрашенная коврами и обложенная внутри подушками. Конюхи и слуги теснились на дворе, следя, как чубукчи и нукери осторожно выносили закутанного в бурку Амириндо, стонавшего при малейшем толчке. Больного бережно уложили в арбу.

Сандро, смахивая слезы, сел рядом, любовно поправляя на голове Амириндо башлык.

Мераб и Тамаз, попросившись с царевичем Кайхосро и молодыми придворными, вскочили на коней и выехали вслед за медленно тянувшейся арбой.

— Наконец, убрался, — сказал Кайхосро стоявшему рядом молодому Газнели. — Амириндо непременно к обеду вытянется. А я терпеть не могу мертвцов.

— А ты думаешь, я люблю к обеду мертвцов?

— Может, и не вытянется, все же хорошо, что увезли. Без него спокойнее.

Разговаривая и вдыхая свежий воздух кипарисовой аллеи, они удивлялись, как поздно сегодня в покоях цариц никто не пробуждается.

Мариам всю ночь металась по молельне, борясь с желанием заглянуть в потайную комнату. А, может, спасти Тэкле? Тогда Луарсаб вернет ей, Мариам, свою почтительность. А Шадиман? Разве не его это дело? Наверно, начнет мстить, у него всегда наготове

индийский яд. Мариам вытерла на лбу капельки холодного пота.

Она пробовала заснуть, но тут же вскакивала и с криком звала Нарю. Нарю, опустив засов и придвинув к дверям тяжелый сундук, шлепая сафьяновыми кошами, то давала пить Мариам, то шептала заклинания от разбойников, то подливала в лампы масло и, наконец, остановившись перед царицей, покланялась святым Фомой: итти против Шадимана — значит готовиться к ответственному погребению.

Но когда погасли последние звезды и над махатскими холмами показалось окровавленное солнце, Мариам, не в силах преодолеть охвативший ее страх и любопытство, надела золотой мизинец божьей матери Влахернской и осторожно вместе с Нарю вошла в потайную комнату. Разбросанные подушки, перевернутая тахта и неплотно закрытый люк безмолвно говорили о происшедшем.

Нарю поспешно закрыла люк, задвинула медный запор, накрыла люк ковром, поставила тахту на место и разложила подушки.

Мариам облегченно вздохнула:

— Пойдем, Нарю, если бог захочет, он сохранит Тэкле.

Первым проснулся от тяжелого сна Датико. Он с трудом протер мутные глаза, облизывая распухшие губы. Он оглянулся: «Почему лежу на пороге опочивальни царицы? Неужели на страже заснул? Никогда раньше такое не случилось... Хорошо, царица спит и не видела моего позора...» Датико вздрогнул: рядом тихо стонал, сжимая руками голову, караульный копыеносец. Встретив встревоженный взгляд Датико, он пробормотал:

— Вели убить, но не рассказывай князю Баака. Десять лет у начальника доверием пользовался, одна ночь опорочила мою жизнь. Пусть я умру, если выпил лишнее.

Датико, ничего не ответив, едва держась на ногах, пошел проверять поставленные им с вечера посты. Он уже

больше не сомневался: всю стражу опили сонным питьем. Но когда? Перед его спутанной памятью встал вчерашний день: утром уехал царь, день был спокойный, потом Датико был ошарашен вниманием царицы, вечером, после еды... Датико остановился. После еды? Да, почему-то баранина показалась копыеносцам сладковатой и вино имело чужой вкус...

Датико рванулся вперед. Навстречу ему, пошатываясь, шли пожелтевшие дружинники. Он круто повернулся, бегом бросился к опочивальне Тэкле и, не помня себя, забарабанил в дверь.

Наконец, вышла, цепляясь за стену, Вардиси с синим отсветом на щеках и желтыми белками.

«Тоже усыпили! — с нарастающим ужасом подумал Датико. — Где царица?»

— Спит, наверно, вчера долго молилась, — вяло прошептала Вардиси и, держась за стену, пошла в опочивальню.

Датико бросился за ней. И, хотя уже был подготовлен к чему-то страшному, но, найдя опочивальню пустой, он, теряя рассудок, полез на стену и грохнулся на пол вместе с сорвавшимся тяжелым ковром и светильниками.

Датико услышал дикий вопль Вардиси. Больше он ничего не помнил. Он, обезумев, бросился из комнаты в комнату, опрокидывая все попадавшееся на его пути.

В замке поднялась суматоха. Гулко звенел серебряный шар, сзывая слуг. Тревожной дробью надрывался сигнальный барабан. Звеня копьями, бежали по сводчатым переходам копыеносцы.

Метались женщины, они рвали на себе волосы, и их вопли сливались с тяжелыми ударами колокола. Конюхи судорожно седлали коней. По каменному двору носились обезумевшие нукери.

Датико растерянно стоял перед фаянсовым кувшином с яркочерными цветами. Он машинально опустил руку в кувшин и, зачерпнув воды, прикладывал ко лбу трясущуюся ладонь.

Мариам, распустив волосы, кричала на ошеломленного царевича Кайхосро:

— Где был?! Почему проспал?! Знает, никому нельзя доверять?!

Накричавшись до хрипоты, она приказала созвать всех, но в Метехи почти никого не оказалось.

В ужасе перед гневом Луарсаба придворные, на ходу одеваясь, бросались к коням, носилкам и арбам. Слуги в панике, как попало, кидали в арбу одежду, подушки, бурки. И, взгромоздившись на поклажу, нещадно хлопали длинными бичами.

Зараженные общим страхом, князья, с разбегу, без стремлян, вскочив на коней, мчались из замка.

Мариам высказала предположение: может, кроткая царица потихоньку уехала в Ананури повидаться с княгиней Русудан, недаром и Зугза исчезла. Кайхосро и Газнели, несмотря на нелепость, ухватились за эту мысль, как утопающие хватаются за ветку, и тотчас к Эристави Арагвским был послан скоростной гонец, от которого Керим, находившийся в Ананури, и узнал об исчезновении Тэкле.

Напрасно копыеносцы обшарили весь замок. Напрасно с привязей были спущены ищейки. Напрасно Вардиси с ишарапаным лицом, в изодранной одежде металась по залам. Напрасно метехский священник устроил вокруг метехской церкви крестный ход с иконою великомученицы Шушаники. Все было тщетно.

Два копыеносца в отчаянии бросились с метехской башни. Разлетелись брызги, окрасился камень, заколебались круги, и снова понесла в Каспий темные воды вечно сумрачная Кура.

Датико хотел последовать примеру копыеносцев. Он взбежал на площадку самой высокой башни и вдруг остановился у зубчатой стены. Его взгляд, скользнув по Тбилиси, застыл на ганджинской дороге, по которой вчера уехал царь: «Без меня, — подумал Датико, — князь Баака никогда не упадет на верный след».

Датико хотел уже выехать к Ломтагоре, но Кайхосро запретил кому-либо покидать замок до возвращения гонца из Ананури.

Ночью, тайно оседлав коня, Датико с помощью Арчила покинул Метехи и скрылся в надвигающейся мгле...

ХII

Азам-паша, везир султана Ахмета I, обдумывал предложение картлийских послдов, перебирая четки, сделанные из толченых лепестков роз. Он сидел на широкой террасе «Багдадский киоск» и холодными глазами созерцал холмы и дворцы Перы, голубой Босфор, видимый до дворца беглер-бея¹.

Внизу шумели морские волны, убаюкивая мысли. Азам-паша был доволен своей судьбой. Женитьба на сестре султана Ахмета I, умной Фатьме, сделала его первым везиром Османской империи. Он пользовался доверием султана и в приемной «арз-одач», обитой атласом и вышитой жемчугом, его встречали завистливые глаза и льстивые речи.

Он погладил желтые усы и поднес к острому носу четки, сохраняющие нежный запах роз.

Султан Магомет² ввел в моду розовые четки. Для него толкали розы в золотой ступке, для его гарема ткали особые ковры, для его тщеславия возводили красивые мечети. Но лучше бы султан умел владеть саблей полководца. При нем затуманился полумесяц. А теперь Азам-паше приходится развязывать сложные узлы. Впрочем, и султан Ахмет ослеплен собственной гордостью. Вообразил себя полководцем, отстранил от войск боевых пашей, пошел против Ирана и отдал собаке шаху Аббасу Тебриз, Ереван и Багдад.

Кого может удивить расточительность «большого сераля», поглощающего море золота? Но султан Ахмет постарался удивить вселенную. О, аллах, на что ему столько жен, если он с трудом с тремя справляется.

И Азам-паша рванул крупную четку. Полюбовавшись фрегатом, легко разрезающим голубые волны и повернувшим в Золотой Рог, Азам-паша снова углубился в послание Шадимана, переданное ему сегодня князьями Джавахишвили и Цицишвили.

«Высокий везир, удостоенный доверия хранителя сабли Османа, властите-

¹ Беглер-бей (тур.) — губернатор.

² Магомет III (1595—1606 гг.).

ля турок, блистательного султана Ахмета!

На свете четыре дороги, все они ведут в Стамбул — средоточие счастья.

Ты, да хранит аллах твое имя, умом и сердцем сокращаешь расстояние морей и безводных пустынь.

У меня много князей, владетелей земель и славы для пышного посольства в великолепное царство султана, ибо сказано: сокровища в Индостане, мудрость во Франкистане, великолепие в серале Османа. Но мудрость учит не кичиться богатством на извилистых путях дел царства. Поэтому посылаю тебе тайно верных мне князей.

Они — моя тень, говорят моими устами и выслушают твой мудрый совет моими ушами. Пусть аллах подскажет тебе быстрое решение, ибо лед тает при солнце, а вода замерзает при морозе.

До моего слуха донесли твои тайные послы, что великий Ахмет снова собирает войско, дабы повергнуть ниц коротконового «льва Ирана». На это благородное дело вы зовете Картлийское царство. Бог справедливый послал мне скудные мысли, которыми делюсь с тобой.

Картли тоже решила избавиться от коварного шаха Аббаса и хочет скрепить дружбу с Золотым Стамбулом. Цари и князья Грузии съехались в Метехи поклясться на скрещенных клинках в верности союзу Грузии с Турцией. Но шах коварен, а саади нас держит отточенный кинжал княжество Самцхе-Саатабаго.

Позволь напомнить твоей мудрости, что владетель княжества Самцхе-Саатабаго Манучар II Джакели воспитанник Эмир-Гюне-хана, советника шаха.

Мудрость подсказывает использовать знание Манучаром Ирана. Блистательная Оттоманская Порта и Светлая Грузия совместно с Самцхе-Саатабаго могут нанести сокрушительный удар собаке собак шаху Аббасу.

Расправившись с Ираном, нетрудно будет уничтожить род Манучара и поделить между Турцией и Картли земли Саатабаго.

Если слово наше будет словом, любовь любовью, дружба дружбой, Карт-

лийское царство пойдет с Блистательной Портой на Багдад. Ереван и Тебриз, случайно попавшие длиннорукому шаху Аббасу; Блистательная Порта, приблизив свои войска к Картлийскому царству, поможет истребить кизыл-башей и отогнать шакала шаха Аббаса за пределы Агач-Калы, которая была пожалована мне, твоему высокому брату, еще царем Георгием и без всякой совести присвоена шахом Аббасом.

Не все можно доверить посланию, многое изустно передадут твоему величию посланные мною князья.

Будь охраняем благородной тенью великого Османа. Да сверкает твое имя, подобно солнцу, над вселенной.

Приложил руку раб божий

Верховный везир Картлийского царства князь Шадиман Бараташвили».

Азам-паша вдохнул вечернюю прохладу Босфора, свернул послание и самодовольно подумал: «Хорошо, я догадался отклонить желание князей прочесть в диван-зале послание мудрого Шадимана и, только уединившись, сломал печати. Конечно, послы не могли знать об окне над моей головой, искусно скрытом за решеткою, через которое султан всегда слушает разговор своего везира со всеми чужеземцами. Такой глупый обычай могли придумать только древние персидские цари и византийцы. Но я, великий везир, перехитрил любопытных. Умное послание я перекажу султану, как свои личные мысли, — пусть Ахмет лишний раз удивится моей пронизательности и доверит мне ведение войны с хитрым шахом Аббасом. Если аллаху будет угодно и победа останется за мной, может, паши пожелают видеть на турецком троне властелина, более счастливого в войне, чем Ахмет I».

Азам-паша с наслаждением потянулся и зажмурил холодные глаза: он уже видел себя под драгоценным балдахином, торжественно следующим по улицам Стамбула в предместье Эюб. Янычары на огненных конях встречают его приветственными криками, и в безмолвном обожании перед его величием повергается ниц толпа правверных.

Ослепительная процессия приближается к прекрасной мраморной мечети,

где похоронен храбрый знаменосец Мохаммеда Эюб. Здесь, в святой тишине, хранится сабля первого турецкого султана Османа¹. Шейх-уль-ислам и хатибы² в пышных тюрбанах окружают его, Азам-пашу, и опоясывают в знак восхождения на престол священной саблей Османа.

И он, султан Азам, обводит всех величественным взглядом и над рукописью корана произносит торжественную клятву — поддерживать ученье Мохаммеда. О, час величия! О, час блаженства!

Вот он медленно выходит из мечети и пригоршнями бросает в толпу серебряные монеты...

Везир открыл глаза и испуганно оглянулся — не подслушал ли кто его мысли? Он облегченно вздохнул и направился в покои султана.

На Перский мост шумно въехали на придворных аргамаках в сопровождении свиты князя Джавахишвили, Цицишвили и Абу-Селим-эфенди.

Впереди скакали кулисы, — конные стражники, — нагайками очищая дорогу.

Мост, изогнутый рогом, казалось, лежал на голубой воде. Двигались пестрые толпы. Турки, негры, армяне, мальтийцы, греки, метисы торопливо пересекали залив. У перил толпились дервиши в конических войлочных колпаках.

Толстый паша важно покачивался на крупном коне. Купец, обезжоя свои лавки, а лекарь — больных, восседали на наемных конях. Погонщики, размахивая короткой плеткой, бежали рядом. Плелись ослы с корзинами, полными фруктов и зелени. Гамелюки³, несущие на спине тюки, ящики, кирпичи, бревна, железо, с криками: «Хабарда!»⁴, — продвигались среди давки. В чадрах, словно тени, скользили турчанки.

На всех проходящих с жалобной мольбой набрасывались нищие: старики, дети, калеки. Они протягивали высох-

шие руки, но редко кто швырял им монету.

Джавахишвили и Цицишвили, предвкушая результат беседы с султаном и, конечно, — после приема, — вкусный посольский обед, громко восхищались столицей Ахмета I, покровителя изящных построек.

Абу-Селим-эфенди любезно указывал князьям то на горящие в ярком солнце купола мечетей, на дворцы султана и беленькие домики с решетчатыми окнами, уютящиеся вокруг древних стен и утопающие в кипарисах и цветниках, то на террасообразный древний генуэзский город Галату и предместье Перу.

Абу-Селим-эфенди просил князей обратить особое внимание на возвышающуюся над Стамбулом древнюю башню Галаты и на дворец ослепленного Велизария¹, виднеющийся на высотах Эюба.

Наконец, стражники, охрипшие от крика и брани, размахивая нагайками, прижали толпу к бокам моста, и князя с эфенди, проехав гуськом, поднялись в гору, в торговый квартал Галаты. На турецком базаре их сразу охватила отвратительная смесь всяких зловоний.

Эфенди, не замечая неудобств уличного путешествия, продолжал знакомить грузин с шумной Перой.

Кривые, узкие улицы лепились к горному склону, — одна улица над другой. один дом над другим. По улицам текли зловонные помои. Всюду лежали голодные собаки, не обращая внимания на проходящих и проезжающих.

Пирамидообразная куча каменных и деревянных домов в несколько этажей, высоких, узких и некрасивых, вызывала у князей желание поскорее оказаться в серале, перед покровителем изящных построек — Ахметом I.

Наконец, они выбрались по крутому подъему на главную улицу Перы.

Им навстречу словно плыли цырюльни, лавки со сладостями, фруктами, кофейни, торговые склады, бани, лавки тряпичников.

¹ Султан Осман (1299—1326 гг.).

² Глава высшего духовенства и священнослужители.

³ Гамелюки (тур.) — носители тяжестей.

⁴ Хабарда — берегись.

¹ Велизарий (505—565 гг.) — знаменитый византийский полководец. Был обвинен в заговоре против имп. Юстиниана I и, по преданию, ослеплен.

Они слышали шум, говор на всех языках и наречиях. Разношерстное население, не помнящее ни родины, ни племя и не связанное между собой ни национальностью, ни общностью интересов, поражало князей цветистостью своих одежд.

Навстречу мчался молодой торбаши¹.

Порвнявшись, он чуть отъехал с эфенди в сторону и поспешно заговорил:

— Абу-Селим-эфенди, продолжай увещать князей, так повелел Азам-паша, ибо милосердный султан сегодня советуется с аллахом о важных делах Оттоманской Порты.

Эфенди посмотрел на торбаши немигающими глазами и медленно спросил:

— Успел ли ты взглянуть одалиску, привезенную вчера нашему лучезарному султану?

Торбаши выпрямился в седле и провёл по усам:

— Аллах, аллах! Как прекрасна ассирийка! Кожа одалиски подобна слоновой кости на рукоятке меча Османа, грудь ее, как сорванный апельсин, а уста источают аромат лотоса.

Эфенди резко обернулся и огрел нагайкой круп коня, неучтиво нарушившего ощущение аромата.

— А живот ты тоже успел заметить? — спросил эфенди, искоса посмотрев на князей.

— Аллах, покрой мою голову вечным милосердием! Я ничего не видел, это шайтан послал мне соблазнительный сон, — испуганно проговорил молодой торбаши.

— А не снилось ли тебе, сколько времени пройдет, пока султан насытится советами аллаха?

— Начальник черных евнухов сообщил везиру — наш воинственный султан со вчерашнего дня три раза натирался благовониями, а когда привезли черкешенку, всего один раз.

— Аллах велик! Придется развлекать грузинских князей еще два дня.

— Пять! — уверенно поправил торбаши. — Ибо хранитель тюбана сказал: раньше не будет вставлен новый изумруд в звезду тюбана, а без этого

украшения наш ослепительный султан не удостоит князей приемом.

Подумав, эфенди вернулся к князьям и, сожалея, сообщил о тайном после, приехавшем из Индии, с кем султан будет совещаться не менее восьми дней о совместной войне против собаки шаха Аббаса.

Берег Мраморного моря больше не восхищал взоров князей. Прошло пять дней, а султан все еще совещался в серале с тайным послом магараджи. Первые дни Цицишвили и Джавахишвили вели скрытую и вежливую борьбу с любимым Абу-Селим-эфенди.

Князья решили использовать навязанное им свободное время, присмотреться к устойчивости турецкого государства и выявить торговую и военную мощь будущего союзника.

Но эфенди словно не замечал настойчивого желания князей осмотреть оружейную башню и ташил их в торговую гавань Золотого Рога, где кипела выгрузка товаров с кораблей при помощи лодок, стаями скользящих к берегу. Тут князей поразили блеск и богатство, утопающие в грязи и вони.

Потом князья стремились к береговым укреплениям Стамбула, а эфенди, восхваляя любознательность князей, поворачивал их аргамаков к зверинцу султана.

Пытались они проникнуть и в военную гавань, где на больших колесах смотрели в море турецкие пушки, извергающие огонь и ядра. Но эфенди с неизменной улыбкой усадил их в лодку и катал по Босфору до ночи, рассказывая, что Босфор с одной стороны соединяется с Черным морем, а с другой — через Мраморное и Дарданеллы — с Эгейским, Средиземным и Адриатическим, что здесь сосредоточились сокровища Азии и Европы и что обилие рыб и необыкновенная бухта прославили это удивительное место.

Видя равнодушие князей к рыбному обилию, эфенди обещал повезти их завтра на Аврет-базар¹, посмотреть красивых рабынь.

¹ Аврет-базар — рынок, где производится торговля невольницами.

¹ Торбаши — турецкий офицер.

Князья оживились — изумрудное море располагало к нежным видениям.

Эфенди воспользовался переменой настроения и поспешил рассказать о веселом случае в Стамбуле:

— Одному купцу вздумалось поджечь дом другого купца, врага по торговле. Враг сгорел. Судья, выслушав уличенного поджигателя, потребовал пострадавшего. Однако, узнав, что пострадавший ушел в вечность, судья смутился. Но, подумав не более часа, открыл сокровищницу мудрости — коран, где конечно, нашел ответ: «Если оскорбленный не может явиться, но, однако, находится в каком-нибудь определенном месте, то следует обвиненного послать туда же, для того, чтобы местный судья мог произвести суд над обвиняемым». Обрадованный судья приказал послать обвиняемого в вечность. И палач тут же отрубил ему голову.

Лица князей вытянулись, они неожиданно почувствовали прохладу моря и попросили причалить к берегу.

С этого вечера совместные прогулки князей с эфенди прекратились.

Абу-Селим-эфенди поспешил к Азампаше.

— Грузинские князья, — сказал эфенди, — видели только то, что пожелал мудрый везир.

Томясь наступившей жарой, князья проклинали свое знание турецкого языка, благодаря чему Шадиман остановил на них свой выбор.

Проскучав еще день на берегу Босфора, князья, с отчаяния, решились заговорить с путешественником в широкополой соломенной шляпе, своим соседом во дворце для приезжающих знатных чужеземцев.

Путешественник заинтересовал князей своими бесстрашными прогулками по древнему стамбульскому кладбищу, — «большому полю мертвых», откуда возвращался без провожатых, один с зажженным факелом.

После некоторого колебания Цицишвили учтиво спросил путешественника, чем привлекает его кладбище неверных.

Путешественник рассказал князьям о науке, открывающей по могильным памятникам жизнь прошлых веков.

Он вынул из лакированного черного ящика свиток с эпитафиями и рисунками, начертанными тростниковой палочкой, и с увлечением прочел:

«Здесь почит Ватах. Предки его льют слезы над благочестивым потомком, потомки льют слезы над благочестивым предком. Ангелы простерли руки и приняли Ватаха, когда падишах велел прекратить его земное существование».

И показал рисунок, представляющий виселицу, и на ней повешенного Ватаха.

Князья поспешно отказались от совместного ужина и устремились в свои покои.

Всю ночь они метались на мягких постелях. Им мерещились мумии, слышался хруст костей, лязг зубов.

Наутро путешественник, уже не ожидая приглашения, стал рассказывать, что Стамбул носит глубокие следы языческой Византии и христианского Константинополя. Конечно, — пожалел он, — многое погибло от пожаров и человеческой страсти к уничтожению. Византия трижды разрушалась, также и Константинополь. Уцелевшая часть от меча и пламени завоевателей уничтожалась фанатичным Исламом.

Роскошная библиотека императорского дворца в Константинополе имела полмиллиона томов, между которыми был писанный золотом Гомер, манускрипт, длиною в сто двадцать футов. Императорский дворец занимал целый квартал.

— Но теперь от этой роскоши остались жалкие остатки, — сокрушенно добавил путешественник.

Потом он рассказал о церкви святой Ирины, превращенной турками в арсенал. Стены церкви увешаны редким оружием. Там висит меч пророка. Выставлена большая опрокинутая ступка, в которой толкут уличенного в преступлении главу улемов¹ и других священных особ, огражденных законом от обыкновенных казней.

И, не давая опомниться князьям, путешественник поведал им о двойных воротах сераля Ахмета I, через которые

¹ Улемы — духовенство.

их повезут. Эти «ворота счастья» внушают страх всем придворным султана, — возле них живет палач, стража и помощники палача, постоянно подстерегающие свою добычу. Все придворные, впадшие в немилость, схватываются между двумя воротами и изгоняются из столицы или тут же обезглавливаются.

Не замечая явной взволнованности князей, путешественник еще долго говорил им об императоре Юстиниане, о замке Фуад-паши, умершего от яда, о знаменитой Роксолане, супруге Солимана, по настоянию которой султан приказал немому палачу казнить своего сына Мустафу. И когда вошел Абу-Селим-эфенди, князья, облегченно вздохнув, кинулись к нему навстречу.

Эфенди чуть улыбнулся и заботливо спросил, хорошо ли они отдохнули?

Князья вежливо ответили: благодаря ученому они с пользой провели свободное время.

Эфенди, скосив смеющиеся глаза на путешественника, приложил руку к феске и плечу. В уctивых выражениях он предложил князьям отправиться на представление к вертящимся дервишам¹.

На большой Пёрской улице, у здания, похожего на мечеть, виднелась празднично разодетая толпа. С левой стороны за решеткой находилось кладбище дервишей. В тени высоких, темных кипарисов, пестрых цветников и газонов виднелись белые памятники, простые четырехугольные мраморные колонны, увенчанные тюрбанами, пестро разукрашенными, с именем покойника и стихом из корана.

Возле кладбища гуляли турчанки и своими белыми, красными, синими, желтыми и зелеными чадрами напоминали ожившие цветы.

Эфенди показывал князьям монастырь.

Прохладный коридор пересекал здание. В кельях на узких тахтах сидели, поджав ноги, дервиши в конических войлочных колпаках и молча курили кальян.

¹ Вертящиеся дервиши ведут свое начало со времен Мохаммеда, который, по их утверждению, не раз вертелся около Каабы, или Меккского храма.

Обойдя сорок келий, эфенди вышел с князьями в боковую дверь киоска¹ и очутился в большом восьмиугольном зале с высокой куполообразной крышей, поддерживаемой стройными колоннами. Через множество больших окон падал яркий свет на ложенный, как зеркало, пол.

Вокруг стен тянулись ложи для зрителей. Во втором ярусе поблескивали позолоченными решетками ложи для женщин и большая ложа для певчих и музыкантов.

Едва успели князья устроиться удобнее, как в резную дверь вошли двадцать дервишей в бурых мантиях и конических колпаках из серого войлока. Впереди величественно шествовал настоятель с седой бородой, в длинном черном плаще и в коническом высоком колпаке.

Обойдя зал вокруг, настоятель сел против резной двери справа, слева сели в два ряда дервиши, поджав под себя ноги. Началась заунывная музыка и пение. В такт этой музыке дервиши проделывали странные движения, то обращаясь друг к другу, то к настоятелю. Они падали ниц, хлопая колпаками по полу. Музыка оборвалась, дервиши присели на корточки. Снова заиграла музыка, ускоряя темп. Все дервиши поднялись, сбросили бурые мантии и остались в белых одеждах.

Поклонившись настоятелю и друг другу, они стремительно вертелись на одной ноге, то складывая крестом на груди руки, то простирая их вперед, но не сходя с места.

Музыка становилась все быстрее. Князья изумленно поглядывали на эфенди, застывшего в экстазе.

Джавахишвили беспokoйно заерзал на скамье. У него шумело и звенело в ушах. Цицишвили отшатнулся, ему показалось, что сам он тоже закружился на одной ноге вместе с дервишами.

Джавахишвили ринулся в дверь, за ним, пошатываясь, Цицишвили.

¹ Киоск — своеобразная постройка турецкой архитектуры.

И когда эфенди вышел во двор, он застал князей у решетки ограды, отдающих дань морской болезни.

Тут эфенди счел своевременным обрадовать князей: они сегодня удостоены приглашением султана на торжественный обед в серале. Падишах мира Ахмет I удостоит также князей тайной беседой в полдень.

Большой сераль казался городом, окруженным стенами.

Первые ворота Цицишвили и Джавахишвили проехали рысью. На князьях переливались малиновые куладжи, отороченные мехом, шаровары из синего бархата, спадающие на белые сафьяновые цаги с золотыми кистями. Каракульчовые папахи, шелковые рубашки, алмазные ожерелья и драгоценное оружие на золоточеканных поясах дополняли их наряд.

Вторые ворота князья проехали шатом и в течение получаса ждали под сводами ворст, у «порога счастья». Наконец, появился дежурный торбаши, и князей ввели под широкую арку, где в боковых нишах торчали выставленные на колья головы провинившихся. Князья вспомнили рассказы путешественника и теснее придвинулись друг к другу, нащупывая спрятанное оружие. Наконец, они прошли большой двор неправильной формы, усаженный деревьями, сквозь которые виднелись изящные здания.

Абу-Селим-эфенди нарочно вел князей через весь сераль. Они шли по лабиринту зданий, дворов, садов, террас. Эфенди пояснил, — эта часть двора называется Ода. Здесь находятся покои султана и комнаты приближенных. Вот комнаты белых евнухов, вот — черных евнухов, вот — личной свиты, вот — охраняны.

В селямлик — комнате приветствия — их встретил пожилой капу-агасси — начальник дверей, под чьим наблюдением находилась вся мужская половина серала.

Но бесчисленное количество зал не поразило князей ни своими размерами, ни роскошью. «Дворец шаха Аббаса великолепнее» — подумали они.

Наконец, князья вошли в длинный «зал освежения». По стенам тянулись убранные шелковыми коврами, подушками и мутаками низкие тахты. Посредине журчал фонтан... Сквозь решетки окон проникал чистый морской воздух.

— Падишах мира, — сказал Абу-Селим-эфенди, — здесь проводит первые минуты отдыха после обеда.

Распахнулись позолоченные двери, и князья вступили в тронный зал, вмещавший «все чудеса мира».

Скудный свет проникал через позолоченную решетку в небольшой зал неправильной формы. Только трон осмачков поразил князей необыкновенной роскошью: под шелковым багдахином, поддерживаемым четырьмя маленькими колоннами, сверкали созвездиями драгоценные камни и жемчуга. Освещались только передние колонны, трон и задние колонны тонули в полумраке. Князья поняли: султан может хорошо видеть послов, но послы не должны видеть выражения лица султана.

Вечером князья вернулись домой, очарованные беседой с Ахметом I и обильной, изысканной едой, за которой говорилось только об усадках жизни.

Они радовались достигнутому соглашению, выгодному для них. Радовались, с какой ловкостью отклонили домогательство султана прислать ему в аманаты — залог верности — княжеских сыновей и даже царевича Вахтанга, двоюродного брата Луарсаба.

Не провел их и везир Азам-паша в торге о количестве турецких войск и стоянок янычар.

Князьям удалось отстоять выработанный Шадиманом план. Решили, что вслед за ними для подписания соглашения с царем Луарсабом должен незамедлительно выехать Абдул-бек.

Полная дипломатическая победа и возможность поскорее вернуться в Картли сгладили воспоминание о тревожно проведенных днях.

Князья, стоя на фелюге, под парусами, особенно сердечно попрощались с Абу-Селим-эфенди и подарили ему на память пресс для усов картлийской работы...

Через несколько дней фелюга с попутным ветром причалила к Батами¹, откуда ночью князья тайно переправились в Гониа, грузинскую крепость на берегу Чороха.

XIII

Отвесная скала, на вершине которой высился монастырь святой Нино, обрывалась над темной пропастью.

Дорога к монастырю шла ущельем, потом лесом, по скалистым горам, где и конь с трудом двигается, и пешеход устает. Церковь монастыря гнездилась в углублении скалы.

Окна и двери церкви украшала изящная каменная резьба, а стены — живопись. Особенно выделялась большая икона — святая Нина с крестом, увитым ее волосами, спускается по горе — выкрашенная в желто-розовый цвет. Широкая белая полоса, окаймляет ступенчатые зубцы горы. Это — любимая икона инокинь, перед ней всегда ярче горит лампада.

У раскрытого окна в монастырском кресле сидела молодая игуменья. Ее золотистые волосы были тщательно запрятаны под черную повязку, синие глаза прикрыты густыми ресницами. Это была Нино, дочь ностевского пастуха Датуна, когда-то в юности любимая Георгием Саакадзе.

На подоконнике лежала раскрытая старинная книга в кожаном тисненном переплете.

Нино перевернула пожелтевшую страницу с четким каллиграфическим текстом. В часы грусти и сомнений она всегда перечитывала историю Шушаники², поражающей ее величием духа.

Нино задумалась. Она упрекала себя: за долгие годы монастырской жизни она все оставалась непокорной в своем смиреннии.

Монахини не нарушали уединения игуменьи и тихо обходили ее келью. Стран-

ная судьба игуменьи внушала им почтительный страх и даже любовь к ней. Многие помнили, как однажды подъехали к монастырю двое: тоненькая, красивая Нино и ее названный брат Димитрий из Носте. Многие помнили, как несколько часов, словно окаменелый, стоял Димитрий у захлопнувшихся перед ним ворот монастыря.

Сначала к Нино относились сдержанно, даже старая игуменья спросила, что ищет Нино в святой обители.

— Спокойствие души и чистоту мысли, — ответила Нино, смотря на игуменью большими синими глазами.

Этот ответ сильно смутил игуменью.

Нино нельзя было устроить ни чрезмерными молитвами, ни постами. Она первая приходила в церковь и последняя покидала ее. Она долгие часы в уединении вышивала мелким бисером и золотом украшения для церкви. Она ни с кем не была откровенна, но со всеми ласкова. И еще одно обстоятельство создало ей особое положение в монастыре.

Вскоре по принятии Нино монашеского сана, Димитрий внес на ее имя в монастырь монеты, серебряные чаши, ковши и другую церковную утварь. Нино все приношения передала игуменье для монастыря. Потом кто-то, не открывший своего имени, пожертвовал монастырю большой надел, смежный с монастырскими владениями. Неизвестный заявил — землю он жертвует ради инокини Нино и просит ее молиться за грешного, всегда в мыслях верного святой Нине.

Потом неизменно дважды в год неизвестный присылал в монастырь на имя Нино пожертвования, а брат Димитрий обогащал монастырь то скотом, то воском, то монетами. Немало жертвовала монастырю и царица Тэкле.

Такое положение и сильный характер Нино возвысили ее над всеми инокинями, и, когда умерла старая игуменья, царица Тэкле настояла, чтобы молодая Нино была посвящена в сан игуменьи.

Нино крепко взяла в свои руки монастырь, обогащая его умным ведением хозяйства и украшая книгохранилищем и живописью.

¹ Батуми.

² Шушаника, жена Васкена, правителя одного из южных районов Грузии (V в. н. э.). Замучена до смерти Васкеном (475 г.) за отказ принять огнепоклонство.

Вначале она пробовала облегчить участь крестьян, принадлежащих монастырю. Ведь она тоже крестьянка и слишком хорошо помнила положение своего отца, царского глехи. Но как когда-то азнауры воспротивились «неуместным» благодеяниям Георгия Сааквазе в Носте, так и епископ строго запретил Нино изменять освященные веками привилегии церкви. Ведь доход от монастыря не только дает сытую жизнь христовым невестам, не только ограждает их от земной юдоли, но и способствует церкви прославлять христианство и влиять на дела царства.

Нино, сокрушаясь сердцем, подчинилась. Но незаметно она старалась облегчить крестьянам то подынную подать, то снижала урожайную мерку, то помогала крестьянкам в их женском горе.

Все приходили к Нино. Игуменья прославилась, как «счастливая советчица», и к ней стекались издали за советом и за утешением. На ветвях лиственницы у ворот монастыря с каждым годом все больше пестрело разноцветных тряпочек, коими скрепляли крестьянки свои просьбы к богу.

Попасть в монастырь святой Нины считалось счастьем. Сюда стремились и безутешные невесты, потерявшие в сражении или в единоборстве женихов, бездетные вдовы и равнодушные к мирским радостям женщины. Сюда спасались и от прихотей ненавистных князей, и от непосильной работы у господина.

Жизнь в монастыре святой Нины не походила на мрачную жизнь других монастырей. Здесь за вышиванием часто слышались девичьи песни. Здесь могли играть в «богоугодные» игры. Здесь не запрещалось пожилым монахиням работать, есть и беседовать на чистом воздухе, под чинарой или развесистым орехом. Здесь почитали старость, и состарившиеся монахини свободно молились, отдыхали и даже ездили в гости к родным и принимали гостей, угощая едой из монастырских амбаров.

Впрочем, принимать родных могли и молодые монахини. В монастыре дышалось легко, работалось охотно, поэтому нигде монастырские церкви не украша-

лись столь изящными вышивками из бисера, шелка и золота. Гигде не было такой чистоты и строгого порядка в большом монастырском хозяйстве.

И только одна игуменья Нино никогда не смеялась, никогда не пела, ни к кому не ездила в гости и не вела приятных разговоров у прозрачного родника. Она, неизменно спокойная, одиозко гуляла или, перебирая четки, сидела в самом дальнем углу кладбищенского сада, у полуистертых плит, и слушала доносившуюся песню, слушала молодые голоса или углублялась в думы о монастырских делах.

И только ночью, когда обитель погружалась в спокойный сон, игуменья расчесывала свои золотые косы, и тогда непокорное сердце стучало тревожным призывом, и снова из синих глаз, как из синих озер, текли слезы. Она не пыталась изгнать из памяти дорогое имя молитвами или постом. Она знала — не поможет, и потом... это не мешает ни богу, ни людям. Золотая Нино страдала великою мукою вечной любви.

Нино вздрогнула, подняла голову и замерла. Она еще раз посмотрела в окно, закрыла и вновь открыла глаза.

На отвесную скалу, под ее окном, где и конь не проходил, и пешеход не ступал, карабкались две женщины.

Они цеплялись за колючий кустарник, за острие камня, за ветки дикого орешника. Падали, снова подымались. Вот-вот сорвутся в каменистую пропасть.

Нино хотела крикнуть, позвать на помощь, но сдержалась: раз такую дорогу выбрали, значит, идут тайно.

Страх охватывал Нино, но она продолжала следить за женщинами. Сердце ее усиленно стучало. Вот она уже стала различать разодранные платья, окровавленные руки, спутанные волосы. Лицо опухшее, в синяках.

— Тэкле, Тэкле! — вдруг вскрикнула Нино, всплеснув руками.

— Тэкле, Тэкле! — потрясая решетку, кричала Нино.

Женщины остановились. Сорвавшийся камень, подпрыгивая, гулко покатился вниз, оборвался в ущелье, и заглушенное эхо отдалось стоном.

Другая, незнакомая, что-то выкрикивала, махала рукой.

Нино, забыв свой сан, бросилась из кельи под темные своды. Издали донесся тихий говор послушниц. Нино круто повернулась. Она металась по монастырским лестницам. Вдруг она порывисто сбегала вниз и вернулась с клубком веревки.

Нино перекрестилась: а, может, за грешные мысли сатана послал страшное видение?

Она бросилась к решетке. У отвеса скалы, цепляясь за сгибающиеся ветви последнего дерева, повисшего над пропастью, женщины с надеждой смотрели на монастырское окно.

Нино накрепко привязала веревку к железной решетке. Другая, незнакомая — кто она? — поймала размотавшуюся веревку и опоясала Тэкле и себя. Перебирая руками веревку, они медленно взбирались на скалу.

Нино прижалась к каменному косяку окна и внезапно отшатнулась. Глаза ее расширились. Железный прут под тяжестью медленно выгибался. Нино схватила веревку и, с невероятной силой потянув, крикнула:

— Остановитесь! Стойте! Стойте, позову на помощь!

Зугза посмотрела вверх, потом вниз. Поздно... Если прут не выскочит, это будет последним испытанием страшного пути.

Нино упала в кресло, с похолодевшим сердцем следила, как все больше выгибался прут. Она застонала и прикрыла ладонью глаза.

Под окном кричала другая, незнакомая. Нино перекрестилась. Быстро отодвинув задвижку, открыла решетку.

Первой в келье очутилась Тэкле, за нею, цепляясь за выступ, протиснулась в окно Зугза.

Нино с протянутыми руками стояла посреди кельи. Это ли блестящая царица Картли Тэкле, которую она видела недавно в Твалади? Это ли ее маленькая Тэкле Саакадзе из Носте?

Трудно было узнать и Зугзу. Разодранное лицо, грязные лохмотья и висевший на голой груди кинжал придавали ей вид одичалой кочевницы.

Зугза поспешно шептала игуменьи:

— Если Нино хочет спасти царицу, никто не должен знать, где скрылась Тэкле.

Тэкле безмолвствовала, последние силы оставили ее.

Нино с неизменным спокойствием объявила монастырю: странницы попали к ней в келью чудесным путем. Но кто дорожит своим пребыванием в монастыре святой Нины, тот ни одним словом не обмолвится о странницах, если даже будут спрашивать епископы или все князья Картли.

— В монастырь никто не приходил! — сурово добавила Нино.

— В монастырь никто не приходил! — сурово повторяли все монахини, когда через неделю в монастырские ворота стали стучаться переодетые гзир и монахи.

Поздно ночью, когда последний светильник погас в узком монастырском окне, Нино склонилась над Тэкле, прикладывая к ее глазам топаз, возвращающий ясность зрения:

— Тэкле, мое сердце Тэкле!

Тэкле лежала на мягких подушках, вымытая, в чистой рубашке. Черные блестящие косы, туго заплетенные, изгибались на белом полотне, намазанные целебной мазью ноги покоились на мутке. Глаза Тэкле открыты, но она никого не узнает, на губах играет странная улыбка.

Нино тихо вытирает глаза. Двери крепко закрыты, никто не подслушивает здесь, но Зугза по привычке не доверяет, она несколько раз подходит к дверям, внезапно их отворяет и острими, хищными глазами всматривается в пустой темный сводчатый коридор. И снова тихо рассказывает о пережитом:

—... сбегали по каменной лестнице, я знала — только ноги спасут нас. Долго спускались, потом черный длинный переход, потом снова лестница. Иногда царица падала и тихо просила: «Беги, Зугза, оставь меня, все равно умру». Тогда я кричала: «Во имя Луарсаба, встань!» — она подымалась, и мы снова бежали. Пока горел светильник, легко было, но светильник погас... Долго сидели в темной яме... Вдруг мне послы-

шались шаги. Я вскочила и, схватив царицу, бросилась бежать. Что-то преградило путь, мы упали. Опять лестница... вверх?! Неужели обратно! «Это судьба, пойдем!»—сказала царица, и мы быстро побежали наверх... Может, царь еернулся, и аллах указал нам путь?.. Долго подымались, но, когда лестница окончилась, я увидела узкую, как нитка, полоску света. Но хода никак не могли найти... Устали и обе уснули. Когда проснулись, свет исчез. Мы поняли, это — ночь, но заснуть не могли... Очень пить хотели, вся грудь, как в огне, язык твердый, как камень, говорить тоже боялись. Много времени сидели, думали: конец жизни пришел. Вдруг снова полоска света, еще ярче. «Солнце на дворе» — прошептала царица. Я кинжал просунула, скоро свет больше стал... камень отвалился. Я кинжалом срезала заросли, совсем светло, шум воды слышали, еще больше пить захотели. Пришлось кинжалом второй камень от стены отделять, — наконец, упал... Раньше я выползла... Смотрю — берег Куры, лес, и далеко видны стены Тбилиси. В лесу прятались, дикие сливы нашли, ягоды собирали... Царица говорит: «Богу не угодно было мое счастье, давно в монастырь хотела... пойдем к Нино».

В синей лампаде затрещал фитилек. Нино думала о странности судьбы. Вот эту Зугзу, пленницу Саакадзе, она, Нино, когда-то страстно ненавидела, а теперь с глубоким уважением смотрит на дикую казахку, самоотверженно спасающую жизнь картлийской царице.

Ночью Тэкле металась на горячей постели. Она то вскакивала, жалобно вскрикивала, то лежала, широко раскрыв глаза.

Нино не отходила от изголовья Тэкле. Она прикладывала к пылающему лбу мокрый платок, к опухолям — сердолик и, покачивая головой, слушала бред Тэкле.

Через несколько дней Нино спросила Зугзу, чем отблагодарить ее за благородный поступок?

— Дай коня и одежду джигита! — страстно выкрикнула Зугза.

И, когда за Зугзой закрылись мо-

настырские ворота, она с гиканьем и посвистом, выкрикивая боевой казахский клич, помчалась над крутизной.

С монастырской стены, приложив ладони к глазам, пугливо смотрели инокини вслед казахке.

Баака шагал по шатру, снова обдумывая страшный рассказ Датико, два дня тому назад прискакавшего в царскую стоянку на Ломта-горе.

Баака со стыдом понял: его, князя Херхеулидзе, наследственного начальника охраны замка Багратидов, провели и одурачили, как последнего погонщика. Его заставили покинуть царский замок, верных людей опоили и совершили злодейство, о котором он не смеет сказать Луарсабу. Где теперь Тэкле? Сумеет ли верная Зугза спрятать царицу до возвращения Луарсаба? Не лучше ли ему, Баака, немедленно вернуться и до приезда царя найти Тэкле?.. Но, может быть, нарочно устроили покушение, чтобы удалить из стоянки Баака? Может быть, Баграт надеется вернуться в Тбилиси царем? Баака впервые не знал, на что решиться... Сказать Луарсабу?.. Нет, опасно!

В шатер вбежал возбужденный Датико. Он дрожал от негодования, глаза горели, как у охотника, догоняющего дичь.

— Князь, Сандро прискакал! В шатер Баграта, как сумасшедший, забежал...

Баака поспешно надел шапку и направился к двери. Датико быстро заговорил:

— Князь, слово имею сказать. Опасно без стражи к ним ходить... Думаю, князь Шадиман притворяется, что в неведении. Недаром, когда я сюда скакал, впереди меня тоже кто-то скакал. Хотел его догнать, не мог, он, как мышь, в лес забежал. Князь, пока в Метехи не вернемся, дозвожь тебе попрежнему служить... Знаю, или в башню бросишь, или еще сильнее накажешь... Что делать, я виноват... Теперь поздно жалеть. Едой и вином соблазнился... Привык каждый день одну чашу за зловровье царя осушать.

Баака в раздумье смотрел на Датико. Если его, Баака, провели, как зрѣща, то почему должен отвечать верный, как сердце, слуга? И он сурово сказал:

— Хорошо, я подумаю, как тебя наказать... Теперь пойдем к светлейшим, стража не нужна. Если зло умыслят, сами справимся.

Датико вздохнул свободнее. «Простил!» — понял он и, радостно сжимая рукоятку шашки, последовал за князем.

В шатре Баграта они застали Шадимана, Симона и вытянувшегося перед князьями Сандро. Баака догадался, о чем шла речь. Но Шадиман быстро придал своему лицу скорбное выражение.

— Вот, дорогой Баака, Сандро приискал, Амириндо совсем плох, священник душу облегчал. Княгиня Гульшари просит светлейшего Баграта и Симона немедленно приехать...

— Светлейший князь Баграт, прикажи вырвать лживый язык у презренного Сандро. Раб напрасно тебя беспокоит. Не успели ворота Тбилиси закрыться за печальной арбой, как Амириндо вскочил на коня и совсем здоровый предстал перед княгиней Гульшари. Единственно, что огорчало Амириндо, — это неудачная ночная охота.

Князья незаметно переглянулись. Сандро подвинулся ближе к Баака, но Датико, положив руку на шашку, стал между Баака и Сандро.

— Правду ли говорит князь Баака? — с фальшивым гневом закричал на Сандро Баграт. — Если ты мне солгал, то пощады не будет.

— Князю неправду донесли, мой господин с трудом на арбе доехал.

— Ты врешь, собачий сын, — закричал Датико, — подавиться тебе кинжалом, я сам вас, волков, выследил.

Симон сделал движение выйти, Баака загородил собою выход.

— Не трудись, царевич, разговор еще не окончен. Я требую, чтобы за лживые сведения Сандро был отдан под мою стражу.

Сандро нагло засмеялся.

— Князь, ты забыл, я слуга доблестного Амириндо и подвластен только ему.

— Как смеешь, ты, дерзкий, отвечать, не дожидаясь моих слов, — закричал Баграт. — Баака, я сам накажу раба; до выяснения правды лжец будет находиться под моей стражей... Царевич Симон выедет сегодня в Арши, и если окажется правдой...

— Пока царь Луарсаб не разрешит, никто отсюда не выедет, — холодно оборвал Баака. — Вероятно, царь с моею помощью железом и огнем развяжет подлый язык Сандро. Нельзя позволять слуге обманывать господина, а тебе, светлейший Баграт, вредно напрасное беспокойство... С твоего разрешения я арестую Сандро.

Князья быстро переглянулись.

— Так, значит, ты, подлая собака, приехал сюда с лживыми сведениями? Уж не затеваешь ли ты злодейства, что так упорно предаешь просьбу моей сестры поспешить к умирающему? Так получай по заслугам!

И раньше, чем Баака и Датико могли что-либо сообразить, Симон выхватил шашку и с размаху рассек Сандро голову. Кровавые полосы потекли по пологу шатра. Датико едва отскочил в сторону. Сандро грузно повалился, в последних судорогах цепляясь за бахрому ковра.

Датико чуть бледный стал впереди Баака.

«Да, — подумал Баака, — они ловко избавились от разоблачения, их пытать огнем и железом не будешь».

Он посмотрел на Шадимана, равнодушно перебирающего кисти пояса.

— Князь Шадиман, тебе надлежит уведомить царя о злодействе.

— Ошибаешься, князь Баака, ты больше всех виноват. Не я ли просил тебя в присутствии царя не покидать Метехи? Разве можно было бросать замок на царевича Кайхосро, который даже жениться на дочери Бориса Годунова опоздал?

Баака хотел не менее резко ответить, но, покосившись на Датико, промолчал: не пристало князьям ссориться в присутствии дружинника.

— Хорошо, князь Шадиман, я сам расскажу царю. Ты прав, я плохо иг-

раю в «сто забот»¹, но за свои промахи всегда умел отвечать.

И, повернувшись, вышел. За ним, пятясь и крепко сжимая рукоятку, вышел Датико.

—

Луарсаб сидел на обрыве, прислонясь к дереву. Вокруг него расположилась свита и девять Херхеулидзе. Два брата, играя на пандури, развлекали царя песнями о заговоре от любви. Луарсаб, улыбаясь, слушал.

Вот уже пять дней он не видел Тэкле. Ему надоели и красота гор, и восход солнца, и закат, и песни, он рвался в Тбилиси, но до конца назначенного срока осталось два дня. Не пристало царю показывать слабость, и он любовался красотой гор, восходом и заходом солнца и ежедневно объезжал места, где приехавшие раньше амкары, каменщики и плотники возводили укрепления против врага Картли. Луарсаб слушал песни и вежливо улыбался.

Вдруг он поднял голову и растерянно посмотрел на подошедшего Баака. Баака молчал.

Датико стоял сзади князя, бледный, с трясушимися руками.

— Баака... Что?! Что?!

Луарсаб притянул к себе Баака, стараясь овладеть собою.

— Мой светлый царь...

Баака не мог найти слов.

— Царица, Тэкле... больна? Жи... жива? — тихо спросил Луарсаб.

Датико не выдержал. Повалившись в ноги царю, сквозь рыдания проговорил: — Бог не допустил несчастья...

По всей стоянке разнеслись тревожные звуки сзывающих рогов и барабанов. Шум, гул, топот ног. Дружинники схватились за оружие.

— Коня! — прохрипел Луарсаб.

На обрыве вбежал Шадиман. Ворот куладжи разорван, на правом виске сабельная рана, кровь каплями стекает по выхоленной бороде.

Луарсаб с изумлением бросился к нему:

— Измена?! Где Баграат, Симон?! Кто ранил тебя?

— Успокойся, мой светлый царь, пока Шадиман жив, измены не будет... С Симоном поссорился... Я приказал им немедленно покинуть стоянку. Не мог иначе. На наше горе они ответили равнодушием. — Шадиман приложил к виску платок. — Ничего, эта рана дорого обойдется Симону.

Баака отлично понял игру. Он с отращением смотрел на Шадимана: «Выпустил разбойников. Разоблачить? Но разве царь поверит? Не Шадиман ли при царе упрасивал его, Баака, остаться в замке? И потом Шадиман постарается набросить на Баака тень или... избавиться от начальника метехской охраны другим способом, и Луарсаб останется один в полной власти Шадимана, а это значит — Тэкле не найдется».

Все это в момент пронеслось в голове Баака, и он крикнул страже:

— Седлате коней! Ты хорошо сделал, князь Шадиман, изгнав гиен, не надо было их приглашать сопутствовать царю.

— Сами навязались, — вспыхнул Шадиман.

— Где царица?! — вдруг грозно оборвал Луарсаб.

— Дружинник Амириндо Сандро говорил: царица с Зугзой тайком покинула замок. Не беспокойся, мой царь. Зугза убережет царицу, рабыня всегда ее любила...

— С Зугзой?! Покинула замок?! — бессмысленно повторил Луарсаб. — Где Сандро? Привести сюда.

— Мой царь, Сандро уже заплатил за жизнью, раб осмелился надеть шапку больного князя Амириндо.

Вдруг Луарсаб рванулся вниз. За ним бросились все. Вскочив на первого коня, Луарсаб поскакал из стоянки.

В беспорядке мчались свита, слуги, дружинники, князья. Скакал Шадиман, Баака. Младший Херхеулидзе, держа на поводу золотистого коня Луарсаба, привстав на стременах, перескакивая рвы и овраги, догнал Луарсаба. Конь под царем хрипел, задыхался. Херхеулидзе почтительно, но настойчиво взял

¹ Старинное персидское название шахматной игры.

за узду царского коня, предложил перестать на золотистого.

Луарсаб оглянулся, не замечая, перескочил на своего коня, поскакал дальше, но уже овладел собою.

Овладели собою и Шадиман, и Баака. Конь Луарсаба спотыкался от усталости. На вынужденной остановке Шадиман решил говорить с Баака.

— Не думаешь ли, Баака, что Тэкле бежала в Иран к брату?

— Я, конечно, не думаю, ибо царица даже Русудан не пожелала видеть. И потом, зачем понадобилось некоторым разбойникам усыплять мою стражу? Но царя не надо распалать правдой. Амириндо, Баграт, Симон и собаки Магаладзе имеют много сторонников. Теперь, когда Иран готовится напасть на нас, не время войне с собственными князьями.

— Ты прав, Баака... Можно сказать, царица в монастырь ушла, давно собиралась.

— Советую тебе, Шадиман, перевязать голову, твоя царапина совсем затянулась... Можно сказать — в монастырь... Думаю, царице Мариам известно, как спаслась Тэкле, — надо заставить ее молчать. Но и Луарсаба не следует посылать в тайну молельной. Зугза, вероятно, знала...

— Если знала, должна умереть...

Шадиман тщательно перевязал «рапу» шелковым платком.

— Не достанешь казахку, думаю, в эйлаг вернулась...

Шадиман пристально посмотрел на Баака... Неужели уже узнал?! Нет, просто умно придумал.

— Тогда можно сказать Луарсабу, что Зугза обманом уговорила царицу тайно повидать Русудан и по дороге пленила...

— Луарсаб войной пойдет на казахов.

— Ну, что ж, это успокоит его. Если там не найдет, значит, умертвили царицу из мести за Зугзу... Опять хорошо, Саакадзе Зугзу в замок привез.

— Думаю, это лучше, чем в монастырь. В монастыре не могла спрятаться, Магаладзе нашли бы.

Довольные друг другом, правитель и начальник охраны уже спокойно следовали за молчаливым Луарсабом.

«Конечно, Баака все знает, но не откроешь Луарсабу, — подумал Шадиман. — Князь всегда охранял спокойствие и порядок царского замка. Мысль дать возможность успокоиться Луарсабу в битве с казахами мудрая... Думаю, Мариам сделала все, чтобы Тэкле не вернулась тем путем, каким бежала. А другим вернуться ей не даст князь Шадиман. Впрочем, монастыри не мешают обшарить. Особенно, Кватахевский, могла у Трифилия спрятаться. Он никогда не был мне другом».

«Конечно, Шадиману теперь незачем будет отправлять меня в рай за мои метехские муки раньше срока, — думал Баака. — Значит, Луарсаб не останется всецело во власти Шадимана. Если же мне тайно удастся найти Тэкле, то... конец «змеинному князю». Жаль... Тэкле не догадается укрыться у Трифилия. Он, конечно, не упустил бы случая обличить Шадимана».

В этот час Керим покидал замок Нугзара Эристави. Керим озабоченно оглядывался: скорей, скорей в Исфгань! Он везет своему покровителю и другу Георгию Саакадзе страшную весть. И еще — людям Али-Баиндура удалось выследить в Стамбуле Цицишвили и Джавахишвили. Потом он должен рассказать о сдержанности и отказе старика Мухран-Батони, Эристави Ксанских и еще некоторых князей от союза с Эристави Арагвскими и от поддержки Саакадзе в случае его мирного возвращения.

Керим выехал на рассвете с караваном богатого персидского купца и, только перейдя границу Картлийского царства, превратился из погонщика снова в изящного Керима, снискавшего себе на исфганском майдане уважение за ум и замечательную судьбу.

(Продолжение следует.)

Невыдуманные рассказы о прошлом*

В. ВЕРЕСАЕВ

★

20

КЕНТАВРЫ

В святки у нас на посиделках в карты играют, в монахи. Поздно расходятся. Нам страшно возвращаться. Мы, бывало, всё отца просим:

— Папашенька, приди за нами. Барских собак боимся.

— Я и так устал, а еще за вами ходи.

Однако заходил, только рано, часов в двенадцать.

Под новый год гадают. Ходят с чашкой к проруби, оттуда воду черпают и в чашку кольца бросают. С каждой песней вынимают по кольцу. Чье кольцо, тому то будет, что в песне поется.

— Папашка! Ты не знаешь, когда гадать станут. Лучше ты сегодня за нами не приходи. Мы сами придем.

Пели, играли. Стало поздно. Видим, ребята меж собой шушукуются. А ребята у нас — не дай бог, озорные. Ночью девка им не попадайся на улице.

Я говорю Дашке, сестре:

— Дашка, как бы чего не вышло! Уйдем потихоньку, нас и не заметят.

Вышли, да прямо огородами, целиной, побежали к дому. Добежали до нашего одонья, спрятались туда, откуда батя старновку таскал, как крышу перекрывал.

— Давай, говорим, тут сидеть, поглядим, что на улице будет.

Вдруг толпа парней в проулок вернула, остановилась у степановой избы. Василий Михайлин говорит:

— Вот что, ребята! Не мешать! Либо кузнецовскую Ульяшку, либо Параньку барскую, либо Наташку федосьину поймаю и поймаю. Одна из них моя будет. Не хотят за меня замуж итти, а тогда сами проситься станут.

Дашка меня локтем в бок:

— Слышишь, Ульяна?

— Поймает! Вот она, я-то!

— А я — Дашку Кузнецову, — Федька федосьин говорит.

А Дашка мне в ухо смеется:

— Как же! Так я тебе и далась! Как шибану, так с ног и слетишь!

А Федька федосьин на ноги слаб. Прощка Серегин сказал:

— А я себе Катьку Коломенскую ловить буду.

Алешка Баландин Ваське Михайлину говорит:

— Ты девку Кузнецову (это меня, значит) не трожь. Она за тебя не хочет итти, а за меня, может, пойдет.

— Вот чертук! Да ты с нею не справишься, она тебя заколотит! Ты себе Феньку лови, она тебе пара.

— Все одно! Хошь ты ее и поймашь, она за тебя не пойдет. Я ее возьму.

— Врешь, тогда не возьмешь: людей стыдно будет.

— Чего стыдно? И ей я скажу: знаю, мол, что тебя силом взяли, и твоей ви-

* См. «Новый мир», № 6, 1940 г.

ны тут нет. Все, как было, ей и расскажу.

А Сашка Чапельник говорит:

— Ребята, ведь за такие дела и в Сибирь засылают!

— Хо-хо! — Все засмеялись.

— Дура была девка на саму себя показывать!

Тут они пошли на улицу и стали с девками заигрывать. Какие девки посмекалистее, сейчас же стали по избам расходиться. Василий Михайлин видит, что девок уж немного осталось, — давай Параньку ловить. А Паранька — резвая на ноги: как пустится к барскому дому! Он за ней, да никак схватить не может. А нам все из нашего одонья видно, — хоть за тучками месяц, а тучки-то светят. У ворот стал он ее достигать: девка в снегу вязнуть стала. Вдруг из ворот батя мой; он тогда у барина в рабочих старостах служил и отчет ему сдавал. Васька и повернул назад. Паранька стоит, никак отдышаться не может. Батя потом рассказывал, — говорит ему:

— Дядя Илья, уж стыдно мне до чего, что ты видал, как ребята за мной гнались!

А он ей:

— Ты благодари бога, что повстречалась со мной.

А на улице поглядеть, — вихрь! Девки мчатся кто куда, парни за ними. Васька от барских ворот вернулся да за Наташкой припустился. Та — шасть в первые сени.

— Тетка Прасковья, дай попить! Что это пить захотелось. — А сама дрожит вся. — Как холодно! Озябла! — Бледная.

Прасковья домекнулась.

— Ты разденься, говорит, погрейся, я тебя потом провожу до двора.

Наташка потом сказывала:

— Уж я рада как была, что Прасковья меня приголубила!

Вдруг видим, Катька мимо бежит, а за нею следом Прошка, — большой таковой, плечистый. Поймал. Она завизжала, а он ей:

— Кричи, кричи, — себя же срамишь! Все знать будут. А мне не стыдно, я мальчик.

Она на ласку перекинулась:

— Прошенька, миленький, не губи ты меня!

— Говори у меня!

И потащил ее в проулок, к степановым ометам. Что делать? Выскочить, на помощь кликать, — самих же нас парни поймают. Лежим в соломе, дрожим и потихоньку плачем. На улице тихо стало, собрались мы вылезать. Вдруг слышим в проулке голоса. Прошка с Катькой идут от ометов. Уж она-то плачет, заливается. А он ей:

— Чего плачешь? Как приду из солдат, сватать тебя стану.

Вот пришла весна. Пошли мы к мельнику на работу, плотину прудить. Мы с Катькой копаем землю. Понемножку из ямы, где землю копали, на луг выбрались, отошли от людей. Я Катьке и говорю:

— А вышла ты, Катька, всех девок розеватей!

— Чем я розеватая?

— Уж говори там. Небось, мы все видели, знаем.

— Что вы знаете?

— А то! Говорили все: Катька Коломенская всех провористее, а вышла она всех девок розеватее.

— Да что вы видели? Спрятались где?

— Тогда, святками еще, на улице.

— У-у!.. Девушки! Неужели видели? Где ж вы были?

— В одонье нашем спрятались.

— Девушки, не сказывайте никому!

— Кабы сказывали, все бы уж знали. Ты видела, все девки расходиться стали. И тебе бы тогда итти нужно.

— Я нешто хотела. Уж как я плакала, как плакала тогда! А он божится, что, как из солдат придет, женится на мне.

— То ли женится, то ли нет.

— Верно, девушки, верно! А только что же я теперь могу!

У самой слезы на глазах.

— А может, говорим, и вправду сватать станет. Что ж плакать, слезами не поможешь.

А Прошке осенью жребий в солдаты не выпал, он домой и воротился.

— Что ж, говорит, дом мой бедный, а у Катьки всего много напасено, и одежды, и обуви. Буду ее сватать.

Сосватал и женился. Счастье ее, что много себе приданого припасла. А то бы нипочем он на ней не женился.

□ □ □

21

ВЕЛИКОДУШНЫЙ

Когда уходил я на действительную службу в солдаты, то оставил за себя дома работника. И наказал ему, чтобы приглядывал за моей женой, и если что, то отписал бы мне. Вот прошло два месяца, он мне и пишет: кланяюсь вам и докладываю, что супруга ваша Степанида Зиновеевна связалась со мною и очень в меня влюбилась. Сильно я стал горевать после этого письма, начал водочкой заниматься. Жене перестал писать, только матери моей пишу, а жене даже поклониться не назначаю. Прошел год, отпросился я на побывку. Как подъезжал к селу, попросил ямщика — пусть лошади отдохнут, поезжай шагом, а к крыльцу подкати лихо. Дело было под рождество. Подкатил с шумом, со звоном, братья выбежали встречать, сняли шапки. Думали — урядник: я был закутамшись в тулуп. Узнали, стали здороваться. Работник побежал бабам сказать. Работник уж другой был, того прогнали. Бабы вышли, только жены нет. Я не спрашиваю. А уж был я сильно выпивши, для смелости. Наконец, вошла она в избу, бледная, на меня не смотрит. Поцеловался с нею, жду, что будет. Сватья пришли, знакомые. Сели. А она все кругом ходит. Мать ей говорит:

— Что ж ты, Степанида, не сядешь рядом с мужем?

Сват подвинулся, дал ей место, она села. А я отвернулся, как будто ее и нету, — и ни слова. Ушли все. Я хожу и посвистываю, молчу. Она:

— Где постель тебе стлать, Петрович?

Я как будто не слышу, хожу мимо и посвистываю. Она опять спрашивает. Крикнул на нее:

— Не знаешь, где стлать? Где всегда спали?

Постелила. Легли. Я к ней спиной повернулся, так и заснул.

Три дня разузнавал, правду ли работник написал. Ну, не подтверждается. Позвали меня мужики в трактир. Я ей велел, чтоб ждала меня у трактира. Сидим, выпиваем. Гляну в окошко: стоит у крыльца; мерзнет, ногами топает.

Сват мне говорит:

— Неправильно ты, Иван Петрович, на Степаниду думаешь. Ну, размысли сам: если бы связался с нею тогда работник, — зачем бы он тебе об этом стал писать? И удовольствие бы от нее получал, и всячески бы она его убагловоряла. Не иначе, я думаю, что отшила она его от себя, а он по злобе тебе и отписал.

Я себя по лбу ладонью хватил:

— А ведь верно! Как же это я сам не догадался!

И так-то легко у меня стало на сердце, весело!

Стало темнеть. Мы пошли из трактира. Она к нам спиною стоит, — повернулась от ветра. Мы потихоньку за ее спиною и прошли. Я обежал трактир и из-за угла подсматриваю, смеюсь: стоит, переминается с ноги на ногу. Я ушел домой, от веселости еще с час ее так продержал, потом подошел:

— Где ты была? Я тебя час целый по всей деревне хожу-ищу.

— Я тебя тут ждала.

— Как же тут ждала, когда я тебя не видал, а?

После этого стал ее к себе допускать. Теперь хорошо живем, нечего бога гневить.

□ □ □

22

«БОГ СОЕДИНИЛ»

Были замедленные встречи у колодца весной, когда из темневшего барского сада несло душистым тополем и цветущей черемухой. Были потом возвращения с посиделок зимою, когда шли они вдвоем под одним тулупом, и она сладко отдавалась его поцелуям и

горячим ласкам. Потом поженились, и два года прошло, как счастливый сон.

Но земельный надел был малый, для обработки его хватало сил одного старика-свекра. Брат его, живший в Петербурге, устроил ее мужа артельщиком. Стал он порядочно зарабатывать, подавал домой. А потом, как часто бывает, когда долго живут врозь, стал он подавать все меньше, сошелся там с другою женщиною, написал жене: «Я тебя больше не знаю» — и совсем перестал подавать. Тогда старики не захотели больше ее держать.

Поступила она в городе Веневе в прислуги. Тосковала о муже, о былом счастье. Подвернулся ласковый парень, нежно слушал ее, сочувствовал. Она — больше из благодарности — уступила его настояниям, хотя сама мало от этого испытала радости: совсем не то это было, что раньше с мужем, — даже странно, до чего было иначе. Забеременела. Тогда парень перестал быть ласковым и исчез. Деваться было некуда, все отшатнулись. Барыня брезгливо дулась и качала головою. Пересиливая себя, она работала до последнего часа. Уже с родовыми схватками ставила вечером самовар для господ. До крови раскусала губы, чтобы не кричать. Ночью ушла на двор и рано утром родила ребенка в отхожее место. Конечно, сейчас же нашли. Ее арестовали. Судили. Присяжные оправдали: она утверждала, что ничего не помнила. Подруге потом рассказывала: «Присяжные поверили; а я и вовсе все помнила». После того долго еще чудился по ночам плач и писк захлебывающегося в яме ребенка.

Переехала в Москву. Опять поступила в прислуги. Радостно и гордо рассказывала, что у нее в Петербурге есть муж. Обзавелась новым любовником. Теперь это для нее стало просто, как воды напиться, когда захотелось пить. Только один еще шаг до проституции. После ужаса родов в отхожем месте все в жизни стало для нее грубым, темным и простым.

Неожиданно приехал из Петербурга муж, отыскал ее, стал просить дать ему развод.

— Ни за что!

Он с месяц жил в Москве, подстергал, чтоб уличить ее в «прелюбодеянии». Но она стала очень осторожна и не позволила любовнику приходить. Муж просил, на коленки становился, сулил денег.

— Нет, ни за что! Нас бог соединил.

Что это было? Мстительность, злоба? Не мне, так не доставайся никому? Нет. Для нее их, действительно, соединил бог, — бог света и жизни. И ей казалось: если они опять сойдутся, то темная, грубо-простая жизнь опять станет для нее значительной и светлой.

И, может быть, она была права.

□ □ □

23

В земскую больницу поступила родившая молодая женщина с задержавшимся в матке последом. Послед уж разлагался. Врач сказал, что послед необходимо сейчас же вынуть. Женщина решительно отказалась. Привез ее муж, вызванный из Москвы, — кудрявый, усы закручены, цепочка по жилетке, сапоги с гармонией. Фабричный. Он спросил:

— А если так оставить, без операции?

— Умрет непременно.

— Ну, и пускай умру! А не дамся!

Муж взглянул на доктора, перемигнувшись с ним и сказал:

— Ну, что ж! Желает — пускай помирает!.. Я ли не красивый? Я ли не кудрявый? За меня всякая девка пойдет!

И вдруг та:

— Делайте со мною, что хотите!

И, стиснув зубы, вытерпела всю операцию, не издав ни стога.

□ □ □

24

Как здоровье?
— Плохо. Помирать собираюсь.

— Ну, бог даст, поправишься.

— На бога ноне надежда плохая. Лукав больно. Другой молит, молит, — и так, и этак. Нет! Упрется на своем, и все тут!

□ □ □

25

У нестарой еще бабы с шестью ребятами умер от сыпного тифа муж. Она иступленно плачет, проклинает бога.

— Больно уж выстарился, ничего не понимает! Сидит себе и смотрит сверху. Что он может видеть, что понимать? Как я его молила, как просила! Нет, не умолила, — взяла! А для чего взяла? Сам не знает. Выстарился, творит, незнамо что. Взял бы суседа, — восемьдесят лет прожил. Так не! Давай ему молодого! А это ничего, что вдова с шестью ребятами остается? Нет, довольно терпеть! Так бы вцепилась в бороду его седую!

□ □ □

26

У нас в деревне в церкви — матушка явленная царица. Три года назад, как засуха была, пронесли ее по селу, — и сейчас же загорелось. В этом году пронесли, — и опять.

— Значит, прогневили ее?

— Старцы через деревню проходили, сказали: есть три души грешные.

□ □ □

27

У нас в деревне человек один помирал. Священник над ним читал отходную. В это время вдруг младший брат его приехал из Москвы. Упал перед ним на колени, головою к груди его прижался, плачет. «Вася, говорит, братец мой дорогой!» Так тот после этого все семь дней криком кричал, — уши себе рвал руками, ноздри. Пальцы в рот залупит и щеки себе рвет, никак помереть не мог. Пришел один старичок знакомый, посмотрел, — помешали, говорит, помереть.

□ □ □

28

Киево-Печерский монастырь. Внизу зеленого откоса с бесконечными лесенками, под огромными вязами, — Почаевский колодезь с навесом. Всюду цветут вишни, в бойницах монастырской стены синее Днепр. Около колодца

несколько исструганных дубовых колод. Близ каждой по несколько женщин соструируют с них перочинными ножами стружки.

На одной из колод сидела баба средних лет с костылями. Тамбовская. Зипун, синяя понёва. Лицо плакало, рот некрасиво расширился, слезы текли по носу и подбородку. Рассказывала:

— Первые сто верст шла от своих мест, как играла. А потом, — продуло, что ли, — ноги и отнялись! Доехала кое-как на машине, а от вокзала сюда три версты на карачках приползла. Две недели в печерской больнице пролежала. Вот только сегодня как будто чуть-чуть полегчало, приползла сюда. Говорят, от стружечек этих святых большая бывает помощь.

Стоял и смотрел молодой купец с красным затылком, в лаковых сапогах и длиннополом сюртуке. Спросил:

— Это вы для чего колоду стругаете?

Одна из стругавших ответила:

— Знаете, по деревенскому обычаю: зубы заболели или что, стружечку святую приложишь, — и пройдет. Лекарства покупать достатку у нас нету. Вот мы больше святостью и лечимся.

— Ну да! — подтвердила другая. — Скажем, дитя заболело. Обкурить его этой щепочкой вместе с ладаном, — и все пройдет.

Молодица с лукавыми глазами засмеялась.

— Вот! Одна начнет скрести, за нею другие следом... Не знают сами, что делают!

Купчик авторитетно стал объяснять:

— Тут вера помогает, а не стружки. В Твери у нас было: купчиха одна сильно очень животом маялась. Доктора никак пособить не могли. Вот послала она кучера своего к святому Нилу Столбцкому настругать стружек с его столба святого, на котором подвизался. А кучер себе и говорит: «Лучше же я это время в трактире на большой дороге просижу, а стружек можно, где хочешь, достать». Настругал стружечек мелких у старого колеса, привез. Женщина съела — и выздоровела. От чего же она выздоровела? От колеса? От веры!

Баба, сидевшая на бревне, жадно слушала и качала головой.

— Вот видишь, помог, значит, святитель!.. — И с глубоким, истерическим вздохом произнесла: — Все святые преподобные, молитесь бога за меня, грешную!

Перекрестилась, наклонилась к колоде и стала ее стругать.

□ □ □

29

За Байкалом объявился у нас разбойник один, казак Гришка Фомин. Богачей грабил, а простому народу помогал. Ловили, — никак не изловят, лошадей под ним убили без счета, а самого пуля не берет.

Я спросил:

— Почему?

Один из слушателей, как на глупый вопрос:

— Слово знал.

— Да. Раз едет мужик, везет бочку дегтю — на ярмарку, продавать. Вдруг из кустов Гришка. «Знаешь, кто я?» Мужик поглядел, обомлел. «Знаю» — говорит. «Ну, вот что: вынь затычку и поезжай, а я за тобой следить буду». Нечего делать. Выдернул мужик затычку и поехал. Деготь льется на дорогу. Весь вытек. Чего же дальше ехать? Завернул мужик лошадь и поехал назад. Вдруг опять из кустов Гришка. «Намного ли товару сгубил?» — «На четвертную». — «На, получай пятьдесят». И уехал... Все его боялись. Иной раскуражится, скажет: «Эх, попадись он мне, — я бы ему показал!» Гришка это сейчас узнает...

— Ну, да, переводчики, значит, у него всегда есть.

— Да. Чуть стемнеет, — подъезжает к избе, случится. «Эй, выходи!» — «Кто там?» — «Ты, говорит, Гришку Фомина хотел видеть, так вот он я». Тот в ноги: «Помилуй!» Донесли в Петербург, что пуля его не берет, от царя приказ пришел: поймать живьем, в Петербург привезти. Но ничего не вышло. Народ ему помогал, не поймали.

□ □ □

30

НА ПОЖАРИЩЕ

Уже в начале августа иногда бывает: солнце печет, а в тени холодно, ночи же — совсем студеные. Под вечер я был в Занине. Неделю назад оно сгорело. Перед тем долго была сушь и жара, народ весь был в поле, загорелось днем при сильнейшем ветре. В полчаса всю деревню как слизнуло языком.

Стояла деревня на обоих отлогих склонах лощины. Теперь это было широкое пространство, ровное, как ток, усеянное мелким пеплом, и только закопченные печи стояли горбатыми урдами. Сзади — ивы и березы с рыжею, сморщившеюся листвою. В гору — конопляники, тоже вначале рыжие, обгорелые. На маху несколько уцелевших риг. Из ручья торчат обгорелые столбы моста. Плотины тоже сгорела, пруд убежал.

У сложенной из кирпичей печурки — сухая старуха в рваной ситцевой юбке и кацавейке, со слезящимися глазами, молодая девка и двое мальчиков. В котелке что-то кипит.

— Хлеб вы уже убрали?

Старуха ответила громким, равнодушным голосом:

— Убрали, свезли — и пожгли!

Я с недоумением огляделся.

— Где же вы теперь живете?

— В риге дрожим. Ночи-то холодные, одежда вся погорела, подостлать нечего, покрыться нечем. Лежим друг возле дружки и дрожим!

Говорила она все так же громко и равнодушно, поучающим голосом, как будто читала лекцию. Подошел мужик с русой бородой, в серой поддевке.

— Отчего загорелось?

Мужик ответил:

— Кто ж его знает!

А старуха сказала:

— Шпитонок, говорят, — значит, из воспитательного дома, — стал ребятам показывать, как пчел выкуривают.

— Ну, бабы болтают, — тоже, верить им! Одна мелет, другая подлыгает.

Говорил он тоже спокойно, с легкой усмешечкой.

— Страховку вы получите?

— Ну, как же! Получим! Богато получим, — от сорока до восьмидесяти рублей! А у Семибратова купить, — один сруб семьдесят два рубля стоит. А погорело-то ведь все, — колеса, хомуты, одежда, телеги, сани, — лошадь обротать нечем! Прольешь, — не' подгрещь. Все ведь новое надо заводить.

Подошло еще несколько мужиков.

— Ну, а бочки, багры, — это все у вас было?

Первый мужик ответил:

— Самое это, я вам скажу, пустое дело — багры! Ведра, — больше ничего не надо.

— Почему?

— А потому. Моя вон изба: всю ее баграми растаскали. Заплатить мне за нее ничего не заплатят, — не сгорела, а чем мне лучше, нежели другим? Все побили, поломали, порвали...

— Так ведь из леса опять можно избу сложить.

— Как ее сложишь? — заметил другой.

А первый продолжал:

— Изба-то ведь жилая была, гнилая, — тронули, и рассыпалась! Эх, брат!.. Вот теперь и иди по-миру, ни копейки ведь мне страховки не дадут.

Постепенно он начинал говорить все взволнованнее, губы запрыгали, на глазах выступили слезы.

— Я на багор ругаюсь, — зачем инструмент этот такой вредный! Пускай уж, гори все подряд! Пропадай пропадом! Зачем же они мне жизнь мою изломали?!

И из груди его вырвалось короткое, глухое рыдание.

Подошедшие мужики стали рассказывать про пожар:

— Горело так, что в Марьине было жарко стоять. Из губернии запрос: «Что там такое жарко так горит?» И телеграммы об нас: «Занино! Занино!» Так со всех сторон и забирало. Прибежали с поля, бросились спасать, — куда тебе! Вихорь так и рвет, так и крутит, — со всех трех сторон охватило. Только и выходу, что к пруду. Так было жарко, — вода в пруде закипала. Сундук в воду бросили, — он плавает, а верх

горит. Одна баба сгорела, другую, в огне всю, бросили в пруд, чуть не утопла. На другой день в Нешеве в больнице умерла, от ожогов.

Третий сказал:

— Ну, да! Ведь свое добро, — жалко! Лезет баба в избу, кругом все горит, волосы на ней трещат, а она вот так рукой заслонится и тащит сундук.

— Много все-таки спасли?

— Пора там! Дай бог самим было живую уйти!

Первый мужик — опять совсем уже спокойный — сказал, смеясь:

— Вбежал я в пруд, кричу: «Дядя Матвей, ведь ты горишь!» А он мне: «Да ведь и ты горишь!» Хвать — ан вправду картуз на голове горит! И оба мы с ним в картузах — нырк в воду!

В холодавшем воздухе стоял дружный смех.

□ □ □

31

Сапожник. Из промыслового кооператива. Любил выпить, жена все деньги отбирала. Однажды сдал он товар, получил под его залог девяносто рублей. Переправил в квитанции на восемьдесят, отдал ее жене, а десять рублей пропил. Подлог раскрылся, его судили на общем собрании кооператива. Он сказал пламенную защитительную речь:

— Вы все, братцы, знаете, какая моя жинка стерва. Хуже никогда не бывало на свете. Да еще к тому грамотная, — никак ее не обманешь! Господи, уже в гроб скоро, а даже не помню, когда и выпил в полное свое удовольствие! Все отбирает, только пятиалтынный выдает на табак. Для нее, братцы, только и сфальшивил. Все-таки теперь — хоть разок кутнул, как душа требовала. А вы меня судите по совести.

Хохотало все собрание. Простили.

□ □ □

32

ВЕЖЛИВОСТЬ

Мы сидели с ним на веранде моей дачки за самоваром. После каждо-

го стакана он решительно отказывался от следующего, но пил уже шестой стакан, конфузился, потел и вытирал лысину палевым ситцевым платочком с зелено-красною каемкой.

Я рассказывал:

— Представьте себе, в Давыдове крестьяне в этом году просят за комнату, за которую в прошлом году брали сто рублей, — триста рублей!

— Да неужели?! — изумлялся он.

— Да.

— Двиствительно! Что же это такое?

— Триста рублей!

— Какое нахальство! Скажите, пожалуйста, а!

— Кто это мне рассказывал?.. — Вдруг я взглянул на него. — Да позвольте... Ведь это же... вы мне рассказывали!

— Я-с!

— Вы?!

— Так точно!

□ □ □

33

НА ПЧЕЛЬНИКЕ

Она, пчелка, — ее господь любит. Недаром ей название — божья мушка. День целый работает, старается. Не для себя трудится, — ей самой много ли надо? Для человека трудится. Божия коровка, святая тварь.

— А что, дедушка, она тебя не кусает?

— Не-е! Она того жалит, кто бабами занимается, а я это дело давно уже бросил. (Отмахивается.) Я этими делами... Шш, ты, окаянная!.. Этих делов я... А сетки я не люблю, — ни к чему она. Первое только дело — не дразни ее... Шш, вы! А-а, погибли на вас негу!.. Ой, батюшки! Чтоб вас разорвало!.. Ой, ой!! В шалаш, подлые, следом летят! Анафемы, будь вы прокляты! А-а, подлые! Словно прорвало их!..

— Что, дедко, видно, погрешил с бабой какой!

— Э, паралик их расшиби! Им это все одно! Они того не разбирают!

□ □ □

V

34

В комнате было темно. В соседней комнате накрывали ужинать. Я сидел с ребятами на диване и рассказывал сказку. Эту сказку я им уж много раз рассказывал, но они ее очень любят и всё просят еще: ребята с дядей Витей пошли в лес, заблудились, остались в лесу ночевать, развели костер; заснули; вдруг вдали завывли волки. Все ближе. Ребята разбудили дядю Витю, и он прогнал волков.

На этот раз я конец изменил:

— Темно, тихо. Вдруг слышат вдалеке: уу-у, уу-у! Волки. Все ближе. Ребята стали будить дядю Витю: «Дядя Витя, вставай! Волки!» — «А-а?» — «Волки! Поскорей вставай!» — «Ка-кие вол-ки?» Зевнул, повернулся на другой бок и опять заснул. А волки все ближе, сучки трещат под их лапами, глаза меж кустов горят... «Дядя Витя, дядя Витя! Да проснись же! Смотри, волки совсем близко!» — «А? Не мешайте мне, пожалуйста, спать!».

Маленькая Женя встала с дивана и сказала шопотом:

— А волки-то все ближе. А дядя Витя все спит. Я уж лучше пойду.

И на цыпочках ушла.

□ □ □

35

Как тебя звать?
К — Юра, а по батюшке — Георгий!

Отец с отчаянием:

— Юрка, ну, что ты за дурак такой! Как твоего отца звать? Ведь Сергей!

Юра, покраснев:

— А как же, когда меня батюшка в церкви приобщает, он меня называет Георгий?

□ □ □

36

Идет по улице чиновник с портфелем, синий вицмундир с золотыми пуговицами, голова начисто обрита, круглая, синевато-серая. Мальчик, пораженный:

— Это сам государь идет?
 — Нет, просто дядя.
 — А я думал — сам государь-император.

□ □ □

37

Гимназистка двенадцати лет:
 — Почитать, что ли, газету. Не пропала ли какая-нибудь собачка.

□ □ □

38

Мать гуляла с Борей. С лаем бросилась на них собака. Боря испуганно заплакал.

— Не бойся, Борик, не плачь! Она не укусит... Не бойся!

— Да, говоришь: «Не бойся!», а сама боишься! Я ведь вижу... Ай, мамочка!

□ □ □

39

Маня, тебя как по батюшке звать, — Яковлевна?

— Нет, теперь уж нет.

— Почему?

— Умер он.

□ □ □

40

Трехлетний мальчик был болен, мать положила его спать с собою. Доктор стал строго выговаривать матери, что так она портит ребенка. Мальчик внимательно слушал и вдруг враждебно спросил:

— А почему же мама каждый день спит с папой и его не испортила?

□ □ □

41

Чтоб девочка не узнала тайну происхождения человека из грязных уст, мать решила сама посвятить Валу в эту тайну. Вале тогда шел тринадцатый год. Мать рассказала ей о пестиках и тычинках, о мужских и женских цветках, об опылении. И решила: все остальное ясно само собою.

А Валя пришла домой и говорит:

— Приехала на трамвае. Такая давка! Ужасно боюсь, вдруг у меня там произойдет опыление!

□ □ □

42

Ванька. — Я бы шофером хотел быть. Да не на что будет жить: платить не станут.

— Почему не станут платить?

Ванька удивился:

— За что же платить?

□ □ □

43

Девочка — с прогулки на Гоголевском бульваре.

Отец:

— Памятник Гоголя видела?

— Видела.

— Что там Гоголь делает?

— Сидит... (подумала) Дожидается.

□ □ □

44

Я спросил Марину (пяти лет):

— Марина, как ты думаешь, сколько мне лет?

Она внимательно поглядела на меня:

— Двадцать восемь, двадцать девять, может быть, тридцать... А вернее всего — восемьдесят.

□ □ □

45

Ира (пяти лет). Ей очень интересно увидеть те части тела, которые тщательно скрывают под одеждой. С бесстыдством невинности поджидает подходящего случая. Несколько семей купалось вместе, — в купальных костюмах. Галя (взрослая) вошла в кусты, чтобы снять мокрые трусики и одеться. Ира последовала за нею. И вдруг закричала купавшемуся отцу:

— Папа, иди скорей! Галя голая! Иди скорей, а то опоздаешь!

Все хотело. Отец, смеясь, отвечал из реки:

— Сейчас бегу!

— Да скорей же! Ну, вот... Опоздал!
Ведь кричала я тебе! Эх, ты!

□ □ □

46

Она же:
— Как хорошо кто это придумал:
летом цветут цветы, а осенью листья.

□ □ □

47

Как Мишку вчера лупили!
— Ну, что ж! А я, небось, не
плакал.

□ □ □

48

Иду в Крыму по саду нашего дома от-
дыха. С горы навстречу, выпучив
глаза, мчится со всех ног мальчугашка
лет пяти.

— Дяденька, беги!

— Чего мне бежать?

— Беги скорей! Сторожа пришли!

— Чего мне бежать от сторожей?

Он остановился на бегу, с недоуме-
нием оглядел меня:

— За уши оттреплют!

И помчался дальше.

Вот подите: такая ужасная опасность,
каждая минута на счету, а он все-таки
остановился, чтобы предупредить меня.
Спасибо, товарищ!

□ □ □

VI

49

Тот сильно оскорбляет челове-
ка, кто говорит, что он руково-
дится легкостью. Трудность,
самоотвержение, мученичество,
смерть, — вот приманки, дей-
ствующие на человеческое сердце.
Т. Карлейль. «Герои и ге-
рическое в истории».

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане
Средь грозных волн и бурной тьмы...
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслаждения...

Это какая-то изначальная, первобыт-
ная стихия в душе человеческой.
Во время японской войны в команде

нашего полевого подвижного госпиталя
был один старший унтер-офицер, по
фамилии Хитров, — длинноносый, с уз-
ким лицом. Очень неприятный человек,
и нечистый на руку. Во время ночевок
наших в китайских деревнях он тащил
все, что мог разыскать. Встретится на
улице с китайцем; радушно улыбаясь,
протягивает руку, — китаец с вежливой
улыбкой протягивает свою, а Хит-
ров вильнет рукою и схватит китай-
ца за нос. И хохочет хулиганским сме-
хом.

Перед мукденским боем мы долго сто-
яли в одной китайской деревне. Целый
ряд фанз оборудовали под госпитальные
палаты. Отдельная фанза была отведе-
на под операционную; стены ее и пото-
лок были обиты новенькими золотисты-
ми цыновками, сложена из кирпичей хо-
рошо греющая печь. И вот однажды ве-
чером от слишком сильно натопленной
печки операционная загорелась. Когда
мы сбежались, вся ее внутренность пы-
лала и была освещена, как бальный зал.
К нашему офицеру-смотрителю подошел
Хитров и, держа руку у козырька, ска-
зал:

— Ваше благородие! Там, в опера-
ционной, ящик остался с инструментами,
вон он, у печки. Дозвольте, я его выта-
щу.

Мы все ахнули. Это было почти то же
самое, что броситься в пылающую печку.
Смотритель грозно ответил:

— Только посмей у меня! Прямо под
суд отдам!

Хитров отошел. Но когда смотритель
отвернулся, Хитров подбежал к пылав-
шей фанзе, перекрестился и бросился
внутрь. Все замерли. В трепетавшем яр-
ком свете черная фигура подбежала к
ящику, схватила его и, шатаясь, побежа-
ла назад. Хитров выбежал с обгорев-
шими волосами, с затлевшейся шинелью,
и бросил ящик на землю. В это же вре-
мя тяжелый кулак смотрителя обрушил-
ся на шею Хитрова, и он кубарем пока-
тился под колеса водовозной бочки. Вот
единственная награда, какую он полу-
чил и какую только и мог ждать.

□ □ □

50

Нашему госпиталю пришлось стоять однажды вдалеке от проезжих дорог, кругом пошаливали хунхузы, подвоз был затруднен. С неделю мы оставались без съестных припасов.

Под рукою было сколько угодно крупы китайских растений — чумизы и каоляна. Это — обычная, основная еда местных китайцев. Чумиза по виду несколько напоминает наше пшено, каолян — гречневую крупу. Мы стали варить суп и кашу из чумизы и каоляна.

И вот — странное дело! Мы, офицерский состав, ели чумизную и каолянковую кашу вполне охотно и даже не без удовольствия. Солдаты же побросали ложки после первой пробы и отказались есть. Сидели на одних сухарях, голодали, а есть отказывались. Уверяли что от каоляна болит голова, а чумиза вызывает ломоту в ногах. Командир полка возмущался привередливостью и избалованностью солдат:

— Скажите, пожалуйста, какие гастрономы! Мы едим — и нечего, а они морды воротят! Пусть поголодают. Захочется есть, сами запросят!

А может быть, именно потому они и не могли есть чумизы и каоляна, что... не были гастрономами. Чем более однообразную пищу употребляет человек, тем труднее ему переходить на новую пищу и приноравливать к ней свой вкус. Нам, едавшим и устрицы, и сыр рокфор, и рябчиков, и артишоки, и бананы, легче было приспособиться к новой пище, чем людям, привыкшим изо дня в день есть капустные щи и гречневую кашу.

□ □ □

51

Из нашей части был послан в двуколке на почту за письмами и посылками старший унтер-офицер Бастрыкин в город Маймакай. Возвращается. Навстречу офицер верхом; проехал мимо, потом вдруг крикнул назад:

— Эй, ты! Пойди сюда!

Бастрыкин слез с двуколки, подошел.

— Ты как честь отдаешь?

— Я честь вам отдал.

— Как отдал? Отдаешь, а морду в сторону ворочаешь!

И три раза накрест ударил Бастрыкина нагайкой по лицу.

— Теперь будешь знать, как честь отдавать!.. Пошел!

Бастрыкин приехал домой, рассказал, как его избил офицер.

Работал в кузне солдат-кузнец Финкель. Шел с работы и спросил Бастрыкина:

— Как это вас, господин взводный, офицер избил?

Бастрыкин крикнул:

— Не знаешь, как перед взводным стоять? Руки по швам! Коленки вместе!

Финкель вытянулся.

— Как избил? Вот как!

И дал Финкелю накрест три крепких оплеухи.

Финкель пожаловался. Бастрыкина ротный поставил на два часа под ружье.

Бастрыкин стоял, вытянувшись, с вешевым мешком на боку, с винтовкой на плече. Дождь моросил. На бледном, изуродованном от злобы лице краснели полосы от нагайки.

□ □ □

52

ВРАГИ

Дмитрий Сучков был паренек горячий и naïвный, но очень талантливый. Из деревни. Работал токарем по металлу на заводе. Много читал. Попал в нелегальный социал-демократический кружок, но пробыл там всего месяц: призвали в солдаты.

Время было жаркое. Отгремело декабрьское восстание в Москве. По просторам страны пылали помещичьи усадьбы. Разливались демонстрации. Лютовали погромы и карательные экспедиции. С Дальнего Востока после войны возвращались озлобленные полки. Начинались выборы в первую государственную думу.

Дмитрий Сучков попросился в Ромодановский полк, где служил его старший брат Афанасий. Полк только еще должен был прийти с Дальнего Восто-

ка. Триста новобранцев под командою двух офицеров, посланных вперед, ждали полка в уездном городке под Москвой.

Три дня всего пробыл Сучков в части, и случилось вот что. Солдаты обещали. В супе оказалась обглоданная сеledка, — хребет с головой и хвостом. Сучков взял сеledку за хвост, пошел на кухню, показал кашевару:

— Это что у вас, для навару кладется?

Кашевар с изумлением оглядел его.

— Ты... этого... агитатор?..

Назавтра вышел дежурный капитан Тиунов, прямо направился к Сучкову. Капитан — сухощавый, с бледным, строгим лицом и тонкими бровями.

— Ты тут собираешься агитацией заниматься... — И спросил взводного: — Ему устав внутренней службы читан?

— Никак нет, еще не читан.

Капитан крикнул на Сучкова:

— Стой, как следует!

— Я не знаю стоять, как следует, я стою, как умею.

— Как его фамилия?

— Что вы взводного спрашиваете, я и сам скажу, врать не стану. Сучков фамилия.

— Это ты вчера на суп жаловался?

— Да.

Капитан топнул ногой и грозно крикнул:

— Как ты смеешь так отвечать начальству?! Спроси у взводного, как нужно отвечать?

— Господин Гаврилов, как ему нужно отвечать?

Капитан совсем вскипел:

— Не «господин Гаврилов», а «господин взводный» или по имени-отчеству, и не «ему», а «его высокоблагородию»!

— Господин взводный, как этому высокоблагородию нужно отвечать?

— «Так точно» нужно говорить, «никак нет», «слушаю-с».

— Так точно, ваше высокоблагородие!

Капитан внимательно поглядел ему в лицо и отошел.

Вечером он пришел с фельдфебелем в казарму и сделал в вещах у Сучкова

обыск. Однако Сучков ожидал этого и все подозрительное припрятал.

— Это что? Граф Салиас, «Пугачевцы». Ого! Какими ты книгами интересуешься!

— Вполне легальная книга!

— «Легальная»... Вот ты какие слова знаешь! Умеешь легальные книги отличать от нелегальных... А это что?

— Дневник мой.

Капитан Тиунов передал тетрадки фельдфебелю.

— Вы что же, читать его будете?

— Обязательно.

— А как это вам, господин капитан, не претит? Среди порядочных людей читать чужие письма не принято, а ведь дневники — те же письма.

Сучков за грубость был посажен на три дня под арест. Вскоре он заболел тяжелым приступом малярии и был отправлен в московский военный госпиталь. Там повел пропаганду среди больных солдат. По его почину они пропели «вечную память» казненному лейтенанту Шмидту. По приказу главного врача Сучков был выписан обратно в полк с отметкой о крайней его политической неблагонадежности.

Полк уж воротился с Дальнего Востока. Он стоял в губернском городе недалеко от Москвы. В полку было ярочесотенное настроение. Начальство втолковывало солдатам, что в задержке демобилизации виноваты «забастовщики», что, по указке «жидов», они всячески препятствовали отправке войск с Дальнего Востока в Россию. Дмитрий Сучков пошел проведать брата Афанасия. Афанасий был ротным капитанармусом, имел в казарме вместе с фельдфебелем отдельную комнатку.

Встретились братья, расцеловались. Конечно, чаек, водочка. Тут же фельдфебель — большой, плотный мужчина с угрюмым и красным лицом.

Дмитрий спросил:

— Ну, что у вас там было на войне, рассказывай.

— Что рассказывать! Ты газеты, небось, читал... Расскажи лучше, что у вас тут.

Дмитрий стал рассказывать про 9 января, как рабочие Петербурга с иконами и хоругвями пошли к царю заявить о своих нуждах, а он встретил их ружейными залпами и весь город залил русской кровью; рассказывал о карательных экспедициях в деревнях, как расстреливают и запарывают насмерть крестьян, о баррикадных боях на Красной Пресне в Москве. Рассказывал ярко, со страстью.

Когда он на минутку вышел из комнаты, брат его Афанасий покрутил головою и сказал:

— Мне это очень не нравится, что он говорит.

Фельдфебель же неожиданно сказал:

— А мне очень нравится!

Этого фельдфебеля солдаты в роте сильно боялись. Был он строг и беспощаден, следил за солдатами, не одного упек, служил царю не за страх, а за совесть. Но последние месяцы стал что-то задумываться, сделался молчалив, много читал библию и евангелие, по ночам вздыхал и молился.

Воротился в комнату Дмитрий Сучков. Взглянул опять за чаек да за водочку. Фельдфебель спросил:

— Ну-ка, а как ты домекаешься — в чем тут самый корень зла, откуда-вся беда?

— В царе, ясное дело! Безусловный факт!

В дверях толпились солдаты, дивились, что рядовой солдат так смело говорит с их грозным фельдфебелем, да еще какие слова!

Фельдфебель сказал:

— А ты этого, парень, не знаешь, что против царя грех итти, что это бог запрещает?

— Что-о? ЗА царя грех итти! Вот что в библии говорится!

— Ну, что... Ну, что глупости говоришь! Я библию хорошо знаю.

— Есть она у тебя?

— Вот она.

— Ну, гляди. Первая книга царств, глава двенадцатая, стих девятнадцатый. Я это место вот как знаю, взажмурки найду. Читай: «И сказал весь народ Самуилу: помолись о рабах твоих перед господом богом твоим, чтобы не уме-

реть нам; ибо ко всем грехам нашим мы прибавили еще грех, когда просили себе царя».

Фельдфебель молчал и внимательно перечитывал указанное место. Долго думал, наконец, сказал:

— Теперь все понятно!

Облегченно вздохнул, перекрестился и закрыл книгу.

Долго еще беседовал фельдфебель с Дмитрием Сучковым. И стал с ним видеться каждый день. И ему не было стыдно учиться у мальчишки-рядового. Он говорил ему:

— Все у меня внутри было как будто запечатано, а ты пришел и распечатал, — вот как бутылку пива откупоривают.

Сам воздух в то время дышал возмущением и ненавистью. Агитация падала в солдатские массы, как искры в кучи сухой соломы. Агитацию вели Дмитрий Сучков, фельдфебель и еще один солдат, рабочий-еврей из Одессы. Дмитрий Сучков рос в деле с каждым днем. Солдаты смотрели на него, как на вожака. И все большим уважением проникались и к фельдфебелю, которого раньше ненавидели.

Весною случилось вот что. В железнодорожных мастерских арестовали четырех рабочих. Мастерские заволновались, бросили работу, потребовали освобождения арестованных. К мастерским двинули три роты Ромодановского полка. Перед тем, как им выступить, перед солдатами в отсутствие офицеров пламенную речь сказал Сучков, научил, как держаться, а фельдфебель Скуратов добавил:

— Если кто из вас по офицерской команде стрельнет, я его на месте уложу пулей. Когда дойдет до дела, не слушать офицеров, слушай моей команды.

Пошли. По дороге солдат завернули на двор воинского присутствия. Выступил один из ротных командиров, тот капитан Тиунов, о котором уже говорилось. Бледное, строгое лицо с тонкими бровями. В упор глядя на солдат, спросил:

— Скажите мне, братцы. Вы знаете, что такое присяга?

— Так точно.

— Может быть, не совсем хорошо знаете. Так я вам объясню. Не ваше дело рассуждать. Вы давали присягу царю и отечеству. Ты не отвечаешь за то, что твоя винтовка сделает, — за это отвечает начальство...

Увидел среди солдат Сучкова. Сучков часто замечал на себе и раньше пристальный подозрительный взгляд капитана.

— Пойди-ка сюда! А ты знаешь, что такое присяга?

— Так точно! Только всякий ее по-своему понимает.

Капитан понял, что он соглашается с ним, и обрадовался. И повел солдат к железнодорожному вокзалу.

Перед мастерскими чернела и волновалась тысячная толпа рабочих. Солдат выстроили спиной к вокзалу. Комендант кричал на рабочих, в ответ слышались крики:

— Выпустить арестованных!.. Все мастерские разнесем, поезда остановим!

Комендант крикнул:

— Теперь я с вами иначе заговорю!

И шатающимся шагом пошел к ротам. Стал сзади солдат и стал командовать.

— По толпе... залпом... роты...

И вдруг оборвал команду. Ряды стояли неподвижно, ни один солдат не взял ружья на изготовку. Комендант растерянно обратился к Тиуну:

— Капитан, почему ваши солдаты не берут на изготовку?

Тиунов, страшно бледный, молчал. Комендант вышел перед ряды и стал спрашивать отдельных солдат:

— Отчего ты не берешь на изготовку?

Солдаты стояли, неподвижно вытянувшись, и молчали, как окаменевшие. Скуратов, волнуясь, шепнул Сучкову:

— Ну, как кто поддастся!

Но никто не поддался. Комендант крикнул Тиуну:

— Тогда распоряжайтесь сами!

И исчез.

Рабочие замерли на месте, услышав команду коменданта. Теперь они в бешеном восторге кинулись к солдатам.

— Ура, ромодановцы!

Окружили солдат, целовали, обнимали, совали в руки баранки, колбасу. Солдаты попрежнему стояли неподвижно, соблюдая строй, — совсем истуканы!

От вокзала показался комендант, с ним человек пятнадцать жандармов с винтовками. Рабочие к солдатам:

— Братцы, дайте нам винтовки, мы их встретим!

Фельдфебель Скуратов скосил глаза на сторону и быстро ответил:

— Небось! Пусть хоть раз стрельнут, — мы им сами покажем!

— Ура! — закричали рабочие.

Комендант опять стал уговаривать рабочих, но теперь он говорил очень мягко. Рабочие толпились вокруг и постепенно оттирали жандармов. Жандармы очутились по одиночке в густой рабочей толпе. Ничего не добившись, комендант исчез.

Солдат повели к мастерским, выстроили перед воротами с приказом никого не выпускать. И опять молча и неподвижно, как окаменевшие, солдаты стояли, держа строй, а мимо них выбегали рабочие. Соединились в колонну и с пением марсельезы двинулись к городу, раньше прокричав ромодановцам «ура».

Командир полка, узнав о случившемся, пришел в бешенство, рвал на себе волосы.

— Батальон был самый боевой, а теперь как опоганился!

Командовавший отрядом капитан Тиунов все не являлся к полковому командиру с рапортом, так что пришлось послать за ним вестового. Вестовой побежал и, воротившись, смущенно доложил:

— Капитан Тиунов — застрелившийся.

Он выстрелил себе в грудь, пуля прошла навылет, но не задела ни сердца, ни крупных сосудов. Его снесли в лазарет.

Роты, участвовавшие в описанном деле, ходили, как победители. Время было такое, что начальство боялось их покарать. Вскоре полк ушел в лагерь. Ходили на стрельбу за пять верст от лагеря. После поверки солдаты уходили в лес, в условленное место, на митинг. По дороге — свои патрули: спрашивали пароль. Выступали присланные ораторы.

ры. Говорили о государственной думе, о способах борьбы, о необходимости организации, о светлом будущем. Это был для солдат какой-то светлый праздник. Все ходили, как будто вновь родились. Постановили больше не ругаться матерными словами. Красное, угрюмое лицо фельдфебеля Скуратова, теперь непрерывно светилось, как раньше у него бывало только в светлое воскресенье. Установились у него близкие, товарищеские отношения с солдатами. Однажды стирал он в прачечной свое белье. Увидел дежурный офицер.

— Вот молодец! Фельдфебель, а сам стирает! Каждый рядовой норовит теперь это на другого свалить, а он — сам. Молодец! Вот это хороший пример.

Фельдфебель молча продолжал стирать.

— Слышишь, я говорю тебе: «Молодец!»

Скуратов молчал. Офицер грозно крикнул:

— Ты что, скотина, не слышишь? Я тебе говорю: «Молодец!»

Нужно было ответить: «Рад стараться!» Но Скуратову противно было это сказать. И он неохотно ответил:

— Не молодец, а нужда. Нет денег прачку нанять.

В начале августа, когда полк стоял еще в лагерях, случилось вот что. В праздник преображения, 6 августа, два солдата гуляли за полковой канцелярией. И вдруг нашли в овраге большую кучу распечатанных писем и отрезков денежных переводов, адресованных солдатам. Стали читать письма. В них солдатам писали из деревни, чтоб не стреляли в мужиков, чтоб стояли за государственную думу. А по сверке денежных переводов оказалось, что адреса денег этих не получили.

Заволновался полк. Сходились кучками, передавали друг другу о находке, ругались и грозно сжимали кулаки. К вечеру весь лагерь шумел, как развороченный улей. Офицеры попрятались. Солдаты искали Сучкова, чтоб он им «сказал». Но Сучков в тот день поехал в город за мясом, — его солдаты выбра-

ли батальонным артельщиком. Кинулись к фельдфебелю Скуратову. Но он был только хорошим «младшим командиром», исполнителем, а теперь лишь недоуменно пожимал плечами. Да и правда, нелетко было направить общее негодование в нужное русло. Стали слушать каждого, кто громко кричал. Решили идти к помещению первого батальона, где находился денежный ящик и полковое знамя, деньги поделить меж собой, и со знаменем, с музыкой, двинуться в город. Пошли вдоль палаток, выгоня спрятавшихся солдат. Открыли карцер, выпустили восьмерых арестованных, — «пускай нынче всем будет радость». Пришли. Вдруг перед ними появился командир полка. Упал перед солдатами на колени:

— Братцы! Товарищи! Господа! Что хотите, со мной делайте, а знамени и денежного ящика не трогайте!

— Э, слушай его! Валяй, ребята! Часовой отойди!

Но тут фельдфебель Скуратов начальственно крикнул:

— Смирно товарищи! Полковой командир дело говорит. Не трогать знамени и денежного ящика. Дайте полковому командиру сказать, что хочет.

Полковой командир приободрился и сказал:

— Ребята! Вы заявите свои требования, я их все добросовестно разберу, а дело сегодняшнее мы замнем.

Солдаты наперебой стали говорить о найденных в овраге письмах и денежных переводах, о незаконных работах для офицерского состава, которые заставляют делать солдат.

— Ребята, вы все сразу говорите и очень далеко стоите. Подойдите ближе!

— А, сукин сын, заметить хочет тех, кто говорит! К чорту его!

Раздались пьяные голоса:

— Идем, офицерское собрание разнесем!

В это время — были уже сумерки — воротился из города Сучков. Солдаты кинулись к нему. Он развед руками и покачал головой:

— Ай-ай-ай! Что же делать теперь?

Сказали ему, что часть солдат пошла громить офицерское собрание. Он побе-

жал к ним, остановил. Повел всех в рощу за лагерем «вырабатывать требования». Поздно ночью солдаты мирно разошлись по палаткам. Сучков задумчиво шел со Скуратовым домой.

— Да... Как теперь эту кашу расхлебывать!

Около палаток к Сучкову в темноте подошел вестовой.

— Сучков, иди скорей, тебя к себе капитан Тиунов зовет. Велит, чтоб сейчас же пришел.

— Что я ему? Почему я должен к нему являться?

Однако пошел.

Капитан Тиунов, на-днях только вышедший из госпиталя, исхудавший, сидел на табуретке перед бараком и курил.

— Это ты, Сучков? Здравствуй!

— Здравия желаю!

— Пойдем в барак.

Вошли.

— Садись.

— Я, ваше высокоблагородие, постою.

— Садись, говорят тебе.

Сучков сел. С минуту молчали. Наконец, Тиунов заговорил:

— Вот. Еще раз встретились с тобой. Теперь, может, уже в последний раз. — Помолчал. Потом нагнулся к Сучкову и шопотом спросил: — Что ты такое сделал, сукин сын?

— Что я такое сделал?

— Что сегодня было, это твоих рук дело.

— Меня тут даже не было, я в город ездил.

— Все равно, это все ты... Ты жид?

— Никак нет.

— Может, поляк?

— Никак нет.

— Ну, может, в роду у тебя поляки были?

— Этого знать не могу, — с усмешкой ответил Сучков. — Тогда не жил.

— Так-ак, та-ак... — задыхаясь, произнес Тиунов. Вдруг взял со стола замок, подошел, привесил к двери и запер на ключ.

Сучков подумал:

— Бить, что ли, будет? Ну, это еще посмотрим, кто кого! Как бы ему самому не было большого полому!

Тиунов из-под шитой подушки на диване достал револьвер и нацелился на Сучкова.

— Сознавайся!

Указательный его палец лежал на спуске, в дырах барабана видны были пули. Заряженный. У Сучкова же шинель была внакидку, застегнута у шеи на два крючка, руки спутаны; пока станешь отстегивать крючки, — застрелит.

— Да в чем сознаваться?

— Ты им брошюры давал, прокламации писал... Сознавайся! Убью тебя, как пса. Что ты им давал?

— Что давал! Газету сейчас дать, — почище будет всякой прокламации! Правда теперь пошла в газетах, тоже вот в них отчеты государственной думы печатаются...

Тиунов схватился за голову.

— Эх, вот эта дума еще!.. Нет, ты им все-таки еще прокламации давал.. Ну, слушай! Ведь вот твоя смерть здесь, в дуле... Сознавайся!

— Да ну, стреляйте! Что там разговаривать! Жизнь мне не дорога, а смерть не опасна!

Тиунов вдруг положил револьвер, снял с двери замок и опять сел рядом с Сучковым.

— Ну, смотри, видишь? Я револьвер положил, дверь отпер. Но все-таки знай: если ты меня не убьешь — я тебя убью!

Замолчали.

— Давал ли им прокламации, нет ли, — а все это дело — твое. Ну-с, что же, доволен? Денежки из казенного ящика поделить, офицерский буфет разграбить... Чего ж вы этим достигнете? Ты хочешь анархии.

— Я не хочу анархии.

Капитан удивился.

— Не хочешь?

— Не хочу. У вас анархией называется свобода, вы сами рабы и хотите, чтоб все рабами были. Нам друг друга не понять. У вас одна душа, у нас другая.

— Свобода... Свобода? Ты хочешь свободы, а вызовешь анархию, проклятый ты человек! Ты ее вызовешь, в ней и я погибну, и сам ты, и Россия!.. Радуешься ты на то, что сегодня было?

— Нет, не радуюсь.

— Ну, и никакой тебе никогда радости не будет. Может, когда-нибудь, как увидишь, что вы с Россией сделали, сам ужаснешься!

— Как говорится, — бог не выдаст, свинья не съест.

Тиунов встал.

— Ну, теперь прощай! — Он протянул Сучкову руку и с ненавистью пожал ее. — Прощай. А мы — мы будем драться с вами до последнего!

Сучков с вызовом поглядел на него.

— Не испугаемся: кто кого!

Тиунов скрипнул зубами и бросился к столу за револьвером. Остановился, повернулся.

— Уходи скорей, говорю тебе!

— Здравия желаю!

Сучков отковырнул и вышел из барака.

□ □ □

VII.

53

КЛОЧКИ ВОСПОМИНИЙ СВОИХ И ЧУЖИХ

В восьмидесятых-девяностых годах в Петербурге на сцене русской оперы в Большом театре пел тенор Мих. Ив. Михайлов. Голос прекрасный. Но держался он на сцене, как манекен, лицо было плоское и широкое, был очень недалек и невежествен. В «Русалке» пел, ударяя себя ладонью по лбу:

А вот и дуб заветный...

По поводу стихов: «Судите же, какие розы нам заготовил Гименей» — он спрашивал:

— Кто такой этот Гименей? Он в опере не поет.

Ему объясняли:

— Это садовник Лариных.

И Махайлов верил. Теперь, кажется, это стало уже ходячим анекдотом.

Он говорил:

— Вы предо мною промелькнули, как термометр (вместо «метеор»).

Слова текста жестоко перевирал и уверял, что это совсем неважно. Каватина Фауста начинается так:

Привет тебе, приют невинный,
Привет тебе, приют святой!

Михайлов пел:

Привет тебе всегда невинный,
Привет тебе всегда святой!

Певца Сионицкая пела в «Русалке» Наташу, Михайлов — князя. Она вокруг него мечется на сцене, а он на нее — ни малейшего внимания. Она ему за кулисами:

— Вы же должны меня обнять!

— Дорогая моя! Никак невозможно! Как я вас могу обнимать? Я — князь, а вы — простая крестьянская девушка.

□ □ □

54

В те же годы, на той же сцене, в тех же ролях, что и Михайлов, выступал Николай Николаевич Фигнер. Это был один из прекраснейших певцов-теноров, каких только знала русская оперная сцена. Голос был слабее, чем у Михайлова, тембр его, может быть, не так нежен. Но сравнивать их было просто смешно. Когда Фигнер пел Фауста или Ромео, Рауля или Фра-Диаволо, Ленского или Германа, — такую охватывало поэзией, такие светлые грезы роились в душе, так жизнь становилась хороша, что просто не хотелось разбирать, какой силы его голос и какого тембра. Был он к тому же прекраснейший актер и изящный красавец, манерам которого завидовали великосветские денди. Весь Петербург носил его на руках, билеты на него перекупались у барышников за чудовищные цены.

Он был раньше морским офицером. Рассказывали, что когда его корабль был в заграничном плавании, он в Италии дезертировал с корабля и остался в Италии. Там учился пению. Его полюбила итальянская певица Медя Мей, взяла под свое покровительство. Он быстро выдвинулся и стал приобретать европейскую славу. Услышал его великий князь Владимир Александрович и хлопотал ему прощение. Фигнер явился в Петербурге в 1887 году.

Выступления его были сплошным триумфом. Он выступал непрерывно, — на оперной сцене, в концертах, в частных домах у вельмож и миллионеров-промышленников и купцов. А голос у

него был непрочный. Ему говорили, что так он скоро погубит его. Фигнер беззаботно отвечал:

— Э! Накоплю двести тысяч рублей, обеспечу себя, и тогда поступлю профессором в консерваторию.

И, как часто бывает в подобных случаях,—беззаботный вызов будущему, а, когда придет будущее, — неспособность с ним примириться, горькое сожаление о прошедшем. Через пятнадцать-двадцать лет Фигнер голос потерял, но сценны не ушел. Он стал директором народного дома на Выборгской стороне, где ставились оперы. Завистливо оттирал сколько-нибудь даровитых других теноров, сам выступал в самых ответственных ролях. И публика, морщась, говорила:

— Опять этот Фигнер!

И смеялась, слушая его безголосое пение. И нам, слышавшим его в расцвете, больно и страшно было за него.

Человек он был нехороший. Заслуженная артистка М. А. Дейша-Сионицкая рассказывала. В восьмидесяти годах она пела на петербургской сцене. Фигнер стал за нею приударять. Она отвергла его домогательства. Он стал ее всячески преследовать. А влиянием он пользовался огромным. Вот мелочь, показывающая, сколько разрешалось Фигнеру. Он носил очень шедшие к нему усы и бородку, и в таком виде, в нарушение всякой бытовой правды, пел, например, Ленского. Фигнер стал систематически отказываться петь с Сионицкой. Заявил, что у нее гнилые зубы и всегда пахнет изо рта. В конце-концов Сионицкой пришлось перевестись в Москву.

Однажды ездил в Петербург по служебным делам баритон московской оперы Б. Б. Корсов. Воротившись, говорит Сионицкой:

— Ну-ка, покажите зубы!

— Что я, лошадь, что ли?

— Покажите, покажите. Мне нужно...

Гм! Настоящие зубы?

— Господи, что это! Конечно!

— Прекрасные зубы!.. А ну-ка дохните на меня!

И рассказал ей, что в Петербурге у него произошла такой разговор с ди-

ректором императорских театров И. А. Всеволожским. Тот его спросил:

— Как у вас там с Сионицкой?

— Ничего.

— Можете с нею петь?

— Отчего же нет? Пою.

— А изо рта у нее не пахнет?

— Не замечал.

— Да ведь у нее зубы гнилые.

— Приеду в Москву, посмотрю.

Когда Сионицкая была в Петербурге, она поехала к Всеволожскому объясняться и в заключение сказала:

— Я очень хотела бы поцеловать вас и укусить, чтобы вы убедились, что изо рта у меня не пахнет и что зубы у меня не гнилые, а очень крепкие.

Всеволожский галантно ответил:

— На первое я с удовольствием бы согласился, но на второе — нет.

□ □ □

55

Было это в конце 1898 года. Я служил ассистентом в Барачной больнице в память Боткина. Жена моя несколько уже лет была больна тяжелым нервным расстройством: неожиданный звонок в квартире вызывал у нее судороги, у нее постоянные были мигрени, пройти по улице два квартала для нее было уже большим путешествием. Мы обращались за помощью ко многим врачам и профессорам,—пользы не было. (Через двадцать пять лет оказалось, что все эти явления вызывались скрытой малярией.) Один из товарищей моих по больнице рекомендовал мне обратиться к профессору нервных болезней В. М. Бехтереву,—европейски известный ученый, прекрасный диагност.

Мы отправились к нему. Прием был очень большой,—наш номер, помнится, был 22-й. Наконец, вошли в кабинет. Приземистый, сутулый человек, со втянутою в плечи головою, с длинными лохматыми волосами, падающими на лицо. Глаза смотрят недобро и с нетерпением.

— Что болит?

Жена стала рассказывать о своей болезни. Он прервал, провел рукою по ее спине, зажимая пальцем на позвоноч-

ный столб, и спрашивал: «Больно?» Потом, не расстегивая шелковой кофточки, приложил стетоскоп к груди жены, бегло выслушал и сел писать рецепт.

— Будете принимать три раза в день по столовой ложке, и берите каждый день теплые ванны... Когда кончите лекарство, придите снова, только не забудьте взять с собою рецепт.

Я взглянул на рецепт: Infus. Valerianae, Natrii bromati...

— Господин профессор! Жена всех этих валерианок и бромистых натров приняла уже чуть не пуды!

Профессор раздраженно ответил:

— Медицина для вас новых средств выдумать не может.

Я вручил ему пятирублевый золотой и пошел с женою вон. Он вдогонку еще раз напомнил, чтобы в следующий раз мы не забыли взять с собою рецепт.

Жена, выйдя на крыльцо, горько рыдалась. Я был поражен: вот так исследование! Профессор ни о чем жену не спросил, не спросил даже, замужем ли она, есть ли дети, какими раньше страдала болезнями. Даже фамилии не спросил и не записал. Стало понятно, почему он так настойчиво напоминал, чтобы в следующий раз принести рецепт, — иначе бы он не знал, что прописал и что прописать.

Я так был возмущен, что, придя домой, немедленно написал профессору письмо приблизительно такого содержания:

Милостивый Государь,
Г. Профессор!

Жена моя уже несколько лет страдает тяжелым нервным расстройством, не поддающимся никакому лечению. Как к последнему средству, я решил обратиться к Вашей помощи. На опыте испытал все неудобства, с какими связано лечение у врача и его близких, я не сообщил Вам, что я — врач.

Откровенно сознаюсь Вам — я не мог даже представить себе, чтобы врач мог относиться к больному с такою небрежностью, с какою Вы отнеслись к моей жене. Смее утверждать, напр., что так, как вы выслушивали ее сердце, Вы решительно ничего не могли услышать. Результатом Вашего исследования, разумеется, только и могли быть те валерианки и бромистые натры, которые Вы прописали. При этом Вы, видимо, так спешили, так заняты бы-

ли одною мыслью — поскорее отделаться от нас, что не обратили внимания на мое заявление, что всех этих валерианок и бромистых натров жена приняла чуть не пуды. Конечно, Вы были вполне правы — медицина специально для нас новых средств выдумать не может. Но извините, г. профессор, — не мне учить Вас, что верный диагноз и прогноз, что правильное лечение возможны только при тщательном исследовании больного. Обратился я к Вам, как к авторитетному профессору-специалисту, а получил то, что с гораздо меньшими хлопотами мог бы получить от любого студента-медика третьего курса.

Ассистент Барачной в память Боткина
больницы

В. Смидович.

Для через два неожиданно получаю от профессора ответ. В конверт была вложена пятирублевка. Профессор писал:

Многоуважаемый товарищ.

Начиная со среды вечера и до сегодня я лежу в постели вследствие инфлуэнцы. Уже в среду я чувствовал себя так плохо, что едва мог закончить прием, после которого я тотчас же и слег в постель. Этим обстоятельством я прошу извинить меня в том, что не был в состоянии посвятить Вам более времени, чем это случилось на самом деле. Вместе с тем я глубоко сожалею о том, что Вы намеренно скрыли свое звание врача, предполагая почему-то, что к врачам и их женам их со товарищи по профессии и в том числе я (хотя до сих пор, мне кажется, мы с Вами еще не были знакомы) должны непременно относиться невнимательно. Это совершенно неосновательное огульное осуждение Вами своих собратьев по профессии (не знаю, на каком опять основании) привело в данном случае к тому, что лишило меня возможности проконсультировать с Вами, как с врачом, о состоянии здоровья Вашей жены.

Если Вам угодно будет впредь не скрывать своего звания (тем более, что к такому обману я не подал Вам никакого повода) и если моя помощь Вам будет еще нужна, то по выздоровлении я всегда готов Вам служить в пределах моих сил и возможности, в часы ли приема, или в какое-либо другое время, как Вам удобнее. При этом прошу Вас принять обратно оставленный Вами у меня гонорар.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении (приписано, очевидно, потом, несколько более мелким почерком) и поздравление с новым годом.

В. Бехтерев.

1 января, 1899 г.

Пусть так. И это, действительно, бы-

ло так: один из ординаторов нашей больницы работал в клинике профессора и сказал мне, что на следующий день профессор слег в инфлуэнце. Но спрашивается: для чего в таком случае было принимать больных и обирать с них пятирублевки? Ведь для многих эти пятирублевки, быть может, были плодом отказа от необходимого.

Итти вторично или не итти? Мы решили — лучше итти. Узнали, когда профессор выздоровел и возобновил прием. Поехали. Я старательно обдумал все, что следует сообщить профессору касательно болезни моей жены.

Вошли к нему.

— Мы, господин профессор, были у вас...

Он насупился и коротко сказал:

— Я помню.—И обратился к жене:— Рецепт принесли?

Жена подала. Он посмотрел.

— Как себя чувствуете? Ванны принимаете?

— Чувствую себя попрежнему. Ванны принимаю.

— Так... Спите плохо?

— Очень плохо.

— Угу!..—Профессор написал рецепт и протянул его жене. — Будете принимать по столовой ложке три раза в день, ванны продолжайте.

Я взглянул на рецепт: Inf. Adon. vernal... Ammonii bromati... Ничего не понимаю! Опять то же? И где же консультация со мною, каковой возможности я лишил профессора в прошлый раз?

Мы встали, он нас проводил до двери. Может быть, он хочет посоветоваться со мной в отсутствие жены? Но он протягивает руку. Я торопливо стал излагать профессору свои соображения о болезни жены, — он нетерпеливо слушал, повторяя: «Да! да!». При первом перерыве сунул нам руку и сказал:

— Не забудьте в следующий раз захватить рецепт.

(Продолжение следует.)

Рена

ПАВЕЛ КУТЛОВСКИЙ

★

Весь берег устлан тополиным пухом.
Передо мной — быстра и широка —
Течет, шумя и всплескивая глухо,
Забрызганная звездами река.

И день и ночь.
Как много верст и мимо
Каких лесов и сел прошла она, —
А все бежит вперед, неудержимо
Бежит вперед... И если не одна,
Так где-нибудь сольется на просторе
С другою многоводною рекой.
Но добежит и дотечет до моря,
Как ни было бы море далеко!

И полюбил я с отрочества реки
За их стремленье вечное вперед, —
Которое таится в человеке
И до конца в крови его живет.

Гор. Чкалов 1940 г.

Стихотворение

К. МУРЗИДИ

★

Над морем виноградник на скале,
Две крупных капли на терновых иглах...
Одна в траву скатилась и затихла,
Другая стала колыбелью грома,
Исчезла и забыла о земле,
Как будто с ней и не была знакома.
Но, видно, опаляет высота —
Она в лучах, она в изломах молний, —
И вот под утро, тучу переполнив,
К моим ногам упала капля та,
Под острый шест, торчавший из куста,
Лозой обвитый, отягченный кроной.

— Послушай, мальчик, — хочешь,
 посмотри:
У виноградины бледнозеленой,
У той, что с темным ядрышком внутри,
Как много с каплей схожего! Бери...
И он берет — листок отводит желтый,
Срывает виноградину — и что ж?
— Поверил ты, что каплю в ней
 найдешь.

Но вместо капли ядрышко нашел ты.

Ты сердисься... потом смеяться
 станешь...
Потом другого мальчика обманешь...

Свердловск.

Икона

РАССКАЗ

В. ТОБОЛЯКОВ

✱

1

— Тобольск, ваше превосходительство! Денис Иванович Чичерин, генерал-поручик, лейб-гвардии премьер-майор и кавалер, недавно назначенный сибирским губернатором, взял у адъютанта подзорную трубу и посмотрел на свою столицу. Украшенное красной и зеленой китайкой судно простилось с рекой Тоболом и поплыло по широкому Иртышу.

Издали нагорная часть Тобольска показалась Денису Ивановичу очень привлекательной. На высоком, обрывистом яру, где когда-то жили татарские ханы и жены Кучума, белели зубчатые стены кремля с огромными сторожевыми башнями на углах. Соборная первенствующая колокольня и трехарочные ворота, построенные военнопленными шведами, разделяли дома митрополита и губернатора.

Нового губернатора ожидали на берегу военные, чиновники и обыватели.

По кривым улицам подгорного Тобольска, перерезанным тинистыми речками, двинулись скороходы. Они отгоняли коров, бродивших среди навозных куч. Карета Дениса Ивановича, скрипя рессорами, медленно катилась по мостовой — по толстым сырým плахам, под которыми еще с весны копилась затхлая вода.

Лохматые собаки мчались из ворот и свирепо лаяли на скакавших за каретой черномазых гайдуков.

На соборной колокольне ударили в

тысячепудовый колокол. Не успел его глухой голос разнестись над городом и Иртышом, как тотчас же откликнулись колокола всех церквей. Павел, митрополит тобольский и сибирский, шествовал из дома к собору, чтобы встретить Чичерина — соседа и сибирского губернатора.

Павел облачился в саккос из серебряной парчи, на которой были вытканы золотые травы. Русые, с порядочной проседью волосы выбивались из-под митры, сверкающей алмазными искрами, сотнями драгоценных камней.

Насупив крутные, резко очерченные брови, Павел смотрел на Чичерина. Денис Иванович, выйдя из кареты, не топаясь, потирал отсиженную ногу.

Перед молебном Павел сказал приветственное слово, а на другой день навел стил Чичерина.

И пока белый клобук и голубая мантия были видимы с соборной колокольни и не скрылись в подъезде губернаторского дома, весь город был наполнен звоном.

Поглаживая пышные усы, пересыпая свою речь латинскими и украинскими словосочетаниями, Павел расспрашивал о дороге, о Санкт-Петербурге. Посетовал на непристойную жизнь многих чиновников и горожан. Сожалел о темных язычниках-инородцах и самосжигателях-раскольниках. И при этом постукал тяжелым камышовым посохом, обтянутым темнозеленым бархатом.

Чичерину Павел не понравился.

2

Постригшись тридцать лет назад в монахи, Павел навсегда оставил свое прежнее мирское имя. Мещанин червопнорусского города Самборы, Петр Коношкевич умер для мира. Есть Павел, митрополит царствующего града Тобольска и всея Сибири. Клубук, молитва, пост — его удел.

Но митрополия огромна. Вотчины, слободы, сенокосы, мельницы, пашни и тысячи крестьян принадлежали митрополиту.

Митрополичий двор был населен келейниками, иконописцами, конюшими, квасоварами, поварами, хлебопеками, экипажными мастерами, овчарниками. В темных, крепких подвалах митрополичьего дома сидели на цепях люди, провинившиеся перед Павлом. Сам он занимал верхний этаж, и келейники, так называемые верховые, молча и бесшумно скользили по солнечному коридору, выполняя приказания Павла. Любимец митрополита был экононом Феогност, немолодой иеромонах с узкими, увертливыми глазами, всегда говоривший негромко, почти шопотом.

Утром Павел вызвал Феогноста, ласково поинтересовался:

— Как, отче, почивал?

Потом, ожидая ответного визита губернатора, приказал заняться приготовлением обеда.

— Пирожок с этой...

Павел пожевал сухими губами.

— Со стерлядью, — шопотом досказал Феогност, зная вкус митрополита.

— Со стерлядью, — согласился Павел, — и вообще. После Санкт-Петербургов чтобы без удивления. Митрополит и губернатор. Примусь инттер парес. Латынь, отче, ведь разумеешь?

— Первый между равными, — перевел Феогност.

— Вот. Митрополит есть первый между равными. Ну, ступай с богом. Надеюсь на тебя, отче.

И, опираясь на камышевый посох с железным стержнем внутри, Павел пошел в консисторию, помещавшуюся здесь же во дворе.

С настоятелем монастыря, у которого не ладилось с рыбной ловлей, Павел обошелся еще довольно милостиво.

На пороге кабинета у настоятеля от страха задергался левый глаз.

— Ты что же, отче, с рыбой устраиваешь? — спросил митрополит, наблюдая за прыгающим глазом настоятеля.

— Ло-ловим, — заикнувшись, сказал настоятель.

— Ловишь?.. Как же ловишь? Вот есть рыба, стерлядь называется. Что с ней, например, устраиваешь?

— Ло-ловим сте...сте...стерлрлрлрл... — побатровев, запутался настоятель.

— Не мне, — раздельно сказал Павел, сведя брови, — не мне, недостойному епарху церкви христовой, чинишь убыток. Самой церкви убыток приносишь. Не ревнуешь церкви христовой. Сколько у тебя крестьян?

— Тысячу восемнадцать душ мужского пола, владыка. Кто на пашне, кто на хмелевях, кто на соляных варницах, — осмелев, начал докладывать настоятель.

— И на рыбу быть должно, — стукнул посохом Павел. Откинул волосы и, сказав сам себе: «Без духовного пластыря оставить невозможно», вывел резолюцию:

«На кирпичные и земляные работы».

У Феогниста были уже готовы три пирога, а губернатор с визитом не являлся.

Павел стал сердит.

Вечером митрополит допрашивал вдового священника. На церковном престоле фискал обнаружил у него пыль. Владыка колотил посохом по спине вдовца и твердил:

— Пыль выбью! Паль, отче, из тебя выбью! Чтoб ты знал, что такое есть пыль.

Темнозеленый бархат, обтягивавший посох, лопнул.

— В монастырь! — приказал Павел.

В дверях появился Феогност и взволнованным шопотом сказал:

— Ваше высокопреосвященство! Санкт-Петербург...

Павел понял, что наконец-то пожаловал к нему Денис Иванович Чичерин, Санкт-петербургский гость. Павел

поднялся и, довольно улыбнувшись, погладил бороду.

— Се добре.

Но Феогност сбивчиво объяснил, что пойман монах. Он направлялся в Санкт-Петербург, в синод, с ябедой на митрополита.

— Что-де ваше высокопреосвященство через побои жестоко наказывали, кирпичными и земляными работами изнуряли, — спешил сообщить Феогност.

— На цепь! — задыхаясь от гнева, процедил Павел. — Не медля, на цепь!

Вечером, перед сном, все еще раздраженный пренебрежением Чичерина, Павел со злостью сказал:

— Это казус белли.

И наказал Феогносту устроить наблюдение за Чичериным, — не совершает ли он богохульственные поступки, не говорит ли святотатственные слова.

3

Феогност через одного из губернаторских гайдуков следил теперь за жизнью Чичерина и в конце каждого дня сообщал обо всем замеченном Павлу:

— Питался пространно. После обеда почивал.

— Едил в город. Партикулярные кирпичные саран снес. Питался на серебряных блюдах пространно. После обеда почивал.

— После обеда почивал. Бесовскую иллюминацию из разных огней жег.

Выслушав как-то Феогноста, Павел повторил:

— После обеда почивал...

И вдруг улыбнулся. Феогност давно уже не замечал улыбки на лице митрополита. А Павел в этот вечер был добродушен, ласков. Вслух читал сборник Симеона Полоцкого «Обед душевный». И даже, экономя бумагу, взяв использованные конверты, сочинил две вирши.

4

Урал и Камчатка, тобольские мясники и тараканы — все подчинялось сибирскому губернатору. За большие за-

слуги Денис Иванович мог жаловать до капитана включительно. А наказывать мог еще крепче — и вырезанием ноздрей, и кнутом, и отсылкой на каторжные работы.

Денис Иванович считал, что он, посетив в первый день собор, тем самым отдал визит митрополиту. Сверх этого он не имел желания встретиться с Павлом.

Денис Иванович по обыкновению проснулся сегодня очень рано. С похмелья трещала голова. Он выпил кружку кваса.

Гайдук, неслышно ступая по персидским коврам, зажег в кабинете свечи. Денис Иванович в халате сел за стол и начал составлять ордер, о котором он думал еще вчера за обедом.

«Ордер господину. плац-майору...»

Перо скрипело, бегая по толстой, как березовая кора, бумаге.

«По получении сего извольте, ваше высокоблагородие, у всех города Тобольска мясников приказать от тобольской полиции освидетельствовать безмены и сходны ли оные с указными мне рапортовать».

Светало. На шелковых обоях яснее выступили золотые цветы. Оконные занавески сделались алыми.

Денис Иванович откинулся на спинку кресла, спинка была обита бархатом с золотым позументом.

Гайдук опять подал квасу. Дежурный офицер принял ордер.

— Садись сюда, любезный, — сказал Денис Иванович, освобождая кресло. Диктуя, ходил, потирая виски и поясницу.

«Приказ в тобольскую полицейскую контору.

Как ныне наступает холодное время, за первое предлагаю во всех харчевнях и где хлеба и калачи пекут вымораживать тараканов».

Офицер посыпал бумагу песком, отчего буквы стали, как бронзовые, и, выскочив из кресла, протянул приказ на подпись.

Через час Денис Иванович с гайдуками и драгунами верхом выезжал из города. На середине горы им попался крестьянин с возом сена. Лошаденка

еле ташила воз. Хозяин лежал на сене и дремал. Он поздно заметил Чичерина. Соскочив с воза, упал на колени перед губернатором.

— Ты что, любезный, — спросил Чичерин, — не знаешь моих распоряжений? В гору коня не жалеешь?

— Батюшка, Денис Иванович! Пощади!

— Ты что, хмелен?

— Не хмелен я вовсе, батюшка Денис Иванович.

— Если б еще хмелен был... Выпороть!

Дома Чичерина ожидала большая радость. Курьер привез письмо от императрицы.

«Господин сибирский губернатор, — волнуясь, читал про себя Денис Иванович. — С последней реляцией вашей присланные меха я получила. Они весьма изрядны. Здешние щеголихи носят фалболы... Не худо, если бы вы такие, и особливо которые попростее, приобрести приказали.

Впрочем, остаюсь к вам доброжелательная

Екатерина».

— Матушка, — приближая к влажным глазам письмо, прошептал Чичерин, — приберем...

Около сотни военных и чиновников обедали сегодня с Чичериным. Лакеи разносили на серебряных блюдах ветчину, говяжьи языки, плов и пироги. В огромных мисках дымилась стерляжья уха и зеленые щи.

Гремели трубы, литавры, стучали кружки, звенели рюмки.

И сразу все стихло. Денис Иванович пошел отдыхать. Гости разбрелись на цыпочках. Барабанщик, уронив свой инструмент, чуть не умер от испуга.

Гайдуки задерживали алые, зеленые, синие занавески с золотыми кистями. Часовые передавали друг другу:

— Губернатор спит. Губернатор спит.

Какой-то неразумный посадский вздумал ехать по площади около губернаторского дома на скрипучей телеге. К нему подскочил капрал, приказал выпрычь коня. Наградив подзатыльником, добавил свистящим шопотом:

— Когда его превосходительство пронесется, тогда за телегой пожалуешь.

Денис Иванович прочел еще раз письмо и, напевая вполголоса «Фалболы, фалболы, фалболы...», лег на пуховики. Еще минута, и сибирский губернатор, генерал-поручик, лейб-гвардии премьер-майор и кавалер, обласканный императрицей, уснет.

Неожиданно на соборной колокольне зазвонили в тысячепудовый колокол.

Из ворот митрополичьего двора выехала карета. Пара белых, жирных, застоявшихся коней митрополита ташила карету. Павел поехал ревизовать городские церкви. Звон всех церквей был слышен далеко за Иртышом.

Денис Иванович недовольно открыл глаза и сильно дернул за шнур колокольчика.

Вместе с гайдуком влетел дежурный прапорщик Копотилов и доложил:

— Владыка ездит по городу.

— Не мог иного времени найти, — буркнул Денис Иванович, зевая. — Трезвонят, как в пасху.

Звон не умолкал ни на минуту. Послеобеденный привычный отдых Дениса Ивановича был окончательно испорчен.

Павел, осмотрев одну церковь, следовал к другой. Найдя какое-нибудь неблагочине, садясь в карету, предупреждал священнослужителей:

— Завтра, отче, опять явлюсь.

Посохом коснулся келейника, сидевшего рядом с кучером, и сказал:

— Да що он так гонит? Як на пожар. Скотину жалеть надо, да и торопиться нам некуда.

Два часа путешествовал Павел по городу. Выйдя из кареты, похвалил звонарей, намозоливших себе веревками руки:

— Неленостно преуспевали.

Вечером Феогност пил чай в келье митрополита и говорил:

— Ездил поутру за город. Пространно обедал с бесовской музыкой. После обеда...

Запнулся, и, хихикнув в кулак, докончил:

— ...не почивал. Не почивал после обеда.

5

Каждый день митрополит катался. Белые кони похудели. Экипажных дел мастер заменил левое заднее колесо кареты.

Чичерину был представлен «Экстракт дел на митрополита царствующего града Тобольска и всея Сибири Павла».

Рассмотрев экстракт, Чичерин сказал:

— Поступает несходно с собственным званием.

Экстракт был послан в Санкт-Петербург.

После обеда Чичерин из-за этого беспрестанного звона не спал. Задремлет, забудется на секунду, а затем опять бодрствует. Как-то в полудремоте увидел сон. Везут в гору белые митрополичьи кони сено. На возу в голубой мантии, в белом клобуке Павел.

— Извольте сойти с воза, ваше высокопреосвященство, — просит Чичерин.

— Не сойду, — смеется Павел.

— Извольте сойти, владыка!

— Не сойду!

— Сойди, изверг рода человеческого!

— Не сойду!

И посохом ковырнул Чичерина по лбу.

Зевая и чертыхаясь, Чичерин пошел заниматься. В кабинет ввели подканцеляриста Галявина. Вчера мимо дома подканцеляриста проезжал один из штаб-офицеров тобольского гарнизона. Цуговый конь попал в яму и сломал ногу. Форейтор, сидевший на нем, перелетел через голову и повредил спину. Подканцелярист Галявин, как хозяин дома, был взят немедленно под караул.

Чичерин сурово покосился на рослого подканцеляриста.

— Ордера мои известны?

— Известны, ваше превосходительство!

— От купцов я чего требую?

— Честности, ваше превосходительство!

— От крестьян?

— Распашки земель, ваше превосходительство!

— А от города?

— Благоустройства, — выдохнул подканцелярист, обливаясь потом.

Чичерин диктовал резолюцию:

«Высечь на рынке с барабанным боем нещадно плетми».

— Погоди, — он положил руку на резолюцию и спросил у подканцеляриста Галявина:

— А митрополит ездит по мостовой мимо тебя?

Подканцелярист забормотал, прижав руку к сердцу:

— Никогда, ваше превосходительство!.. Улица наша крайняя. Да если б его преосвященство... Да я бы каждую досточку самолично прибил по всей строгости. Без упущения. Что я, нехристь?.. Митрополит... Никогда!..

— Тогда, значит, любезный, без упущения поступил бы?

— Без упущения, — радостно подхватил Галявин, чувствуя, что, кажется, наказание ему будет снижено, — господи, да разве я...

Чичерин махнул рукой.

«...и, выбрив голову, употребить в каторжных работах».

Подканцелярист крикнул. Его выволокли из кабинета.

Вечером у Чичерина был шумный бал. В полночь, устав от вина и танцев, Чичерин завернул в комнату дежурного офицера. Прапорщик Коптилов отрапортовал, что в городе и гарнизоне все благополучно.

— Все благополучно, — повторил Чичерин, поглядывая на белобрысое, смелое лицо Коптилова. — А что изверг рода человеческого делает? Понял?

Коптилов понял.

— Почивает, наверное, ваше превосходительство!

— Вот. А ты изволишь рапортовать «благополучно».

Коптилов предложил вдруг:

— Ваше превосходительство! Имею средство разрушить злохитростный вымысел этот.

— Говори.

Наклонившись к уху Дениса Ивановича, Коптилов изложил свой способ. Чичерин слушал внимательно. Потом

порывисто вскочил, засмеялся и, шлепнув Копотилова по плечу, сказал:

— Поздравляю подпоручиком!

6

Вечер тихий. Небо звездно. Павел отдышал в келье, перелистывал старую записную книжку. Много лет назад, когда Павел был молодым иеромонахом, пришлось ему с архимандритом Щербацким ехать из Киева в Санкт-Петербург. Павел исполнял должность шафира дорожного, или распорядителя по части экономии. В книжке сохранились заметки той поры:

4 булки пшеничных — копейка,
воз сена — 8 копеек,
сахар канарский — 12 руб. пуд.

— Сахар дорог, — покачал головой Павел. — А почерк молодой.

Припомнил родной город Самборы, Киевскую академию. Посмотрел в окно на звезды и вспомнил французского аббата де-ля-Шапп. Аббат приезжал в Тобольск наблюдать за прохождением Венеры против диска солнца. Несколько раз аббат беседовал с Павлом и старался уверить его, что земля движется вокруг солнца. Павел не соглашался.

— Никогда не может быть этого, — вслух сказал Павел.

Помолившись, разделся, потушил свечи и покрылся одеялом, выстеганным мастерицами из женского монастыря. Сторожа с колотушками, заметив, что у Павла в келье погашен свет, отбредли подалее к угловым башням. Павел не любил, чтобы его сон нарушали колотушками.

Через полчаса задремали недалеко от митрополичьего дома пушки.

Испуганный Павел соскочил с кровати. Освещаемый лампадкой, метался по келье и, крестясь, повторял тревожно: — Господи, что это такое? Феогност! Феогност!

Наконец, появился Феогност и сообщил, что губернатор палит из гарнизонных пушек.

Почти всю ночь стреляли пушки. Павел, пощипывая бородку, ворочался и говорил с раздражением:

— Чи дасы нам почиваты, чи ни? Под утро не выдержал, схватил посох, стукнул им о каменный пол.

— Не дасы нам почиваты, не дам и я тебе.

Каждый день, сопровождаемый звоном, Павел катался по Тобольску.

Каждую ночь палили гарнизонные пушки и мортиры.

7

Дежурный подпоручик Коптилов, одетый в новый мундир, писал:

«От генерального дежурства в тобольскую полицмейстерскую контору приказ.

Завтрашнего числа будет в доме его превосходительства, сибирского губернатора, генерал-поручика, лейб-гвардии премьер-майора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина, публичный маскарад, почему тобольская полицмейстерская контора имеет всем города Тобольска обывателям объявить, ежели кто изволит в оном быть, тем съезжаться в дом его превосходительства, сибирского губернатора, генерал-поручика, лейб-гвардии премьер-майора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина в маскарадном платье по полудни в пять часов».

С утра у подъезда губернаторского дома дежурило несколько огромных саней. В санях стояли лавки, покрытые коврами. На передних санях поместились музыканты. С музыкой, с шумом, с гиком Денис Иванович отправился по гостям. Скрипел под саями снег. Музыканты, вываливаясь на ухабах, играли нестройно, но громко. Кони звенели бубенцами. Денис Иванович заезжал чуть не в каждый дом. Музыканты выскакивали первыми и в санях встречали Чичерина торжественным тушем. Нарумяненная статная сибирячка-хозяйка стояла с подносом, на котором вздрагивали запотевшие рюмки. Денис Иванович быстро глотал холодную водку, закусывал отборной брусникой. Садился на твердый, ничем не подбитый стул. Пил вино, не отказывался от наливки, пробовал мед и пиво. Охмелев, забавлялся жмурками, натываясь на стены.

К пяти часам, к началу маскарада он был уже достаточно весел и пьян. Напялив подобие митрополичьей мантии, изобразил перед гостями, как напуганный пушками Павел лез под кровать.

— Все саны потерял, — хлопал в ладоши Копотилов, намекая, что Павел был при этом без исподних.

Хмельные, в масках горожане потешались вместе с хозяином над трусливым митрополитом.

Феогност сообщил о том Павлу:

— Наряжался монахом и блудословил.

Феогност вздохнул, сощурил увертливые глаза:

— Блудословил не во славу вашу, ваше высокопреосвященство, прости меня, господи.

Павел затрясся от негодования:

— Меня, митрополита царствующего града Тобольска и всея Сибири! Перед мирянами! За непристойности эти, за поносные речи в огне будешь гореть! Позорной смерти навеки предаю тебя!

Митрополит был страшен.

Отдышавшись, велел вызвать Струну.

8

Иконописец Струна пострадал из-за осла. Он никогда не видел в Тобольске ослов и потому на иконе «Вход господень в Иерусалим» посадил Христа на белого коня.

— Без духовного пластыря оставить невозможно, — решил тогда Павел и наложил эпитимью.

Кроме того, Струна отныне должен был бесплатно писать иконы.

— Жалованьем оскорблен я — говорил Струна своему приятелю, митрополичьему квасовару, на хлебном квасе которого он растирал свои краски. — А ведь я не грабежник, не пьяница безмерный какой. Работаю беспрестанно, рано и поздно.

По случаю масленицы Струна сильно угостился у квасовара. Колотя себя в грудь, сетовал:

— И кисти из рук валятся! За что? За осла проклятого! И ликом я стал, как святитель Макарий Египетский:

брада по колена, стар подобием, наг почти. О, боже мой!

Квасовар, как умел, успокаивал Струну.

Сейчас у Струны не только ломило голову, но он боялся, не слышал ли кто его вчерашних богохульственных слов.

Нехотя Струна белилами оживил очередному святому лоб, переносье, губы, охрой намалевал облака.

Приоткрыв дверь, верховой келейник скороговоркой пролепетал, что Струну требует митрополит.

Струна охнул. Вытер о рубаху разноцветные ногти, которые служили ему вместо палитры. Лязгая зубами, спросил у келейника:

— Сердит?

— Гневен.

Струна, поднимаясь к митрополиту, ног под собой не чувствовал.

Решил не оправдываться, а коленопреклонно ждать смерти или цепей. Струна до земли поклонился Павлу, длинные волосы закрыли бледное с красным носом лицо.

— Осла можешь написать? — ехидно спросил Павел.

— Осла? — повторил Струна и подумал: «Господи! Сколько я еще буду страдать из-за этого осла?».

— Не видал я их, владыка, — простонал Струна. — Не по умыслу ведь злomu.

— С живства осла написать?

— С живства?

Струна откинул волосы.

— С живства могу.

— Страшный суд напишешь и у сатаны в руках, в огне — осла.

— Осла?

— Денисом называемого.

— Святителя Дионисия?

— Не святителя, а нечестивца Дениса, — крикнул Павел, — губернатора. У сатаны в руках. И черти ему крюк железный в живот вонзают.

Павел посохом показал, как черти должны будут расправиться на иконе с губернатором.

Струна повеселел. Она вспомнил рассказы квасовара о распре между губернатором и Павлом.

Встал на одно колено:

— С регалиями?
 — С регалиями.
 — С живства могу, — совсем под-
 нявшись, согласился Струна. — На до-
 ске писать будем?

Павел подумал.

— Нет. На камне. На стене церков-
 ной. Над входом в храм. На вечные
 веки в огонь, на позорную смерть пе-
 ред всем народом. Дикси! (Я сказал!)

На прощанье Павел прибавил:

— Огня и чертей больше устрой.

Струна почесал фиолетовым ногтем
 спину:

— Можно. Отчего не можно. На ве-
 ревке в огонь потащат. Огня и чертей
 предостаточно будет.

9

В ближайший праздник Струна на-
 блюдал с клироса за молящимися в собо-
 ре Чичериным. Изучал лицо, мундир,
 орден Александра Невского. Потом
 приступил к работе.

На внешней стене, над входом одной
 из церквей, ближайших к губернатор-
 скому дому, Струна начал писать икону.

Теперь трудно было узнать Струну.
 Он кричал на своих помощников, бра-
 ковал краски, требовал обязательно ко-
 стромскую олифу, калужскую охру, мо-
 сковские белила. Икона получалась на
 славу. Она была заметна издали. На
 переднем плане в огненном аду среди
 грешников, действительно, у самого са-
 таны в руках трепетал Денис Иванович:
 Черти, разорвав огромным крюком мун-
 дир, тащили сибирского губернатора,
 генерал-поручика, лейб-гвардии премьер-
 майора и кавалера в пекло.

Освящение иконы совершал сам Па-
 вел. На мгновение довольная улыбка
 скривила его губы.

— Се добре. Сапиенти сат. (Для
 умного достаточно.)

— Кафтан китайчатый получи и сук-
 на амбурского, — сказал он Струне.

Павел принял кадило. Митра сверка-
 ла. Дым из серебряного кадила возно-
 сился к иконе. Митрополичий саккос со
 звонками и жемчужными крестами то-
 ненько позвякивал. Пел хор. Молящие-

ся, стоя на коленях, истово крестились,
 не отрывая глаз от иконы, освящаемой
 самим митрополитом царствующего гра-
 да Тобольска и всея Сибири.

10

Икона была цела до последнего вре-
 мени.

Церковь закрыли и превратили в зер-
 нохранилище. Сторож Архипыч с шом-
 полкой бродил вокруг церкви. Иногда
 его посещали горожане, прибегали ре-
 бята из соседних домов.

— Это чего? — спрашивали они Ар-
 хипыча, показывая на икону, потускнев-
 шую, но с ясно еще различимыми фи-
 гурами.

— Это? Это стенгазета, — важно
 пояснял Архипыч, которому скучно бы-
 ло в одиночестве караулить холодную
 церковь. — Видите, черти генерала в
 ад прут. Какого генерала? Обыкновен-
 ного генерала. Ясно, за что прут. Прут
 за то, что против трудящихся шел.

И шикал на голубей: они подбира-
 лись к овсу, который просушивался на
 огромных брезентах. Испуганные голу-
 би возвращались на колокольню, где
 давно уже не висели колокола.

В прошлом году церковь решили ра-
 зобрать: зернохранилище из церкви
 получилось неважное — без вентиля-
 ции, сырое. Мимо Архипыча прузчи-
 ки таскали с паперти последние мешки
 с овсом.

— Готово? — спросил начальник
 подрывной команды.

— погоди! крикнул вдруг Архипыч.

— Чего, отец, — засмеялся грузчик,
 сняв с плеч пустой мешок и выколачи-
 вая его о каменную стену, — жалко те-
 бе ее, что ли?

— Не об ней разговор, а об голу-
 бях, — поспешно заряжая овсом шомпол-
 ку, забормотал Архипыч. Согнав овся-
 ным выстрелом голубей с колокольни,
 закричал:

— Рви!

Церковь взорвали. Голуби носились
 среди ржавой пыли. От иконы не оста-
 лось ничего.

На корабле „Георгий Седов“ через Ледовитый океан*

Записки капитана

К. БАДИГИН

★

МЫ ОСТАЕМСЯ НА КОРАБЛЕ ДО КОНЦА ДРЕЙФА

20 января из Москвы прибыла радиogramма заместителя начальника Главсевморпути М. И. Шевелева:

«Сообщите ледовую обстановку, возможность приема самолетов, подготовки аэродрома...»

Эта коротенькая радиogramма напомнила, что срок обещанной осенью эвакуации экипажа близок.

Вопрос о смене экипажа предредило памятное совещание на «Ермаке» 28 августа 1938 года. Нашему руководству, да и нам самим, казалось, что больше двух зимовок провести в дрейфе физически невозможно. Поэтому радиogramму Шевелева все мы приняли, как должное.

Нас смущало только одно обстоятельство: сумеем ли мы силами пятнадцати человек подготовить аэродром? Ведь весной 1938 года над расчисткой посадочных площадок трудились сотни зимовщиков; и все-таки эта работа была выполнена с большим напряжением. Но Герой Советского Союза Алексей, участвовавший в экспедиции на «Ермаке», ободрил нас:

— Ничего, — опыт у вас есть. Теперь не ошибетесь. Уверен, что подготовите для нас прекрасный аэродром...

Чем ближе подходило время к весне,

* Продолжение. См. «Новый мир», № 7, 1940 г.

тем больше разговоров и размышлений вызывала приближающаяся воздушная экспедиция.

Откровенно говоря, мы были бы, конечно, рады предстоявшей смене. Нередкость тяжелая зима, изобиловавшая сжатиями, авралами, тревогами, оставила глубокий след на каждом из нас. Тоска по родным и близким, по родине, по солнцу и зеленой траве, наконец, просто по новым — пусть даже незнакомым, но обязательно новым — людям снедала каждого из нас.

Ведь это совсем не так просто — провести две долгих полярных зимовки в тесных каютах дрейфующего корабля, каждое утро и каждый вечер встречаться все с теми же людьми, всегда слушать одни и те же голоса, видеть одни и те же лица. Мы безошибочно узнавали друг друга по походке, по малейшим оттенкам голоса угадывали настроение каждого, знали мельчайшие детали биографий всех участников дрейфа. Казалось, все уже давно переговорено, все выведено, и даже говорить-то, собственно, иногда было не о чем. И как ни дружен и слажен был наш коллектив, мы просто скучали по свежему, новому человеку, как иной раз скучаешь по свежей, непрочитанной книге.

Я знал, что нам готовят опытную, хорошо подготовленную смену. Не случайно капитан «Красина» М. П. Белоусов радировал мне: «Встретимся на Седове»...»

И мы радовались смене. Но где-то в глубине души в то же время возникало другое, несколько ревнивое чувство: как же теперь, когда так много уже пережито и выстрадано, когда так много сделано, — взять и оставить корабль? Ведь с ним связано столько переживаний, ведь каждая миля пройденного пути полита нашим потом, — можно смело сказать, что эти две зимовки составляют целую полосу в жизни каждого из нас, и притом, пожалуй, решающую полосу! И неужели после всего этого нам остается лишь проститься с кораблем, передать вахту новой смене и вернуться на материк простыми пассажирами?

Может быть, послать протест против смены? Но это выглядело бы как-то нескромно. И к тому же рискованно — заявить о том, что мы целиком принимаем на себя всю ответственность за окончание дрейфа. Никто не знал, как долго продлятся скитания «Седова» по ледяной пустыне, — ведь теперь корабль был игрушкой ветров, распоряжавшихся им по своему капризу.

Нет, надо готовиться к сдаче дел. И я подписал приказ по кораблю:

«Предлагаю старшему помощнику и старшему механику подготовить до наступления рассвета каждому по своей части сдачу смене — инвентаря, грузов, продовольствия, отчетности и механизмов. Все необходимо подготовить с таким расчетом, чтобы судно можно было сдать в минимальный срок, оставив смену в курсе всех дел как по судовой части, так и по машинной. Следует учесть, что на сдачу дел уйдет не более одного часа — максимальное время нахождения самолетов на месте зимовки ледокольного парохода «Г. Седов».

Мы от всей души желали своей будущей смене успешной работы. Поэтому, используя накопившийся опыт, я послал по радио один за другим подробные списки необходимого снаряжения, продовольствия, оборудования, которые наша смена должна была захватить с собой на самолетах.

Прежде всего я настоятельно рекомендовал доставить на «Седов» утепленную палатку — вроде той, какая была установлена папанинцами на дрейфующей станции «Северный полюс». Нашу аварийную палатку, сшитую из простого

брезента, ветер продувал насквозь, а утепленная палатка, как показал опыт папанинцев, может до известной степени заменить жилой дом на дрейфующем льду.

Чтобы предотвратить неприятные происшествия вроде того, какое нам пришлось пережить 26 сентября, когда мы с трудом откачали воду, проникшую в корпус судна, — я советовал сменяющим нас людям взять с собой мотопомпу, способную отливать не менее 50 тонн воды в час.

Советовал я также захватить запасные части к двигателям, динамомашину, рассчитанную на привод от ветродвигателя, новый радиопередатчик и много других, не менее полезных вещей.

В Москву по радио была передана целая серия таких реестров. К участию в их составлении я привлекал и Андрея Георгиевича, и Буйницкого, и доктора, и наших механиков, — хотелось ничего не забыть.

Иной раз списки выглядели весьма аппетитно. Мы включали в них все те предметы, о которых мечтали сами в течение двух зим.

«Мясо мороженое — 100 кило, — с чувством читал Андрей Георгиевич, — рыба мороженая — 50 кило, сметана консервированная — 10 кило, изюм — 50 кило, грибы сушеные — 20 кило, лимонный сок натуральный — 10 кило, икра паюсная — 15 кило, дичь мороженая — 20 кило...»

Потом начиналось составление списков снаряжения. Мы советовали Белоусову захватить с собой 120 пар шерстяных перчаток, 30 пар шерстяных варежек, 15 пар кожаных рукавиц с крагами, 50 пар шубных и 50 пар брезентовых рукавиц, — ведь у нас так сильно мерзла руки в эти зимы, а перчатки рвутся так быстро! Не забыли мы и о полшубках, комбинезонах, рабочих костюмах, кожаных брюках, ватных костюмах, покрытых прочным непромокаемым материалом, — зачем нашей новой смене мокнуть так, как мокли мы?

И уж, конечно, они смогут обойтись без «фруктовых», «коньячных» и прочих ламп, — если захватят с собою 5 фонарей «летучая мышь» и 20 стекол к ним; 130 ламповых стекол, горелки, фи-

тили, пять электрических карманных фонарей, 100 кило стеариновых свечей.

Не были забыты и канцелярские принадлежности. Будущим радистам не пришлось бы пользоваться, как нам, этикетками от консервных банок и карандашными отгрызками.

Даже наш кок принял участие в составлении заявки. Мегер говорил, что новому повару вовсе не обязательно возиться каждую декаду с ремонтом посуды, как это приходится делать ему. Поэтому он представил длинный перечень насущно необходимых для камбуза предметов.

Корабль свой нам хотелось сдать в наибольшем порядке, какого только можно было достичь в условиях дрейфа. Андрей Георгиевич и я целыми днями корпели над составлением подробных списков, в которых указывалось, какие предметы снаряжения имеются на корабле, как ими надо пользоваться и где они лежат. Это была своеобразная инвентарная опись, в которой имелось все — начиная с того, где найти секстан или термометры, и кончая списками рыбных консервов и перечислением посуды, уложенной в буфете.

Механики нарезали целые груды аккуратных кусочков фанеры и усердно выводили на них:

- Отработанный пар...
- Свежий пар...
- Пародинамо...

240 таких табличек было вывешано на вентилях, кранах, патрубках, — они должны были помочь новым механикам быстрее разобраться в сложной системе трубопроводов. Словно в каком-нибудь музее, каждый механизм был оснащен целой системой указателей и надписей.

Чтобы новые люди, которые сменят нас на корабле, с первого же дня почувствовали себя на нем, как дома, мы произвели уборку корабля и очистили его настолько, насколько это было возможно в наших условиях. Со стен твиндека соскребли иней. На гротмачте установили новую рею для радиоантенны взамен сломанной ветром. Навели порядок в складе горючего — бензин, нефть, керосин перелили в новые, более исправные бочки.

Аварийный запас продовольствия я сократил, — в связи с наступлением светлого времени, борьба со льдами облегчалась, и теперь на льду можно было держать меньше продуктов, с расчетом всего на 2 с половиной месяца, тем более, что весенне-летнее таяние могло испортить их. Поэтому мы перевезли часть ящиков и бочек с продовольствием обратно на судно.

Я рекомендовал по радио нашей будущей смене захватить с собою новый аварийный запас, принципиально отличающийся от нашего. По примеру станции «Северный полюс» его следовало составить главным образом из концентратов, так как аварийный запас должен быть прежде всего компактным, легким и удобным для переноски.

★

Занятые этими хлопотами, мы как-то забывали о предстоящей разлуке с кораблем. Но время от времени из эфира приходили вести, неприятно резавшие слух.

В один из февральских дней за завтраком я заметил, что Александр Александрович Полянский чем-то расстроен и обижен. Это было странно, — обычно наш старший радист выглядел бодрее других и всегда веселил кают-компанию своими шутками. Теперь же он сидел на своем месте молча, угрюмо потупившись.

— Что случилось, Александр Александрович?

Радист молча покопался в карманах, вытащил какую-то бумажку и протянул мне, коротко отрезав:

— Вот. Новых героев чествуют...

Это была радиограмма из Воронежа. Адрес начинался обычно: «Арктика Ледокольный пароход «Георгий Седов». Но дальше шла незнакомая фамилия. Работники одной из воронежских организаций, случайно услышав о зачислении в состав нового экипажа «Седова» их земляка, почему-то решили, что смена уже произведена, и с восторгом пригласовали его:

«Воронеж гордится своим отважным сыном, героически преодолевающим все препятствия суровой Арктики. На вашем месте будет учиться наша молодежь. На-

деемся, что вы достойно завершите дрейф на славном ледокольном пароходе «Георгий Седов»...»

Я невольно улыбнулся, — воронежские товарищи несколько опережали события.

— Что же вы ответили им, Александр Александрович?..

— Там на обороте написано, — буркнул радист.

Я перевернул листок. Крупными четкими буквами была выведена сердитая надпись:

«Телеграмму адресату вручить невозможно. Такого героя пока на «Седове» нет...»

Я прекрасно понимал радиста, — мне тоже становилось немного не по себе, когда я думал о том, что начатое нами дело будут завершать другие. Я упорно пытался убедить себя в том, что такие мысли — плод излишнего честолюбия. Но в последнее время рождались новые, более серьезные опасения: а сумеют ли люди, которым придется принять у нас дела в течение какого-нибудь часа, быстро, на ходу освоить корабль? Сумеют ли они сохранить выработанный нами ценой двухлетнего упорного труда необходимый ритм работы? Удастся ли им развернуть начатые нами научные работы в том же темпе и притом так, чтобы сохранилась определенная преемственность?

А ведь наш корабль в это время должен был, судя по всем расчетам, проникнуть в наиболее высокие широты, — уже в начале февраля мы стали приближаться к 86-й параллели. Со дня на день ожидали, что нам удастся переступить трассу, прочерченную в этих широтах «Фрамом», и снова выйти в совершенно неизведанный район. Именно здесь надо было провести наиболее интенсивные научные наблюдения. Нам же предстояло как-раз в этот период уступить палубу корабля совершенно незнакомым с условиями дрейфа людям...

Эти доводы казались нам более вескими, нежели те, чисто личные, и, быть может, несколько эгоистические соображения, которые приходили в голову 20 января, когда прибыл из Москвы за-

прос о подготовке аэродромов к прибытию самолетов. Ведь этот дрейф — отнюдь не наше частное дело. Мы должны поступить так, как это диктуют интересы государства, народного хозяйства и науки. Здесь меньше всего надо считаться с личными соображениями. Но если для дела будет полезнее оставить в дрейфе наш коллектив, — то мы должны попросту отказаться от смены.

13 февраля после вахты, я зашел к нашему парторгу Дмитрию Григорьевичу Трофимову. Худой и бледный, он в последние дни с трудом передвигался, — пораженные ревматизмом ноги отказывались его носить. Для того чтобы перешагнуть через порог, он осторожно поднимал обеими руками ногу, держась за икру, переставлял ее, потом проделывал ту же манипуляцию с другой и медленно брел по коридору, шаркая подошвами. Добравшись до машинного отделения, он садился на табурет и начинал работать. Все же никто не слышал от него никаких жалоб. Я был уверен в поддержке парторга и поэтому откровенно высказал ему все, что думал по поводу предстоящей смены.

Дмитрий Григорьевич внимательно выслушал меня и задумался, глядя куда-то вниз. Потом он сказал:

— Что ж, надо делать — как лучше. Помнишь, как нам Сталин писал, — он уверен, что мы вернемся победителями. Как же мы после этого на полпути корабль бросим? Неудобно получится... Две зимы мы выдержали, выдержим и третью.

Я предложил вызвать поодиночке всех членов экипажа и откровенно, по душам побеседовать с каждым, чтобы узнать, как отнесутся люди к мысли о третьей зимовке. Решили беседы провести в каюте парторга...

Много месяцев прошло с тех пор, но все еще помнится во всех деталях суровая и строгая обстановка этих бесед. Узкая длинная каюта. Койка под жестким одеялом. На столике копящая лампа, накрытая высоким бумажным колпаком. Передо мной тетрадка, в которой я отмечаю высказывания своих товарищей.

Люди волнуются, некоторые плохо

владеют собой. Одни сразу и четко дают на мой вопрос утвердительный ответ. Другие колеблются. Невольно вспоминается такой же разговор полгода назад, когда «Ермак» уходил на юг, увозя с собою сменившихся людей. Тогда тоже у некоторых были и сомнения, и колебания. Они неизбежны, — не такая это простая вещь — добровольно оставаться на дрейфующем корабле в Центральном Полярном бассейне. И все-таки большинство членов экипажа дало на наши вопросы четкий и определенный ответ:

— Если это нужно, — останемся...

У меня сохранился вырванный из тетрадки листок, на котором я коротко и стрывисто отмечал все, что говорилось во время этих бесед. Приведу здесь эту запись полностью, ничего не опуская и ничего не приукрашивая. Она не только прекрасно характеризует участников дрейфа, но и показывает, какой ценой многим из нас приходилось расплачиваться за решение продолжать свой рейс.

Ефремов. Необходимо продолжительное лечение на материке. Но условия дрейфа считаю прекрасными. Против дальнейшего дрейфа ничего не имею.

Соболевский. Уже два учебных года пропустил в университете. Многие забылось. Хочется продолжать учебу. Об условиях дрейфа осталось самое лучшее мнение. Но сразу дать ответ не могу. Хочу еще немного подумать.

Токарев. Плохо со зрением. Вполне понятно настроение в отношении семьи. Если будет необходимо, — останусь.

Полянский. Надо лечиться на берегу, но если все останутся, — останусь и я...

Алферов. Продолжение дрейфа — разрыв с семьей. Если будет необходимо, все же останусь.

Бекасов. Хочу остаться, хотя чувствую, что опыта у меня еще маловато.

Бугорин. Остаться, — так всем! Работа в дрейфе мне нравится. Условия считаю отличными.

Шарыпов. Хочу учиться, а время уходит. Но условия жизни в дрейфе считаю хорошими и, если будет необходимость, останусь. Только тогда надо организовать учебу на корабле.

Гаманков. Если надо, — останусь.

Недзвецкий. Остаюсь.

Буйницкий. Прошу передать политуправлению мою просьбу — содействовать

оставлению меня в дрейфе. Имею исключительно большое желание поработать на «Седове» до конца дрейфа.

Гетман. Когда я переходил на «Седов», — обещали, что не дольше, чем на 6 месяцев. Хочу учиться на материке. Дайте мне подумать...

Мегер. Оставался в дрейфе на 6 месяцев. С семьей не договорился. Работаю не по специальности. Трудно решиться, как быть...

После того, как эти беседы закончились, я и Трофимов составили подробное донесение в Политуправление Главсевморпути. Ничего не утаивая, дословно записали высказывания каждого участника экипажа и добавили от себя:

«Отмечаем прекрасное моральное состояние всех зимовщиков, отсутствие всяких элементов склоки, недоразумений. Самочувствие и настроение ровные, как и в начале зимовки. В дальнейшем никаких поводов к неудачному окончанию полярной ночи на «Георгии Седове» нет. Так же отмечаем успешное выполнение всех производственных задач с отличными показателями. Характеризуем экипаж, как дружный, спаянный...»

Александр Александрович в тот же вечер передал наше донесение в эфир. Как встретит его Москва? Что ответят нам? Я был уверен, что, если не полностью, то хотя бы частично, это донесение будет принято во внимание. Может быть, часть людей, наиболее слабых, действительно стоит заменить новыми. Но, во всяком случае, большую часть нашего экипажа должны оставить, чтобы сохранить определенную преемственность.

Для себя в глубине души я решил: ни в коем случае не оставлять «Седов». И все-таки, как-то страшно было сообщать об этом домой. Руки не поднимались, чтобы написать: «остаюсь». Но делать было нечего и, подумав, я составил такую «сверхдипломатическую» телеграмму Оле:

«Пришли с самолетом пять стаканов тонкого стекла, — не из чего пить чай...»

Пусть пока дело ограничится намеком, — вдумавшись в телеграмму, она поймет, что человек, собирающийся покинуть корабль, такую просьбу не послал бы. А запасная чайная посуда

мне и впрямь была нужна, — пяти станков, по моим расчетам, должно было хватить еще на год дрейфа.

★

Четырнадцатого февраля радио не принесло никаких новостей. Видимо, наше донесение внимательно изучали, не желая делать поспешных выводов. Предутренняя заря разгоралась все ярче, хотя корабль постепенно уносило дальше и дальше к северу (в этот день мы находились уже на $85^{\circ}53',1$ северной широты и $120^{\circ}33'$ восточной долготы), — солнце нагоняло нас.

Надо было все время думать о подготовке аэродромов. Наш немногочисленный коллектив должен был много потрудиться, прежде чем нам удалось бы разровнять подходящую ровную полосу среди торосистых льдов. Учитывая прошлогодний опыт, я объявил день подготовки к аэродромным работам: всем было приказано подшить валенки кожей, отремонтировать ватники, рукавицы, меховые шапки. Среди льдов поздно будет заниматься этим делом. А от того, как человек одет, зависит многое. Удобная, теплая одежда значительно увеличивает производительность труда.

Корабль на некоторое время превратился в пловучий портняжный цех. Не у всех работа спорилась, но люди орудовали своими нехитрыми инструментами с большим усердием.

На другой день все пятнадцать зимовщиков уже щеголяли в реставрированной одежде и обуви. Теперь следовало заняться подготовкой инвентаря, — пешей, ломов, лопат, саней. Но мирное течение рабочего времени неожиданно нарушилось непрошенным вмешательством льдов: после долгого перерыва они снова зашевелились, и в полдень 15 февраля в кормовой части судна слышались резкие толчки, сопровождавшиеся шумом в продолжение 2—3 секунд.

Механики немедленно пустили в ход наш «Червоный Двигун». Вспыхнул электрический свет, и мы внимательно осмотрели корпус судна. Никаких повреждений не было видно.

В час дня Буйницкий определил координаты. Оказалось, что за 17 часов мы продвинулись по прямой к северу всего на 0,4 мили, хотя в это время непрерывно дул южный ветер, силой в 3—4 балла. Что там впереди? Безмерные скопления льда или неведомый остров? Трудно было предположить, что в районе океанских глубин находится земля. И все-таки мысль о возможности неожиданной находки занимала нас. Мы даже посвятили этому загадочному явлению особую запись в вахтенном журнале, сформулировав ее весьма осторожно:

«Дрейф на север замедлен неизвестными причинами. Особенно замедлен дрейф на северо-восток, при ветрах юго-западной четверти...»

Но после обеда произошло событие огромной важности, которое сразу заставило нас забыть о будничных делах дрейфа: мы, наконец, получили ответ на наше донесение. И какой! Это была теплая и дружеская телеграмма И. Д. Папанина:

«С большим вниманием вместе со всей страной повседневно слежу за вашим историческим дрейфом. Вы, советские люди, дадите мировой науке больше, чем дал Нансен во время дрейфа на «Фраме». В этом великое историческое значение вашего дрейфа. Горжусь, что работа нашей четверки закрепляется и расширяется прекрасной работой седовцев, которые прославят свою родину новой замечательной победой.

Ознакомился с вашей радиограммой от 13 февраля. Чувствую, что седовцы готовы выполнить любое задание партии и правительства. Как полярник, как ваш друг, хочу посоветовать — довести исторический дрейф силами вашего коллектива до конца, с непоколебимостью и твердостью подлинных большевиков. Дорогие браточки, знайте, что за вашей работой, за вашим дрейфом следит весь советский народ, наше правительство, лично товарищи Сталин и Молотов.

Крепко всех обнимаю.

Папанин».

Я немедленно созвал весь экипаж в кают-компанию, прочел вслух телеграмму и заключил:

— Пора решать, товарищи, окончательно. Нам оказывают большое доверие. Я бы сказал, — исключительное

доверие. Уже готовая, полностью укомплектованная экспедиция будет отставлена, если мы с вами проявим необходимую твердость и крепость. Как теперь быть: останавливаться на половине пути, передавать вахту смене и возвращаться на материк пассажирами или же отказаться от этой смены и с честью завершить дрейф? Мы уже беседовали с каждым из вас в отдельности. Неволить никого нельзя. Каждый должен поступить так, как ему это подсказывает совесть. Кто не захочет или не сможет остаться, за тем пришлют самолет. Ваше мнение, товарищи!..

В кают-компании на некоторое время воцарилось молчание. В эту минуту каждый решал для себя важнейший вопрос, от которого зависело очень многое в жизни. Два дня тому назад мы вели только предварительное обсуждение. Теперь же, когда И. Д. Папанин со всей прямотой поставил перед нами задачу, о которой мы рассуждали только предположительно, каждый понял: одно его слово решает все. Произнести же это слово было не так легко, если вспомнить, какие суровые зимовки остались позади и как много трудностей предстояло преодолеть.

Наконец, молчание нарушил боцман. Он поднялся со своего места, необычно серьезный и строгий, и в упор спросил меня:

— Константин Сергеевич! Вот вы нас всех спрашивали, — как, мол, останемся или полетим. А сейчас нам надо узнать, — как вы сами-то, — останетесь или нет? Вы — голова, вам и первое слово...

Я ждал этого вопроса. Четырнадцать пар глаз были устремлены на меня. Такое внимание было понятно: во-первых, от меня хотели услышать ответ, как от капитана, а во-вторых, как от человека, чье семейное положение не раз сочувственно обсуждалось в кубрике: наши домашние дела давно перестали быть личным достоянием каждого, и люди прекрасно знали, как мучит меня и Олю долгая разлука, начавшаяся всего через месяц после женитьбы.

Стараясь держаться бодрее, я ответил:

— Я прежде всего коммунист, товарищи. А если коммунист считает, что трудное, тяжелое дело надо совершить ради общей пользы, он его обязан совершить. Ну, а что касается моей личной жизни, то вы в курсе всех дел своего капитана. Знаете все. Что же об этом говорить? Мне тяжело, но я остаюсь на корабле. Иначе поступить я не могу...

— Тогда и я остаюсь, — глухо сказал боцман.

И сразу кают-компания загудела. Во всех углах слышался сдержанный разговор: люди советовались друг с другом, перед тем, как сказать свое решающее слово. Потом заговорили громко, как-то все сразу, перебивая и опережая друг друга.

Как и прежде, горячо говорил Буйницкий, доказывавший, что мы обязаны закончить начатое дело, не уступая никому этой чести. Его поддерживали Трофимов, Недзвецкий.

Полянский как радист, через руки которого проходила вся переписка с Главным управлением Севморпути, раньше других был в курсе готовившихся событий. Поэтому для него не было неожиданностью наше собрание, и он успел как-то внутренне подготовиться к нему. Зная, как трудно ему мириться с долгой разлукой со своими детьми и женой, я ждал, что он будет и на этот раз колебаться. Но дядя Саша сумел найти в себе достаточно силы, чтобы сказать:

— Чего там? Остаться, — так всем. Коллектив нельзя подводить...

Но часть людей все еще нерешительно отмалчивалась, хотя отовсюду слышались взволнованные голоса:

— Правильно! Всем оставаться!..

— Ставить на голосование!..

— Вместе начинали, вместе и кончим!..

Я остановил волнующихся товарищей:

— Так не годится. Это неправильно будет, — силком заставляя людей оставаться. Пусть каждый сам за себя решает. Дело это почетное, и на каждое освободившееся место найдутся сотни кандидатов с Большой Земли, добро-

вольцев... Вот, как вы смотрите, товарищ Гетман, хватит у вас сил проработать до конца дрейфа или нет?

Кочегар, подумав, ответил:

— Да что же, я как все... Куда мне податься от коллектива?.. Остаюсь...

Так один за другим все заявили, что они хотя бы остаются на корабле до конца дрейфа. Последним говорил наш кок. Со своим обычным юмором он заявил:

— Одному лететь в Москву как-то неудобно, — я к такому комфортабельному обслуживанию не привык. Стоит ли за одним товаром самолет присылать? Придется мне еще сварить сотни две борщей в моем холодном камбузе...

Речь кока несколько развеселила людей.

Теперь я снова взял слово:

— Итак, товарищи, мы решаем остаться. Большую ответственность мы принимаем на себя, — об этом надо помнить. Две зимовки мы прожили дружно и сплоченно. Кое-чего добились, — сохранили корабль, наладили научные работы. Давайте же и впредь будем работать по настоящему. А теперь я предлагаю послать телеграмму товарищам Сталину и Молотову, — с просьбой разрешить нам довести дрейф до конца силами нашего коллектива. Это будет нашим лучшим подарком XVIII съезду партии, который уже скоро начнет свою работу...

Экипаж горячо принял это предложение. И через час мы отправили по радио телеграмму:

«Москва, Кремль

*Товарищам Сталину и Молотову
Дорогие Иосиф Виссарионович и
Вячеслав Михайлович!*

Экипаж ледокольного парохода «Георгий Седов», дрейфующего во льдах Северного Ледовитого океана, вместе со всем великим народом нашей родины готовится к встрече исторического XVIII съезда любимой партии. Мы решили, что нашим лучшим подарком знаменательному съезду будет наша работа без смены на ледокольном пароходе «Георгий Седов» до выхода его из льдов Арктики. Несмотря на то, что партия и правительство готовят нам летнюю экспедицию и тем самым возможность замены нас новым составом зимовщиков, мы, учитывая большой науч-

ный и практический смысл продолжения дрейфа старыми участниками, единодушно готовы остаться на ледокольном пароходе до конца дрейфа.

Заверяем Вас, Центральный Комитет партии, Правительство и весь великий народ нашей родины, что мы с честью выполним это взятое нами обязательство и, закончив дрейф, сделаем ценный вклад в советскую науку, покажем образцы мужества, выдержки и отваги советских патриотов.

Ваше имя, товарищ Сталин, является для нас той путеводной звездой, которая приведет нас на родину победителями.

*По поручению экипажа «Георгий Седов» капитан К. Бадигин
парторг Д. Трофимов».*

Домой я и на этот раз ничего не сообщил. Трудно было подобрать нужные слова, — их не было у меня. Изорвав в клочки несколько вариантов телеграммы, решил, что будет лучше, если родные узнают о совершившемся факте из газет.

★

На корабле царило немного нервное, приподнятое настроение. Все ждали ответа на рапорт. Телеграмма И. Д. Папанина вселяла уверенность, что наше желание будет удовлетворено. Но в то же время хотелось получить окончательное подтверждение, оставят ли нас на корабле до конца дрейфа.

На другой день после памятного собрания, 16 февраля 1939 года, мы находились на широте $85^{\circ}54',9$ и долготе $120^{\circ}29'$. Теперь я прокладывал на карте линию дрейфа совсем рядом с трассой «Фрама». Нам оставалось продвинуться к северу всего на полмили, чтобы достичь этой черты. Устойчивые южные ветры, казалось, должны были помочь нам довольно быстро пройти эти полмили. Но теперь льды, как назло, почти не двигались вперед, к полюсу. А как нам хотелось именно теперь, когда коллектив принял решение остаться на корабле до конца дрейфа, порадовать своих соотечественников известием о новом рекорде!

Прошли еще сутки. Наступило 17 февраля, туманный, серый день. Скованные 30-градусным морозом, льды вели себя очень спокойно. Легкий юго-восточный

ветер вылизывал плотные, словно утрамбованные сугробы. Темные тучи лениво ползли на северо-запад, закрывая весь небосвод. Ни одной звезды не было видно. Только слабый, какой-то немощный свет далекой зари едва-едва брезжил на юго-востоке. Определить координаты, не видя небесных светил, было невозможно.

В 8 часов я передал вахту Буйницкому и лег спать, распорядившись устроить очередной санитарный день: надо было убрать помещения, проветрить постели, постирать белье. Сам я рассчитывал заняться этими сугубо прозаическими делами после обеда.

Однако обстоятельства сложились несколько иначе, нежели я предполагал.

Около часу дня ко мне в каюту неожиданно вбежал Буйницкий. В своей длинной меховой малице, которую он не успел даже снять, в заиндевевшей меховой шапке, раскрасневшийся от мороза, мой молодой помощник был просто великолепен, — его улыбающееся лицо выражало высшую степень удовлетворения.

— Константин Сергеевич! — воскликнул он, — поздравляю вас...

Я уже догадывался в чем дело, но на всякий случай спросил:

— С чем?

— «Седов» находится на 1,2 мили севернее «Фрама»...

Да, это была чудесная новость. Серенький, будничный денек оборачивался настоящим праздником. Но насколько точны определения? В таком деле нужна самая придирчивая, двойная и тройная проверка.

— Давайте сделаем так, Виктор Харлампиевич, — сказал я, — проверьте координаты по четырем звездам, чтобы не было и тени какой-либо неточности...

— Будет сделано, капитан!

Он вышел на палубу и начал кропотливо возиться со сложным универсалом Керна: прицелился сначала на одну из звезд Большой Медведицы, потом на Поллукса, на звезду Альфу из созвездия Андромеды и, наконец, на Капеллу. Потом убежал к себе в каюту и занялся вычислениями.

Немного погодя, Буйницкий принес

мне листок бумаги, испещренный цифрами, и сказал:

— Ручаюсь за точность до полукабельтова...¹

Вычисления подтверждали, что «Седов» в 13 часов 24 минуты 17 февраля находился точно на $85^{\circ}56',7$ северной широты и $120^{\circ}13'$ восточной долготы. Рекорд «Фрама», поставленный им 15 ноября 1895 года, — $85^{\circ}55',5$ северной широты. Следовательно, с этой минуты первенство проникновения в высокие широты переходило к «Седову».

— Поднять флаги расцвечивания! — крикнул я боцману, — созвать команду!..

Все будничные дела были отставлены. Услышав долгожданную новость, люди быстро сбежались в кают-компанию. Я сообщил координаты, напомнил историю героического рейса «Фрама», отдав дань уважения нашим мужественным предшественникам, сравнил этот дрейф с нашим, поздравил экипаж с победой и в заключение сказал:

— А теперь, товарищи, прошу всех с карабинами к государственному флагу. Ознаменуем наш рекорд торжественным салютом...

Несколько минут спустя все пятнадцать зимовщиков собрались на корме. Изношенный, немного полинявший от снежных бурь и штормов, но попрежнему гордый и величественный стяг СССР дрогнул и пополз вверх. Когда он поднялся до места и ветер заколыхал его широкое полотнище, был подан сигнал. Пять раз прогремел в морозном воздухе боевой салют, и облачко сизого порохового дыма окутало кормовой флаг.

И, словно откликаясь на наш салют, звездное небо опоясалось трехъярусной зеленоватой лентой полярного сияния...

★

...19 февраля из Москвы прибыла коротенькая радиограмма, подписанная руководителями Главсевморпути. В ней было сказано:

«Ваша телеграмма, адресованная товарищам Сталину и Молотову, вчера опубликована в «Правде». Правительство удовле-

¹ Кабельтов — одна десятая морской мили.

творило ходатайство об оставлении всего состава экспедиции на борту «Седова» до окончания ледового дрейфа. Горячо поздравляем с оказанным вам доверием. Твердо уверены, что ваши научные работы будут достойным продолжением работ экспедиции «Северный Полюс». Желаем бодрости, настойчивости и упорства в борьбе с ледовой стихией...»

Как-раз в этот день мы отметили годовщину завершения славной папанинской эпопеи и слушали радиопередачу из Москвы, посвященную этой дате. У микрофона выступали товарищи Папанин, Ширшов, Кренкель, Федоров, Белахов, Водопьянов. Каждый из них приветствовал наше решение остаться на «Седове» до конца дрейфа.

Все это ободряло и поддерживало нас. И когда очередное астрономическое определение показало, что мы пересекли 86-ю параллель, на корабле возник всеобщий подъем: теперь, после некоторой задержки, наше движение на север ускорилось, и каждые сутки мы продвигались вместе со льдами на 0,5—1 милю. Люди сознавали, что именно теперь, когда рекорд «Фрама» побит и мы находимся так близко к полюсу, начинается самый интересный период дрейфа.

Никто не жалел о своем согласии остаться на корабле. Никто не оглядывался назад. Все помыслы наши были устремлены в будущее.

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕЗЕРВОВ

Оставаясь на корабле до конца дрейфа, мы прекрасно учитывали все трудности, которые неизбежно должны были возникнуть в связи с отменой воздушной экспедиции. Теперь уже не приходилось рассчитывать ни на присылку мощной мотопомпы, ни на замену изношенных частей радиостанции, ни на пополнение наших аварийных запасов легкими и удобными для переноски концентратами.

Конечно, по первому нашему требованию, Москва, не задумываясь, выслала бы к нам звено мощных самолетов со всем необходимым. Но ведь такой полет, направленный к самым высоким широтам мира, был бы крайне

трудным и опасным, тем более, что в районе дрейфа «Седова» не прекращались подвижки льда. Зачем же подвергать риску жизнь наших летчиков и прекрасные летательные аппараты, если уже решен основной вопрос — о личном составе корабля? Не проще ли пойти по другому пути — учесть и мобилизовать все резервы снаряжения, продовольствия, оборудования, имеющиеся в нашем распоряжении?

И мы избрали этот второй единственно правильный, с нашей точки зрения, путь.

Никто не мог бы предсказать в эти холодные февральские дни 1939 года, как долго еще «Седов» пробудет во льдах. В распоряжении науки был лишь один фактический пример — дрейф «Фрама». Прославленный корабль Нансена пробыл среди льдов и во мраке ночи около трех лет. Его дрейф начался в сентябре 1893 года и закончился в августе 1896 года.

Правда, мы двигались быстрее, чем Нансен и его спутники. Но в то же время «Седов» был унесен ветрами значительно дальше на север, нежели «Фрам». Как-раз в эти февральские дни льды, преодолев какое-то загадочное препятствие, мешавшее им двигаться на север, значительно ускорили свой бег, и теперь мы продвигались к полюсу со скоростью двух-трех миль в сутки, быстро приближаясь к 87-й параллели. Менее 500 километров отделяли нас от той точки, в которой два года назад высадился легендарный папанинский десант.

«Фраму», дрейфовавшему гораздо южнее «Седова», удалось выйти из льдов на меридиане Шпицбергена. Нам же, по всей вероятности, предстояло более далекое путешествие. Можно было ожидать, что «Седов» в какой-то мере повторит путь дрейфующей станции «Северный полюс» и закончит свой дрейф лишь в Гренландском море.

Вот почему я принял решение — так распределить наши жизненные ресурсы по времени, чтобы их хватило нам по крайней мере еще на 18 месяцев — до осени 1940 года: лучше привезти остаток продовольствия и снаря-

жения в порт, нежели в самый трудный момент остаться без всяких запасов.

И вот, мобилизация резервов началась. Приказом по кораблю я создал несколько комиссий, которым надо было выполнить огромную работу: перевернуть все ящики и бочки в обмерзших трюмах, перепробовать все продукты, свежесть которых вызывала сомнение, вскрыть все грузы, находившиеся на борту судна, и узнать, что из них может нам пригодиться, проверить наличие белья, спецодежды и меховой одежды, определить с точностью до одного килограмма количество горючего, остающегося в нашем распоряжении, выяснить состояние научного оборудования. Всю эту кропотливую и трудоемкую работу следовало выполнить в декадный срок: уже наступило светлое время и надо было спешить с организацией летних научных наблюдений и судового ремонта.

За работу принялись четыре комиссии. В первую очередь были проверены запасы горючих материалов — самые драгоценные в условиях Арктики грузы. Как бы хорошо ни была организована экспедиция, но, если она не располагает топливом, — ее ждут самые тяжкие испытания.

На «Седове» были весьма скромные запасы угля и керосина, и поэтому расходовали мы их крайне скупно. Всеволод Алферов, ведавший на корабле распределением топлива, отвешивал уголь и керосин с большой точностью, сберегая каждый грамм горючего. У меня до сих пор хранится целая стопка тщательно написанных сводок Алферова, которые он аккуратно вручал мне каждую декаду, — контроль над расходом горючего я оставил за собой. Мы хотели не только обеспечить себя топливом до конца дрейфа, но и сохранить неприкосновенный запас угля и смазочных материалов на случай самостоятельного выхода «Седова» из льдов. (Замечу в скобках: как ни трудна была эта задача, мы ее разрешили. И когда год спустя к нам подошел ледокол «И. Сталин», «Седов» приветствовал его своим гудком, в котлах был поднят пар, машина была приготовлена к дей-

ствию, а в бункерах оставался запас топлива, которого хватило бы на 36 ходовых часов.)

Долго копалась придирчивая комиссия в угольных трюмах, открывала бочки с керосином и маслом, меряла в них уровень горючего, пересчитывала мешки с углем в аварийных базах, что-то записывала и вычисляла. Ревностный хранитель топлива, Алферов держался гордо и независимо, чувствуя свою неуязвимость. И в самом деле, никакого перерасхода и недостат обнаружено не было.

Целыми днями из трюмов корабля доносился скрип вскрываемых ящиков, грохот, переключка знакомых голосов. Иногда слышались веселые, радостные голоса, иногда, наоборот, раздавались мрачные проклятия. По этим вариантам можно было безошибочно угадывать результаты обследования очередного ящика.

Там, в трюмах, при свете фонарей трудились сразу две комиссии. Соболевский, Бекасов и Буторин проверяли состояние продовольственных запасов, а Буйницкий, Токарев и Шарыпов обследовали грузы, находившиеся на борту «Седова».

Наибольший интерес вызывала у нас деятельность второй комиссии: мы возлагали большие надежды на нее. Уже полтора-два года груды ящиков, заполненных какими-то грузами, принадлежавшими различным экспедициям, лежали без пользы в трюмах «Седова». Среди них наверняка были вещи, в которых наш экипаж ощущал самую острую нужду. До сих пор мы все же не прикасались к чужим ящикам. Но теперь, когда было решено продержаться на корабле до конца дрейфа без получения поддержки извне, надо было использовать все, что было на корабле, в том числе и различные предметы, принадлежащие экспедициям. Мы справедливо полагали, что их владельцам легче раздобыть эти вещи, нежели нам.

Двое суток провозились Буйницкий, Токарев и Шарыпов в холодных трюмах, и то, что они нашли, нас очень обрадовало. Из недр заиндевевших,

давно отсыревших ящиков появлялись одна за другой чудесные вещи.

В ящике № 131, принадлежащем тресту «Аэрофотосъемка», Буйницкий обнаружил прекрасный щелочной аккумулятор, который был крайне необходим для организации подсобного освещения. Среди грузов того же треста удалось найти фотоаппарат типа «Фотокор» с шестью запасными кассетами, анероид, пинцет, шерлак.

Целое богатство было найдено в ящиках, принадлежащих Гидрографическому управлению. Из них были извлечены двухствольное дробовое ружье, батометр, термос, чемодан с гидро-химической посудой, в которой мы так нуждались, мореходные таблицы.

Много ценных предметов удалось отыскать и среди грузов, которые были адресованы зимовщикам бухт Тикси и Прончищевой. Мы взяли из этих ящиков еще один анероид, анемометр, высотомер, планиметр, две логарифмические линейки, коробку акварельных красок, пятнадцать кассет для фотоаппарата, целую стопу различных топографических и астрономических журналов, еще не заполненных записями, и много других нужных нам вещей.

Все изъятые из ящиков предметы были перечислены в особом акте, а остающиеся грузы вновь уложены и забиты в ящики.

Пока Буйницкий, Токарев и Шарыпов выполняли эту трудную и хлопотливую работу, в другом конце корабля комиссия судового врача вела не менее сложные исследования продовольственных грузов. В условиях дрейфа трудно требовать, чтобы продукты сохраняли свои привлекательные качества по два-три года. И хотя мы пытались крайне снисходительно относиться к недостаткам наших продуктов, доктору приходилось частенько браковать то бочку квашеной капусты, содержимое которой за два года превратилась в подобие удобрильного тука, то боченок прогоркшего масла, то корнишоны, утратившие былую свежесть, то сыр, напоминающий по запаху и вкусу хозяйственное мыло. Поэтому все мы с большим вниманием ждали результа-

тов работы продовольственной комиссии.

После генеральной проверки всех продуктов члены комиссии вынесли такое постановление:

«Сыр голландский в количестве 225 кг подлежит исключительно, как пришедший в негодность от длительного хранения. Капуста и огурцы сохранились на 70 проц. Треска пригодна на 80 проц. Колбаса потеряла вкусовые качества от времени и температурных колебаний, но к употреблению пригодна. Консервы сохранились, но банки их требуют смазки ввиду опасности ржавчины. Остальные продукты сохранились...»

Это заключение вполне нас устраивало. В конце-концов мы не собирались превращать «Седов» в дрейфующий клуб гастрономов, и каждый из нас легко мирился с тем, что колбаса, которую подавали нам на завтрак, была менее вкусна, нежели та, какую можно приобрести в магазинах «Главмяса». Нам было важно, чтобы пища была сытна и питательна. И теперь, когда комиссия установила, что продукты, в основном, сохранились не плохо, мы могли без боязни планировать свою работу еще на полтора года вперед.

Вот чем мы располагали на первое марта 1939 года, согласно акту комиссии:

Масло животное	1 599	кг
Молоко консервированное	2 660	банок
Сыр американский	30	кг
Шоколад	95,58	»
Какао	36,05	»
Яичный порошок	70	»
Молоко в порошке в пачках, по 100 грамм	34	пачки
Яичный порошок	56	»
Какао	22	пакета
Свиные консервы по 338 грамм в банке	812	банок
Свиные консервы по 500 грамм в банке	26	»
Мясные консервы по 338 грамм в банке	271	»
Консервы мясные по 510 грамм в банке	600	»
Языки свиные	75	»
Беф-були	332	»
Куриное филе	117	»

Гуляш бараний	54	банки
Паштет	15	»
Свежая свинина	12	кг
Кильки	56	банок
Севрюга	83	»
Шпроты	43	банки
Мясо-растительные консервы	590	банок
Судак	129	»
Белуга	120	»
Соленая треска	2	бочки
Масло топленое	2	»
Ветчина	500	кг
Грудинка	150	»
Колбаса (седовская)	51	»
Перец консервированный	135	банок
Баклажаны консервированные	431	банка
Печенье	240	кг
Конфеты	116,5	»
Чай	80	»
Кофе	80	»
Вермишель	90	»
Макароны	45	»
Рис	570	»
Гречневая крупа	290	»
Перловая крупа	620	»
Горох очищенный	80	»
Горох неочищенный	160	»
Картофель сушенный	40	»
Картофельная мука	116	»
Манная крупа	80	»
Фасоль	1	мешок
Мука ржаная	9	тонн
Мука белая	1,8	тонны
Галеты	345	кг
Чернослив	100	»
Изюм	60	»
Урюк	40	»
Сушеные яблоки	70	»
Сушеные груши	50	»
Лимоны засахаренные	1,5	бочки
Свекла сушеная	20	кг
Капуста сушеная	40	»
Фруктовые консервы (слива и персики)	66	банок
Варенье сливовое	15	кг
Томат	6	банок
Лук сушеный	225	пачек
Хмель	20	кг
Масло растительное	600	»
Капуста квашеная	11	бочек
Корнишоны	7	»
Сельди	5	»
Горчица	11	кг
Сахар	1 760	кг
Уксусная эссенция	2	ящика
Фруктовая эссенция	5,5	ящика
Коньяк	27	бутылок
Спирт	191,5	литра

Сода	25	кг
Мыло туалетное	600	кусков
Мыло хозяйственное	19	ящиков
Табак трубочный «Золотое руно»	53	пачки
Табак «Капитанский»	36,2	кило
Папиросы «Звездочка»	476	пачек
Папиросы «Казбек»	108	»
Папиросы «Беломорканал»	130	»
Папиросы «Рекорд»	1	ящик
Папиросы «Прибой»	470	пачек
Папиросы «Юг» и «Эпрон»	120	»
Махорка	2	ящика
Спички	7	»
Соль	75	кг.

Как видно из этого списка, в нашем распоряжении оставались весьма существенные запасы продовольствия, хотя они и были подобраны крайне неравномерно. Мылом и табаком, например, мы были обеспечены лет на восемь, а квашеной капусты хватило бы для прокормления не только экипажа, но и всех четвероногих и пернатых обитателей Центрального Полярного бассейна на целую пятилетку. Но в то же время такие необходимые в дрейфе продукты, как сушеные овощи, вермишель, макароны, уже подходили к концу.

И все-таки мы имели возможность питаться неизмеримо лучше, чем питаются работники обычных полярных экспедиций. Такие продукты, как сливочное масло, сгущенное молоко, сахар, овощные консервы, сухие фрукты, печенье, засахаренные лимоны, сельди, квашеную капусту и огурцы, мы могли расходовать без нормы, — каждый ел их столько, сколько захочется. Мясными консервами и другими продуктами мы питались вдвое и втрое лучше, чем в обычных экспедициях:

На каждого члена экипажа в среднем за сутки отпускалось 0,575 банки мясных консервов, 62,2 грамма растительного масла, 120 граммов круп разных, 62 грамма риса, 26,2 грамма гороха, 10 граммов фасоли, 10 граммов вермишели, 10 граммов макарон, 6,2 грамма сушеного картофеля, 3,3 грамма сушеной свеклы, 3,3 грамма сушеной

капусты, 6,2 грамма шоколада, 3,1 грамма какао, 8,8 грамма чая, 10 граммов кофе, 222 грамма белой муки, 620 граммов черной муки, 42,2 грамма галет.

Кроме того, Александр Петрович усердно потчевал нас всех своим витаминизированным драже и проросшим горохом.

В результате никто из нас не только не худел, но, наоборот, все неизменно прибавляли в весе...

Комиссия по проверке запасов одежды, которой руководил Андрей Георгиевич, установила, что мы располагаем достаточными резервами и по этой части.

Я нарочно так подробно перечисляю все эти запасы, чтобы показать, как в сущности щедро и заботливо снаряжает наша страна свои полярные экспедиции. Даже при всех недостатках в работе нашего Арктикснаба, советские корабли, уходя в Арктику, получают такие богатые запасы продовольствия и снаряжения, что никакие случайности им не страшны.

Как-раз в разгаре этой мобилизации резервов—пятого марта—наступила значительная и волнующая дата — 25-летие со дня трагической смерти отважного русского моряка, именем которого назван наш корабль, сына бедного азовского рыбака Георгия Яковлевича Седова. Благородный исследователь, погибший на пути к полюсу, пал жертвой скупости царского правительства, не пожелавшего, как следует, снарядить его экспедицию.

Маленькое суденышко Седова, носившее символическое название «Святой великомученик Фока», с трудом добралось за два года лишь до Земли Франца-Иосифа, куда в наше время корабли доходят за 7—8 дней. Недаром же об этом суденышке матросы пели ироническую песенку:

Ох-ох, «Фока» плох!
Не корабль, а корзина,
Вместо дуба — гниль, резина...

Это было старое, давно брошенное норвежцами рыболовное судно.

Уже в начале путешествия Седову пришлось выбросить за борт тух-

лую солонину и треску, которую подсунили ему архангельские купцы. На судне началась цынга. У Седова не было даже радиоаппарата, с помощью которого он мог бы, передать на материк о бедственном положении его экспедиции: царское министерство отказалось отпустить с Седовым радиста.

Тяжело больной, едва передвигавший ноги, Георгий Седов сделал последнюю отчаянную попытку достигнуть полюса пешком по льду, захватив с собой двух верных ему до конца матросов: Пустошного и Линника. 20 суток брели они к северу, изнемогая от морозов и ветра. И, наконец, 5 марта 1914 года Седова не стало, — он умер от цынги и истощения на руках у своих спутников. Матросы похоронили его на острове Рудольфа и, собрав последние силы, кое-как дотащились до «Святого великомученика Фоки». Флаг, который Седов мечтал водрузить на полюсе, остался на его могиле, а осиротевший корабль отважного исследователя с большим трудом вернулся в Архангельск, сжигая себя самого по частям: топлива на обратный путь не хватало, и команда вынуждена была отправить в топку все деревянные переборки, надстройки, всю утварь, книги, какие только можно было сжечь.

Участники экспедиции вернулись на родину нищими. Все хлопоты их о каком-либо денежном вознаграждении остались безуспешными. Отношение царского правительства к великому замыслу Седова с предельным цинизмом сформулировал морской министр Григорович, публично заявивший:

— Жаль, что этот прохвост не вернулся! Я бы посадил его под арест...

Мы с честью отметили памятную дату трагической гибели смелого русского человека, славное имя которого присвоено нашему кораблю. С утра в знак траура мы подняли на корме только до половины гордый флаг СССР, провели беседу, посвященную памяти Георгия Седова. И даже обычные судовые работы в этот день проходили с каким-то особенным подъемом, — каждому хотелось чем-то показать, что наш экипаж является достой-

ным продолжателем дела, которое было начато отважными моряками «Святого великомученика Фоки».

★

Именно теперь, когда наш корабль находился на подступах к 87-й параллели, было очень важно развернуть научные наблюдения в полном объеме. И сразу же, как только был решен вопрос об оставлении экипажа «Седова» до конца дрейфа, мы взялись за составление новых планов работы.

Программа метеорологических наблюдений была дополнена контрольными исследованиями барометрического давления по двум анероидам, которые Буйницкий извлек из грузов, принадлежавших экспедициям. Так как показания анероидов не всегда точны, мы хотели воспользоваться и ртутным барометром, оставленным нам моряками «Ермака». Но здесь произошел один печальный случай, который заставил нас отказаться от этой мысли. Происшествие с барометром отнюдь не украшает нас лаврами, но я должен о нем упомянуть, чтобы наглядно показать, как нам, не искушенным опытом исследовательской работы, в сущности, было очень трудно организовать научные наблюдения. Когда барометр немного закапризничал, мы с Буйницким осторожно перенесли его в штурманскую рубку и долго ломали голову над тем, как провести проверку. Наконец, Буйницкий посоветовал мне отвернуть какую-то гаечку. Я, недолго думая, последовал его совету, и... все 760 миллиметров ртутного столба в то же мгновение вылились на пол и разбежались по рубке упругими серебристыми каплями. Вероятно, мы в это мгновение выглядели весьма растерянно, и тень мудрого Торичелли могла бы вдоволь посмеяться над нами.

План астрономических наблюдений дополнился двумя пунктами. Мы решили ежедневно определять истинный курс корабля, чтобы проследить, насколько дрейфующие льды разворачивают судно. Кроме того, было решено произвести серию параллельных определений места корабля с помощью секстана и

универсального прибора Гильдебрандта для того, чтобы сравнить точность определений морским инструментом — секстаном и сухопутными астрономическими приборами.

Весьма существенные дополнения были внесены в раздел гидрологических работ. Мы приближались к Гренландскому морю, где, по мнению ряда ученых, существует сточное холодное течение, выносящее льды Арктики в Атлантический океан. Надо было проследить границы этого течения, уточнить его характер, измерить скорость. Нам удалось найти среди экспедиционных грузов несколько так называемых вертушек Экмана, с помощью которых удается одновременно наблюдать направление и скорость течения на различных глубинах, и мы решили в самое ближайшее время пустить их в ход.

Очень важно было бы наладить регулярные определения плотности льда в различных слоях одной и той же льдины. Для этой цели служит прибор, сконструированный профессором Шулейкиным. Мы отыскали описание прибора, и наш сообразительный механик Токарев после долгой кропотливой работы изготовил его. Прибор был сделан с большой тщательностью и даже покрыт лаком, так что его трудно было отличить от фабричного. Но, к сожалению, нам так и не удалось наладить эти определения, требующие большой сноровки и умения.

К числу весьма интересных, но, к сожалению, неосуществленных замыслов, относится и проект высокоширотной санной экспедиции, о которой пока что знают даже не все члены нашего экипажа.

Меня давно уже занимал один вопрос, крайне важный не только для науки, но и для практического мореплавания: как движутся дрейфующие льды — одним сплошным потоком или же существует ряд самостоятельных потоков, одни из которых движутся быстрее, другие медленнее? Движутся ли дрейфующие льды в одном направлении, или расходятся по разным путям?

Нансен, удалившийся с «Фрама» вдвоем с Иогансеном по дрейфующему

льду, не мог дать ответа на этот вопрос, так как у него не было радио для связи со Свердрупом, оставшимся на судне. Отправляясь в санную экспедицию к полюсу, Нансен и Иогансен распрощались со своим кораблем до встречи в Норвегии, так как найти «Фрам» в дрейфующих льдах без радиосвязи было невысказано. И хотя в один из тяжелых моментов своих скитаний по льду Нансен и Иогансен, как выяснилось впоследствии, находились почти рядом с родным кораблем, им пришлось пережить еще очень много бедствий, прежде чем они достигли земли.

В наш век санные экспедиции, уходящие на лед с корабля, находятся в несравненно более выгодных условиях. Мудрое изобретение радиопеленга дает возможность не только поддерживать регулярную связь с базой, но и безошибочно находить ее. Поэтому исследование характера движения ледовых потоков не представляет особых трудностей при том условии, конечно, если радио работает безукоризненно.

В чем же заключался проект нашей санной экспедиции? Коротко говоря, я хотел оставить корабль на 20 дней, отойти на 120 километров к северу — за 87-ю параллель, раскинуть там небольшой лагерь и провести серию наблюдений за движением льда. В это время «Седов» должен был, следя за работой лагерной радиостанции, несколько раз запеленговать лагерь.

Наш корабль располагал прекрасным пеленгатором. Такой опытный оператор, как Александр Александрович Полянский, мог обеспечить безотказный, идеально точный прием наших сигналов. Это дало бы возможность исследовать относительное движение в дрейфе лагеря и «Седова».

Я предполагал отправиться в санную экспедицию вместе с Бекасовым и Буториным. Оба они охотно согласились сопутствовать мне в этом большом и интересном походе. Особенно горячо встретил мое предложение боцман. Не откладывая дела в долгий ящик, он сразу же принялся хлопотать по хозяйству, собирая все необходимые вещи.

У нас не было, к сожалению, ездо-

вых собак, и мы могли рассчитывать исключительно на собственную «тягловую силу». Поэтому приходилось тщательно отбирать и взвешивать на весах необходимое снаряжение.

Алферов сделал для нас легкие и прочные сани из лыж, соединенных медными трубами, взятыми из холодильника. Эти сани мы решили тащить вдвоем, по очереди. На них предполагалось погрузить самые необходимые предметы снаряжения: малую радиостанцию, взятую из второго комплекта аварийного склада, резиновую шляпку, весившую всего двенадцать с половиной килограммов, легкую палатку, спальный мешок, секстан, компас, хронометр, анеометр, анероид, винтовку с патронами.

Кроме того, было предположено взять с собою месячный запас продовольствия: 9 килограммов шоколада, 18 килограммов галет, 9 килограммов сливочного масла, 4 с половиной килограмма копченой грудинки, 4 с половиной килограмма сгущенного молока, 5 бутылок коньяка и спирта.

Санная экспедиция была подготовлена полностью, но осуществить ее, в связи с приближением лета и необходимостью расширить научные и судоремонтные работы, а также благодаря ряду других обстоятельств, так и не удалось.

Думаю все же, что потребность в подобных наблюдениях над характером дрейфа льдов сохраняет свою остроту и кто-либо из полярников во время высокоширотной экспедиции осуществит наш замысел.

Опыт организации научных работ в трудных условиях зимы многому научил нас. Если минувшей осенью некоторые участники дрейфа сомневались, удастся ли нам выполнить обширный план научных наблюдений, то сейчас, когда мы принимали на себя решение еще более сложных задач, таких сомнений уже не возникало.

Коллектив добровольцев-наблюдателей за эти полгода еще более расширился. Раньше большинство членов команды выполняло главным образом второстепенные, вспомогательные рабо-

ты. Теперь же я смог доверить некоторым морякам участки наблюдений первостепенной важности. Буторину, например, были поручены по новому плану ежедекадные измерения толщины льда. Справедливость требует отметить, что наш боцман, гордившийся ответственным поручением, выполнял его ревностно и аккуратно. Бекасову я доверил метеовахту. Наши механики Токарев и Алферов с большим терпением и трудолюбием мастерили для научных наблюдений различные приборы.

Приборы приходилось изготавливать в холодном помещении, где металлические инструменты так и липли к рукам. Не всегда мы могли расколоть драгоценное топливо и на приведение в действие мотора для работы токарного станка. Поэтому очень часто функции мотора выполняли по очереди члены команды: Гаманков, Гетман или Мегер становились у привода и, перебирая руками ремень, вращали шпиндель станка, на котором обтачивалась нужная нам деталь.

Некоторые из приборов, изготовленные нашими механиками, выставлены теперь в Ленинградском музее Арктики. Зрители нередко восхищаются тщательностью их отделки. Пусть же они почаще вспоминают при этом, в каких адских условиях были изготовлены приборы, поражающие даже стороннего наблюдателя своей добротностью и изяществом. Тогда им станет ясно, что такое настоящие золотые руки русского механика и какой ценой давалась нашему коллективу каждая цифра в дневниках научных наблюдений.

Слов нет, подчас нам было нелегко изворачиваться так, чтобы за счет своих внутренних резервов покрывать потребности в научном оборудовании, снаряжении. Порой истощалось терпение даже у таких выносливых людей, как наши поморы, привыкших ко всем превратностям судьбы за годы работы на севере. Но ведь любую трудность можно преодолеть, если знаешь, что борьба эта целесообразна, что она дает нужные и полезные для дела результаты.

И хотя мы уже много месяцев провели в дрейфе, я чувствовал себя как-то

спокойнее и увереннее, нежели в памятные октябрьские дни 1937 года.

Мы были далеки от Москвы все это время. Но мы знали и чувствовали, что уже сделаны необходимые выводы из позорного провала навигации 1937 года. Советская разведка нащупала и обрубала нити вредительства. Чиновники и бюрократы, неумелые, безвольные люди были решительно устранены с ответственных постов. Их заменили молодыми, свежими силами, взятыми с практической работы. Серьезнейшие участки руководства Арктики были доверены прославленным участникам легендарного дрейфа на льдине от полюса к берегам Гренландии: Папанин был назначен заместителем начальника Главсевморпути, Ширшов — директором Всесоюзного арктического института, Кренкель — начальником Управления полярных станций.

Эти люди, знающие по собственному опыту «специфику» работы в ледовом дрейфе, особенно внимательно относились к нашему экипажу. То и дело наши радисты принимали из эфира их дружеские советы, пожелания, замечания. Кренкель советовал Полянскому, какие детали следует уложить в аварийный комплект радиостанции. Ширшов подсказывал мне и Буйницкому, в какой книге найти описание нужных нам приборов. Папанин ободрял нас своими теплыми напутствиями. Одним словом, мы каждый день и каждый час чувствовали, что где-то в Москве и Ленинграде у нас есть настоящие, верные друзья, которые думают и заботятся о нас.

7 марта мы получили из Москвы документ, из которого явствовало, что партия и правительство решили доверить недавним участникам дрейфующей полярной станции «Северный полюс» еще более ответственные посты, — им было полностью вверено все руководство Северным морским путем. Переданное по радио постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 264 гласило:

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Назначить тов. Папанина Ивана Дмитриевича Начальником Главного Управле-

ния Северного Морского Пути при СНК СССР и тов. Ширшова Петра Петровича первым заместителем Начальника Главного Управления Северного Морского Пути при СНК СССР.

Председатель СНК Союза ССР
В. Молотовъ.

Сообщение о новых назначениях мигмо облетело весь корабль. Оно произвело очень большое впечатление на экипаж, и в своем дневнике я в этот вечер записал:

«Повсюду — от кают-компании до кубрика — разговоры о выдвижении Папанина и Ширшова. Им оказано очень большое доверие. Конечно, на первых порах обоим придется трудновато. Но ведь они на деле показали, что умеют преодолевать трудности и посерьезнее этих! А весь народ и в первую очередь полярники встретят это постановление правительства с большим удовлетворением, имена папанинцев теперь окружены ореолом героики. Надо надеяться, что теперь дело освоения Арктики двинется вперед еще плодотворнее и энергичнее».

А еще через два дня, 10 марта, мы вместе со всей страной торжественно отметили открытие XVIII съезда Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

10 марта 1939 года мы находились на $86^{\circ} 22',9$ северной широты и $110^{\circ} 20'$ восточной долготы, и этот день в наших высоких широтах был последним днем лютой арктической ночи; за 86-й параллелью впервые после долгой зимы показалось солнце. И, может быть, именно это обстоятельство придало на корабле дню открытия съезда какую-то особенную праздничность и торжественность.

Вторые сутки стоял 44-градусный мороз, буквально захватывавший дыхание. Дул резкий ледяной ветер. В полблекшем бледногубом, словно вымерзшем небе бессильно угасали звезды, которые много месяцев подряд светили нам круглые сутки. Унылый полярный рассвет озарял занесенный снегом, знакомый до каждой заклепки корабль, над которым трепетали колеблемые ветром праздничные флаги.

Но вот на юго-востоке возникла робкая, безжизненная, розовая полоска. Потом она налилась теплыми соками, стала ярче, ощутимее, сильнее, и в полдень, наконец, из низкой гряды облаков, застилавших горизонт, высунулся оранжево-красный клин — краешек солнца, искаженного рефракцией.

Солнце недолго погостило в наших краях, — уже через два часа его оранжево-красный клин потемнел, приняв темнобагровую окраску и исчез в облаках. Но нам достаточно и этого визита, — мы знали, что теперь зима окончена, что впереди много-много светлых дней и что уже скоро солнце встанет на круглосуточную вахту.

Я созвал экипаж в кают-компанию, поздравил людей с восходом солнца, огласил заранее подготовленный приказ, посвященный этому традиционному празднику полярников, и сказал:

— Наш скромный, маленький праздник совпал с большим всенародным празднеством — открытием партийного съезда.

Партия и правительство оказали нам самое высокое доверие, о каком мы только могли мечтать. Нам разрешено своими силами закончить дрейф «Седова». Поблагодарим же партию, товарища Сталина, партийный съезд за это доверие и поклянемся сделать все, чтобы победа над льдами осталась за нами...

После собрания мы с Трофимовым усаелись писать рапорт партийному съезду. Мы волновались. Мы знали, что партийный съезд решает в эти часы вопросы исторической важности и нам не хотелось отвлекать его внимание. Но в то же время мы считали своим долгом открыто перед съездом партии заявить о принятых на себя обязательствах. И после долгого обсуждения мы окончательно отредактировали и послали в Москву такую телеграмму:

«Пятнадцать советских патриотов ледокольного парохода «Георгий Седов» вместе со всем народом приветствуют XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии Ленина — Сталина... Партией и правительством нам оказано великое доверие — до конца дрейфа остаться на «Г. Седове» и вывести его из льдов Ледовитого океана.

До конца дрейфа наша работа будет посвящена историческому съезду нашей любимой партии. С гордостью мы будем стоять свою вахту на далеком севере, отдадим все свои силы, чтобы сделать как можно больше и лучше...»

Наши радисты, передав радиограмму, напряженно вслушивались в эфир, ожидая, когда начнется передача материалов партийного съезда: они должны были принять по радио все основные съездовские документы. Задача нелегкая — им предстояло записать около 80 000 слов. Но все мы с нетерпением ждали эти материалы, и радисты дали слово, что они не пропустят ни одной передачи.

Уже наутро мы смогли прочесть аккуратно записанный Полянским текст доклада товарища Сталина, излагавший с гениальной простотой и глубиной программу построения коммунистического общества в нашей стране.

Партийный съезд приступил к обсуждению сталинского доклада. И некоторое время спустя, из Москвы прибыла молния, буквально ошеломившая нас. Начальник Политуправления Главсевморпути тов. Белахов, сообщая о выступлении на партийном съезде И. Д. Папанина, который упомянул о нашей работе, писал:

«Упоминание имен 15 славных седовцев, несущих почетную вахту в Ледовитом океане, съезд встретил дружными аплодисментами, свидетельствующими об отношении съезда к вашему замечательному коллективу. Радуюсь за вас, считаю своим партийным товарищеским долгом об этом вам немедленно сообщить. Уверен, что теплое отношение XVIII съезда к вашему коллективу явится новой моральной поддержкой в преодолении трудностей, стоящих перед вами...»

Да, Белахов был прав: это сообщение буквально окрылило нас, оно удвоило наши силы и живительно подействовало на каждого члена экипажа.

Теперь мы мечтали только о том, чтобы в самые ближайшие дни показать на деле, как наш коллектив оправдывает доверие партии и народа.

И эта счастливая возможность вскоре представилась, — в дни работы XVIII партийного съезда нам удалось, нако-

нец, успешно разрешить труднейшую задачу, над осуществлением которой мы безрезультатно бились полгода, — 17 марта 1939 года нам удалось впервые измерить глубину Северного Ледовитого океана.

КАК МЫ НАЩУПАЛИ ДНО ОКЕАНА

В моем архиве есть документ, который я особенно бережно храню, как своеобразный аттестат технической зрелости нашего коллектива. Это — выписка из вахтенного журнала корабля от 17 марта 1939 года. В короткой записи заключен итог волнующей и долгой борьбы, дерзаний, горьких разочарований, новых и новых поисков успеха и, наконец, решающей победы:

«17 марта, 17 час. 55 мин. 86°25',1 северной широты, 108°20' восточной долготы. Закончено измерение глубины океана. Согласно показаниям блок-счетчика и расчетным данным, глубина составляет 4487 метров. Из трубки, опущенной на дно, извлекли грунт — коричневый ил. Нижняя часть трубки покрылась илом до 10 сантиметров. Щеки трубки были закрыты, и груз автоматического гака опущен...»

Это была девятая по счету попытка достичь дна океана. Восемь раз мы безрезультатно опускали сработанный нашими моряками трос в ледяную майну. Пять раз он при этом обрывался и оставался под водой вместе с грузами и приборами, изготовление которых стоило огромных усилий нашим механикам. И только 17 марта нам удалось, наконец, добиться желанных результатов.

Де Лонг однажды записал в своем дневнике, говоря об Арктике:

«Замечательная страна для обучения терпению!»

Это глубоко верное замечание. Но от Де Лонга и его спутников требовалось, если так можно выразиться, пассивное терпение, — они лишь оборонялись от Арктики, выжидая, пока льды освободят «Жанетту» из плена. Мы же сами, подобно экипажу «Фрама», атаковывали Арктику, стараясь раскрыть ее тайны, и поэтому муки долготерпения умножались.

Сколько раз мне начинало казаться, что наша затея с измерением глубин — несбыточная утопия! Как часто я раскаивался в ней, глядя на израненные проволокой руки Буторина и Гаманкова, которые терпеливо, без единого возражения сплетали один километр самодельного троса за другим! А тут еще как назло механикам никак не удавалось отремонтировать вышедший из строя нефтяной двигатель, и нам всякий раз при попытке измерения глубин приходилось пускать в ход прожорливый керосиновый мотор «Симамото», который, как лошадь, пил ведрами драгоценную маслянистую влагу, каждый грамм которой мы берегли.

Но когда я вспоминал, что Нансену все же удалось своими силами организовать измерение глубин океана, когда я думал о том, какое огромное значение для науки имеют эти работы, все сомнения исчезали, я понимал, что мы должны, обязаны идти на любой риск и на любые жертвы. И в конце-концов мы не только научились измерять глубины океана и брать пробы грунта с его дна, но и добыли несколько гидрологических проб из придонного слоя воды, представляющих огромный научный интерес.

Наши механики шутили: если когда-нибудь эпроновцам придется пройти по дну Ледовитого океана трассой «Седова», они легко найдут дорогу по тросам и грузам, оставленным нами на грунте. Кое-кто даже рекомендовал на сей случай водолазам собрать все тросы, соединить их воедино и протянуть по пути дрейфа. Прогулка вдоль такого соединенного троса оказалась бы довольно утомительной — она растянулась бы километров на двенадцать.

Мне хочется подробно рассказать историю наших глубоководных измерений. Она с особенной наглядностью показывает не только борьбу с трудностями, но и рост наших познаний, вооружение техникой, постепенное развитие конструкторской мысли в нашем коллективе.

Если бы можно было извлечь со дна океана и положить рядом приспособле-

ния, которыми мы пользовались при первом измерении глубины 29 октября 1938 года и при последнем промере 27 декабря 1939 года, то получилось бы очень поучительное сопоставление: они отличались друг от друга примерно так же, как современный паровоз от паровой тележки Стефенсона. Долгие месяцы упорного труда всего коллектива не прошли даром, — нам удалось создать более или менее совершенное снаряжение. Но ведь ничто не создается сразу, само по себе. И мы вынуждены были пройти до конца весь трудный путь исканий.

Выше я рассказывал о том, как прошла первая попытка измерения глубины, приуроченная к XX-летию комсомола. Мы многого еще не знали тогда, и нам казалось, что лишь какая-то случайность вызвала обрыв лотиния. И я, и другие товарищи думали, что будет достаточно сплести новый более надежный линь и опустить его на дно океана с привязанным на конце тяжелым колошником, чтобы измерение прошло благополучно. Поэтому мы не очень грустили по поводу утраты 1800 метров троса, сплетенного с таким трудом, тем более, что сконструированная механиками глубоководная лебедка и прочие предметы оборудования прекрасно выдержали испытание. Предполагалось, что уже недели через две нам удастся добыть первые пробы грунта со дна океана.

Но действительность опрокинула наши предположения.

После 29 октября наступила целая полоса жестоких сжатий, подчас угрожавших судну гибелью. Нам было не до плетения троса, — все силы были направлены исключительно на спасение корабля и аварийных баз, унесенных льдами за несколько километров от «Седова».

И только 20 ноября, когда, наконец, сжатия немного утихли и аварийные запасы были водворены на новые базы, в вахтенном журнале появляется пометка:

«16 часов. Распускаем стальной 3-дюймовый трос, чтобы изготовить линь для измерения глубины. Резкое падение температуры».

С этого дня, урывками, используя каждую свободную минуту, Буторин и Гаманков готовят новый лить длиной в несколько километров. В кромешной темноте холодного твиндека, где едва-едва мигает одинокий огонек закопченного фонаря, они почти ошупью расплетают толстый швартовный конец, аккуратно сматывают отдельные пряди в бухты, потом соединяют эти пряди воедино. Иногда боцману и матросу помогают Гетман и Шарыпов.

Наши механики Токарев и Алферов тем временем мастерят новое приспособление для автоматической отдачи груза в момент, когда конец троса достигнет дна. В одной из книг мы вычитали описание приспособления Брука и стараемся сделать своими силами нечто похожее на него. Обрезок водопроводной трубы, который, по нашим расчетам, должен войти в мягкий грунт и зачепнуть хотя бы горсть океанского ила, оснащен тремя-четырьмя подзижными распорками, поддерживающими груз, т.-е. связанные проволокой обломки колосников. По расчетам Сергея Дмитриевича Токарева в момент касания грунта натяжение этих распорок должно ослабнуть, и они выпустят груз, словно разжавшиеся когти. Когда мы выберем трос и увидим, что груза нет, это будет означать, что он побывал на дне.

Двадцать четыре дня прошло, пока все приготовления были закончены. Только 14 декабря боцман торжественно доложил мне, что три с половиной тысячи метров нового троса готовы. Вместе с 2 000 метров старого литья это составляло достаточно солидную величину. Оставалось тщательно проверить все сплетения, намотать трос на барабан лебедки и начать измерение глубины.

Проверка троса напоминала какое-то священнодействие. Трос притащили в кубрик. Собрали все керосиновые лампы, какие только можно было собрать, чтобы лучше осветить помещение. Несмотря на 24-градусный мороз открыли один из иллюминаторов, пропустили туда конец троса и протянули его к лебедке, установленной на кормовых рострах.

Двое моряков потихоньку вращали барабан, наматывая на него новый лить, а остальные, собравшись в кубрике, придирчиво проверяли каждый сантиметр литья. Спешить с этой работой было бы вредно. Мы не хотели неприятных сюрпризов, — ведь малейшая заусеница хотя бы на одной из проволок могла привести к обрыву всего троса. Поэтому проверка лотлиния продолжалась целых три дня. Только тогда, когда мы были абсолютно убеждены в том, что трос сплетен безупречно, я отдал распоряжение готовить майну для измерения глубины.

18 декабря, когда мы находились на $84^{\circ} 2,5$ северной широты и $135^{\circ} 02'$ восточной долготы, на льду зазвенели пешни. Под блоком в течение двух часов удалось прорубить довольно солидное отверстие. А дальше... Но пусть о том, что было дальше, расскажет вахтенный журнал. Трудно находить слова, когда речь идет о таких тяжелых неудачах, как эта.

«12 часов. Начали травить лотлинь с грузом из двух колосников, укрепленных с помощью приспособления типа «Брука», сделанного своими средствами.

12 часов 10 минут. Прекратили травить лот ввиду неисправности ленточного стопора лебедки.

14 часов 50 минут. Стопор исправлен. Продолжаем травить лот.

16 часов. Вытравили весь лотлинь длиной 5 500 метров. Прикосновения к грунту не ощутили.

16 часов 20 минут. Начали выбирать лот.

17 часов. Когда лот находился на глубине 3 300 метров, трос лопнул, и 3 300 метров троса вместе с приспособлением для крепления груза утонули. Остановили двигатель».

3 300 метров! В течение одного мгновения мы утратили плоды напряженной работы, длившейся целый месяц.

Оборванный трос навсегда унес с собою на дно океана тайну этой неудачи. Я могу ручаться, что трос был сплетен достаточно прочно. Тщательная трехдневная проверка исключает возможность какой-либо слабости хотя бы в одном из сплетений. Лопнуть по целине трос не мог, — расчет показывает,

что он обладал достаточным запасом прочности для удержания груза.

Остается с большей или меньшей достоверностью предположить, что мы не уловили момента прикосновения лота к грунту и продолжали его травить, когда он уже лежал на дне. При этом образовались петли или же, говоря морским языком, шлаги, которые при выбирании превратились в те самые злосчастные «колышки», которые уже подвели нас 29 октября: трос сработал на излом, а не на растяжение, и в результате произошел обрыв. Надо было во что бы то ни стало придумать какое-то новое приспособление, которое точно сигнализировало бы нам о моменте касания дна. Для этого потребовалось еще несколько месяцев упорного труда.

Пока же вторичный крах действовал на нас крайне удручающе. Люди проклинали океан и всех его мифических обитателей. Под впечатлением этого тяжелого поражения я даже решил временно отказаться от попыток измерения глубин и записал в вахтенный журнал:

«Для изготовления троса был употреблен второй швартовный конец. Больше подходящего материала нет. Оставшиеся стальные концы имеют много перебитых прядей и колышек. Кроме того, по толщине прядей проволока не подходит для приготовления лотляня. Поэтому попытки измерения глубины прекратили».

Весь вечер люди злились и ссорились из-за пустяков. Даже в кают-компании, где обычно после чая начиналась бесконечная болтовня о всякой всячине, разговор как-то не клеился. Все мы старательно обходили тему об измерениях глубин, хотя только она и была у каждого на уме. Вероятно, именно поэтому беседа получалась вымученной и искусственной. Мне стало тоскливо, и я ушел к себе в каюту.

Усевшись за стол, я начал набрасывать схемы и размышлять над ними, пытаюсь найти ответ на волновавший всех нас вопрос: почему все-таки рвутся тросы? Но вдруг в дверь кто-то постучал, и за спиной у меня послышался знакомый сконфуженный кашель; можно

было безошибочно угадать по этим признакам появление боцмана.

— Дмитрий Прокофьевич?

— Есть — откликнулся, как эхо, боцман.

— Что скажете, Дмитрий Прокофьевич? — спросил я, поворачиваясь к нему.

Боцман нерешительно потоптался на месте, что-то обдумывая, потом заговорил:

— Вот у нас, Константин Сергеевич, каждый день непредвиденный момент получается. Да... Все некогда да некогда... А в трубах, небось, опять сажи на палецросло. Да... Почистить бы время...

— Завтра у нас санитарный день, Дмитрий Прокофьевич. Тогда и почистим.

По глазам боцмана я видел, что он пришел вовсе не за тем, чтобы напомнить о чистке труб. Он и сам прекрасно знал, что на девятнадцатое число назначен санитарный день. Я ждал, что будет дальше.

Буторин, как и следовало ожидать, не уходил.

— Вот и хорошо, — тянул он, — значит почистим. Да... А закурить можно?..

Я протянул ему раскрытую папиросную коробку. Боцман осторожно взял папиросу своими потрескавшимися исколотыми проволокой пальцами. Я с невольным сожалением посмотрел на его руки. Перехватив мой взгляд, он улыбнулся.

— Совсем рябые руки стали... Ну, ничего, до свадьбы-то, говорят, заживет...

Он помолчал и потом, решившись, наконец, заговорил:

— Слыхать, Константин Сергеевич, хочешь ты отставить глубину-то мерять...

— Да, пока-что думаю отложить, — ответил я.

Боцман затаился папиросой, выпустил клуб дыма и с горечью произнес:

— Нехорошо получается. Столько трудов положили, столько керосина спалили, и все, выходит, зря. Ну позвольте, мы еще один раз попробуем. Толь-

ко один раз, а? — в голосе боцмана послышались нотки какой-то горячей мольбы. А что руки мерзнут, — это ничего. Ребята все согласны, я уж с имá договорился. Порядок будет...

Честное слово, мне хотелось в эту минуту обнять и расцеловать своего боцмана! Он глубоко растрогал меня своей преданностью науке, о которой еще недавно у него было самое смутное представление. Но не будет ли и на этот раз труд напрасным? Имею ли я моральное право заставлять людей продолжать мучительно трудную работу, не будучи уверенным в успехе? Не лучше ли отложить эту работу до наступления теплого времени? И, наконец, — из чего мы сплетем третий трос? Ведь в нашем распоряжении остается лишь самый ненадежный, изношенный материал...

Я спросил:

— А из чего плести?

Боцман нерешительно напомнил:

— А что, если нам все ж таки взять вон ту проволоку от вантов? Мы с Токаревым прикидывали, — должна выдержать...

Я хорошо помнил, о какой проволоке идет речь. Этот проект уже давно дебатировался в кают-компании и был отставлен, как невнушающий доверия. У нас в твиндеке № 4 лежала большая бухта трехдюймового стального троса, приготовленного для смены стоячего такелажа. Этот трос был сплетен из двухмиллиметровой стальной проволоки. Вить из этой проволоки лотлинь нельзя, — он был бы слишком тяжел, да и сама она не поддалась бы кручению. Можно было лишь ограничиться спайкой отдельных кусков ее в одну длинную стальную нить. Но выдержит ли собственную тяжесть такая нить, если ее растянуть на четыре-пять километров? Это было более, чем сомнительно.

Буторин пытливо глядел на меня, повторяя:

— Один только раз... Ну, в последний раз. День и ночь буду работать, слова не скажу... Попробуем, а?..

— Попробуем, — сказал я, — что получится из этой проволоки...

Лицо боцмана сразу просветлело, словно я порадовал его самой приятной новостью.

— Есть, — сказал он, — будет сделано.

Он повернулся и неуклюже, бочком выскользнул из каюты. Я услышал торопливые шаги, — боцман спешил порадовать своих сообщников по новой затее.

Третий трос пришлось изготавливать в самом разгаре полярной зимы, когда морозы достигали уже сорока градусов. Буторину и его помощникам приходилось нелегко. Но работа шла бесперебойно. Вахтенные отмечали в судовом журнале:

«22 декабря. Боцман Буторин подбирает стальной трос для наращивания лотлиня. Температура упала до 28 градусов мороза. Северо-восточный ветер усиливается.

23 декабря. Буторин и Гетман разматывают стальной трехдюймовый трос для наращивания лотлиня. Температура воздуха минус 28°.

28 декабря. Гаманков, Шарыпов и Гетман разматывают стальной трос. Температура воздуха минус 37,7°. Слышно частое потрескивание от мороза в деревянных частях судна.

29 декабря. Гаманков, Шарыпов, Гетман разматывают трос. Температура минус 37 градусов...»

Шестнадцать дней провозились Буторин, Гаманков, Шарыпов и Гетман с неподатливым стальным тросом. Манипулировать с тугой и толстой проволокой на морозе очень тяжело. Все же в конце-концов удалось распустить трос на проволоки. Каждая из них была смотана в отдельную бухту.

Теперь решающее слово было за механиками. Надо было найти надежный способ соединить все проволоки воедино. Наш старый метод сращивания теперь был неприменим, так как на этот раз мы имели дело только с одной нитью. Одной пайки тоже мало. Следовало применить какой-то комбинированный прием сцепления. И Сергей Дмитриевич Токарев разработал обстоятельный технический процесс приготовления проволочного лотлиня.

Начал он с организации рабочего места. Аккуратный механик не любил делать что-либо кое-как. Всякую работу он ставил солидно. И на этот раз Сергей Дмитриевич в первую очередь заготовил необходимый инструмент.

На длинной доске он укрепил двое тисков для зажима соединяемых концов. Затем была изготовлена особая трубочка, отверстие которой было чуть-чуть шире, чем диаметр проволоки. Конец одной из проволок Токарев пропускал в эту трубочку. Накручивая проволоку вокруг второй, зажатой в тисках, он укладывал один за другим около десяти витков — до тех пор, пока весь конец не выходил из трубки. Затем та же процедура проделывалась с концом второй проволоки, — она обвивалась вокруг первой. Получалось два аккуратных замка, которые тут же окунались в ванну с расплавленным оловом. После этого легче было разорвать проволоку по целому месту, нежели разъединить замки.

Спайка нового лотлиня производилась в кубрике, у раскаленного докрасна камелька, на котором стоял противень, наполненный жидким оловом. Я помню десятки авралов на дрейфующем корабле. Но ни один из них не был таким боевым, как этот, проведенный по инициативе самой команды. В кубрике было все перевернуто вверх дном. В открытый иллюминатор клубами валил пар. Было отчаянно жарко. Клубился синеватый дымок. Пахло соляной кислотой, окалиной, потом. Лампы горели тускло. Однако никто не обращал внимания на все эти мелочи.

Токарев с олимпийским величием дирижировал организованным им производственным ансамблем. Проволока двигалась, как по конвейеру. Работали почти все члены экипажа. Один разматывал бухты, другой зажимал концы в тиски, третий орудовал токаревской трубочкой, завивая замки, четвертый окунал эти замки в расплавленное олово, пятый проверял прочность и аккуратность пайки, шестой вытягивал спаянную проволоку через иллюминатор на палубу, седьмой наматывал ее на бара-

бан. Чтобы не так скоро наступила усталость, люди время от времени менялись местами.

В кубрике все время раздавался смех, слышались шутки. Буторин цвел, как пион, — его замысел близился к осуществлению. Его немного поддразнивали, как героя дня, но он не обижался и не оставался в долгу — поморский язычок весьма остер.

Людям хотелось закончить изготовление лотлиня возможно быстрее. Поэтому официальный график рабочего дня пришлось временно нарушить. В вахтенном журнале записано:

«10 января. 10 часов. Алферов, Токарев и Недзвецкий сращивают проволоку. Буторин готовит глубоководную ледбку.

19 часов 30 минут. Продолжается работа по сращиванию и наматыванию на барабан ледбки проволоки.

11 января. 7 часов. Круглые сутки продолжается без перерыва работа по сращиванию и наматыванию на барабан ледбки проволоки. Всю ночь работали Буторин, Гаманков, Токарев, Алферов, Недзвецкий. В данный момент работа уже закончена. Часть старого лотлиня, имевшая много дефектов, изъята. Оставлено всего 800 метров пятимиллиметрового троса. К этому добавлено 5000 метров вновь приготовленной проволоки толщиной 1,9 миллиметра. Таким образом, мы имеем теперь лотлинь длиной 5800 метров...»

Пока Буторин, Гаманков, Шарыпов и Мегер возились с тросом, распуская его на проволоку, наши механики трудились над изготовлением нового сложного прибора для взятия проб грунта со дна океана. После двух неудач мы решили отказаться от кустарного приспособления с колосниками, заменяющими грузы в приборе Брука. Я посоветовал Токареву обратить внимание на другое приспособление — трубку Экмана, с помощью которой обычно и достают грунт со дна моря.

У нас на судне было две таких трубки. Но вся беда заключалась в том, что этот прибор очень тяжел: он весит около 100 килограммов. Поэтому мы не рисковали прицеплять такую машину к своим жиденьким и малонадежным тросам, которые с трудом удерживали даже обломок колосника.

Прибор, именуемый трубкой Экмана, сконструирован довольно остроумно. Он состоит из длинной трубки, у нижнего выходного отверстия которой пристроены широкие хrapцы: в момент отрыва трубки от дна океана на хrapцы соскальзывает сверху полая гиря, державшаяся до того на распорках, ударяет по раскрытым щекам хrapцов и заставляет их сжаться и закрыть выходное отверстие.

Колонка грунта, вырезанная трубкой Экмана в момент падения трубки на дно, выскочить из трубки уже не может.

Изготовить такой прибор в кустарных условиях дрейфующего корабля почти невыполнимо. Но Токарев, однако, взялся выполнить и это задание. Он обещал, что его прибор сможет действовать не хуже, чем трубка Экмана, хотя весить он будет в пять раз меньше.

Легче всего сделать трубку; для этого достаточно отрезать кусок водопроводной трубы. Но дальше возникает одно осложнение за другим. У нас ведь нет таких вещей, как расточные и фрезерные станки. Поэтому тончайшие детали, требующие точности до десятых долей миллиметра, механикам приходится изготавливать почти первобытными приемами.

Чтобы изготовить, например, хrapцы, надо высверлить в цельном куске металла полове пространство, потом распилить образовавшийся цилиндр в продольном направлении пополам и пришабрить обе половинки друг к другу. Польный груз также надо вытачивать из большого куска металла.

Для обточка, как я уже указывал, мы применяли свой старенький токарный станок, обслуживавшийся весьма мало-мощной тягловой единицей в одну человеческую силу. Крутить шпиндель токарного станка так утомительно, что после первого же опыта наш Павел Мегер, назначенный 27 марта матросом¹, мрачно сострил:

— Повертишь эту штучку три дня, — стариком станешь.

Тем не менее, наш «механический цех» работал бесперебойно, и к 15 января прибор, сконструированный Токаревым, был готов. Он весил всего 16 килограммов. Теперь можно было предпринять новую, третью по счету, попытку наступать дно океана.

В этот день «Седов» находился на $84^{\circ}41',5$ северной широты и $123^{\circ}20'$ восточной долготы, — весь месяц он кружился вокруг той самой точки, где 18 декабря мы оставили в холодных водах океана 3 300 метров новехонького троса вместе с приспособлением Брука.

С раннего утра над нами пылало величественное полярное сияние, достигавшее порою исключительной интенсивности. В зените сверкала гордая корона. Трепетные лучи, дуги и полосы расщевивали весь небосвод праздничной иллюминацией. Но, кроме вахтенного, обязанного по долгу службы наблюдать за небесными явлениями, в этот раз никто не любовался этим удивительным фейерверком. Наши помыслы были поглощены более прозаическими делами: мы устанавливали блок-счетчик, прорубали майну, смазывали салом автоматические хrapцы, чтобы они не отказали в ледяной воде, устанавливали освещение.

Не взирая на 38-градусный мороз, работа спорилась: у нас уже выработались кое-какие практические навыки, и мы уже довольно уверенно орудовали у глубоководной лебедки. Наконец, в 14 часов 40 минут я подал команду Буторину, занимавшему свой бессменный пост у барабана, на котором был намотан трос:

— Травить лотлинь!

— Есть травить лотлинь! — бойкоткликнулся боцман, лебедка зарокотала, и новенький прибор Токарева исчез в майне. Механик с гордостью и какой-то особой нежностью проводил его взглядом.

Вначале все шло нормально. Мотор работал без перебоев, тонкая проволоочная нить плавно уходила в воду. Но вскоре мною опять начала овладевать тревога: блок-счетчик отсчитывал уже пятую тысячу метров, а Гаманкову и Гетману, которые по старому методу от-

¹ На камбузе его до осени заменял Гаманков, неожиданно показавший себя способным кулиняром.

тягивали трос медными крючьями, все еще не удалось ощутить момент касания дна. Трудно было предположить, что в этом месте океан настолько глубок. Скорее всего такой кустарный метод просто не оправдывал себя: физически невозможно на ощупь определить момент, когда конец тяжелого троса ляжет на дно.

— Выбирать лотлинь! — скомандовал я.

Но тут неожиданно закапризничал наш «Симамото». Механики бросились к двигателю и начали возиться у него, выясняя причину перебоев. Тем временем пятикилометровый трос болтался в проруби, а конец его в это время, быть может, волочился по дну.

Прошло десять, двадцать, тридцать минут. Изношенный мотор все еще отказывался работать, хотя механики, казалось, были готовы сами влезть в цилиндр и заставить поршень двигаться. Все мы нервничали, и каждая минута казалась часом.

Наконец, в 15 часов 40 минут «Симамото» ожил, ворчливо откашлялся и заработал. Все облегченно вздохнули. Но наша радость была кратковременна: через сорок минут, когда в воде оставалось всего 1700 метров троса, лопнул и конец его вместе с прибором Токарева ушел на дно.

Я невольно взглянул на второго механика. Он был бледен и молчалив.

— Константин Сергеевич, — колышка! — крикнул со льда Шарыпов, рассматривавший при электрическом свете оборванный конец.

Так и есть! Мои опасения были справедливы: конец троса лежал на дне, свившись в клубок; в результате образовались спирали; при подъеме они скрутились и одна из них лопнула. Надо во что бы то ни стало найти новый способ определения того момента, когда лот касается грунта. Иначе нам ничего не удастся сделать.

Что если применить метод многократного промера? Опуская трос несколько раз, последовательно на большие и большие глубины, можно с известной точностью угадать момент касания дна. Правда, при этом увеличится износ тро-

са. Но лучше пойти на это, чем при первом же промере потерять все.

Во всяком случае опыт показал, что Буторин и Токарев были правы: тонкая стальная проволока оказалась не слабее нашего старого плетеного линя, и если бы не проклятая колышка, она бы нас не подвела.

У нас оставалось 3300 метров проволочного троса. Что если сростить его с остатком старого линя и повторить опыт? Правда, люди устали. Однако всем нам не терпится добиться каких-то определенных результатов. Ведь мы решили на этот раз произвести последнюю попытку измерения глубины. Так почему же не исчерпать все возможности до конца? И я отдал распоряжение — немедленно вратить в лотлинь еще тысячу метров старого двухрядного троса.

Но где взять новый груз? Уж если рисковать, то рисковать до конца, — я разрешил Токареву пустить в дело тяжелую трубку Экмана, отрезав от нее большую часть, дабы максимально облегчить прибор.

Чтобы мотор не расходовал топлива зря, пока мы готовились к вторичному промеру, механики переключили динамо, которую он приводил в действие, на зарядку аккумуляторов.

Люди работали в эти часы самозабвенно. Они забыли о холоде, забыли о том, что с раннего утра никто ничего не ел. Приходилось силой прогонять то одного, то другого в кают-компанию, где Гаманков, исполнявший обязанности повара, расставлял разные закуски.

В 21 час 30 минут неожиданно погас свет. Оказывается, в довершение всех бед порвался изношенный приводной ремень. Механики зажгли керосиновые фонари и вооружились шилом и дратвой. Через полчаса ремень был шит, и палуба «Седова» снова озарилась светом.

Наконец, уже поздним вечером все было готово. На конце троса раскачивалась тяжелая трубка Экмана, обрезанная Токаревым наполовину. Мы поглядывали на нее с некоторой опаской, но заменить ее было нечем. Откладывать же измерение еще на две недели, пока будет изготовлен новый прибор, мы про-

сто не могли, — нервы у всех были напряжены до крайности, и каждому хотелось довести опыт до конца именно в этот день.

В 22 часа 10 минут глубоководная лебедка снова заработала. Хотя люди пробыли уже двенадцать часов на морозе, никто не проронил ни одной жалобы. Все взоры были устремлены на майну, в которой тускло поблескивала вода, быстро покрывающаяся ледяными иглами. Там, под водой, решалась судьба нашего эксперимента.

Я решил опустить в первый раз трос на 4 000 метров, а затем, если он до дна не достанет, опускать его глубже и глубже, увеличивая каждый раз длину выпущенного линия на пятьдесят-сто метров.

Около полуночи мы начали выбирать трос. Старались вращать барабан лебедки возможно плавнее и медленнее, чтобы не потревожить лотлинь. Вероятно, ни один рыбак в мире не следил за кончиком своей лесы, выходящей из воды, с таким азартом, как мы наблюдали за последними метрами линия.

Впервые после трех неудачных попыток, когда всякий раз на дне оставались тысячи метров троса, происходило нечто необыкновенное: счетчик отсчитывал сотни, десятки, наконец, единицы, а проволочная нить все тянулась и тянулась из воды. Наконец, в майне мелькнуло что-то большое и черное, послышался плеск, и Шарыпов крикнул:

— Стоп! Груз вышел!..

Дрожащими от волнения руками он держался за тяжелую трубку Экмана, благополучно вернувшуюся с глубины в четыре километра. Храпцы были плотно сжаты.

Что же? Значит победа? Но радость наша была преждевременна: когда мы разжали храпцы, никаких признаков грунта обнаружить в трубке не удалось. Мы одержали победу лишь наполовину: в эту ночь было доказано, что наш новый трос пригоден для глубоководных измерений и что даже тяжелая трубка Экмана может вернуться со дна океана, если только нам удастся избежать возникновения колышек. Но до дна океана мы не достали. Очевидно, наспех приго-

товленный груз сорвался и закрыл храпцы раньше времени.

Надо было бы повторить опыт еще несколько раз, спуская лотлинь на 4 050, на 4 100, на 4 150 метров — до тех пор, пока он не достигнет грунта. Но люди настолько обессилели за 14 часов непрерывной работы на ветру и тридцатиградусном морозе, что я решил отложить повторение эксперимента.

Измерение глубины мы прекратили около полуночи. А уже через час послышался хорошо знакомый звон, треск и грохот. Началось сжатие, вскоре достигшее исключительной силы, и экипаж, не успев отдохнуть, немедленно отправился к аварийным базам, вблизи которых появились трещины. Это был памятный аврал по спасению склада горючего, описанный мною выше.

Почти десять дней отнял у нас этот неподвиженный аврал: и лишь в последних числах января нам удалось вернуться к подготовке нового, пятого по счету, опыта.

Практика показала, что проволочный лотлинь в состоянии удержать на весу тяжелую трубку Экмана. Но для того, чтобы мы могли действовать более смело и с меньшим риском, следовало все же заменить эту трубку более легким прибором. И наши механики вызвались изготовить второй экземпляр облегченного приспособления, оставшегося 15 января на дне океана. Токарев, Шарыпов и Недзвецкий мастерили его втроем в течение восьми рабочих дней. Прибор вышел на славу, еще лучше, чем первый.

11 февраля, когда «Седов» продвинулся далеко на северо-восток и находился уже на $85^{\circ}51',3$ северной широты и $120^{\circ}50'$ восточной долготы, мы предприняли очередную попытку измерить глубину.

И на этот раз было зверски холодно: термометр показывал 35 с половиной градусов мороза. Вырубленная во льду майна почти мгновенно затягивалась ледяным салом, и нам часто приходилось ее расшищать, чтобы уменьшить обмерзание лотлиня. Приходилось особенно внимательно следить за блок-счетчиком, который то-и-дело покрывался льдом.

Измерение глубины мы начали довольно поздно — в 16 часов 5 минут, так как с утра Ефремов, Буторин, Гаманков и Гетман были заняты на гидрологической станции: с 9 часов утра до 16 им удалось взять 16 проб воды с различных горизонтов до глубины в 2 000 метров включительно.

И вот, после пятиминутного перерыва работы возобновились. Я решил на этот раз действовать сугубо осторожно и для начала вытравил всего 3 600 метров троса.

В 17 часов 40 минут мы выбрали весь лотлинь. Прибор Токарева благополучно вернулся на поверхность. Механики заглянули, увидев свое детище целым и невредимым. Но храпцы прибора оставались раскрытыми. Это означало, что он не достиг дна.

— А ну, давайте на 4 200! — сказал я Буторину, дежурившему у лебедки.

Боцман пустил свою машину в ход, и через полчаса блок-счетчик отметил, что наш лотлинь находится на глубине, превышающей четыре километра.

В 19 часов 55 минут мы снова выбрали трос. Снова прибор Токарева вынырнул из воды, и снова его храпцы оказались раскрытыми. Ни одной крупинки прунта нам не удалось обнаружить в трубке прибора. Океан был значительно глубже, чем мы предполагали.

— Давай на 4 450!.. — командовал я.

Тонкая стальная нить в третий раз ушла в воду.

В 20 часов 35 минут мы начали выбирать лотлинь. Выбирали его медленно в течение полутора часов. Как будто бы все шло хорошо. Но в самом конце опыта, когда под водой оставалось лишь 550 метров троса, неожиданно произошла новая авария: когда замок сращенной проволоки проходил через блок, послышался легкий хруст мерзлого металла, и в то же мгновение конец троса с прибором скрылся в стылой воде...

Я стиснул зубы, чтобы удержаться от бурного изъяснения своих чувств. Всякому терпению есть предел. Мы могли, скрепя сердце, примириться с потерей полукилометрового троса. Но каждый

раз топить в майне новый прибор — это уже слишком большая роскошь...

— Остановить мотор! — наконец, командовал я. На сегодня довольно...

Нахмуренные люди разбрелись по своим каютам.

Полмесяца не вспоминали мы о глубоководных измерениях. Со страниц вахтенного журнала после злополучного опыта, произведенного 11 февраля, слова «трос» и «изготовление прибора» исчезли без следа. Но потом, когда горечь поражения немного рассосалась, я снова начал подумывать об опытах.

Все чаще я поглядывал на трубки Экмана, лежавшие без пользы в кормовом твиндеке. После двух неудач было бы просто бесчеловечно заставлять механиков работать над приготовлением третьего прибора. Но почему бы нам не попытаться еще раз применить готовые трубки? Тем более, что в нашем распоряжении остается более 4 000 метров готового троса!

Как выяснилось, эти трубки, лежавшие без пользы, не только меня лишили покоя. Однажды Буторин, начав, как обычно, разговор издали, неожиданно напомнил:

— Константин Сергеевич, там у нас трубки лежат...

Я сразу понял, к чему клонит свою речь боцман, но сделал вид, что не понимаю, о чем идет речь:

— Какие трубки?

— Да эти самые... Экмана...

— Ну и что же?..

— Да как вам сказать? Может, сгодились бы они нам на что-нибудь?

Я невольно улыбнулся и сказал:

— Сгодятся, Дмитрий Прокофьевич, сгодятся...

У нас было две трубки Экмана. Значит мы могли провести еще по крайней мере два опыта. Необходимо было лишь увеличить запас проволочного троса. А это мы могли сделать теперь довольно быстро.

Восьмого марта, когда мы дрейфовали уже далеко за 86-й параллелью, Буторин, Шарыпов и Гетман снова взялись за изготовление троса. Механики начали ремонтировать мотор «Симамото», чтобы он в решающую минуту не

подвел нас, как это было 15 января. Гаманков помогал механикам, вращая вручную шпиндель токарного станка.

Работать в твиндеке и в машинном отделении было трудновато: помещения не отапливались, а температура воздуха держалась на минус 43—44 градусах. Все же дело подвигалось довольно успешно, и уже через трое суток все приготовления к измерению глубины были закончены.

Но тут, как назло, снова возобновились подвижки льда. Они были настолько значительны, что 13 марта пришлось отменить даже магнитную станцию: лед под снежным домиком ходил ходуном, и магнитометр не мог дать точных показаний.

Только к 15 марта, когда «Седов» находился на $86^{\circ}25'1$ северной широты и $108^{\circ}06'$ восточной долготы и льды несколько успокоились, мы поспешили начать свои опыты, хотя мороз достигал 35 градусов. Помня, что во время последних промеров мы обнаружили большие глубины, я решил для начала вытравить 4800 метров, а затем постепенно увеличивать длину троса до тех пор, пока не удастся нащупать дно.

В полдень лотлинь уже был спущен в майну, и механики включили мотор. Трос медленно пополз вверх. Все внимательно следили за движением белой, быстро обледеневающей нити. Шарыпов, дежуривший у майны, съезжился и подался вперед, готовый в любое мгновение броситься к тросу и схватить его, если и на этот раз какой-либо замок разойдется.

К часу дня из воды вышло уже 4400 метров троса. И вдруг на льду поднялась какая-то возня и раздались крики:

— Колышка!

— Стоп! Оборвало...

— Поймал! Поймал...

Оказывается, из воды показался спутанный спиралью трос, возникла колышка и линь лопнул. Но в то же мгновение Шарыпов ловким движением перехватил оборвавшийся конец и удержал его в нескольких сантиметрах от воды.

Лебедку остановили. Я спустился на лед, и мы начали выбирать трос вручную. Метр за метром ложились на лед

витки подхваченного Шарыповым конца. Он был весь изуродован колышками и... в нескольких местах перепачкан в серый, глинистый ил.

Земля! Земля, добытая со дна океана. То, за чем мы так долго и безуспешно охотились. Я бережно снимал с проволоки быстро замерзавшие крупинцы этой жалкой грязи и любовался ими, как самым дорогим сокровищем. Сколько сил и энергии затратили мы, чтобы добыть их!

К 13 часам 15 минутам мы вытащили из майны вручную 300 метров троса. Это было все, что нам удалось спасти, остальные сто метров вместе с трубкой Экмана были оборваны.

Мы не очень сожалели об этой утрате. Ведь основная цель опыта была достигнута: мы собственными глазами увидели грунт, поднятый тросом со дна океана. Чтобы дать возможность всей команде полюбоваться плодами долгой и трудной работы, я потом, когда работы уже окончились, вынес в кают-компанию мощный микроскоп и, положив на стеклышко крупинку драгоценного ила, предложил желающим посмотреть на него. И долго-долго разглядывали моряки угловатые темные зерна, извлеченные нашим тросом из-под толщи океанских вод...

Судя по следам ила и колышкам, оборвавшимся на конце лотлиня, мы просчитались на 400 метров, — 400 метров троса лежали на дне океана. Значит, в этой точке глубина составляет приблизительно около 4400 метров.

Для того, чтобы получить более точную цифру, надо было возможно скорее повторить промер, пустив в ход вторую трубку Экмана, которая стараниями наших моряков была укорочена и значительно облегчена.

На этот раз я решил применить еще одно приспособление: прикрепить к концу стального троса длинный кусок пенькового. Гибкий и мягкий, но в то же время достаточно прочный, пеньковый трос не боится колышек. Его длина — 210 метров. Даже в том случае, если пеньковый конец ляжет на дно, ничего опасного не произойдет: он вытянется в

струнку, как только трос потянет его вверх. Надо сказать, что это простое, но вместе с тем очень важное усовершенствование глубинных промеров не раз выручало нас впоследствии.

Но еще большую роль сыграло, бесспорно, предложение нашего скромного машиниста Коли Шарыпова, внесенное им утром 17 марта, за несколько часов до начала эксперимента, которому было суждено завершиться рошающей победой.

Как будто бы этот день не обещал ничего хорошего. Во всяком случае начался он отнюдь не весело. Вахтенный журнал рассказывает об этом так:

«17 марта, 9 часов Температура минус 41°. Дымка, временами налегает туман. Юго-западный ветер — 3 балла. Сжатие льда в трещине за кормой. Буторин, Шарыпов и Гетман продолжают подготовку к измерению глубины.

11 часов. Судно испытало толчок по месту трещины, проходящей за кормой. Сжатие и торошение льда. Команда продолжает подготовку к измерению глубины.

14 часов 15 минут. Сжатия по корме и слева значительной силы. Образуются торосы молодого льда. На месте торошения слева в 20 метрах от судна начинает ломаться старый лед. Поле у левого борта сильно трещит. Вал торошения медленно приближается к судну. Команда продолжает работу по подготовке к измерению глубины...»

Эта короткая запись наглядно показывает, насколько экипаж «Седова» уже приноровился к своеобразной обстановке дрейфа. Теперь мы уже не теряли времени зря на разглядывание ледяных валов, разгуливающих над океаном. За ними бдительно наблюдали вахтенные, и этого было достаточно. В нужный момент вахтенный подавал сигнал, и тогда все пятнадцать зимовщиков вступали в единоборство со льдами. А пока-что каждый спокойно занимался своим делом...

Судя по некоторым признакам, во второй половине дня должно было наступить некоторое затишье. Им следовало воспользоваться для измерения глубины. Я зашел в кубрик, чтобы проверить, как подвигается вперед дело у Буторина, Шарыпова и Гетмана. Над каземком сушился блок-счетчик. На сте-

не я заметил новый для кубрика предмет — большой медный безмен круглой формы.

Я хотел спросить ботмана, зачем его сюда принесли, но Шарыпов предупредил мой вопрос.

— Как вы смотрите, Константин Сергеевич, — что если мы все же попробуем его применить? Помните, Токарев осенью предлагал...

И я сразу вспомнил историю этого безмена. Когда мы только начинали подготовку к измерениям океанской глубины, Токарев отыскал в машинном отделении этот старый безмен, применявшийся когда-то для взвешивания мешков с углем, и предложил употребить его вместо динамометра. Если к безмену подвесить блок-счетчик, то, по мере опускания лотлиня, он будет все время увеличивать свои показания, — тяжесть опускаемого в воду троса будет возрастать. Но в тот момент, когда груз, укрепленный на конце лотлиня, достигнет дна, показание безмена резко уменьшится. Это будет сигналом, что глубина добыта.

Сама по себе эта идея крайне проста и целесообразна. Но наш плетеный трос весил значительно больше, чем 300 английских фунтов, на которые был рассчитан безмен. Предложение Токарева было отклонено, а потом о нем забыли. Только Шарыпов держал пружинные весы на примете.

Теперь, когда мы изготовили трос из проволоки, весивший вдвое меньше прежнего, безмен был как нельзя более кстати. И я распорядился немедленно пустить его в дело.

Шарыпов вынес свой динамометр на палубу, прочно укрепил его на шлюпбалке и подвесил к нему блок-счетчик, через который был переброшен линь с укороченной трубкой Экмана на конце. Теперь мы обладали двойной гарантией от обрыва: во-первых, пеньковый линь не боялся колышек, а во-вторых, импровизированный динамометр должен был более или менее своевременно сигнализировать о моменте касания грунта. Я с нетерпением ждал, когда льды успокоятся и мы сможем испробовать на практике наши новшества.

Наконец, сжатия льда прекратились, и в три часа дня мы начали свою работу. Сорок минут спустя, я распорядился приостановить лебедку. Блок-счетчик показывал, что под воду ушло 4 210 метров. Стрелка безмена остановилась на цифре 290. Это значило, что 4 210 метров лотлиня вместе с грузом весят 290 английских фунтов.

Заметив эту цифру, мы продолжали помалу травить трос, останавливая лебедку через каждые 50 метров, чтобы проверять показания динамометра.

Наш боцман несколько недоверчиво относился к новшеству, предложенному Шарыповым, и с опаской глядел на старенький безмен. И хотя он с каждым разом увеличивал свои показания, Буторин все неохотнее и неохотнее отпускал тормоз лебедки.

Блок-счетчик регистрировал 4 260 метров... 4 310... 4 360... Стрелка динамометра уходила дальше и дальше.

Наконец, боцман не выдержал:

— Константин Сергеевич, не верьте этой штуке! Подведет проклятый безмен! Останемся без троса...

Я волновался не меньше Буторина. Риск был большой, проволока могла не выдержать огромной тяжести, и тогда мы должны были бы начинать все с самого начала. Но опыт надо было довести до конца. И я скомандовал:

— Еще пятьдесят!..

Боцман бросил на меня укоризненный взгляд и, безнадежно махнув рукой, отпустил рычаг. С отчаянным грохотом лебедка сбросила в воду новые 50 метров троса. Стрелка безмена снова увеличила показание.

4 410 метров! И все еще нет дна? Что, если и в самом деле этому старому безмену нельзя доверять? Ведь в прошлый раз трос лег на дно на глубине 4 400 метров...

— Еще пятьдесят!..

Боцман побледнел, но смолчал. Лебедка была пущена в ход.

Цифры на блок-счетчике мелькали все быстрее: 4 420... 4 430... 4 440... 4 450...

Боцман затормозил. В тот момент, когда счетчик показал, что под водой уже 4 460 метров троса, стрелка динамомет-

ра перешла предельную черту. Никаких признаков прикосновения к грунту!

— Давайте еще пятьдесят!..

Боцман взмолился:

— Нельзя больше, Константин Сергеевич! Оборвет, верное слово, оборвет. Без троса останемся...

Я повторил:

— Еще пятьдесят!

Буторин отпустил тормоз. Трос понесся еще глуже. Барабан прыгал с глухим ревом в разработавшихся чугунных сухарях, заменявших подшипники. Вся лебедка ходила ходуном. Боцман приговаривал:

— Вот оборвет... Вот оборвет...

— 4 510 метров!..

Я посмотрел на диск безмена. И — какая радость! Стрелка его неожиданно качнулась в противоположную сторону и остановилась на цифре 270.

— Груз на грунте! — крикнул я Буторину, — приготовиться к выбору лотлиня!

Буторин и Шарыпов засуетились у шлюпбалки. Они устанавливали на отводе второй блок-счетчик, чтобы уменьшить изгиб троса во время подъема. При этом показание безмена, к которому был прикреплен первый блок, понизилось до 240 английских фунтов, часть нагрузки принял на себя новый блок-счетчик.

Я с большим волнением ждал, пока приговаривания к выбору троса закончатся. Ведь показание динамометра могло уменьшиться не только потому, что груз достиг грунта. Напряжение могло уменьшиться и по другой причине: что если конец троса с трубкой Экмана и новеньким пеньковым линем, не выдержав тяжести, оборвался?

В четыре часа дня мы, наконец, начали выбирать лотлинь. И сразу же, как только счетчики отсчитали 20 метров, стрелка безмена резко подпрыгнула — ее показание в один миг увеличилось на 30 фунтов. Я с облегчением вздохнул: теперь уже было ясно, что там, под водой, все в порядке: такой скачок — верное свидетельство отрыва от грунта.

Для памяти я записал в тетрадке:

«16 часов 05 минут. Длина вытравленного троса 4 490 метров.

Показание безмена — 270 английских фунтов.

Характерное уменьшение — отрыв от грунта.

Угол отклонения троса от вертикали — 2 градуса.

Час пятьдесят минут вытягивали мы трос из воды. До последнего метра проволочный трос прошел гладко, без единой колышки. Затем мы выбрали ручную пеньковый линь, и, наконец, из майны вынырнула трубка Экмана. Храпцы были закрыты, как полагается, а сама трубка перепачкана коричневым илом, — она на 10 сантиметров вонзилась в мягкое дно океана.

С величайшими предосторожностями извлекли мы из трубки эту первую пробу, взятую нами с соблюдением всех правил. А через полчаса я закончил расчеты и внес в давно уже приготовленный дневник глубоководных измерений запись № 1:

«17 марта 1939 г. Широта $86^{\circ} 25', 1$, долгота $108^{\circ} 20'$. Глубина 4487 метров, грунт — коричневый ил».

В этот же вечер мы послали в Москву донесение:

«Экипаж «Седова» взял на себя обязательство к XVIII съезду партии — наладить во время дрейфа измерение океанских глубин. В результате продолжительной и упорной работы всего коллектива сегодня измерена глубина: 4487 метров. Обеспечены также дальнейшие промеры через каждые 20 миль дрейфа. Одновременно с измерением глубины мы будем брать пробы грунта. Первый образец взят сегодня...»

Еще не раз нам предстояло пережить горькое разочарование, еще не одну тысячу метров троса предстояло нам пожертвовать океану. Но с этого дня, с 17 марта 1939 года, мы уже действовали по строго определенным, проверенным на опыте правилам. Усилиями всего коллектива был, наконец, найден правильный метод, который оставалось лишь уточнять и совершенствовать в дальнейшем.

И если до этого каждая попытка измерения глубины была целым событием, о котором потом разговаривали месяцами, то уже через два-три месяца глубо-

ководные промеры стали таким же привычным и будничным делом, как гидрологические или магнитные станции.

ВЕСНА ЗА 86-й ПАРАЛЛЕЛЬЮ

Понятие весны в высоких широтах Арктики сугубо условно. Моряки «Седова» — увы! — были лишены всех тех прелестей, которые радуют зрение, обоняние и слух жителей Большой Земли: мы не видели, как с полей сходит снег и из под сугробов показывается черная земля, покрывающаяся робкой нежно-зеленой порослью, не слышали журчания вешних вод и пения первых жаворонков, не ощущали запаха клейких почек березы и клена.

В лучшем случае нам удавалось полюбоваться тощей сосулькой, свесившейся с палубы на солнечной стороне, или кучей шлака на льду, вокруг которой осел снег. Да и эти скромные радости наступали лишь тогда, когда на Большой Земле начинается жаркое лето. В марте, апреле, мае за 86-й параллелью теплым днем считается такой, когда ртуть в термометре не опускается ниже минус 20 градусов.

Но и арктическая весна обладает своим очарованием. Во-первых, только после долгой полярной ночи можно в полной мере прочувствовать все достоинства солнечного освещения, которые, бесспорно, недооценивают черствые граждане средних широт, избалованные ежедневными восходами и закатами. Во-вторых, будешь рад и температуре минус 20 градусов, если до этого упорно держались 40-градусные морозы. В-третьих, весной обычно успокаиваются льды, и можно спать, не опасаясь, что среди ночи раздается сигнал аврала.

Наконец, именно весною, когда наступает светлое время, можно во всю ширь развернуть научные наблюдения, не рискуя сломать ногу в засыпанной снегом трещине, не опасаясь внезапной встречи с медведем в темноте, не возясь с керосиновыми лампами и фонарями.

Весна 1939 года застала нас в ближайших окрестностях полюса, где меридианы сходятся настолько близко, что прилично натренированный лыжник

может за день пересечь добрый десяток их, — всего четыре мили отделяет одну долготу от другой в этих широтах. Вот почему при хорошем восточном ветре меридианы мелькали мимо иллюминаторов «Седова», словно верстовые столбы: за один лишь апрель мы продвинулись по долготе более чем на 25 градусов — от 107-го до 81-го меридиана.

Надо было спешить с развертыванием научных наблюдений, если мы хотели извлечь максимум пользы из пребывания за 86-й параллелью: следовало ожидать, что за меридианом Земли Франца-Иосифа льды неизбежно потянут нас на юго-запад.

Вот почему морозные весенние дни 1939 года были заполнены у нас особенно напряженной творческой деятельностью. Никогда еще научные наблюдения не велись на корабле с таким размахом и такой интенсивностью. Чтобы дать представление о своеобразии и особенностях этой поры, я приведу здесь записи из своего корабельного дневника, относящиеся к весне, встреченной нами за 86-й параллелью.

«20 марта. 86°26',3 северной широты, 107°04' восточной долготы. И так, весна. Могу с гордостью отметить: стало теплее. Вчера было 40,3 градуса мороза, сегодня — всего 33,6. За одну ночь — скачок почти на семь градусов! Но главное, конечно, не в этом. Главное в том, что с сегодняшнего дня уже можно обходиться без опротивевших всем и каждому керосиновых ламп: круглые сутки — светло...

Вчера в кают-компании торжественно сняли отопление с двух иллюминаторов, и дневной свет потоком хлынул в наше закопченное убежище. Все радовались, как дети.

Солнце, дней десять тому назад впервые выглянувшее из-за горизонта, теперь ходит вокруг «Седова» почти круглые сутки. К сожалению, видеть его удастся не часто: облака, туманы и снегопад прячут светило. И все же дневного света вполне достаточно, чтобы как следует осмотреться вокруг.

Надо сказать, что мы обнаружили много неожиданностей. В прошлом году

с восходом солнца мы увидели вокруг «Седова» грозные ледяные хребты, часто достигавшие высоты в 4 — 6 метров. Гигантские торосы преграждали все пути, — чтобы отойти от корабля на километр в любом направлении, надо было затратить огромные усилия. Теперь же льды выглядят более мирно: большинство торосистых гряд — не выше полутора-двух метров.

Солнце и вода минувшим летом сгладили большинство торосов и ропаков, образовавшихся во время сжатий. В эту же зиму, невзирая на большое количество интенсивных сжатий (с 1 сентября по 17 марта мы насчитали 88 подвижек), торосился главным образом молодой лед — толщиной 20 — 45 сантиметров.

Наши измерения показывают, что своеобразная естественная нивелировка ледяного покрова в высоких широтах происходит и за счет различных темпов намерзания: толщина более молодых льдин возрастает неизмеримо быстрее, нежели старых. Вот что показывает сегодняшнее измерение, произведенное Буйницким и Буториным:

Возраст льда	Толщина льдины в сантиметрах	
	в ноябре 1938 г.	20 марта 1939 г.
Молодой лед, возникший в ноябре 1938 г.	0	170
Лед, образовавшийся в 1937 г.	102	176
Лед, образовавшийся в 1936 г.	146	195

Более толстых ледяных полей мы пока не встречали, хотя Нансен и южнее наблюдал льды, толщина которых достигала 317 сантиметров.

Нансен был свидетелем утолщения ледяного покрова даже в летние месяцы. Мы же прошлым летом не только не наблюдали такого явления, но, наоборот, видели, что лед быстро разрушался, таял, и толщина его уменьшалась.

Видимо, за эти сорок лет процессы льдообразования сильно изменились. Возможно, что далеко не последнюю роль в этом играет так называемое потепление Арктики. Во всяком случае эта зима была значительно более те-

плой, нежели та, какую пришлось перенести Хансену.

Вчера я подсчитал средние месячные температуры начиная с сентября 1938 года и сравнил их с температурами, зарегистрированными во время дрейфа «Фрама» начиная с сентября 1894 года. В результате получилась разительная картина:

Месяцы	1895—1896 гг. 1938—1939 гг.	
	«Фрам»	«Седов»
Сентябрь . . .	— 9,6	— 4,1
Октябрь . . .	— 21,2	— 12,8
Ноябрь . . .	— 30,9	— 21,7
Декабрь . . .	— 32,7	— 22,5
Январь . . .	— 34,7	— 31,1
Февраль . . .	— 34,7	— 30,2

И это — невзирая на то, что мы дрейфовали севернее «Фрама»!

Любопытно, что именно теперь, в марте, когда Хансен и его спутники отмечали уже потепление, в районе нашего дрейфа наступили самые сильные за все время холода. Очевидно, наша среднемесячная температура в марте не будет такой же, какую отметил и «Фрам» в этот период.

Общее повышение зимних температур сопровождается еще одним интересным явлением: снежный покров достигает в среднем лишь 20 сантиметров. Почти бесснежная зима, — как это не вяжется с традиционным представлением об Арктике как о стране саженных сугробов, злых метелей и буйных снегопадов!

Одним словом, мы не зря блуждали в этих широтах. Привезем нашим ученым столько новостей, что им можно будет построить не одну гипотезу и теорию.

А пока-что надо спешить с осуществлением нового плана научных наблюдений. Только бы хватило сил! План довольно напряженный: для того, чтобы к 1 мая выполнить всё, что мы наметили, надо затратить 411 человеко-дней, а в нашем распоряжении их всего 385. Остается рассчитывать только на перевыполнение графиков. Борьба за поднятие производительности труда у ворот полюса остается актуальной задачей!

21 марта. Свирепствует пурга. Дует юго-западный ветер силой семь баллов. Это как-раз то, что нам сейчас нужно: он замедлит наше движение к Гренландскому морю и, быть может, еще ближе продвинет нас к полюсу.

Еще одна хорошая новость: сегодня из Москвы вылетел на остров Рудольфа самолет «СССР Н-171», один из тех, что летали к Северному полюсу. Его экипаж будет нести сторожевую вахту, наблюдая за дрейфом «Седова». При первом же сигнале о помощи он вылетит к нам. Командует самолетом наш старый знакомый — Георгий Орлов, он прилетал к нашему каравану в море Лаптевых, когда с дрейфующих судов снимали часть экипажей.

В машинном отделении кипит работа. Наши механики скоро превратятся в взятых специалистов приборостроения, — они делают решительно все необходимое для научных опытов. Вот далеко не полный список того, что они взялись изготовить до первого мая: две трубки Экмана, переконструированные Токаревым, флюгер, новый стакан для измерения осадков, четыре рейки для измерения толщины льда.

Кроме того, им надо подготовить к действию лебедку для опускания под воду вертушек Экмана, измеряющих скорости течений, отремонтировать лебедку Кузнецова для гидрологических работ, перебрать двигатель «Симамото», обслуживающий глубинные измерения, и произвести еще целый ряд неотложных работ.

22 марта. $86^{\circ} 34',7$ северной широты, $108^{\circ} 46'$ восточной долготы. Редкое в Арктике явление: радуга. Мы долго любовались ею. Потом кто-то сказал: «Вот бы нам под дождик! Да с грозой бы, с молнией, с громом!».

Но еще не скоро увидим мы молнию и услышим гром. В Арктике гроз не бывает.

Солнце сегодня совсем не заходило. Начался полярный день. Пользуясь ясной погодой, определили координаты: пока-что самые северные из всех точек, пройденных нами. Удастся ли нам проникнуть еще выше? Сейчас этого никто сказать не может.

23 марта. $86^{\circ} 30',2$ северной широты, $109^{\circ} 07'$ восточной долготы. Андрей Георгиевич со своими помощниками взял очередную гидрологическую станцию № 15. Пока-что план научных наблюдений выполняется свято и нерушимо. Поэтому у нас у всех хорошее настроение.

Обменялся с Олей радиограммами. На этот раз ее ответ получил удивительно быстро, — только вчера вечером я похвастался по радио, что у нас наступил полярный день, и посоветовал ей прочесть книгу Джона Франклина «Арктические походы», а сегодня утром уже прибыл ответ:

«Очень рада вашему светлому дню. Книжку обязательно прочту...»

Словно разговор идет между Малаховкой и Клязьмой, а не между Москвой и тем, что именуется удивительным термином «чортовы кулички»!..

24 марта. $86^{\circ} 27',6$ северной широты, $109^{\circ} 00'$ восточной долготы. Объявил выходной день. Как ни много у нас работы, но оставлять людей без отдыха не годится. По случаю выходного дня открылась «лыжная станция». Лыжи — нарасхват. Не в пример прошлому году теперь лыжникам раздолье — повсюду гладкие, ровные поля. Только на северо-востоке высится довольно мощная ледяная гряда, в центре которой торчит Эльбрус местного значения — довольно солидный торос.

Он уже давно меня интересовал, и сегодня я в сопровождении Шарыпова отправился к нему, захватив с собою секстан и рулетку. Шарыпов с концом рулетки взобрался на вершину этой величественной груды хаотически нагроможденных обломков старого льда. Определив расстояние до вершины, я лег на снег и, прицелившись секстаном, определил угол. Теперь было совсем нетрудно определить и высоту тороса. Она оказалась равной 6,1 метра.

Минувшей весной мы встречали и гораздо большие нагромождения льда. Теперь же это самый крупный торос во всем обследованном нами районе, радиусом в пять километров.

На пути к ледяной гряде обнаружили любопытное явление: по всей площади льда мы видели бесчисленное множество узких змеевидных трещин, идущих параллельно друг другу с севера на юг. Ширина этих трещин всего 2—3 сантиметра.

— По швам расползлось, — пошутил Шарыпов, увидев эти странные трещины.

Видимо, они образовались вследствие продолжительного действия крепких ветров западной половины в то время, когда дрейф на восток был замедлен какими-то причинами.

25 марта. $86^{\circ} 26',5$ северной широты, $109^{\circ} 40'$ восточной долготы. Среди грузов, имеющих на борту судна, отыскали два метеорографа. Это очень умные приборы, автоматически записывающие при подъеме на высоту давление воздуха, температуру, направление и силу ветра. Обычно метеорографы поднимают на воздушных шарах или мощных коробчатых змеях.

Почему бы нам не попробовать соорудить такой змей? Данные о температуре, давлении воздуха и ветре на большой высоте были бы, конечно, небезынтересными для науки.

Линь для змея мы можем изготовить из проволоки, распустив один из концов такелажной снасти, — у нас есть для этого подходящий трос, свитый из проволоки толщиной в полмиллиметра.

Сегодня же начнем работу!

26 марта. $86^{\circ} 22',8$ северной широты, $109^{\circ} 34'$ восточной долготы. Оля телеграфирует:

«В Москве наступили теплые весенние дни. Очень хотелось бы, чтобы всем было тепло.»

Увы! Это желание совершенно несбыточно: у нас термометры показывают изо дня в день одни и те же цифры: — 38° , — 39° , — 40° ...

Наши механики начали сильно мерзнуть в своем неоттапливаемом машинном отделении. Нелегко целый день работать на таком морозе! Сегодня распорядился оборудовать механическую мастерскую в нижнем кормовом кубрике. Буторин, Шарыпов и Гетман устанав-

ливают там малый камелек. Так дело пойдет веселее.

27 марта. $86^{\circ} 20', 2$ северной широты, $109^{\circ} 28'$ восточной долготы. Сегодня измеряли прозрачность морской воды. Закрыв двери в гидрологическом домике, чтобы не мешал наружный свет, спустили в майну на шнуре зажженную электрическую лампочку мощностью в 100 ватт. Свет лампочки был виден на глубине до 2,4 метров. Затем измеряли прозрачность воды диском Секки, опуская его в майну, служащую для глубоководных измерений. С левого борта и с кормы диск был виден на глубине 22 метров.

Наш предусмотрительный врач, прослышав о вылете из Москвы самолета «СССР Н-171», подал рапорт, в котором просит, чтобы на этом самолете доставили с острова Рудольфа четыре пары зубо-врачебных щипцов — для зубов мудрости и коренных, два кило зубного порошка, машинку для стрижки волос и сто штук стерильных бинтов.

На всякий случай заявку эту передал по радио начальнику зимовки на Рудольфе — Степанову. Боюсь все же, что нам придется закончить дрейф без зубного порошка и без новой машинки для стрижки волос — вызывать самолет будем только в случае самой крайней нужды.

28 марта. $86^{\circ} 22', 3$ северной широты, $108^{\circ} 49'$ восточной долготы. Обнаружили любопытное явление: с тех пор, как усилился наш дрейф на запад, льды, окружающие корабль, начали медленно вращаться. Корабль вместе с окружающими его ледяными полями повернулся уже на несколько градусов против часовой стрелки. Сегодня устанавливаем на льду в расстоянии двух с половиной километров от судна к северу, югу, востоку и западу четыре вехи. С помощью универсала будем определять по этим вехам с точностью до одной минуты угол вращения льдов.

Вечером впервые взяли планктон с глубины 10 метров. Улов небогатый.

Из Амдермы радируют, что самолет Орлова гостит там уже четвертый день. Редакция газеты «Полярный шахтер» сообщает, что летчики везут нам письма,

газеты, продукты, снаряжение. Вылететь на остров Рудольфа самолет пока не может из-за пурги. У нас погода сносная, но холода не ослабевают: сегодня было 42° мороза!

29 марта. $86^{\circ} 22', 5$ северной широты, $108^{\circ} 10'$ восточной долготы. Советовались по радио с зимовщиками мыса Челюскина о том, как изготовить змей для запуска метеорографа на высоту. Дело это, оказывается, довольно сложное. Нужны дюралюминиевые трубки разных размеров, кольца, медные трубки, английские булавки, динамометр, шелк. Начальник зимовки Степанов (однофамилец начальника полярной станции на Рудольфе) и аэролог приехали подробно описание всех материалов, необходимых для сооружения змея, и в конце немного наивно спрашивают: «Найдется ли у вас все это?».

Вопрос излишний. Конечно, нет! Но наши механики выходили и из более трудных положений. Мы уже обдумывали этот вопрос и решили, что у нас получится прекрасный змей из старой шелковой палатки и медных трубок от холодильника.

Изготовление линия для змея подвигается успешно — Буторин и Шарыпов сплели уже больше 1000 метров тонкого, полумиллиметрового тросика.

1 апреля. За последние восемь дней нас снесло на юго-запад. Сегодня мы находимся на $86^{\circ} 16'$ северной широты и $107^{\circ} 25'$ восточной долготы.

Я решил провести суточную гидрологическую станцию, чтобы выяснить колебания температуры и солености на четырех, выборочно взятых, горизонтах — в зависимости от приливо-отливных течений.

Берем пробы воды через каждые два часа. Так как у нас все еще довольно холодновато, одному Андрею Георгиевичу затруднительно справляться с этим делом. Поэтому я организовал три смены наблюдателей: в первой — Андрей Георгиевич, Трофимов, Буторин и Мегер, во второй — я, Алферов и Шарыпов, в третьей — Буйницкий, Токарев и Гетман. Чередуемся через каждые четыре часа. Пока-что обнаружены лишь незначительные колебания температуры на

горизонтах от 200 до 250 метров, — влияние приливно-отливных течений в этих широтах сказывается крайне слабо.

Александр Александрович Полянский сегодня подал докладную записку о работе радистов — закончена приемка материалов партийного съезда. Полянский и Бекасов за эти дни приняли 79 930 слов! А всего с первого сентября по сегодняшний день наша радиостанция приняла и передала 289 118 слов. Достаточно солидная цифра для такой маленькой станции, как наша...

2 апреля. В 14 часов закончили суточную гидрологическую станцию. Новых данных она не дала, — подтвердились сообщения, записанные мною вчера. Люди сильно устали, поэтому пришлось всем по окончании станции дать отдых.

3 апреля. $86^{\circ} 19',0$ северной широты, $106^{\circ} 07'$ восточной долготы. Наши будничные работы идут своим чередом. Буторин и Шарыпов продолжают готовить трос для змея. Механики делают труз для глубинных измерений. Буйницкий сегодня попытался произвести магнитные наблюдения, но вынужден был вернуться, так как поднялась пурга. К вечеру норд-ост усилился до 6 баллов.

Поздним вечером слушали радиопередачу для полярников. Чувствовали себя, как именинники: про нас было сказано много хорошего. Выступали делегаты партийного съезда — герой хасанских боев командир Левченко, секретарь МК комсомола Зинаида Федорова, выдвиженка рабочих автозавода имени Сталина. Они говорили нам теплые, ободряющие слова. Было зачитано приветственное письмо И. Д. Папанина.

У микрофона выступали и пионеры — участники делегации, приветствовавшей съезд. Невыразимо приятно было слышать веселые детские голоса. Мы так соскучились по ребятишкам! А на Александра Александровича просто было жалко смотреть: вероятно, он вспомнил своих девчушек и очень расстроился.

У микрофона просидели до половины четвертого утра.

4 апреля. Еще один знак дружеского внимания к нам со стороны Москвы: сегодня каждый член экипажа не-

ожиданно получил обстоятельную телеграмму начальника Политуправления т. Белыхова, в которой самым подробным образом рассказывалось о жизни и работе членов наших семей. Вот что передано мне:

«В вашей семье все здоровы и бодры. Отец попрежнему работает в Наркомземе. Ваша матушка успешно ведет свою научную медицинскую работу. При полицинике автозавода имени Сталина организуется специальный кабинет лечения по методу, разработанному ею, облучения сердоляком. Сестра в балетной школе при Большом театре учится хорошо. Ольга Лаврентьевна живет уже в новой квартире на реконструированной улице имени Горького. Квартиру обставили новой мебелью, организуем установку хорошего радиоприемника. Дом, в котором живут ваши родители, предназначен к сносу, но мы ходатайствуем перед Моссоветом о предоставлении им новой хорошей квартиры. Все родные шлют вам пожелания всяческих успехов. К этим пожеланиям присоединяются все работники Главсевморпути...»

Такие же хорошие вести получили и остальные члены нашего экипажа. Нужно ли распространяться на тему о том, как подобные знаки внимания действуют на людей? После такого сообщения хочется горы ворочать, чтобы доказать, что ты достоин заботы, чуткости, доверия, которыми пользуешься. Вот то, о чем поистине ни один исследователь Арктики, кроме советских, не может даже мечтать!..

Послал от имени всей команды сердечную благодарность работникам Политуправления за заботу и внимание к нашим семьям.

5 апреля. $86^{\circ} 17',0$ северной широты, $101^{\circ} 17'$ восточной долготы. Наконец-то кончилась пурга! Вчера северный ветер усилился до семи баллов и все вокруг нас задернулось белой пеленой. Но к вечеру ветер утих, а сегодня даже выглянуло солнце. Сверх ожиданий нас к югу не отнесло. Зато к западу мы продвинулись за эту пятидневку на целых шесть градусов.

Буйницкий, воспользовавшись пояснением, поспешил произвести очередные магнитные наблюдения. Андрей Георгиевич подготовился к гидрологической станции — заменил несколько тер-

мометров у батометров новыми, выверенными при температуре тающего снега. Завтра у нас — большой день: проводим гидрологическую станцию № 17 и измерение глубины № 2.

... А морозы все еще стоят зверские: сегодня минус 37°. Что сказали бы москвичи о таком апреле?

6 апреля. 86° 14,5 северной широты, 99° 37' восточной долготы. Когда это кончится? Какой-то злой рок начинает преследовать нас всякий раз, как только мы беремся за глубоководные измерения. Казалось бы, после удачного опыта, проведенного 17 марта, никакие опасности нам не угрожали. Но вот сегодня — сразу три неудачи: потеряна последняя трубка Экмана, потеряны две гири Томсона, потеряно около двух тысяч метров троса...

Начался день вполне благополучно. Гидрологическая станция была проведена быстро и хорошо. Уже в час дня мы смогли приступить к измерению глубины. В 13 часов 25 минут вытравили 3 000 метров троса. Динамометр показал нагрузку в 220 английских фунтов. Все было в порядке. Но с этого момента стрелка динамометра застыла и не двигалась дальше, хотя мы опускали лот все глубже и глубже. В 14 часов 15 минут под водой было уже 4 000 метров, а стрелка динамометра показывала все те же 220 фунтов.

Я приказал выбрать лотлинь. Как и следовало ожидать, он оказался оборванным — на дно ушло 1 500 метров троса вместе с последней трубкой Экмана.

Прибор, над которым работали механики, еще не был готов. Нам же хотелось во что бы то ни стало определить глубину, — сегодня дрейф льда усилился настолько, что опущенный в воду лотлинь начал отклоняться от вертикали на добрых 15 градусов. Надо было выяснить, не находится ли это усиление дрейфа в какой-либо связи с изменением рельефа дна.

Запасный трос у нас был наготове. Я приказал наскоро связать две гири Томсона и сделать из них груз вроде того, каким мы пользовались при самом первом промере 29 октября. Пока меха-

ники возились с гирями, все остальные вышли на аврал — расширять майну, о край которой терся отклонившийся от вертикали лотлинь.

В 16 часов 20 минут все приготовления ко второму промеру были закончены. На этот раз измерение глубины прошло нормально. Согласно показаниям блок-счетчика и динамометра, глубина составила 4 405 метров. Но взять пробу грунта не удалось: когда мы выбрали трос, то оказалось, что конец его опять оборван. С завтрашнего дня Буторину придется возобновить утомительную и нудную работу — готовить новый трос.

Как дорого обходится нам каждое измерение глубины!

9 апреля. 86° 08,6 северной широты, 96° 00' восточной долготы. Новая сенсация занимает умы на корабле: в двух километрах к западу от нас открылось гигантское разводье невиданных размеров. Это — целое озеро шириною свыше километра. В длину оно расходуется до пределов видимости. Его обследовали Буйницкий и Гетман, ходившие позавчера на запад, чтобы установить вежу на льду. Разводье возникло несколько дней назад, и по краям уже образовался молодой лед толщиной до 10 сантиметров.

Сегодня вечером я, Шарыпов и Алферов ходили на лыжах к этому разводью.

Для Алферова лыжная прогулка была нелегкой: он совсем недавно познакомился с этим видом спорта и сильно устал. Но желание овладеть техникой лыжного бега превозмогло усталость, и Алферов благополучно завершил поход вместе с нами.

Мы обнаружили, что за последние два дня разводье сходилосъ, а потом снова разошлось: видны торосистые гряды молодого льда. Теперь ширина разводья достигает двух километров. У кромок снова образовался молодой лед, но посередине чернеет полоса открытой воды шириной около 400 метров.

Возникновение такой большой полыньи за 86-й параллелью, да еще в апреле, в период 30-градусных морозов, — явление выдающееся. Видимо, оно связано с общим ускорением движения льдов: уже много дней мы быстро

перемещаемся на запад. Явственно ощущается приближение к воротам в Атлантику.

Возникновение огромной полыньи, замеченной нами, медленное вращение ледяных полей, окружающих «Седов», — все это явления одного и того же порядка. Они свидетельствуют о том, что где-то впереди уже начался процесс разуплотнения полярного пака.

А если это так, значит, у нас возникают шансы на выход из льдов уже в этом году. Если мы и впредь будем двигаться так же, то к концу навигации «Седов», продолжая дрейфовать вдоль 85 — 86-й параллелей, приблизится к 50 — 60-му меридиану. В этом районе можно предположить значительное разрежение льдов. В прошлом году «Ермак» сумел пробиться к нам, когда мы находились у 83-й параллели, работая на долготе, где условия мореплавания значительно труднее. Поэтому весьма вероятно, что на этот раз мощный ледокол сможет побить прошлогодний рекорд и подняться к северу еще на 2 — 3 градуса.

Отсюда вывод: надо готовить корабль к выходу из льдов. Уже в самое ближайшее время займемся судовым ремонтом. Больше всего меня заботит состояние рулевого управления — надо во что бы то ни стало вернуть «Седову» хотя бы частичную управляемость.

10 апреля. 86° 10',8 северной широты, 95° 06' восточной долготы. Сегодня попытались провести суточную магнитную станцию, но сильная низовая метель сорвала наблюдения. Дует бешеный норд-ост силой до 8 баллов. Видимо, наш дрейф на запад ускорится еще больше.

Буйницкий зарегистрировал магнитную бурю исключительной силы: амплитуда колебания магнитной стрелки достигает 52° 12'. Ни разу за эти полтора года мы не наблюдали такого явления! Во время наблюдений Буйницкий обморозил щеки и с трудом оттер их.

11 апреля. 86° 15',0 северной широты, 93° 28' восточной долготы. Маленькое приключение несколько юмори-

стического характера: сегодня наш доктор умудрился вырвать самому себе большой зуб. Все приносили ему поздравления по этому поводу.

За последние сутки продвинулись к западу почти на два градуса.

13 апреля. 86° 15' северной широты, 90° 38' восточной долготы. Закончили очередную суточную магнитную станцию.

Разводье, сильно заинтересовавшее нас, покрылось молодым льдом. Вчера его обследовал Андрей Георгиевич, ходивший к нему пешком. Так как его сапоги куда-то исчезли, он надел мои. 44-й номер обуви чрезмерно велик для него, и он был похож на сказочного кота в семимильных ботфортах. Храбро преодолев расстояние, Андрей Георгиевич измерил толщину льда. Она уже достигла 12 сантиметров. Немудрено: все время стоят крепкие морозы.

Трос для глубоководных измерений закончен. Завтра попробуем взять грунт. Так как изготовление трубки Экмана все еще не закончено, применим еще раз гири Томсона, — их у нас много. Если груз и утонет, — будет не так жалко.

14 апреля. 86° 16',5 северной широты и 89° 53' восточной долготы. Ура! Глубина измерена! Вторая проба грунта взята. Полный успех, если не считать потери еще двух гирь и 700 метров троса...

Лотлинь лопнул, как только мы начали травить его. Оказывается, проволока на фабрике была спаяна медью в стык. Мы проглядели фабричную пайку и в результате потеряли конец троса вместе с грузом. Удивительно, как такое ненадежное крепление держалось до сих пор!

На ходу удлиннили трос, прикрепили новые гири и продолжали измерение.

Лотлинь достиг грунта на глубине 4 525 метров. Пока-что это — максимальная глубина, зарегистрированная нами (17 марта — 4 487 метров, 6 апреля — 4 405).

К 15 часам 30 минутам работу закончили. Гири благополучно вернулись со дна океана, зацепив образец грунта — ил светлорыжевого цвета. Я тщательно

но соскреб его и упаковал в стеклянную баночку. Теперь у нас есть уже две пробы донного ила...

15 апреля. $86^{\circ} 17',3$ северной широты, $89^{\circ} 16'$ восточной долготы. Провели очередную гидрологическую станцию. Потом я вдвоем с боцманом сходил к разводью. Его свело до 900—1000 метров. Молодой лед достиг толщины 15 сантиметров.

16 апреля. $86^{\circ} 15',7$ северной широты, $87^{\circ} 52'$ восточной долготы. Наконец-то самолет «СССР Н-171» добрался до острова Рудольфа! Послали летчикам поздравительную телеграмму по этому поводу. Теперь будем чувствовать себя совсем уверенно. Все-таки приятно знать, что под боком есть самолет, который по первому требованию явится к тебе на помощь!

Принять самолет теперь будет легко. Еще в феврале, когда мы начали искать посадочные площадки, без труда удалось обнаружить три естественных аэродрома.

Сегодня Андрей Георгиевич в сопровождении Шарыпова, Мегера и Гетмана еще раз обследовал эти площадки. Наиболее удобное поле находится в двух километрах от корабля на юго-восток. Его размер — 1100 метров длины, 100 метров ширины. Площадка почти свободна от сугробов и ропаков.

Андрей Георгиевич сразу же разметил аэродром, установив 24 флажка — через каждые сто метров. Завтра схожу посмотреть это поле.

17 апреля. $86^{\circ} 11',5$ северной широты, $86^{\circ} 59'$ восточной долготы. Вдвоем с Мегером сходил на аэродром. Площадка, действительно, вполне приличная. Чтобы подготовить ее к приему тяжелых самолетов, надо снять всего один прошлогодний обтаявший за лето торос и несколько более мелких, также обтаявших глыб. Это займет у нас всего-навсего дней пять.

Невольно вспомнил, сколько трудов пришлось нам затратить на подготовку аэродромов минувшей зимой, когда мы вышли из моря Лаптевых. Тогда мы вынуждены были разбирать целые горы льда, чтобы расчистить сколько-нибудь подходящее летное поле. Теперь же сама

природа предоставила в наше распоряжение готовые аэродромы. Повторяется картина, которую наблюдали участники экспедиции на Северный полюс: чем дальше на север, тем легче условия для посадки тяжелых самолетов.

19 апреля. $86^{\circ} 07',0$ северной широты, $85^{\circ} 31'$ восточной долготы. Так как нас все быстрее несет на запад, приходится научные наблюдения проводить чаще. За пять дней мы продвинулись более чем на 4 градуса по долготе!

Поэтому решил сегодня снова измерить глубину. На этот раз все прошло вполне благополучно. По сравнению с промером, произведенным пять дней тому назад, глубина уменьшилась почти на полкилометра. Она составляет сегодня 4062 метра. Интересно, что покажут дальнейшие измерения.

На гирях Томсона удержалось небольшое количество грунта — светлокоричневый ил.

20 апреля. $86^{\circ} 06',5$ северной широты, $85^{\circ} 51'$ восточной долготы. Ходил на лыжах к разводью вдвоем с Буйнишким. Он бегаёт, как заядлый спортсмен, и мне пришлось туговато. Когда вернулись на корабль, от меня пар валил столбом. Свитер промок насквозь.

Разводье ведет себя смирно. Размеры его — без перемен.

Андрей Георгиевич при участии Гетмана, Алферова и Недзвецкого провел гидрологическую станцию № 19.

Буторин и Мегер измерили толщину льда.

21 апреля. $86^{\circ} 08',3$ северной широты, $85^{\circ} 20'$ восточной долготы. Сегодня пустили в ход вертушку Экмана. Это очень остроумный прибор. Маленькие шарики, спрятанные в особой трубке, как в обойме, под влиянием вращения специального пропеллера, приводимого в движение морским течением, выскальзывают в желобок, вырезанный в компасной стрелке, и скатываются в соответствующий ее курсу сектор подставленной под стрелку корбки.

Чем быстрее измеряемое течение, тем больше шариков выскальзнет из трубки.

Чем постояннее его направление, тем больше шариков скопится в данном секторе коробки. Таким образом, подсчет скоростей и направлений течения упрощен до минимума. Чтобы произвести этот подсчет, достаточно поставить судно на якорь, опустить вертушку под воду, через определенный промежуток времени поднять ее, подсчитать количество шариков, скопившихся в различных секторах коробки, и заметить показанное счетчиком число оборотов. Эти цифры дадут полную картину перемещений воды на данном горизонте.

Однако мы не можем поставить свой корабль на якорь. Он движется вместе со льдами. Поэтому мы получаем только относительные данные, которые затем можно будет обработать путем вычислений. Для определения поправок на снос корабля каждые два часа производим точное определение координат.

Вертушки Экмана опускали под воду на тросе нашей лебедки, служащей для глубинных промеров, — она теперь получила дополнительную нагрузку. Провозились весь вечер, сильно устали. Зато получены интересные данные.

Как показали астрономические определения, «Седов» сегодня дрейфовал по магнитному курсу 140° , со скоростью 142 метра в час.

Точно с такой же скоростью в том же направлении двигался слой воды толщиной в 150 метров, — вертушка Экмана на глубинах до 150 метров упорно не давала никаких показаний. Но, как только мы опустили ее на 50 метров глубже, она моментально заработала с нарастающей интенсивностью. Чем глубже мы ее опускали, тем энергичнее она работала. Это означало, что нижние слои воды отстают от верхних. Движение водяных масс, увлеченных льдами, постепенно затухает, причем процесс этого затухания не прекращается даже на глубине километра.

Последнее наблюдение особенно важно: ведь многие специалисты до сих пор утверждали, что дрейфующие льды увлекают за собой лишь тонкий поверхностный слой воды. Вот данные сегодняшних наблюдений:

Глубина в метрах	Относительная скорость, показанная вертушкой Экмана в метрах в час
10	0
20	0
50	0
100	0
150	0
200	12
300	98
500	106
1000	113

Чтобы проследить, до каких глубин распространяется этот процесс затухания, придется опускать вертушку еще глубже — километра на два.

23 апреля. $86^\circ 10',5$ северной широты, $84^\circ 56'$ восточной долготы. Чудесный, ясный денек. Круглые сутки светит солнце. Его лучи, отражаясь от сверкающей поверхности льда, проникают всюду. Потоки ослепительно яркого света вливаются в открытые иллюминаторы и озаряют наши скромные каюты каким-то праздничным сиянием. Все как будто бы изменилось. На душе стало радостнее, веселее.

После работы наши фотолюбители всей душой отдались своему излюбленному занятию, — даровое освещение обеспечивает прекрасное качество фотографий при ничтожной выдержке. Мегер корпит над своим альбомом, — он сделал уже около 40 зарисовок с природы.

Неподалеку от судна расчистили каток, и сейчас там постоянно маячат две фигуры: у нас, к сожалению, всего две пары коньков, и пользоваться ими можно только по очереди.

Андрей Георгиевич, Шарыпов, Гетман и Мегер до полуночи работали с вертушками Экмана. Чтобы ускорить наблюдения, опускали одновременно два прибора на разные горизонты.

Между прочим, сегодня знаменательная дата: исполнилось ровно полтора года нашего дрейфа. Следовало бы ознаменовать ее хоть небольшим праздником. Но уже близится Первое мая, и мы как-нибудь совместим оба торжества. Сейчас для частых празднеств времени нехватает...

26 апреля. $86^\circ 15',6$ северной широты, $84^\circ 31'$ восточной долготы. Чтобы уточнить рельеф дна в районе, где мы

производим опыты с вертушками Экмана, решил сегодня измерить глубину. Опыт едва не кончился весьма плачевно для нас: когда под водой оставалось 3 000 метров троса с двумя гириями Томсона на конце, из майны вышла колышка, и линь оборвался. К счастью, Буторин, стоявший рядом, подхватил его и удержал.

До сих пор удивляюсь, как удалось ему это сделать: 3 000 метров троса и две гири весят по меньшей мере около пяти пудов...

Оборванный трос выбрали вручную. Улов богатый: между гириями задержалось около 500 граммов коричневого ила.

Измеренная глубина — 4 511 метров.

После глубоководного промера весь вечер работали с вертушкой Экмана, опуская ее на глубины до 2 000 метров. Потом, воспользовавшись хорошей погодой, провели стрельбу из карабинов.

29 апреля. $86^{\circ} 20,5$ северной широты, $82^{\circ} 22'$ восточной долготы. Пишу под свежим впечатлением только-что закончившегося радиоразговора с Москвой. Снова, второй раз за время дрейфа, мы слышали родные голоса наших близких. Не буду пересказывать содержание их речей. Слова бессильны выразить то, что переживаешь, слушая такие передачи. Всякий раз, когда великий волшебник—радио—устраивает для нас эти удивительные иллюзии близости с родными, когда мы явственно слышим голоса дорогих нам людей, невольно забываешь, что нас разделяют тысячи километров и что час настоящего, реального свидания еще очень и очень далек.

Человек любит иллюзии и охотно поддается им. Поэтому в такой вечер лучше не вспоминать о том, что нам предстоит еще пережить среди льдов. Закрой дневник и постарайся мысленно воспроизвести еще раз весь наш разговор по радио...

1 мая. $86^{\circ} 22,2$ северной широты, $81^{\circ} 30'$ восточной долготы. Тысяча и одна неожиданность! Собирались провести Первое мая торжественно и празднично, а вышло так, что этот праздник прошел, как самый утомительный рабочий день.

Дело в том, что вчера мы обнаружили одно довольно загадочное явление, мимо которого пройти было невозможно. Пришлось всесторонне его исследовать.

Началось с того, что во время очередной гидрологической станции Андрей Георгиевич заметил очень значительное отклонение троса к востоку на глубине до 100—200 метров. Так как за последние пять суток мы продвинулись к западу более чем на пять градусов, это явление вызвало у меня большой интерес: оно шло вразрез с установившейся практикой — обычно при таком ускоренном дрейфе льдов значительные массы воды увлекаются вслед за ними. Здесь же, наоборот, вода двигалась в прямо противоположном направлении.

Сразу возникла мысль: быть может, мы приближаемся к какому-то еще не известному подводному порогу, через который в Центральный Полярный бассейн вливаются теплые воды Гольфстрима? Решил немедленно измерить глубину, добыть со дна грунт, а заодно и взять пробу воды из придонного слоя, — с этой целью мы рискнули одним батометром и прикрепили его к тросу на расстоянии 75 метров от гирь Томсона.

Как и следовало ожидать, глубина резко уменьшилась. Всего пятидневку назад, когда мы находились на широте $86^{\circ} 15,6$ и долготе $86^{\circ} 31'$, она составляла 4 511 метров. Теперь же на широте $86^{\circ} 23'$ и долготе $81^{\circ} 47'$ лот достиг грунта на глубине всего 3 748 метров. Грунт — темнокоричневый ил. Температура воды в придонном слое — минус $0,76^{\circ}$. Любопытно, что Шарылов, стоявший у майны, заметил в воде плеснущуюся рыбку.

Когда измерение глубины закончилось, было уже 19 часов. Но мы не могли прекратить работу до тех пор, пока не исследуем все особенности обнаруженного нами явления. Надо было немедленно пустить в ход вертушку Экмана, чтобы уточнить характер движения водных масс.

Эта работа, которую мы с Андреем Георгиевичем выполняли посменно, растянулась на всю ночь.

Нам усердно помогали добровольцы — Алферов, Шарыпов и другие, заинтересовавшиеся опытами.

На глубине 80—90 метров нам удалось нащупать течение значительной силы: вода текла на востоко-северо-восток с относительной скоростью: 44 метра в минуту! Дрейф льда, двигавшегося на запад, при этом несколько замедлился.

Только в семь часов утра мы прервали наблюдения, чтобы приготовиться к первомайской демонстрации. Корабль расцвелился флагами. С большим подъемом прошел митинг на льду. Но, как только демонстрация закончилась, мы с Андреем Георгиевичем вернулись к майне и, пока остальные члены команды слушали радиопередачу с Красной площади, продолжали опыты с вертушкой.

В результате упорной, почти круглосуточной работы нам удалось проследить неожиданно открытое нами течение до глубины 500 метров, где относительная скорость перемещения воды упала до 6—7 метров в минуту.

За последние сутки мы продвинулись к западу по долготе всего на пять минут, иначе говоря, почти-что остались на месте. Это совсем не похоже на тот бурный дрейф, который продолжался весь апрель.

Все эти факты весьма оживленно обсуждаются в кают-компании. Как всегда, в таких случаях возникает множество гипотез, в частности предположение о близости невидимой земли. В пользу этой точки зрения свидетельствовали обнаруженное нами внезапное повышение дна, неожиданное течение и замедление дрейфа — признаки близости берега. Поживем, увидим.

После долгой и утомительной работы как нельзя кстати пришелся праздничный ужин. Он удался на славу: щи кислые мясные, пирожки с мясом, ветчина жареная, куриное филе консервированное, овощные консервы, шпроты, сардинки, кильки, консервы из судака, белуги и максуна, маринованная селедка, копченая колбаса, консервированные дичь и языки, пирожное «Наполеон», песочное печенье, конфеты «Дерби» и «Сибирь», шоколад, кофе, вишневая настойка, коньяк, кагор.

За ужином я огласил целую пачку приветственных телеграмм, полученных со всех концов страны. Среди них была одна, сугубо деловая:

«Ваш вызов на социалистическое соревнование имени Гретьей Сталинской Пятилетки принят. От имени экипажа ледокола «И. Сталин» — капитан Белоусов».

Это сообщение вызвало всеобщие аплодисменты.

Наши родные, которых Политуправление Главсевморпути вызвало в Москву на Первое мая, пишут нам в коллективной радиограмме:

«Сегодня мы были приглашены на Красную площадь. Были счастливы видеть вождя народов товарища Сталина и его соратников. Первомайский парад Красной армии вселил в нас еще большую уверенность в непобедимости нашей славной родины. За дни пребывания в Москве мы побывали в музеях, в театрах, осмотрели канал Москва—Волга. Все это произвело на нас огромное впечатление и явилось для нас большой моральной поддержкой...»

Сейчас в кают-компании продолжает-ся веселье. Из своей каюты я слышу оживленный говор, пение, лихой топот танцоров. Но нам с Андреем Георгиевичем сейчас не до пляски, — после трудной ночной работы с вертушкой Экмана хочется спать, спать и спать. Из-за переборки, где стоит койка моего старшего помощника, уже доносится легкой храп. Кажется, и я сейчас последую примеру Андрея Георгиевича.

4 мая. 86° 14',0 северной широты, 81°22' восточной долготы. Сегодня ночью возобновили работу с вертушкой Экмана. К величайшему удивлению, на этот раз никакого течения на глубине 80—90 метров не обнаружили. Движение воды под льдами вошло в норму, — она движется вместе с увлекающим ее ледяным покровом на запад...

Утром — еще одно открытие, показывающее, что мы уже миновали невидимое препятствие: огромное разводье, которое мы наблюдали в первых числах апреля, снова вскрылось, — льды спешат на запад...

5 мая. Опять разговоры о неизвестной земле! Сегодня неожиданно у судна

появилась маленькая птичка, похожая на воробья, занесенная к нам нивесть какими судьбами. Действительно, трудно понять, откуда она взялась, если поблизости нет земли: ведь мы за 86-й параллелью...

Появление птички потрясло воображение наших собак: это первое крылатое существо, которое им удалось увидеть в своей жизни. Сначала Джерри и Льдинка отнеслись к нему настороженно и недоверчиво, но потом охотничий инстинкт взял свое, и собаки начали гнаться за несчастной усталой птичкой.

Охота закончилась безрезультатно.

7 мая. $86^{\circ} 02',8$ северной широты, $82^{\circ} 13'$ восточной долготы. Неожиданно ветер отбросил нас на несколько миль к юго-западу. Я поспешил измерить глубину. Она снова уменьшилась по сравнению с предыдущей и составила всего 3 376 метров. Проба грунта — темнокоричневый ил, мало жирный и плохо пристающий к грузу. Он заметно отличается по виду от предыдущих образцов. Взяли также пробу воды с придонного горизонта. Температура ее почти такая же, какая была определена 30 апреля, — минус $0,79^{\circ}$.

Андрей Георгиевич со своими помощниками провел гидрологическую станцию № 21.

Мы затеяли новую, очень большую работу: хотим наладить сбор животных организмов со дна океана. Для этой цели приходится готовить сложное оборудование. Мегер плетет из нательных сеток, добровольно пожертвованных членами экипажа, драгу. Палубная команда изготавливает трос, на котором эта драга будет опускаться на дно. Механики сооружают новую мощную лебедку для драгирования. Эта лебедка будет установлена рядом с глубоководной на корме.

Механики проявляют чудеса изобретательности. Просто диву даешься иной раз, как им буквально из ничего удается что-то создать! Чтобы соорудить новую лебедку, они взяли старую, негодную швартовную вьюшку с лопнувшей шестерней. Вырубили из 8-миллиметрового железа большую шайбу, прикрепили к ней эту лопнувшую шестерню

скобами, — получилась более или менее надежная деталь. Потом из чугунных гирь Томсона выточили четыре подшипника. Расточили в раме вьюшки отверстия под подшипники. Приспособили тормоз. Лебедка получается на славу...

14 мая. $85^{\circ} 41',3$ северной широты, $79^{\circ} 30'$ восточной долготы. Уже несколько дней дуют крепкие северные и северо-западные ветры. Обычно такие ветры вызывают стремительный дрейф льдов на юг. Но на этот раз ледяные поля движутся медленно, как бы нехотя. За семь дней мы спустились к югу всего на 23 мили. Видимо, более быстро двигаться на юг мы не можем потому, что у Земля Франца-Иосифа скопились льды. Оттуда передают, что море открыто сплошным торосистым льдом вплоть до горизонта.

Все же движение на юг продолжается. Сейчас мы находимся всего в нескольких милях от траессы «Фрама», проложенной им в октябре 1895 года. Если северные ветры удержатся, то через несколько дней на нашей карте, вывешенной в кают-компани, красная линия дрейфа «Седова» пересечет синюю линию «Фрама».

Вчера ночью измерили глубину. Она составила 3 833 метра. К сожалению, на грузе удержалось очень мало грунта: во время подъема троса внезапно остановился мотор. Пока механики его исправляли, груз полчаса болтался под водой.

Вчера же провели очередную гидрологическую станцию и магнитные наблюдения.

Наступление весны, наконец, стало чувствоваться и в наших краях. Мачты, такелаж, борта судна освободились от инея. Ослепительно белая поверхность снежного покрова покрывается черными и серыми пятнами. По палубе уже нельзя ходить в валенках — сыро. Приходится надевать сапоги. Снег тает, невзирая на 14 -градусный мороз, — настолько велика сила солнечной радиации, излучаемой круглые сутки.

Сегодня в полдень я измерил температуру в куче шлака, лежащей на солнечной стороне. На глубине 5 сантиметров термометр показал плюс $16,5$ гра-

дуса. Затем я поднес термометр к выкрашенному черной краской железному борту судна, нагретому солнцем. Ртуть быстро поднялась еще выше и достигла плюс 28,3°. Но стоило мне отодвинуть термометр на один фут, и он показал температуру всего плюс 0,7°. Отодвинул его еще дальше, и ртуть понизилась до минус 13,1.

17 мая. Двигаемся все дальше на юго-запад. Сегодня мы находимся на широте 85°35',0 и долготе 78°10'.

Не без приключений измерили глубину: в самом разгаре работы выбыл из строя ленточный стопор лебедки, и пришлось тормозить барабан деревянными досками. Трудновато работать с техникой, достойной Робинзона Крузо!

Все же измерения провели успешно. Глубина — 4 078 метров. Грунт — вязкий, коричневым ил. На ощупь чувствуются какие-то крупинки. Когда я рассматривал пробу грунта в микроскоп, были видны похожие на раковины частицы, обладавшие своеобразным блеском. Когда ил высох, этот блеск исчез. Кроме того, в массе ила удалось обнаружить под микроскопом белые и желтые частицы, напоминающие крупинки металла.

Взята проба воды из придонного слоя, удачно дополнившая очередную гидрологическую станцию, проведенную Андреем Георгиевичем.

19 мая. 85°34',0 северной широты, 76°06' восточной долготы. Механики внимательно осмотрели сломавшуюся позавчера лебедку и пришли к выводу, что ей требуется капитальный ремонт. За какую деталь ни возьмись, — все расхлябано, разбито, истрепано. Стопор совсем стерся. Чугунные сухари, заменявшие подшипники, разболтались настолько, что барабан прыгает, как бешеный, — того и гляди, шестерни разведутся или зубья полетят. Фактически лебедку придется делать заново.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что наши механики справятся с ремонтом. Но все-таки досадно, что глубинные измерения придется временно прекратить, пока лебедка не вступит в строй.

Еще досаднее, что приходится откла-

дывать в долгий ящик проект сооружения змея для работы с метеорографом. Непредвиденный ремонт глубоководной лебедки лишил нас последних резервов рабочего времени. А впереди у механиков сложная и трудная задача — ремонт и подготовка корабля к навигации. В такой обстановке трудно рассчитывать на то, что в ближайшее время удастся заняться змеем.

А жаль! Наша палубная команда уже подготовила для запуска змея 5 000 метров проволоки. То-то было бы славно, если бы поднять метеорограф на такую высоту!..

20 мая. 86° 33',1 северной широты, 75°11' восточной долготы. Начали очищать палубу от тающего снега. Занятие утомительное, но приятное: все-таки оно напоминает о приближении лета.

21 мая. 86° 31',3 северной широты, 75°24' восточной долготы. Снова зарегистрировали вращательное движение льдов — за последние трое суток корабль вместе с окружающими полями развернулся на 10 градусов против часовой стрелки.

Сегодня провели гидрологическую станцию и начали суточную магнитную станцию.

Торжественно отметили значительную дату: исполнилось два года со дня высадки героической экспедиции на Северном полюсе. В ознаменование этой даты послали коллективное приветствие Папанину, Ширшову, Кренкелю и Федорову.

27 мая. 85° 28',5 северной широты, 76°30' восточной долготы. Механики рапортовали о большой производственной победе: лебедка капитально отремонтирована и установлена на прежнем месте на корме по левому борту.

Лебедка стала неузнаваема. На ней установили новые подшипники, выточенные из тех же гирь Томсона, что и на лебедке для драгирования. (Эти гири служат нам универсальным поделочным материалом!) Новый тормоз изготовили из... шины, снятой с обшивки котла, и старого шкива от лебедки Кузнецова. Между прочим, этот шкив обладает огромным трудовым стажем: в прошлом году он был использован в ветродвига-

теле небезызвестной фирмы «Красный Матвей», — к шкиву крепились лопасти ветряка.

Остатки ветродвигателя перешли к нам от садковцев по наследству, и сейчас механики извлекли шкив из груды хлама. Его ступица лопнула, но это не остановило наших предприимчивых механиков: они выточили буртики по бокам ступицы, одели на них в горячем состоянии железные кольца, и теперь шкив готов работать еще хоть сто лет.

В ближайшие дни возобновим измерения глубины.

29 мая. $86^{\circ}30',2$ северной широты, $77^{\circ}22'$ восточной долготы. Сегодня над льдами бушует шторм. Норд-вест достиг силы в 9 баллов. Все затянато пеленой метели. Я объявил выходной день, и команда отсиживается в кубрике и в кают-компани.

Пользуюсь свободным временем, чтобы привести в порядок свои записки, расчеты, планы. Пора вплотную заняться вопросами судоремонта, — лето уже близко. С каждым днем становится все теплее, невзирая на жестокие северные ветры.

Весна прошла достаточно плодотвор-

но. Никогда еще мы не работали с такой интенсивностью на научном поприще. Быть может, многое из того, что мы сделали, имеет лишь небольшой интерес или же попросту является повторением уже известных истин, — ведь мы далеко не так уверенно чувствуем себя в области науки, как того хотелось бы. Но среди груд наших дневников, отчетов и сводок ученые, бесспорно, найдут и такие материалы, ради которых стоило не спать ночей, проводить на морозе по 15—20 часов подряд, мастерить самодельные приборы, без конца сплетать один трос за другим, одним словом, работать, не щадя своих сил.

Конечно, мы могли бы прожить эти месяцы несравненно спокойнее. Мы могли бы без тени стыда глядеть в глаза своим соотечественникам даже в том случае, если бы ограничились тем, что сохранили бы корабль. Но разве может честный советский человек ограничиться меньшим, если он в состоянии выполнить большее?

Мы поступили так, как поступил бы на нашем месте каждый честный гражданин СССР. И никто из нас теперь не раскаивается в этом.

(Продолжение следует.)

Горький-поэт*

Акад. И. К. ЛУППОЛ

★

I

Сочетание имени великого русского писателя А. М. Горького с такими определениями, как драматург, новеллист, критик, публицист, не вызывает никаких вопросов. Сочетание же «Горький-поэт» не только необычно, но и, пожалуй, неожиданно; больше того, оно может показаться на первый взгляд необоснованным, беспочвенным. Между тем поэтическое наследство А. М. Горького заслуживает самого пристального внимания и изучения. К этому обязывает уже хотя бы то обстоятельство, что крупнейший писатель-прозаик писал стихи, изучение же творческого наследства такого классика литературы, каким является А. М. Горький, не может не быть всесторонним в отношении литературных жанров, в которых он подвизался.

Известны высказывания Алексея Максимовича о непреодолимом — в детстве и юности — влечении к стихотворчеству. Эти высказывания имеются прежде всего в его автобиографической трилогии. Так, в «Детстве», говоря о том, с каким трудом доставалось ему заучивание стихов наизусть, он писал: «Как только принимался учить стихи, — откуда-то сами собой являлись, ползли тараканами другие слова и тоже строи-

лись в строчки»; в том же «Детстве» он вспоминает, как на чердаке «распевал на церковные мотивы все, что приходило в голову». Образцы этих детских «стихов» Горький, как известно, тут же воспроизводит. Это, конечно, отнюдь не поэзия, но во всяком случае свидетельство о тяге ребенка к ритмизированной речи.

Во второй части автобиографической трилогии — повести «В людях», охватывающей время до 1884 года, т.-е. до 16-летнего возраста автора-героя, Горький писал: «Я охотно упражнялся в стихосложении, легко находил рифмы, но почему-то стихи у меня всегда выходили юмористическими».

Наконец, в третьей части трилогии, в повести «Мои университеты», охватывающей время до 1889 года, т.-е. до 21-летнего возраста Горького, находим, например, такие строки: «Ночью я писал стихи о маниаке», или: «Я ушел и ночью написал стихи, в которых, помню, была упрямая строка:

Вы — не то, чем хотите казаться».

Оставляя в стороне показание мемуаристов и основываясь исключительно на высказываниях самого А. М. Горького, мы можем теперь говорить о нескольких тетрадках его юношеских стихотворений. Так, несомненно, была казанская тетрадка стихов, в которую он записывал свои поэтические опыты до 1889 года во время пребывания в Казани. Горький писал о ней в 1930 году в «Беседах

* Доклад на третьих «Горьковских чтениях» 1940 года Института мировой литературы им. Горького. Входит в подготовленный Институтом к печати том II «Горьковских чтений».

о ремесле». Один его старый знакомый по Казани, бывший студент духовной академии, прислал эту тетрадку Алексею Максимовичу, очевидно, незадолго до 1930 года. «Тетрадка не интересная, — писал Горький в «Беседах», — сплошь наполнена выписками из разных книг, топорными попытками писать стихи и описанием — в прозе — рассвета на «Устье», на берегу Волги». Эту тетрадку Алексей Максимович, очевидно, уничтожил.

Далее, столь же несомненно, была у юного Горького еще одна тетрадь стихов 1889 года, уже после Казани. О ней он вспоминал дважды: один раз в 1911 году в очерке «Н. Е. Каронин-Петропавловский» и затем в 1923 году в очерке «Время Короленко». В этом последнем он писал: «Вышел я из Царицына в мае (речь идет о 1889 году. — И. Л.) ...рассчитывая быть в Нижнем к сентябрю». «В котомке у меня лежала тетрадь стихов...» В очерке о Каронине-Петропавловском Горький иронически писал: «Уходя из Царицына я ненавидел весь мир и упорно думал о самоубийстве; род человеческий — за исключением двух телеграфистов и одной барышни — был мне глубоко противен, я сочинял ядовито сатирические стихи, проклиная все сущее, и мечтал об устройстве земледельческой колонии». В этом же очерке он сообщал: «Стихи я потерял в дороге между Москвой и Нижним». Так погибла вторая из известных нам тетрадей юношеских стихов Горького.

К этому же времени относилась и юношеская поэма «Песнь старого дуба», о которой Алексей Максимович вспоминал в 1923 году в очерке «Время Короленко» и в 1928 году в статье «О том, как я учился писать». Некоторое представление о содержании этой поэмы мы можем составить из иронических воспоминаний о ней в первой из указанных работ: «Я никогда не болел самоуверенностью, — писал здесь Горький, — да еще, в то время, чувствовал себя малограмотным, но я искренно верил, что мною написана замечательная вещь: я затискал в нее все, о чем думал на протяжении десяти лет пестрой, нелегкой

жизни. И был убежден: прочитав мою поэму, грамотное человечество благоотворно изумится пред новизной всего, что я поведал ему, правда повести моей сотрясет сердца всех живущих на земле, и тотчас же после этого разыграет честная, чистая, веселая жизнь, — кроме и больше этого я ничего не желал». На основании этих слов Алексея Максимовича мы можем заключить, что это была дидактическая поэма или что дидактический элемент во всяком случае ей был присущ. Эта поэма была уничтожена Горьким после отрицательного отзыва о ней В. Г. Короленко.

Отзыв Короленко, видимо, произвел на молодого Горького сильное впечатление. В 1923 году он вспоминал: «Я решил не писать больше ни стихов, ни прозы и, действительно, все время жизни в Нижнем — почти два года — ничего не писал. А иногда очень хотелось».

Однако потребность к выражению своих мыслей и переживаний в поэтической форме, тяга к стихотворчеству преодолели, к счастью, это решение. К 1891 году относится лирическое стихотворение Горького, написанное М. И. Метлиной¹, основная идея которого выражена в первых стихах первого же четверостишия:

Нет! Там бессильна голова,
Где сердце хочет говорить.

С ними перекликаются и первые стихи второго четверостишия:

Где сердце хочет говорить,
Молчать там должен робко ум.

Новый взлет юношеского поэтического творчества Горького произошел во время пребывания в Тифлисе в конце 1891 года и в 1892 году. Здесь были написаны не только «Макар Чудра» с поэтической песенкой Зобара Лойко, но и первая редакция стихотворной сказки «Девушка и Смерть», которую мы знаем по тексту 1917 года, и опубликованный в 1895 году в «Самарской газете» рассказ «О маленькой фее и молодом чабане» с несколькими введенными в него песнями.

¹ Архив Горького. № 185.

Кроме того, ко времени пребывания в Тифлисе относилась и еще одна, третья из известных нам тетрадок, заполненных юношескими стихотворениями Горького. Этой тифлисской тетрадке повезло несколько больше, чем ее старшим сверстницам: она сохранилась вплоть до 1933 года, когда была показана Алексею Максимовичу. Просмотрев тетрадку, он уничтожил ее, но послал один листик из нее И. А. Груздеву, а вместе с ним и еще одно стихотворение, выписанное на отдельном листке¹. Эти ставшие теперь известными ранние стихи Горького представляют собою юношескую лирику в традиционных метрических формах, некоторые из них — шуточные.

Однако из этой тифлисской тетрадки и из примыкающего к ней по времени поэтического наследия раннего Горького, благодаря счастливой случайности, сохранилось еще восемь стихотворений, ныне хранящихся в Архиве А. М. Горького.

И среди этих стихотворений есть шуточные. Так, одно из них, «Рассвет», посвященное Н. А. Патаркалашвили², основано на изображении рассвета путем сочетания образов и имен античной мифологии, входивших в ассортимент «высокой поэзии», и «низких» быденных предметов — средств передвижения. В каждый четырехстопный хореический катрен этого стихотворения Горький вводит одно также словосочетание: в первом мы читаем: «И умчались колесницы || Молчаливо мрачной ночи»; во втором: «И из туч коляска Феба, || Слепя вылетала»; в третьем: «Иль пролетка Аполлона || Тихо в небе выезжала»; в четвертом: «В небе солнце на телеге || Серой туче показалось».

Позже, судя по почерку, через несколько лет, Горький вернулся к этому стихотворению. Он приписал слова «Любительнице экипажей», давая этим понять, чем был обусловлен остов его поэтической шутки. Пятый катрен он зачеркнул и между строк его написал:

Но — готов поклясться даже!
Шея ближнего — издревле
Всех возможных экипажей
И удобней и дешевле!

При желании в этом четверостишии, вкрапленном в шуточное стихотворение, можно было бы и не усматривать радикальной общественной струи раннего Горького, однако нужно сказать, что и в других ранних шуточных или шуточных стихах Алексея Максимовича не трудно обнаружить общественный подтекст, радикальную социальную струю и притом с некоторой «горчинкой».

Еще одно из сохранившихся полусуточных, полусерьезных стихотворений, имеющее пометку «27 августа» и относящееся, видимо, к 1892 году¹, начинается так:

О, люди родины моей,
Как мало в вас ума и чести!
Ах, не сердитесь — я ей-ей
Всегда и всюду с вами вместе!

Эта «горчинка» шуточных стихотворений почти всегда налицо у молодого Горького и в его ранних чисто лирических стихах. На основе, правда, немногих дошедших до нас ранних поэтических опытов Алексея Максимовича можно установить, что некий социальный подтекст, уже обусловленный неприятием окружавшей его действительности и означавший гражданский протест, свойствен всей его ранней лирике как интимной, так и шутливой.

Так, одно из стихотворений того времени, обращенное к неизвестному лицу, явственно свидетельствует о теснейшем сплетении у молодого поэта линии шутовой и линии гражданской. Основная идея этого стихотворения: «Не минувшему песнь я слагаю, || А грядущему гимны пою»².

Мы приведем два катрена из этого написанного анапестом стихотворения. Второй катрен таков:

В незатейливой песне моей
Я пою о стремлении к свету,
Отнеситесь по дружески к ней
И ко мне, самоучке поэту.

¹ Эти стихи И. А. Груздев опубликовал в своей книге «Горький и его время», т. I, стр. 504—507, Л., 1938.

² Архив Горького. № 42144.

¹ Архив Горького. № 42146.

² Архив Горького. № 24719.

Заканчивается же это стихотворение так:

Не встречайте же музу мою
Невнимательно и безучастно —
В этой жизни больной и несчастной
Я грядущему гимны пою.

При такой направленности интимной лирики молодого Горького мы вправе ожидать от него в то же время и лирики чисто гражданской. Действительно, среди этих немногих стихотворений начала 90-х годов имеются два с чисто гражданскими мотивами. Они не оригинальны ни по форме, ни по содержанию, но свидетельствуют об идейном направлении лирического «я» молодого Горького и делают для нас понятными его поэтические симпатии. Эти стихи продолжают линию русской идейной поэзии второй половины XIX века и принципиально враждебны всякому декадансу.

В одном из них автор говорит о себе в первом лице: он плывет по морю, и хотя путь неведом его душе и даль закрыта мглой, но он плывет «...с глубокой верой, || Что победно из-за туч || Заблестит над далью серой || Солнца радостного луч».

Другое — в русле того же идейного направления, и хотя оно, повторяем, не оригинально, как поэтический опыт юноши, но в нем уже читается и специфически горьковское, — то, что он развивал на протяжении многих лет в своих прозаических произведениях. Мы позволим себе привести его целиком:

Тому на свете тяжело,
Кто сердце чуткое имеет,
Кто всюду видит ложь и зло,
Но правды высказать не смеет;

Кто в омут бедствий погружен
И неразумно толпою
Невежд лукавых окружен, —
Невежд с их совестью слепою;

Кто в мире одинок живет
И видит: правду презирают
И крику правды не внимают,
Когда он песню запоет¹.

Таким образом, поэтическое наследство молодого Горького, едва выступив-

шего в печати с рассказом «Макар Чудра», наследство, от которого до нас дошли жалкие крохи, представляет его нам как автора ряда стихотворений лирического жанра в традиционной форме. Некоторые из этих стихотворений написаны в шутку, однако шутка тронута горечью, обусловленной гражданским чувством. Это гражданское чувство, имеющее в основе социальную чуткость сердца, выражает лирическое «я» автора и пронизывает собою даже интимно-лирические стихи.

Всему этому поэтическому творчеству конца 80-х, и начала 90-х годов, — за исключением тогда же в первом варианте написанных, но опубликованных значительно позже баллад-сказок «Валашская легенда» и «Девушка и Смерть», — всему этому, затерянному и уничтоженному тогда же и в 1933 году, сам Алексей Максимович давал отрицательную оценку, относясь к нему иронически, как к стихотворному «греху молодости». В статье 1928 года «О том, как я учился писать», он назвал «Песнь старого дуба» «деревянной вещью». В «Рассказе об одном романе» (1922—1924), приведя по памяти свои ранние стихи, которые начинались словами:

Синими очами океана
Смотришь ты, Земля моя родная... —

он писал: «и так далее, все о-о-о! Очень синие стихи». В письме к И. А. Груздеву, посылая стихи из тифлисской тетрадки, он назвал их «постыдными стишками».

Постыдного, конечно, в них ничего не было и нет, они выдерживают сравнение с многими и многими печатавшимися в то время стихотворениями, да и кто не писал стихов для себя в 17—20 лет. И, может быть, и можно было бы согласиться с Алексеем Максимовичем, если бы дело не обстояло гораздо серьезнее и сложнее.

В уже упомянутой брошюре «О том, как я учился писать», в 1928 году, Горький говорил: «Итак, на вопрос: почему я стал писать? отвечаю: по силе давления на меня «томительно бедной жизни» и потому, что у меня было так много впечатлений, что «не писать я не

¹ Архив Горького. № 24719.

мог». Думается, что это относится не только к прозе Алексея Максимовича, но и к стихам.

Он писал в юности свои стихи тоже по силе давления на него «томительно бедной жизни» и потому, что не писать стихов он не мог. Если поэзия есть в своей основе эмоционально окрашенная разговорная речь, то Горький со своей глубоко эмоциональной натурой не мог не влечься к поэзии, не мог не создавать стихов — речь эмоциональную и ритмическую. Вопрос же о формальных достоинствах его поэзии, ее совершенстве и мастерстве сейчас, пока речь шла только о юношеской лирике Горького, должен быть оставлен в стороне.

II

Сейчас вопрос ставится так: на основе авторских оценок более позднего времени (1911, 1923, 1933 годов), на основе высказываний Алексея Максимовича непосредственно мемуарного и художественно-автобиографического характера следует ли заключить, что, скажем, после тифлисской тетрадки 1892 года он прекратил свою поэтическую деятельность?

Сам Горький нигде не говорит о своем стихотворчестве после 1892 года или — шире — после 90-х годов за исключением двух случаев.

В очерке о Леониде Андрееве (речь идет о конце 90-х годов или о самом начале 900-х годов) Горький влагает в уста Л. Андреева такие слова: «Но — скажи — зачем ты пишешь стихи? Это так не идет к тебе. Все-таки стихи — искусственное дело, как хочешь». Леонид Андреев, видимо, не хотел понять, что «искусственной» может быть и проза, например, его собственная, андреевская проза, когда он вышел из-под творческого влияния реализма Горького, и что, с другой стороны, и стихи могут быть «естественными», как это бывает у истинных поэтов.

Второй случай — это воспоминания Горького об А. П. Чехове (речь может идти о самых первых годах XX столетия), в которых Алексей Максимович

приводит поэтический монолог Василия Буслаева из задуманной им одноименной пьесы.

В устных беседах Алексей Максимович говорил, что он «в молодости писал стихи». Так ли это? Только ли в молодости? Отрицательный ответ на этот вопрос не требует особой аргументации — он основан на фактах.

Поэтическое наследство А. М. Горького, опубликованное им самим, довольно значительно. Оно может быть разделено на две части: те поэтические произведения, которые были напечатаны Горьким непосредственно от своего имени и которые мы будем называть «авторскими», и те стихотворения, которые он вкладывает в уста персонажей в своих прозаических и драматических произведениях и которые мы будем называть «персонажными».

Первая часть горьковского поэтического наследства сравнительно невелика, примерно свыше десятка произведений, причем подавляющее большинство их было опубликовано Горьким до 1904 года. Остановимся на главнейших из них и будем указывать лишь основную идею произведения.

К 1895 году, а в окончательном известном варианте к 1898 году, относится знаменитая «Песня о Соколе» с ее руководящей специфически горьковской идеей: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни». Как известно, «Песня о Соколе» написана также в специфически горьковской форме — ритмической прозой.

К тому же 1895 году относится еще несколько авторских опубликованных тогда же стихотворений.

Так, в «Самарской газете», № 50, 5 марта 1895 года Горький напечатал стихотворение «Прощай!» В нем воспроизводится образ пловца в море из более раннего стихотворения, примыкающего к тифлисской тетрадке, но в стихах 1895 года этот образ осложнен интимной темой, и все стихотворение — еще одна иллюстрация к сочетанию в горьковской лирике темы интимной с темой гражданской.

Это сочетание, как завязка, дано во второй строфе:

Мне даль пути грозит бедой,
И червь тоски мне сердце гложет.
И машет гривой вал седой.
Но море всей своей водой
Тебя из сердца смыть не может.
О нет! Прощай!

Разрешение же идеи дается автором в двух последних строфах, где интимная и гражданская темы расходятся, причем побеждает вторая:

Любовь — всегда немножко ложь,
И правда вечно в ссоре с ней;
Любви достойных долго ждешь,
А их все нет... И создаешь
Из мяса в тряпках — нежных фей...
Прощай!
Прощай! Я поднял паруса
И встал со вздохом у руля,
И резвых чаек голоса,
Да белой пены полоса —
Все, чем прощается земля
Со мной... Прощай!

Форма этого стихотворения традиционна.

Такова же форма еще одного стихотворения «В черноморье», напечатанного Горьким в «Самарской газете», № 71, 2 апреля 1895 года. По содержанию — это лирический пейзаж моря.

В том же году Горький напечатал, как уже говорилось, сказку «О маленькой фее и молодом чабане», в которую включил несколько стихотворений - песен. Одно из них (о рыбаке и фее) в 1902 и в 1906 годах он опубликовал отдельно как «Валашскую легенду», что и дает право причислить его к авторским стихотворениям. Это известное стихотворение, дважды положенное на музыку (Спендиаровым и И. С. Козловским), воспроизводит в лирическом плане основную идею «Песни о Соколе», выраженную в последней в плане героическом: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» Если нет этого безумства храбрых, то

...вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют.

Ту же идею в мажорной гамме — и притом действительно в специфической горьковской форме — разрабатывают еще несколько поэтических произведений Алексея Максимовича, написанных

им на рубеже XIX и XX веков. Это, во-первых, своеобразная дидактическая поэма в диалогической форме, написанная ритмической прозой, «Пред лицом Жизни» («Нижегородский листок», № 354, 25 декабря 1900 года); во-вторых, знаменитая «Песня о Буревестнике» (1901 года), и в-третьих, дидактическая поэма 1903 года «Человек», написанная также ритмической прозой.

Чтобы ярче оттенить авторскую идею, Горький применяет во всех этих трех произведениях прием противопоставления: основному герою, выражающему авторский замысел, он противопоставляет его идейного и психологического антипода.

Так, в первом произведении «Пред лицом Жизни» предостоят двое. Один из них — индивидуалист, нищешанец, желающий быть властелином жизни, а не ее жертвой. Он хочет свободы для себя, счастья для себя, так как он «дух» и «разум жизни». Однако, на поверку оказывается, что он разьедаем ядом рефлексии в борьбе с самим собою; разум, как нож, вонзился в его душу и раздвоил ее. Ответ, который он получает от Жизни, выражает идею автора:

Ты только раб своих желаний, — не
более!
Свободен только тот, в чьем сердце сила
есть
От всех своих желаний отказаться
Затем, чтобы в одно себя вложить!

Эта еще негативно высказанная идея автора находит свое позитивное выражение в диалоге между Жизнью и вторым человеком:

...бесцветные глаза суровой Жизни
Взглянули на лицо другого человека.
То было грубое, но доброе лицо.
«О чем ты просишь?»
«Я не прошу, я требую!»
«Чего?»
«Где справедливость? Дай ее сюда!
Все остальное после я возьму:
Пока нужна мне только справедливость!
Я долго ждал... Я терпеливо ждал,
Живя в труде без отдыха, без света.
Я ждал... но будет, — пора мне жить!
Где справедливость?!»
И Жизнь ему бесстрастно отвечала:
«Возьми!»

Мажорная гамма и героическая идея достигают прямого революционного зву-

чания, как известно, в «Песне о Буревестнике». Буревестнику противопоставлены чайки, испытывающие ужас перед бурей, гагары, которым недоступно наслаждение битвой жизни, и глупые пингвины. Идея произведения, носителем которого является Буревестник, звучит прямым призывом:

— Пусть сильнее грянет буря!

В дидактической поэме «Человек» человеку, в котором гордость не возмущается и который в силу этого вырождается в мещанина, противопоставлен носитель авторской идеи, олицетворяющий также героическую линию Горького — Человека, в котором вспыхнуло возмущение.

«Непримиримый враг позорной нищеты людских желаний», он хочет, «чтоб каждый из людей был человеком»; он считает бессмысленной, постыдной и противной всю эту жизнь, «в которой непосильный и рабский труд одних бесследно весь уходит на то, чтобы другие пресыщались хлебом и дарами духа»; смысл жизни он видит в творчестве и глубоко уверен, что настанет день, когда в груди его сольются в одно великое и творческое пламя мир чувства с бессмертной мыслью, и этим пламенем он уничтожит все темное, жестокое и злое.

После 1904 года в публикации авторских поэтических произведений у Горького наступает большой перерыв, и лишь в 1917 году мы встречаемся с печатной редакцией поэтической сказки «Девушка и Смерть» с ее основной чисто горьковской идеей, глубоко и лаконично выраженной в известной надписи И. В. Сталина: «Любовь побеждает смерть».

К тому же 1917 году относится и публикация задуманной и оформлявшейся несколько ранее (как это видно из записной книжки Алексея Максимовича, хранящейся в его архиве) шуточной и пересыпанной ироническими сентенциями «Баллады о графине Эллен де-Курси».

Итак, краткое рассмотрение основных авторских поэтических произведений А. М. Горького, напечатанных им за время с 1895 по 1917 год, должно при-

вести нас к выводу, что в них заложено то специфически «горьковское» по мыслям, что выражено им и в его прозаическом наследстве и что составляет героическую линию и мажорную гамму Сокола и Буревестника. Эта линия и эта гамма имеют свою поэтическую предисторию в таких юношеских стихах Горького эпохи тифлисской тетрадки, как: «Я плыву, за мною следом // Грозно пенятся валы».

Вместе с тем в этих авторских стихотворениях прощупывается линия лирической скорби, линия «чуткого сердца», окрашивающая их в минорную, скорбную гамму и тоже имеющая свою поэтическую предисторию в таких юношеских стихах, как «Тому на свете тяжело, // Кто сердце чуткое имеет» и «О, люди родины моей, // Как мало в вас ума и чести».

Наконец, среди этих произведений ясно обозначена и линия «веселой искренности» («Баллада о графине Эллен де-Курси»), также уходящая, как в поэтическую предисторию, в ранние шуточные стихи, сдобренные, как мы видели, известной дозой сердечной горечи.

Наряду с этим «горьковским» по мыслям в опубликованных им авторских поэтических произведениях налицо и «горьковское» по форме. Это, конечно, ритмическая проза и отчасти поэтический строй «Баллады о графине Эллен де-Курси», но о поэтической форме Горького речь будет еще впереди, когда у нас накопится к этому достаточно материала.

III

Вторая группа опубликованных поэтических произведений Горького — это, как сказано, стихи «персонажные», т. е. те, которые Горький вложил в уста персонажей своих романов, повестей, рассказов и пьес. Их наберется свыше ста; не менее двадцати пяти из них — это песни, около пятидесяти — лирические стихотворения.

Введение столь значительного количества стихов и песен в ткань прозаических и драматических произведений и притом органическое введение собственных стихотворений решительно выделяет

Горького из ряда других крупнейших русских писателей: Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Льва Толстого, которые или вовсе не пользовались поэтическими средствами в своей прозе, или допускали стихи в редких случаях и притом не собственные.

Посмотрим же, в каких случаях и с какой целью вводил Горький в свою прозу стихи и песни. Сделаем это раздельно — сначала в отношении стихотворений, затем в отношении песен.

Как будто наиболее просты и естественны те случаи, когда Горький изображает в своем произведении человека, который пишет стихи, как профессионал или как самоучка, но пишет их систематически. Выводя героем произведения поэта, Горький, как автор, как бы заранее задает себе задачу писать стихи за этого своего героя.

Такой случай налицо, например, во второй «Русской сказке», в которой Горький в сатирическо-ироническом плане выводит писателя, который, «считая себя поэтом, писал стихи, но почему-то все плохие, и это очень сердило его». Стихи этого «поэта», написанные Горьким, являются явной пародией на русскую декадентскую поэзию.

Не раз Горький выводил в своих повестях и рассказах иной тип поэта — поэта-самоучки, у которого тяга к стихотворчеству — своего рода непреодолимая страсть. Таковы, например, Павел Грачев из повести «Трое», от лица которого Горький написал пять стихотворений, Платон Багров из «Рассказа Филиппа Васильевича», имеющего по свидетельству самого Алексея Максимовича в его письме к доктору Голанту автобиографический характер; таков и Сима Девушкин из «Городка Окурова», за которого Горький написал восемь стихотворений.

Всех трех героев, при всех их индивидуальностях, сближает одна общая черта: если использовать образ Горького из одного полностью нами приведенного его юношеского стихотворения, — это «чуткие сердца», которым именно в силу чуткости их сердце «на свете тяжело».

Другие поэты-самоучки, например, Егорка из шестой «Русской сказки» или

Платон из рассказа «О тараканах» со своими тремя стихотворениями, существенно отличаются от «чутких сердец»: они хотят писать стихи и пишут их, но выходят эти стихи необычайно глупыми и в силу этого смешными.

Нередки в произведениях Горького и присяжные интеллигенты, которые пишут стихи не столько в порядке профессиональном, сколько в порядке любительском. Такова Калерия из «Дачников», которая пишет стихи всерьез (в пьесе — одно в прозе — «Эдельвейс» — и одно о снежинках); таков из той же пьесы Влас, который пишет в шутку, и если так можно выразиться, в пародию (три стихотворения); такова и Лиза из «Детей солнца» с двумя стихотворениями.

В этих случаях «заданности» стихов автором самому себе можно установить его глубокий замысел.

Во-первых, персонажными стихами Горький полнее раскрывает характер своих героев, полнее представляет их образы. Так, характер Симы Девушкина из «Дачников» не был бы раскрыт полностью, если бы Горький не вложил в его уста лирические стихотворения.

Во-вторых, стихи вводятся Горьким в решающие, поворотные моменты в развитии сюжета. Стихи у него — этапы развития действия, вехи идейной направленности повествования или хода изображаемых событий. Так, момент мелодраматизации Калерией «Эдельвейса» в «Дачниках» крепко завязывает сюжетный узел. Так, дальше момент чтения Калерией стихов о «белых, безмолвных снежинках» и немедленное пародирование их Власом в стихах о «маленьких, нудных людишках» дают развязку всей фабулы.

В «Рассказе Филиппа Васильевича» стихи Платона Багрова, в которых он открывается в любви к дочери хозяйна, — кульминационный момент напряжения сюжета, с которого начинается разрядка.

В «Детях солнца» стихи Лизы о слепых кротах с вопросом:

Скажите — какими словами
Могу я увлечь их за мною?

и немедленный ответ в поэтической импровизации Вагина:

Мы дружно служим в светлом храме
Свободы, правды, красоты —
Затем, чтоб гордыми орлами
Слепые выросли кроты...

несомненно, является поворотным моментом идейной направленности пьесы.

В-третьих, лирические персонажные стихи у Горького часто сопутствуют идее произведения и придают ей эмоциональное звучание, чем, конечно, усиливают ее. Таковы стихи Симы Девушкина из «Городка Окурова»: «В городе у нас — как на погосте —» и «Где же взять нам силы || Против злой судьбы || И нужды проклятой?»

Все это является именно органическим вводом поэзии в ткань прозаических произведений.

Но, кроме случаев «заданности» стихов, когда их литературными авторами являются герои-поэты, у Горького нередки случаи, так сказать, стихов «эпизодических», подобно эпизодическим персонажам. Такие «эпизодические» стихотворения мы встречаем в рассказе «Тюрьма» (стихи Миши, стихи Офицера), в «Рассказе об одном романе» (стихи Фомина), в «Жизни Клима Самгина» — стихи Инокова, стихи Лютова, сказ дьякона. Эти «эпизодические» стихи вводятся Горьким или тогда, когда повествование достигает высокой степени эмоциональности, или для того, чтобы подчеркнуть идею произведения, как, например, в стихах Миши из рассказа «Тюрьма»:

... В России даже звезды
Сквозь решетки смотрят с неба.

Органичность ввода Горьким поэтических изобразительных средств в прозаические произведения еще более отчетлива, когда он обращается к песне, изумительным знатоком которой он бесспорно был.

И здесь, в творчестве Горького, имеются случаи нарочитой «заданности» песни самому себе, например, в рассказе «О том, как сложили песню», или в 21-й «Итальянской сказке», тема кото-

рой сводится к стилизации песен ребят под новый год.

Но в подавляющем большинстве случаев песни вводятся Горьким в рассказы и повести как «эпизодические». Однако эта их внешняя эпизодичность, как будто случайность, оказывается также буднично обоснованной и органической.

Песня у Горького всегда «на месте»; он вводит ее в моменты высшего эмоционального напряжения сюжета, и читатель не может не почувствовать, что без песни обойтись нельзя. Песня у Горького еще в большей степени, чем стихи, определяет повороты сюжета, развязывает события, подсказывает развязку всей интриги. Достаточно вспомнить сюжетную функцию песни в трактате из рассказа «Тоска»: «Сиж у моря, доли себе жду» или функцию песни Саши из повести «Фома Гордеев»: «Восчувствуй, какова тоска любовная», чтобы признать, что за ними неминуемо должны были последовать те события, которые и представлены у Горького. При этом обычно Горький любовно сопровождает рассказ об исполнении песни своего рода ремарками (поскольку можно говорить об авторских ремарках в прозе) — как воспринимается песня и самими исполнителями, и окружающими их слушателями.

Все это относится не только к грустным, печальным песням, в которых «душа выливается наружу», но и к песням озорным, залихватским, к разудалым частушкам. Так сюжетные изгибы и повороты в рассказе «Зазубрина» определяются первой и второй залихватскими хулиганскими песенками Зазубрины в его издевках над бедным котенком. Так и вторая песенка Драного жениха из рассказа «Каин и Артем» определяет развязку событий.

Подобно стихам, и песня нередко служит Горькому для того, чтобы подчеркнуть идею произведения. Такова общая песня из пьесы «На дне»: «Солнце всходит и заходит, || А в тюрьме моей темно»; таковы песенки-противопоставления в рассказе «О чиже, который лгал и о дятле — любителе истины», а именно, песня ворон: «...страшны удары рока, || Мудрый пусть им покорится» и песня

чижа—первая: «Прочь! Здесь объявлена богам || За право первенства война!» и вторая: «...голосу чести и мысли || Свободные птицы не внемлют»; таковы же и песенки-противопоставления в раннем (1893 года) неопубликованном рассказе «О комарах» — песенка лягушек: «Да здравствует наше болото || А прочее все ерунда» и песенка комаров: «Да! болота, милые нам кочки || Уж теперь для нас тесненьки стали».

Таковы функции поэтических произведений, вводимых Горьким в свою прозу.

Можно установить и преимущественный выбор Горьким поэтических форм для выражения чувств и идей: песню он вводит тогда, когда хочет выразить тоску, песню-частушку он применяет для выражения ухарства, сказыв или, по его терминологии, сказительные стихи—для выражения идей народной мудрости, лирические стихи — для всей гаммы чувств и большой амплитуды идей своих героев.

Однако в этом обширном горьковском стихотворном и песенном «репертуаре», среди опубликованных им как «авторских», так и «персонажных» поэтических произведений мы ясно различаем две линии, две гаммы—мажорную, бодрую, утверждающую и минорную, скорбную, тоскливую. К первой относятся Сокол, Марко, Второй из «Пред лицом Жизни», Буревестник, Человек, когда в нем вспыхивает возмущение, а из персонажей прозаических произведений: Зобар Лойко со своей песней, Влас с пародиями, Вагин из «Детей Солнца». Ко второй линии относятся Бенковский из «Вареньки Олесовой», Павел Грачев, Калерия, Лиза, Офицеров из рассказа «Тюрьма», Сима Девушкин, а из исполнителей песен: импровизированный хор из рассказа «Тоска», хор в трактате из повести «Трое», Саша, как исполнительница песни, в повести «Фома Гордеев».

При этом следует подчеркнуть, что среди опубликованных «авторских» поэтических произведений Горького стихов минорной гаммы и скорбной линии нет. Но отсюда было бы поспешно заключать, что эти стихи, так сказать, всецело создание не Горького, а его персонажей, и что его личному лирическому «я»

была чужда эта минорная гамма, эта скорбная линия.

Уже внимательный анализ опубликованных «персонажных» стихотворений Горького подсказывает, что был у него любимый образ (не совпадающий с его излюбленным героем), образ, на котором он останавливался именно с любовью, с особым вниманием, который он разглядел и нашел среди тысяч людей, встреченных им в жизни. Это — образ души, чистой среди скверны капиталистического, буржуазно-индивидуалистического мира, сердца, чуткого к страданиям людей, человека, который скорбит за человека и сознает, что для помощи ему нужны силы, а он их в себе не находит.

У Горького этот человек не устремляется к церковному христианству, к религии. Это не Аким из «Власти тьмы» Льва Толстого и не Платон Каратаев из его же «Войны и мира»; это не герой Достоевского, принимающий на себя грехи мира, это и не черный меланхолик, а по существу мизантроп декадентов и символистов; это, наконец, и не горбун Никита из «Дела Артамоновых» самого же Горького.

Этот любимый образ Горького обращен не к некоему потустороннему миру, он направлен к земле, к жизни, ибо для него и существует лишь земная жизнь: он не ищет лжи утешительной, спасительного самообмана, но он скорбит при виде скверны этой жизни, не находя в себе достаточно сил для переделки ее, и потому его мироощущение окрашено в минорные тона.

Этот образ у Горького не автобиографичен, но кое-что Алексей Максимович вложил в него от себя — не от биографического своего «я», которое ближе к Соколу и Буревестнику, но от «я» лирического.

И Горький понимал какую-то связь, хотя бы по контрасту, связь, существовавшую между его Соколом и его «чутким сердцем», между мажорной гаммой его поэтической лиры и гаммой минорной. Больше того, и читателями Горького, массой, любившей его как писателя, эта связь улавливалась. Причем минорная, скорбная гамма его поэзии, в

условиях самодержавия, может быть, даже притягивала к себе больше из его читателей, ибо далеко не все чувствовали себя соколами, способными на безумную храбрость.

А. М. Горький подметил это. В одной из своих записных книжек, относящихся к самым первым годам революции, он записал: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» верил, проповедал и проповедую я. Из всего, сказанного мною, широко принята и у всех в памяти песенка:

Как хотите стерегите —
Я и так не убегу.
Мне и хочется на волю —
Цепь порвать я не могу!»

Горький не совсем прав в своей записи. «Сокол» и «Буревестник» были любимыми песнями у тех, у кого пробудилось уже революционное сознание. Цитаты из этих песен выставлялись эпиграфами на большевистских листовках. Облик самого писателя Горького сливался в представлении читателей с образом Буревестника.

Но, действительно, в условиях гнетущего царского строя и общая песня из пьесы «На дне» была широко популярна. К ней тянулись все те, для кого и днем было темно в тюрьме капиталистического строя и кого и днем, и ночью стерегли стражи буржуазно-помещичьего общества.

Раненый Сокол истек кровью в бою с врагами, но творцу его было ясно, что капли крови его горячее, «как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!».

Это, конечно, поэтический образ, но социально-политический смысл его был ясен всем — и охранителям капиталистического строя, и невольным рабам его, и смелым протестантам и борцам.

Но для создания поэтического образа Сокола нужно было раньше быть душой чистой, сердцем чутким, а это в условиях буржуазно-помещичьего общества не могло не приводить к минорной гамме в поэтической лире Горького, к скорбным тонам на его поэтической палитре.

«Песню о Соколе» и песню из пьесы «На дне» писал один человек — Горький. Гордого Буревестника с его боевой песней и скорбного Симу Девушкина с его печальными стихами создавал один поэт—Горький. К этому уже приводит изучение одних только опубликованных стихов и песен Алексея Максимовича, щедро распределенных им по персонажам его прозаических произведений.

IV

На основе всего сказанного, а именно — сохранившейся рукописной лирики Горького 90-х годов и опубликованных им его «авторских» и «персонажных» стихов — и невзирая на умолчание Горького об его последующем поэтическом творчестве, правомерен вопрос: а не писал ли Алексей Максимович стихов и дальше — не для печати, может быть, и не «для немногих», а для себя?

В настоящее время мы можем ответить на этот вопрос положительно. Горький писал стихи, — и не только писал, но, к сожалению, и уничтожал их, — вплоть до последних лет жизни. В его личном архиве сохранилось свыше шестидесяти крупных и мелких стихотворений. Это, конечно, немного; на самом деле им было написано гораздо больше. В этом убеждает, например, такое обстоятельство: три стихотворения, написанные на одинаковых листках бумаги и одинаковым почерком и относящиеся примерно к 1921 — 1924 годам, имеют нумерацию — 3, IV, X. Если даже предположить, что, начав нумерацию арабскими цифрами, Алексей Максимович затем перешел на римские цифры, все же будет очевидно, что были написаны еще номера 1—2 и, по крайней мере, 5—9, т.-е. еще семь стихотворений.

Как бы то ни было, заманчивой представляется задача расположения по годам этих дошедших до нас стихотворений. Понимая всю условность решения этой задачи (несоответствие количества сохранившихся стихотворений количеству написанных, возможная неравномерность утраты их по годам, наконец, приблизительность датировки подавляющего большинства на основании почер-

ка, орфографии и бумаги), мы все же приходим к определенной картине по пятилетиям.

От 1890—1895 годов из неопубликованных стихотворений Горького сохранилось двенадцать, от 1896—1900 годов соответственно — одно, годы 1901 — 1905 — два, 1906 — 1910 — четыре, 1911 — 1915 — два, 1916 — 1920 — одно, 1921 — 1925 — семнадцать, 1926 — 1930 — пять, 1931 — 1936 — девятнадцать.

По жанрам рукописное поэтическое наследство Горького в большей своей части — лирика, что и следовало ожидать после ознакомления с «персонажными» опубликованными стихами; в меньшей части — шуточные стихи. При этом лирика падает главным образом на первое пятилетие и на годы 1921 — 1925, когда вместе с тем сильна струя и шуточных стихотворений. Последние годы, 1930 — 1936, дают исключительно стихотворную шутку.

Обе уже известные нам по опубликованным стихам эмоциональные линии — мажорная и минорная — звучат и в рукописных, не предназначенных для печати стихах Горького, причем вторая, видимо, обладала большой притягательной силой. Она не меланхолична, не упадочна, но исполнена горьковской скорби и глубоко лирична. Взятые в целом обе линии свиваются в единую нить.

Страстно любивший природу, чувствующий и понимавший ее, Горький оставил несколько «пейзажных» стихотворений. Эти поэтические пейзажи Горького глубоко эмоциональны, в них раскрывается настроение поэта. Можно сказать, что сами пейзажи не являются для Горького поэтической самоцелью, а служат поэтическим средством для выражения эмоций автора. Эти чувства обычно высказываются Горьким и непосредственно в одном-двух стихах, как эмоциональный итог стихотворения и как авторский отступ от изображаемой картины.

Таков пейзаж лесного пожара в стихотворении, написанном в 1921—1923 годах и начинающемся четверостишием:

Иду межой среди овса
На скрытую в кустах дорогу,
А впереди горят леса —
Приносит леший жертву богу¹.

Известно, что Горький был «огнепоклонником». Еще в детстве он любил пожары, они полностью овладевали вниманием мальчика, захватывали его. На всю жизнь он сохранил какой-то эстетический интерес к огню в любой форме — к пожарам, кострам даже к горящей спичке. В свои прозаические произведения он не раз вводил описания пожаров. Так, и во взятом нами стихотворении он дает поэтическую картину лесного пожара.

В создании этой картины участвуют и зрение, и обоняние, и осязание поэта: они дают ему те ощущения и наглядные представления, которые он своим поэтическим сознанием претворяет в образы, располагает в строй и окрашивает эмоционально.

Над желтым полем желтый дым,
И крепко пахнет едким чадом.
Еж пробежал, а вслед за ним
Крот и мышенок мчатся рядом.

Муравьи и навозный жук, осины и ели, — в картину вовлечен весь животный и растительный мир, видимый автору.

Тяжел полет шмелей и пчел
В угарном дыме надо мною.
Вот можжевельник вдруг расцвел
Неопалимой купиною.
Огней собачьи языки
Траву сухую жадно лизут,
И вижу я, что огоньки
Ползут ко мне все ближе, ближе...

Воссозданная поэтическими средствами картина лесного пожара вызывает у Горького определенные душевные эмоции, и он выражает их в последних стихах:

Смотрю на них, едва дыша
Горячей, едкой влагой смрада,
И странная моя душа
Поет, чему-то детски рада.

Противоположное чувство — печаль — вызывает у Горького другой поэтический пейзаж, созданный им в те же

¹ Архив Горького. № 19610.

1921—1923 годы¹. Знойная, песчаная пустыня, «Ни единой птицы в синем небе, || Только солнце, точно рана в сердце. || А в песчаном море — ни былинки, || Только я один блуждаю зверем». Посреди пустыни, точно маленькая серая монашка, стоит колокольня, и раскаты медного ее колокола замирают в пустыне безответно. Перед ней тоненькая змейка, она смотрит на колокольню изумрудными глазами и смеется над ее бесплодным зовом.

Последний катрен этого написанного белыми стихами произведения раскрывает эмоцию автора:

Это мне приснилось вьюжной ночью
Средь лесов Финляндии холодной.
Смысла в этом сне не нахожу я,
Но печаль его душе понятна.

Это стихотворение было помечено номером 3. Еще одно из сохранившихся «пейзажных» стихотворений Горького, относящееся опять-таки к 1921—1923 годам, имеет пометку X². Картина сурова: «Под медным оком злой луны || Лес и болото — жутко немь».

Весь пейзаж построен на сравнениях. Поэт в лесном и болотном пейзаже видит мертвое поле битвы: «камни валуны лежат, как рыцарские шлемы», «горбины кочек — что щиты, а мох на них — узор чеканный», повсюду «злой битвы жуткие следы»,

Как смерть беззвучен сон земли,
И тени ночи ей на лоно
Пожровом бархатным легли
Как будто черные знамена.

Авторское настроение высказано не в приведенных только-что последних стихах, а в середине, в двух строчках, зрительно выделенных из всех остальных. Этот авторский отступ на сей раз не определен логически, но выражен эмоционально:

Как много странной красоты
Возникло этой ночью странной!

Мотив ночи нередок в лирических стихотворениях Горького. Возможно, это объясняется тем, что он страдал бессон-

ницами и многие его стихи написаны ночами, именно в часы бессонницы. Одно из сохранившихся стихотворений, написанное, вероятно, в 1925—1926 годах, прямо по теме относится к ночи:

День сгоревший хороня,
Ходит ночь в немой тревоге,
От огня и до огня,
По дороге, без дороги¹.

Ночь заглядывает в окна дворцов и хат — повсюду, где горят огни. Заглянула она и в окно поэта:

Вот глядит в мое окно:
«Слушай, — спать пора давно,
Боль бессонницей не лечат.
Погаси же свои свечи!»
Я смеюсь: «Ошиблась ты!
Разве здесь свеча пылает?»
Здесь горят мои мечты,
Это сердце догорает».

После изображения восприятий ночи поэтом стихотворение заканчивается:

Так до самого рассвета,
День сгоревший хороня,
В бархат траурный одета
Ходит ночь вокруг меня.

Скорбная линия в лирике Горького была особенно сильна в годы 1921 — 1923, когда Алексей Максимович был тяжело болен. К этим годам относятся еще два стихотворения, которые передают его душевное состояние в то время и которые мы разрешим себе привести почти полностью. Оба они развивают ранний мотив чуткого сердца, первое — в менее определенной форме сердечной тоски, второе — в более определенной форме скорби человека, чувствующего и понимающего скорбь человечества.

Первое из них читается так:

Ветер в окно стучится,
В сердце — холодная дрожь.
Нет, никогда не случится
То, чего жадно ждешь!
Ткут свои липкие нитки
Черные сомненья — лауки.
Скоро ли конец этой пытки?
Скоро ли конец тоски?
Взять бы сердце в руки,
Взять бы и до смерти сжать —
Нет страшнее муки
Ждать, ждать, ждать².

¹ Архив Горького. № 19614.

² Архив Горького. № 19612.

¹ Архив Горького. № 19606.

² Архив Горького. № 19620.

Второе, думается, конкретизирует и осмысливает настроение первого, хотя нет прямых данных утверждать, что второе родилось у Горького во времени после первого:

Я щедро отдал людям дани
Вниманья, жалости, любви
И — занемог от их страданий,
И вся душа моя в крови.

В этих стихах — ясное сознание Алексеем Максимовичем подлинной сути, истинного значения всего его творчества. В них на поэтическом языке высказано об общественно-литературной роли Горького больше и вернее, чем писали об этом сотни критиков. Это — ключ к пониманию истоков горьковского гуманизма.

В третьем катрене читаем:

Не слабовольем, не пороком
Моя душа истомлена, —
Ее насытил горьким соком
Фанатик знанья сатана

Последние стихи перекликаются с «персонажными» стихами Горького, именно с четверостишием Инокова из I тома «Жизни Клима Самгина». Но стихи Инокова даны в мажорной гамме:

Но эти цепи я разрушу,
На то и воля мне дана,
Затем и разбудил мне душу
Фанатик знанья Сатана,

цитируемые же интимные стихи Горького выдержаны в гамме минорной. Они заканчиваются так:

Он убедил меня лукаво
Все испытать и все познать,
И я теперь имею право
И жаловаться и стонать¹.

Излишне однако добавлять, что об этом «праве жаловаться и стонать» Горький говорил только наедине с самим собой и что этим правом он ни разу не воспользовался за всю свою художественно-литературную жизнь. Мотив чуткого сердца, скорбящего за страдающего человека, так сильно выраженный в этом стихотворении в форме confession, исповеди, при объективировании

его во-вне, немедленно и закономерно переливался у Горького в мотив смелого Сокола, что и являлось его credo, его исповеданием веры.

Известно, что Горький всегда отделял человека, которому он служил, от мещанина, которого он ненавидел, над которым издевался и с которым боролся.

Этот мотив проходит и в его зрелой рукописной лирике. Одно из сильнейших стихотворений в неопубликованном поэтическом наследстве Горького, написанное чистейшим vers libre, выдержанное в мажорной гамме и доходящее до саркастических нот, представляет собой обращение поэта не столько к читателям, сколько к покупателям его книг:

Уважаемые покупатели!
Мои книги — это сердце мое.
И вот я продаю вам его
По целковому за порцию.
Превосходные ценители искусства,
Совершите ваш строгий суд:
Все ли запятыя на месте у меня?
Хороша ли музыка слов?
Предлагая вам эту забаву,
Я не имею скрытых мыслей
И не думаю о суде осла
Над соловьем, вечным пленником
мысли¹.

Это обращение писателя к покупателям его книг есть вариация обращения Сокола к рожденному ползать Ужу, вариация песни Буревестника пред лицом трусливых гагар и жирных пингвинов.

Так, по существу идей и чувств неопубликованные и не предназначавшиеся к публикации стихи зрелого Горького продолжают линии опубликованных им стихотворений. Это — тоже Сокол, пусть раненный, это — тоже чуткое сердце с его скорбью за человека.

Но эти оставшиеся в рукописи стихи дополняют и обогащают известное до сих пор поэтическое наследство Горького.

Что в них ново и что доселе было неизвестно? Во-первых, самый факт большого поэтического творчества Горького для себя, о чем можно было только гадать и догадываться. Во-вторых, очевидный факт полного, органического

¹ Архив Горького. № 19609.

¹ Архив Горького. № 19621.

слияния линии и темы Сокола с линией и темой чуткого сердца: в опубликованных персонажных стихах они были разъединены, «розданы» героям, а в самом-то Горьком они были слиты воедино. В-третьих, большое совершенство и мастерство поэтической формы, что еще потребует специального рассмотрения.

V

Как уже было сказано, большое место в рукописном поэтическом наследстве Горького занимают шуточные и шутливые стихотворения. Эти стихотворения, даже самые «рискованные» из них, не стоят, однако, в стороне от поэтических произведений, написанных всерьез. Они ввиваются в единую поэтическую нить горьковского литературного наследства, примыкая то к мажорной линии его, и тогда это — горьковская «веселая искренность», то к минорной линии, и тогда это — трогательная «человеческая глупость».

Взятые в кавычки слова принадлежат самому Алексею Максимовичу, и в них — ключ к горьковской шутливой лирике и эпике. В самом деле, эти стихи нельзя понять вне общего жизнерадостного тона Алексея Максимовича, вне его забав и выдумок, на которые он был такой мастер в жизни, вне, наконец, его отношения к шутке.

В рассказе «О первой любви» (1923 года), приведя свое юношеское поэтическое послание к О. К., написанное в 1892 году в Тифлисе, Горький заключил: «Конечно, это едва ли стихи, но это было сделано с веселой искренностью». Мы увидим, как много этой «веселой искренности» и в позднейших шутливых стихах Горького вплоть до последних лет его жизни.

Далее, в очерке о Леониде Андрееве Горький говорит о «милых смешных глупостях», а в воспоминаниях о Льве Толстом вкладывает в уста Толстого такие слова: «В человеческой глупости, — когда она не злая, — есть очень трогательное, даже милое... Всегда есть». И эти возможные слова Толстого принимаются Горьким. По крайней мере среди его оставшихся в рукописи шут-

ливых стихотворений несколько написано именно от лица трогательной и смешной человеческой глупости.

Но при всем этом было у Алексея Максимовича и специфически его личное, горьковское отношение к шутке, именно к поэтической шутке. Это отношение выражено им печатно по крайней мере дважды и притом также в стихотворной форме.

Так, еще в 1903 году в «Дачниках» Горький заставил импровизировать Власа:

Веселой шуткой мой недуг
Перед тобой я скрыть хочу.

Это не случайно и это не просто Влас, в этом и сам Горький. В 1917 году в «Балладе о графине Эллен де-Курси» Горький повторил эти слова в развернутом виде:

Мучительны сердца скорби,
И часто помочь ему нечем, —
Тогда мы забавной шуткой
Боль сердца успешно лечим!

Зримо или незримо, но это так, и при ознакомлении с шутливыми стихотворениями Горького этот аспект не устраним.

Шутливая поэзия Горького разнообразна. Она охватывает баллады и поэмы, лирику, послания и эпитафии, пародию и эпиграммы, в том числе автоэпиграммы. Некоторые из своих шуточных произведений Горький «публиковал» в домашнем рукописном журнале соррентийского периода в конце 1925 и в начале 1926 года. В этих случаях он придумывал шуточные псевдонимы, а иногда изобретал авторов, от лица которых писал, наподобие Козьмы Пруткова.

Так, стихотворение под названием «Артишоки» (первоначальное название «Мариучча», затем зачеркнутое) было приписано Горьким Гвидо Ачетабула; в качестве переводчика выступал Аким Углоухов. Стихотворение — история девушки, от лица которой и ведется повествование:

Два сольдо мама мне дала,
«Купи — сказала — артишоки,
Но берегись, чтоб тот, высокий»...

Я не дослушала, ушла.
Я знала все, что может мать
Любимой дочери сказать.

Девушка не послушалась матери. По-
данная в шутовой форме повесть о ее
жизни заканчивается ее признанием:

Как все забавно, боже мой!
Не знаю, где теперь высокий...
Со мной уж, кажется, седьмой,
И миновал девятый год,
Как я пошла по артишоки...
А мама-то меня все ждет!

Другое большое шутовское стихотво-
рение, прошедшее через домашний жур-
нал, «Поэма о халифе Али Гассане»
сближается с «Балладой о графине Эл-
лен де-Курси» как «рискованностью
сюжета, так и шутовскими сентенциями,
предваряющими и завершающими ее.

О, человек! ты горделив.
Но, вот смотри:
Жил где-то в Сирии халиф
Гассан Али, —

так начинается эта поэма. Халиф имел
110 жен и 46 детей и был ужасно рев-
нив:

За каждый маленький грешок
Он жен своих
Сажал безжалостно в мешок
И — в воду их!

Халиф «читал коран, курил кальян»
и много воевал. Он не унывал при по-
ражениях,

Врагу спокоен, точно льв;
Платил он дань,
Давал ему и фиг, и дынь —
Все больше дрянь,

а затем обирал своих подданных, отни-
мал у них скот, рабов, не гнушаясь и
малым.

Так жил халиф и пил коньяк,
Портвейн, кумыс.
Он все любил, что любит всяк,
И вы, и мы-с!

Скучно и тоскливо жили его жены:

Сидели нежные халифки
Вокруг бассейна
И пили сладкие наливки
Весьма рассеянно.

Около них были только евнухи. И
вот, узнав об опытах доктора Штейна-

ха, они решили проделать над евнухами
соответствующую операцию. Через год
после этого все изменилось: в гареме
халифа в невероятном количестве стали
рождаться дети.

«Час от часу все хуже, хуже мне!» —
Кричал халиф, —
«Родятся дети в день по дюжине,
Всех жен в залив!»

Но обнаглевшие евнухи спровадили
бедного халифа в качестве няньки в ро-
дильный дом:

Он взвыл: «Как? Я детей баюкаю,
Утратив жен?»
Так был безжалостной наукою
Халиф сражен.

Поэму завершает, как сказано, шу-
точная сентенция автора:

О, человек! Не дело ль демона
К науке страсть?
Не существует ли затем она,
Чтоб рушить власть?

К таким шуточным сентенциям, про-
износимым с серьезным видом, в чем
и заключается смешное в них, примы-
кают «смешные человеческие глупости»,
фиксируемые Горьким от лица других
людей. Так, для «почтового ящика» пер-
вого номера рукописного журнала Горь-
кий дал следующий материал:

«Гражданину Иоасафу Затрихееву
Православному.

Вы пишете:

Шагаю по земле тугой
Одной ногой, другой ногой...
Куда иду? И — кто я, где?
Я муха на сковороде.

А вдруг минуты через три
Ее нагреют изнутри.
И что же я тогда, куда?
Жить очень трудно, господа!

Пессимизма не одобряем. Вторую
фамилию вашу находим неприлич-
ной. В существование «господ» не
верим».

Эти «смешные глупости» Горький
фиксировал не раз, придумывая неле-
пые и глупые надгробные эпитафии. В
воспоминаниях о Льве Толстом он при-
вел одну такую эпитафию, найденную
где-то Толстым и позабавившую обо-
их — и Толстого, и Горького. Так ли

это было: нашел ли эту эпитафию Толстой, а Горький запомнил ее на десяток лет и только воспроизвел в воспоминаниях, или дал авторскую стилизацию, — но в шутовском поэтическом наследстве Алексея Максимовича мы встречаем еще несколько подобных эпитафий:

Ты умерла во цвете лет,
Не испытав житейских бед.
Душа твоя на небеси,
Скажи создателю: мерси! ¹

Или еще одна, так же как и первая, относящаяся к 1935 году:

Тоска в груди звучит напевно,
Тоска мне сердце жадно ест —
Прощай, Матрена Тимофевна,
Прощай, Венера здешних мест! ²

В таких эпитафиях легко усматривается пародия на старопровинциальное мещанское «кладбищенское» стихотворчество. Но если это пародия жанра и стиля, то Горький оставил и прямые пародии-парафразы.

У С. Я. Маршака были стихи:

Стыд и позор Иванову Василию.
Он нацарапал на парте фамилию,
Чтобы ребята на будущий год
Знали, что в классе сидел идиот.

На листке из блок-нота сохранился относящийся к 1934/1935 году автограф Алексея Максимовича без всякой, впрочем, ссылки на процитированные стихи С. Маршака:

Стыд и позор Иванову Василию.
Он, Иванов, равнодушен к насилию,
Нет у Василья к насилию усердия,
Как, например, у Телятева Сергия! ³

Встречаюся среди автографов Алексея Максимовича и прямые упоминания имен, например, в следующей стихотворной шутке:

Какой-то молодой нахал
Девиде ручкой помахал.
Она ему с улыбкой: — Так-с!
Хотите вы со мною в Загс?
Ужасно Петр Семеныч Коган
Был этой сценкою растроган! ⁴

Из шуточных стихотворных посланий Горького имеется одно с определенным адресом. Это — письмо 1935 года внукам. В нем говорится о «трудной жизни» ребят:

Всюду — папы или мамы
Непослушны и упрямы,
Ходят бабушки и деды
И рычат, как людоеды,
И куда вы ни пойдете,
Всюду дяди или тети.

К этой компании присоединяются учителя, которые «ходят, кашляют, следят:

Кто бойчее из ребят.
А заметят: мальчик боек,
Так ему наставят двоек.
На носá надев очки,
Смотрят: где тут девочки?
И, шагая, как верблюды,
Ставят девочкам «не уды».

Писал в шуточной форме Алексей Максимович и о себе. Кроме автоэпиграмм, сохранилась шутовская лирика, свидетельствующая о том, что «веселая искренность» не оставляла его и в последние годы, во время тяжелой болезни.

Некоторые стихи, при всей их шуточности, свидетельствуют о мучительных приступах бессонницы по ночам. Одно стихотворение, написанное, видимо, в 1934/1935 году, читается так:

Дай мне уснуть, я — утомлен!
Не подползай ко мне, как кобра,
Не тыкай пальцем мне, под ребра,
Не отгоняй мой ¹ сон
И вообще не приставай:
Я — не трамвай!

Другое стихотворение, написанное, видимо, в то же время и также в бессонную ночь, позволяет догадываться, какие мысли, какие большие заботы занимали Горького.

«Снова кровохарканье. Отсюда вывод:

Надо было жить скромней,
Не ломать в саду камней
И не думать по ночам
О возмездьи сволочам.

¹ Архив Горького. № 19626.

² Архив Горького. № 19611.

³ Архив Горького. № 21826.

⁴ Архив Горького. № 21002.

¹ Пропуск в тексте подлинника. (Ред.)

Надо помнить: даже вошь
 Голым словом не убьешь
 И что ночью даже кит
 Где-то в море крепко спит.
 Ты «велик», но не с кита,
 И судьба твоя не та»¹.

Политические мерзавцы и убийцы умерщвляли его, а он, не подозревая о страшных причинах ухудшения своего здоровья, шутил наедине с собой:

Диги, диги, дигди,
 Диги-дигиталис!
 Вот вы и достигли.
 Вот и долетались!

Однако, все это отнюдь не умаляет того негодования и той ненависти, которую он испытывал против политической сволочи, изменников и предателей родины и народа. Мотив бессонницы лишь подчеркивает эмоциональную глубину этого горьковского негодования, нашедшего свое публицистическое выражение в известных политических статьях его тех же лет.

Так снова и снова в своей поэзии — во всех ее формах — Горький выступает перед нами как чуткое сердце и как Сокол-боец.

VI

Теперь, когда перед нами в суммарном обзоре предстало все поэтическое наследство Горького, необходимо остановиться на его форме.

Поэтическую форму, как известно, нельзя брать в отрыве от содержания, чистый формальный анализ ничего не дает, — это полностью относится и к поэзии Горького. Но сосредоточиться на его поэтической форме после ознакомления с содержанием и идеями совершенно необходимо, ибо по этому вопросу до последнего времени существует много неправильных взглядов, недоразумений и предвзятых суждений.

Конечно, было бы бесплодной и неблагодарной задачей высчитывать, сколько у Горького-поэта было ямбов, хореев и дактилей, и умозаключать отсюда, к какому метру он питал склонность. Пользовался он и ямбами, и хо-

реями, и амфибрахиями, но это мало что дает для уразумения его поэтической формы. Можно лишь сказать, что ни к какому метру особенного пристрастия он не питал.

На основе изучения материала становится ясным, что поэтическая форма у Горького очень разнообразна. Он владел самыми различными метрами, умело — сознательно или интуитивно — пользуясь ими и применяя их наиболее адекватно, наиболее слитно с содержанием.

Ясно, что иногда эта поэтическая форма наперед «задавалась» Горьким самому себе как автору. Таковы поэтические сказы бабушки из автобиографических повестей «Детство» и «В людях», таков сказ Макарьевны из «Жизни Матвея Кожемякина» или сказ дьякона из «Жизни Клима Самгина».

Бабушка, так же как и носящая некоторые ее черты Макарьевна, — живой поэтический фольклор. Может быть, Горький и в самом деле запомнил с детства сказы бабушки — память на это у него была феноменальная, может быть, здесь налицо мастерская стилизация. Во всяком случае, сказительные стихи Горького характеризуются всеми особенностями этого жанра поэтического народного творчества — здесь и характерные эпитеты, одинарные и двойные, и типичная дактильная клаузула:

Не собрать тебе, раба жадная,
 Со вся земли злата сребра,
 Не прикрыть тебе, душа алчная,
 Всем добром земли наготу твою.

Или еще из сказа Макарьевны в «Жизни Матвея Кожемякина»:

— Сидит грозен бог на престоле
 златобгненном,
 Предстоять ему серафими, херувими, светли
 а́н г е л и,
 День и ночь все поють они да славу богу
 в ё ч н о м у.

Но если в отношении этих сказов можно еще сомневаться, создал ли их сам Горький, то о сказе дьякона из «Жизни Клима Самгина» мы имеем авторское свидетельство самого Алексея Максимовича. Сказ дьякона о Василии

¹ Архив Горького. № 19603.

Калужанине, выпросившем у Иисуса Христа неразменный рубль, без сомнения, — «литературный фольклор»; в нем горьковская авторская идея, горьковский сюжет, горьковская стилизация формы.

Как-раз по поводу сказа дьякона Алексей Максимович писал С. Н. Сергееву-Ценскому 8 сентября 1927 года: «Дьяконову балладу «Дьякон» и сочинил, сиречь я. Сказительный стих я хорошо знал с малых лет, от бабушки, час и более мог говорить этим стихом «бунтарские речи», так что даже один мужичок в Муроме спросил меня: «Ну, а по-человечьи можешь ты говорить, ероха-воха?» А затем он меня побил, прочитав мне изумительную чепуху о романе Ильи Муромца с «князь-барыней» Енгальгчевой, изумительно прочитал. Любовь к этому стиху весьма подгрела Орина Федосова».

Так обстоит дело у Горького со «сказительным стихом». По форме к нему приближаются и некоторые «персонажные» стихи Алексея Максимовича, причем именно те, которые он писал от лица людей, от коих и следовало ожидать подобной поэзии. Сима Девушкин из «Городка Окурова», очевидно, по всему своему характеру, так мастерски раскрытому Горьким, по всей своей биографии не мог бы писать ни стихов в стиле наших шестидесятников, ни стихов в стиле наших восьмидесятников, ни курочкинских стихов, ни надсоновских, ни символистских. Стихи Симы Девушкина по своей форме, в соответствии со своим содержанием, должны были приближаться именно к сказительному стиху, но вместе с тем они не должны были совпадать с ним, ибо должны были носить его индивидуальные, характерные, Горьким созданные черты. И именно так с формальной стороны писал Горький стихи за Девушкина. Это индивидуальный, девушкинский отход от сказительного стиха, но отход такой, при котором сохраняется генетическая связь в ритме, дактильных клаузулах, эпитетах, удвоениях:

— В темных избах дети малые,
Гибнут с холода и голода,
Их грызут болезни лютые,
Глазки деток гасит злая смерть!

Редко ласка отца-матери
Дитя малое порадует,
Их ласкают — только мертвенных,
Любят — по пути на кладбище...

«Заданность» поэтической формы мы имеем у Горького и тогда, когда он дает песню то ли — в соответствии с содержанием и идеей — в ее замедленном ритме и минорном тоне, то ли — опять-таки в соответствии с содержанием — в темпе убыстренном и тоне мажорном, именно в частушке.

Особый вид «заданности» поэтической формы у Горького имеется в его стихотворных пародиях, которые воспроизводят форму пародируемого. Так, в «Дачниках» Горький дает сперва стилизацию поэзии символистов-декадентов в стихах Калерии о «белых, безмолвных снежинках», а затем пародию на них в стихах Власа о «маленьких, нудных людишках».

Последний катрен стихов Калерии читается так:

Черные, задумчивые птицы...
Мертвые деревья и кусты...
Белые, безмолвные снежинки
Падают с холодной высоты.

Пародийная интерпретация этого у Власа такова:

Маленькие, краденые мысли...
Модные красивые словечки...
Ползают тихонько с краю жизни
Тусклые, как тени, человечки.

Поэтическая форма горьковской стилизации адекватна содержанию стихов Калерии, но и в стихах-пародии Власа сохранена та же форма. В результате Горький наносит двойной удар поэтическому декадансу путем пародирования содержания и пародирования формы. В стихах Власа форма находится в резком противоречии с идеей, но именно в силу этого противоречия формы смыслу, да еще при неожиданности его, пародия Власа вызывает смех у зрителей.

В лирике и в лиро-эпических произведениях, т.-е. там, где форма не задана наперед, как в стилизациях и пародиях, Горький применяет весьма различные поэтические формы.

В качестве специфически горьковской формы широко известна ритмическая

проза. Это и понятно, ибо ею написаны такие вещи, как «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» и «Человек». И хотя при формально поэтической аранжировке по стихам «Песня о Соколе» дает ямба в две с половиной стопы со сплошной женской клаузулой, а в «Песне о Буревестнике» ясна ее хорейская основа, их поэтическая форма в целом не есть ни ямба, ни хорей, а именно горьковская ритмическая проза.

В очерке «О том, как я учился писать», Горький рассказывает, что ритмической прозой была написана и «Песнь старого дуба» и что в самом начале он избрал «стиль прозы ритмической», находя простую непосильной для себя. Эта форма, говорит там Горький, вспоминая свои беседы с Короленко, «долго преследовала меня, незаметно и неуместно просачиваясь в рассказы». «Незаметно» — это не кокетничанье писателя, а бесспорный факт; «неуместно» — это позднейшая оценка писателя.

В самом деле, если ограничиться только сохранившимися и опубликованными произведениями, не вдаваясь в догадки о причинах неудачи самых ранних, незрелых и не увидевших света опытов Алексея Максимовича, написанных, по его свидетельству, также ритмической прозой, то можно установить факты применения Горьким ритмической прозы вплоть до 1904 года; позже он оставляет ее. Но в первые годы творчества, когда он стал печататься, эта форма не казалась ему неуместной, и напротив, можно обобщенно характеризовать те «места», когда он применял ее.

Бывали случаи, когда Горький начинал писать обычной прозой и вдруг незаметно для себя переходил на ритм. Это бывало тогда, когда предмет взволновывал писателя. Очевидно, эмоции настолько охватывали его, что вторгались в логический ряд повествования, и эта эмоционально окрашенная речь выливалась на бумагу уже как ритмизированная проза. Но это и есть свидетельство ее поэтической природы, хотя бы в самой элементарной форме.

Так случилось при переходе к описанию бури в ранней сказке «О малень-

кой фее и молодом чабане»¹. Так было и в 1903 году с дидактической поэмой «Человек». В письме к К. П. Пятницкому в октябре 1903 года Горький писал: «У меня не было намерения писать ритмической прозой, вышло это неожиданно, будучи, видимо, вызвано самим сюжетом».

Когда же Алексей Максимович намеревался приступить ко второй части произведения, к «Мещанину», он уже наперед знал, что ритма не будет. Рассказывая в том же письме Пятницкому об этом своем замысле, Горький писал: «Тут уже другой язык конечно...» А вот о Человеке с большой буквы нельзя было писать ни ритмической прозой, ибо он писал дидактическую поэму, ни ямбом или хореем, ибо это была дидактическая поэма и, как он писал, «гладких и слащавых стихов я не хочу». Так и родилась ритмическая проза «Человека». Думается, что таков же примерно был путь и рождения формы «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике».

Иначе обстоит дело с формой поэтических произведений повествовательного жанра, например, «Девушка и Смерть» и «Баллада о графине Элен де-Курси». Для них Горький избрал традиционные и принятые в поэтических повествованиях метры — хорей в «Девушке и Смерти» и амфибрахий в балладе.

Вообще, Горький не выбрасывал из своего поэтического арсенала классических размеров, и много стихотворений его, относящихся не только к периоду ранних тетрадок, но и к зрелым годам, написаны классическим русским стихом XIX века, причем наиболее часто использует он ямбы и хорей, но встречаются и амфибрахий, и анапесты.

При сравнении ранней лирики Горького 90-х годов с его же стихами 20-х годов совершенно неоспорим рост его как поэта, рост его поэтического мастерства. В этом отношении особенно показательны его неопубликованные стихи

¹ Горький дважды — в воспоминаниях о В. Г. Короленко и в очерке «О том, как я учился писать», — ошибочно относит это к рассказу «Дед Архип и Ленька», в котором при описании бури в степи ритмической прозы нет.

1921—1926 годов, которые нам пришлось цитировать. В них налицо та «крепкая кладка слов», о которой мечтал юноша Пешков и которая исключает всякое другое расположение их, большая изобразительная сила и пластичность образов, а главное ясная простота и слияние идеи с образом, что характеризует подлинную поэзию.

Такой существенный аксессуар, как рифма, дается поэту легко. Репертуар рифм разнообразен, обширен, явно неисчерпаем. Их подбор не дает ни одного случая искусственности, вымученности или случайности. Рифмующееся слово не внешне содержанию стиха, оно никогда не определяет это содержание, но всегда по смыслу обусловлено им. Горький-поэт — господин своей рифмы. В подавляющем большинстве случаев рифма строга, подчинена всем канонам классической русской поэзии XIX века.

Однако, следуя классической форме, Горький не терпит формалистики и отступает от строгой рифмы, если она стесняет поэтический ход мыслей. Изменения, которые внесла в рифмовку русская поэзия XX века, характеризуют и стих Горького. Мы встречаем у него, например, такие рифмы: горячей — прячет, лижут — ближе, травы — ржавой, ночи — точит, лечат — свечи, латаний — ткани, далекий — строки, труден — Иудин.

Известно, что Горький никогда не разделял идейной основы поэзии символистов, но их поэтическую форму он ценил и начинающим поэтам советовал читать стихи наиболее крупных символистов — А. Блока, В. Брюсова.

Горький был на высоте современной ему русской поэтической формы. Останемся на стихотворении, которое начинается катреном:

Ветер в окно стучится,
В сердце холодная дрожь.
Нет, никогда не случится
То, чего жадно ждешь.

Ритмическая схема его — дактиль, но во второй стопе первого и четвертого стиха «выбито» по одному безударному слогу, вследствие этого дактилическая напевность как бы прерывается, и стих делается более крепким и мужественным.

Дактилическая клаузула отсутствует, а наличие двух срифмованных мужских клаузул еще более придает стиху крепость и силу, которая так необходима ему по идее и содержанию.

Во втором катрене ритм ломается: первый стих

Ткут свои липкие нитки

воспроизводит еще чистый дактиль, но уже второй стих

Черные сомненья — пауки

звучит как vers libre, вольный стих, ибо ритм его определяется исключительно эмоциональными ударениями, совпадающими, впрочем, с ударениями грамматическими и логическими. Попытка же трактовать второй стих как дактиль + амфибрахий + анапест не дает ничего для уразумения его поэтической природы. Это же относится и к двум последним стихам второго катрена:

Скоро ли конец этой пытки?
Скоро ли конец тоски?

Третий катрен, в котором по содержанию достигается высшее эмоциональное напряжение поэта, снова дает ломку ритма, между тем эта «ломка» не есть ни случайность, ни «поэтический самотек», а проявление большого поэтического мастерства, доказательство полного владения формой и совершенного слияния ее с содержанием:

Взять бы сердце в руки,
Взять бы и до смерти сжать —
Нет страшнее муки
Ждать, ждать, ждать.

Дактильная напевность здесь исчезает совершенно, она была бы вовсе не уместна при выражении данных эмоций поэта. Ее заменяет хорейческая ударность. Однако хорей этого стиха по внутреннему ритму весь напряжен, каждая его стопа отделена от следующей ритмической паузой: «Взять бы |, сердце |; в рѹки» — и ни в малейшей степени не напоминает формально тождественного стиха вроде: «Прибежали в избу дѣти...» или: «Буря мглою небо кроет...»

Напряженность содержания достигает высшего предела в двух последних сти-

хах; эта напряженность должна быть выражена и в поэтической форме, и поэт добивается этого необычайно скупыми средствами: от трехстопного хоря предпоследнего стиха он переходит к заключительному стиху, в котором «выбивает» по безударному слогу в каждой стопе, и в результате получает всего одно необходимое ему слово, односложное, трижды повторенное с ударением и паузой: «Жд^ать, | жд^ать, | жд^ать».

В этом стихотворении у Горького лицо полный отход от традиционной метрики XIX века, хотя в нем еще присутствуют ее элементы. Но есть в его рукописном наследстве и чистейший vers libre. Это — приведенное нами выше поэтическое, исполненное мучительного сарказма обращение к покупателям его книг.

Здесь нет и следов традиционной школьной метрики, нет рифм — стих белый, и это не только не облегчает задачи поэта, но, конечно, затрудняет ее решение. Здесь чистая тоника, проникнутая глубокой эмоциональностью и богатой поэтической интонационностью. Ритм обусловлен логически, по содержанию, и оправдан эмоционально, по форме, ударениями. Поэтому при осмысленном, выразительном чтении ударения сразу дают почувствовать ритмику всего стихотворения; ритмика его не однозначна и характеризуется то двумя, то тремя ударениями в стихе:

Уважаемые покупатели!
Мои книги — это сердце мое.
И, вот, я продаю вам его
По целковому за порцию;
Превосходные ценители искусства,
Совершите ваш строгий суд!
Все ли запятыя на месте у меня?
Хороша ли музыка слов? и т. д.

При отсутствии рифм окончание стиха определяется исключительно паузой, которая, как и ударение, является и логической, и эмоциональной.

Это совпадение логического и эмоционального, совпадение содержания и формы, идеи и образа и обуславливает поэтическую выразительность и силу данного стихотворения. Это — тоже горьковское, хотя, быть может, для многих и неожиданное.

Наконец, нужно остановиться отдельно на некоторых особенностях формы шуточных стихотворений Горького. Их форма определяется именно шуткой; забавляться, так уж до конца! баловство, так уж баловство во всем — и в структуре стиха, и в рифме.

Иногда Горький чередует в шуточных стихотворениях длинный стих с коротким. Так написана, например, «Поэма о халифе Али-Гассане». Часто в этих случаях при неожиданности содержания второго — короткого — стиха усиливается его шутливое звучание:

Он воевал, но не любил!
Он воевать,
А если враг его и бил!
— «Ну, наплевать!»

или еще:

Родятся мальчики и девочки!
Штук по восьми.
Халиф орет во гнев: — «Где очки?
Чорт вас возьми!»
Он твердо знал, что в этом случае!
Не виноват.
«Нет, почему» — кричал всех мучая, —
«Гарем чреват?»

Рифмы в шуточных стихотворениях Горького иногда поражают своим озорством, но вместе с тем и виртуозностью:

Иная воду ножкой бронзовой
Толкнет слегка,
Но хоть ты тут китайским бонзой вой
Тоска, тоска!

или еще: надев очки — девочки, тощ^ей на мхе — о Штейнахе, нога в струю — про Австрию, критика — принесите-ка и т. д.

Словом, можно сказать, что поэтическая форма шуточных стихотворений Горького также адекватна их содержанию и слитна с ним. «Веселая искренность» содержания обуславливала и «веселую искренность» в форме, — горьковское мастерство в этом неоспоримо и в шуточной поэзии.

★

Итак, каковы же наши итоги?

Поэтическое наследство А. М. Горького гораздо больше и значительнее, чем мы знали и думали до сих пор. Оно со-

здавалось на протяжении всей жизни писателя, с юных лет и до года смерти его.

Поэтическое наследство Горького охватывает самые разнообразные жанры и виды: поэмы, сказки, баллады; сказительные стихи; песни и частушки; пародии и эпиграммы и в особенности лирику — героическую, интимную, шутливую.

Горьковское лирическое «я» раскрывается в трех идейно-эмоциональных линиях: гордого Сокола (нередко — раненого Сокола), чуткого сердца и веселой искренности. Эти три линии свиваются в единую поэтическую нить.

Поэтическая форма у Горького весьма разнообразна. Она обусловлена содержанием, всегда корреспондирует ему и его идейной направленности, слитна с ним, подчас она достигает виртуозности. Горький был на высоте поэтической формы своего времени.

Подобно тому, как поэтическими средствами — лирикой и песней — Горький раскрывает характеры героев и персонажей в своих прозаических произведениях, так и поэзия Горького, все его поэтическое наследство раскрывают нам его характер, весь его творческий и жизненный облик — чуткого сердца и смелого Сокола.

Рак и его происхождение

Проф. Л. М. ШАБАД

★

Рак весьма распространенная болезнь. Достаточно сказать, что, например, по данным американской статистики, каждый десятый мужчина и каждая восьмая женщина в возрасте после 40 лет умирают от рака. У нас в Союзе смертность от рака несколько меньше, но все же требует мобилизовать вокруг вопроса о раке мощные силы нашей общественности и медицинской науки.

В Советском Союзе существует ряд учреждений, в задачу которых входит предупреждение и лечение раковой болезни, а также исследование причин ее возникновения. Этим делом занимаются специальные институты по изучению рака (онкологические институты), а также соответствующие отделения рентгенологических институтов и крупных больниц. Вместе с тем в Союзе ведется значительная работа по изучению природы рака различными методами, в том числе экспериментальным методом. В задачу Всесоюзного института экспериментальной медицины, как отмечено в историческом постановлении Совнаркома о работе ВИЭМ, наряду с другими проблемами входит и изучение рака. Данные, получаемые в специальных лабораториях по изучению рака в результате многочисленных опытов на животных, могут служить основанием для современных представлений о сущности и причинах этой болезни. В настоящем очерке мы и остановимся на таких экспериментальных результатах. Естественно, что при этом нам придется затро-

нуть и ряд вопросов, имеющих практическое значение и глубоко интересующих широкие слои населения.

Первым встает вопрос об излечимости рака. В настоящее время на него можно ответить утвердительно. В очерке, посвященном происхождению рака, мы не можем останавливаться на проблеме лечения его и отсылаем к ряду статей и брошюр проф. Н. Н. Петрова и других известных наших клиницистов, достигших при лечении многих форм рака весьма хороших результатов. Основными методами лечения рака являются хирургическое его удаление, уничтожение опухолей лучистой энергией радия или рентгеновых лучей, иногда же комбинация оперативного и лучевого методов. Наряду с этими основными методами идет разработка и некоторых способов лекарственного лечения рака, которые, впрочем, до сих пор не дали еще столь хороших результатов, как хирургическое вмешательство.

Операция удаления рака должна быть произведена как можно раньше, в тот период, когда она легче выполнима и безопаснее для больного, когда рак не пустил еще своих корней в окружающие его здоровые ткани и не успел еще распространиться по организму. Да, рак излечим, если он захвачен достаточно рано, если больной во-время, т.-е. в самом начале болезни, обратился к врачу. Из этого следует необходимость всемерного распространения сведений о

тех признаках рака, которые должны заставить немедленно обратиться к врачу.

Приведем здесь несколько примеров. Рак представляет собой опухоль, обычно безболезненную и быстро растущую. Поэтому всякое затвердение, например, в области груди у женщины, старше 30 лет, быстро растущие и изъязвляющиеся бородавки на коже должны заставить обратиться в соответствующее лечебное учреждение. Наступление кровянистых выделений из половых путей, вне обычных месячных выделений у женщины, особенно у пожилой, у которой обычные месячные уже прекратились, является признаком подозрительным в отношении возможности рака. Следует обратить особое внимание на долго незаживающие, даже небольшие, ссадины, язвочки, например, в полости рта.

Чтобы вовремя принять те или иные меры, недостаточно знать отдельные, подчас весьма многообразные признаки, которыми может проявляться начинающийся рак. Для успешной борьбы с врагом нужно прежде всего его изучить.

★

Что же такое рак в частности и опухоли вообще? Нужно вспомнить то, что мы знаем о клеточном строении организма как человеческого, так и животных и о клеточной патологии, т.е. болезни. Общеизвестно, что различные ткани и органы нашего организма состоят из многочисленных клеток того или иного строения, которые обладают самыми разнообразными функциями. При заболеваниях в клетках и тканях нашего организма могут наблюдаться различные изменения. При этом оказывается, что болезни могут различаться не только по частному проявлению тех или иных микроскопических изменений в нашем организме, но и по некоторым общим закономерностям. Так, например, при одних болезненных формах могут наблюдаться те или иные повреждения в клетках организма, в результате которых поврежденные клеточные элементы

могут постепенно или сразу отмирать. В других случаях может происходить увеличение количества клеточных элементов и накопление их в тех местах, где они не встречаются в норме.

Это увеличение количества клеток может быть трех родов. В одних случаях происходит накопление в ткани большого количества пришлых клеток, например, вышедших из кровеносных сосудов, из самой крови, — такое явление наблюдается при воспалении. В других случаях увеличение количества клеток происходит вследствие разрастания местных нормальных клеточных элементов, которые при этом могут увеличиваться и каждый в отдельности по своим размерам. Увеличение органа, зависящее от такого изменения количества и величины местных нормальных клеток наблюдается при усиленной работе данного органа или при его тренировке, например, в мускулах спортсменов. Наконец, третьим и наиболее интересующим нас здесь видом увеличения числа клеток является разрастание качественно новых клеток, резко отличающихся по свойствам от нормальных клеток. Такое разрастание и образует истинную опухоль.

Таким образом, далеко не всякое увеличение органа, как общее, так и местное, очаговое, является истинной опухолью. Поясним только-что сказанное: при заболевании зуба развивается так называемый флюс, который представляет собой припухлость за счет воспаления тканей, т.е. увеличение тканей щеки не за счет размножения особых опухолевых клеток, а за счет скопления клеточных элементов, участвующих в воспалении. При любом гнойнике (нарыве) ткани вокруг него припухают, но при этом не создается истинной опухоли. Истинные опухоли представляют собой очаговое разрастание новых клеток в данном месте, а не накопление или увеличение клеток, уже ранее здесь имевшихся.

Основным свойством опухолевой клетки является своеобразие ее способности к росту. В то время как рост и размножение всех клеток организма ограничены закономерностями организма,

как целого, опухолевые клетки выходят за границы этой закономерности. Незаконномерное размножение опухолевых клеток выражается в том, что они быстро и неудержимо разрастаются в тех тканях и органах, в которых они произошли; быстро размножаясь, создают подчас значительный узел опухоли, отличающейся по своему строению от окружающей «материнской» ткани, и, наконец, способны прорасти в те ткани, в тот орган, в котором они развились, а также в соседние ткани. При этом происходит сдавливание окружающих нормальных тканей, которые гибнут под напором клеток опухоли. Нет такой нормальной ткани, которая могла бы противостоять разрушающему действию растущей опухоли.

Ясно, что если на пути опухоли находится нормальная ткань или орган, несущий жизненно важные функции, то разрушение их отражается на жизни организма и проявляется в определенном течении болезни. Следует обратить особое внимание на те изменения, которые претерпевают сосуды, в частности кровеносные сосуды, проходящие в пограничных с опухолью нормальных тканях. Дело в том, что при разрушении таких сосудов клетки опухоли могут вращать в их просвет, а затем отдельные комплексы клеток опухоли могут быть увлечены током крови и перенесены на другие участки организма.

Клетки опухоли, в отличие от нормальных клеток, обладают способностью к самостоятельному существованию, и поэтому, попав в отдаленный участок тела, они могут там размножиться и дать начало новым узлам той же опухоли. Такие вторичные узлы опухоли, образовавшиеся из перенесенных опухолевых клеток, называются метастазами. Они в свою очередь могут вращать в окружающие нормальные ткани, сдавливать и разрушать их.

Своеобразие опухолевых клеток проявляется не только в способности их к быстрому размножению и самостоятельному (автономному) росту, но и в особенностях их строения и в особенностях обмена в опухолевых тканях.

Клетки опухоли и сама опухолевая

ткань резко отличаются от нормальных тканей по своему строению, по своим размерам, по своей форме, по форме своих ядер, по наличию среди них в большом количестве уродливых, подчас гигантских, форм.

Особенный интерес представляют изменения тонкого строения ядерного вещества, с успехом изучающиеся в нашей стране проф. Андресом в ВИЭМ и Центральном онкологическом институте (Москва). Последние исследования показали, что некоторые изменения ядра происходят уже в предраковом периоде, в тех клетках, которые могут стать раковыми.

Обмен веществ опухолевой ткани отличается от обмена нормальных тканей рядом признаков, главным образом повышенным потреблением сахара, пониженным клеточным дыханием и т. д. Изучением обмена веществ в самой ткани опухоли, а также тех сдвигов в обмене, которые наблюдаются в организме людей, больных раком, и животных с экспериментальными опухолями, занимается весьма много ученых. Достаточно указать на работы акад. Богомольца, акад. Штерн и их сотрудников, на последние исследования заслуженного деятеля науки проф. Эбарского о составе аминокислот раковой ткани, на работы лаборатории покойного проф. Е. С. Лондона (Ленинград, ВИЭМ), Капланского, Браунштейна, Ореховича (Москва, ВИЭМ), проф. Неймана (Центр. онкологический ин-т), Магата, Кавецкого (Киев), Бриккера (Днепропетровск) и многих других. Все эти работы принесли много теоретически интересных и практически важных сведений для понимания развития и уточнения диагностики опухолей.

По своеобразным признакам клеток мы можем распознавать опухолевую ткань. На этом основан, например, наиболее распространенный и верный метод диагностики рака: изучение под микроскопом кусочков вырезанной, еще при жизни больного, ткани (метод биопсии). Кроме этого способа диагностики рака, в настоящее время разрабатывается ряд новых методов, основанных на биологическом, химическом или физико-

химическом исследовании крови. Среди них в первую очередь следует упомянуть о работах проф. А. С. Гурвича (Ленинград, ВИЭМ), указавшего в последнее время на наличие в крови раковых больных особого вещества, являющегося «тушителем» митогенетического излучения, присущего крови здоровых людей и животных.

Только-что обрисованные особенности строения и свойств опухолевых клеток и опухолей ткани объясняют тяжелые явления, наблюдаемые у больных раком. Разрастание опухолевых клеток ведет к созданию опухолевого узла и разрушению окружающих, подчас жизненно важных, органов. Возникновение метастазов продолжает и распространяет губительное действие опухоли на организм, давая вторичные узлы ее в других органах, важных для жизни. Наличие опухолевого узла, например, в пищеводе, затрудняет прохождение пищи по нему и вызывает в результате длительного голодания резкое истощение человека. Опухоль легкого, возникающая в бронхе, выключает из акта дыхания значительный участок легочной ткани, приводит к закупорке бронха и обычно осложняется вторично наступающим воспалением выключенного участка легочной ткани. Метастазы рака легких, сравнительно часто развивающиеся в ткани мозга, разрушают жизненно важные центры и могут привести непосредственно к смерти. То же в общей форме относится и к раку других органов, который также сопровождается метастазами различной локализации.

Мы не могли бы, однако, уяснить себе всю меру губительного действия опухоли на организм, если бы не остановились еще на одном весьма важном свойстве опухолевых клеток. Они не только весьма быстро и неудержимо разрастаются, но они сами по себе являются большими клетками, темп жизни которых резко отличает их от нормальных клеток. Клетки рака не только быстро размножаются, но они быстро «стареют», т. е. подвергаются различным изменениям и гибнут. Вследствие этого в опухолевых тканях весьма быстро и в

больших размерах развиваются очаги омертвения. На первый взгляд могло бы показаться, что омертвение больших количеств опухолевых клеток может повести к самоизлечению опухоли. Однако, к сожалению, это далеко не так. Дело в том, что наряду с участками омертвения, возникающими обычно в центре опухоли, по краям ее продолжается интенсивный рост и врастание в соседние ткани вследствие непрерывного размножения клеток. Главное же заключается в том, что очаги омертвения, наступающего в опухолевой ткани, далеко не безразличны для организма. С одной стороны, в ряде случаев опухоль замещает собой нормальную ткань, например, стенку желудка, и омертвение опухолевой ткани ведет к разрушению нормального органа, например, к прободению стенки желудка, а в результате — к смертельному воспалению брюшины. С другой стороны, очаги омертвения, возникающие в опухолях, являются обильной питательной средой для микробов, которые, поселяясь в разрушающейся опухолевой ткани, вызывают вторичное нагноение, часто ведущее человека к смерти. Наконец, омертвение опухолевой ткани в целом ряде случаев ведет к распаду опухоли, к превращению ее в язву, сопровождающуюся кровотечением, вызывающим общее малокровие.

Таким образом, мы видим, что развитие опухоли, вследствие быстрого размножения ее клеток и вследствие быстрого их распада, влечет за собой ряд весьма тяжелых осложнений для всего организма.

Следует остановиться еще в нескольких словах на различных видах опухолей, которые наиболее часто встречаются. Уже издавна все опухоли делятся на две большие группы — на опухоли злокачественные и доброкачественные. Злокачественные опухоли отличаются от доброкачественных тем, что их клетки в полной мере обладают теми свойствами к быстрому размножению и самостоятельному росту, о которых уже говорилось. Доброкачественная опухоль растет медленно, она хорошо отграни-

чена от окружающих нормальных тканей, нигде не прорастает в эти последние. Благодаря отсутствию способности к прорастанию в соседние ткани доброкачественные опухоли не дают переноса в отдаленные участки тела, т.-е. не дают метастазов. Это не значит, впрочем, что при доброкачественных опухолях не может возникнуть серьезных для жизни организма осложнений. Действительно, если доброкачественная опухоль, не прорастающая, а лишь сдавливающая окружающие нормальные ткани, расположена в таком месте, где самое ее присутствие и хотя медленный, но непрерывный рост может нарушить жизненно важные функции, то в этом случае и «доброкачественная» опухоль может повлечь за собой грозные последствия. Так, например, доброкачественная опухоль, возникшая в тканях головного мозга, может сдавливать жизненно важные центры и, повышая внутритканевое давление в неподатливой костной черепной коробке, постепенно вызывать серьезные нарушения со стороны головного мозга. Доброкачественная опухоль гортани, расположенная в области голосовых связок, может закрыть голосовую щель и тем вызвать задушение. Нужно помнить о возможности в некоторых случаях перехода доброкачественной опухоли в злокачественную, что особенно ярко выявилось на основании современных экспериментальных данных (см. ниже). Отсюда следует сделать практический вывод: всякая опухоль, даже кажущаяся доброкачественной, должна внушать подозрение, должна находиться под постоянным наблюдением врача, который, если нужно, ее вовремя удалит.

★

Естественно встает вопрос, почему начинают разрастаться нормальные клетки организма, почему они становятся опухолевыми и как этот процесс происходит? Этот вопрос в настоящее время еще нельзя считать вполне решенным, хотя ряд существенных сведений в этом направлении нам уже известен. Решающую роль при получении

этих сведений сыграл эксперимент — опыты на животных.

В процессе изучения всякой болезни мы считаем весьма существенной возможность воспроизводить эту болезнь на животных. Действительно, лишь в эксперименте мы можем шаг за шагом проследить начало и развитие болезни, лишь в эксперименте на животных мы можем пытаться достаточно широко применять новые методы воздействия на ту или иную болезнь. В отношении опухолей в настоящее время возможность воспроизведения болезни на животных можно считать уже твердо установленной. Экспериментальное изучение опухолей в настоящее время выросло в самостоятельную ветвь науки об опухолях (онкология).

Экспериментально-онкологические исследования начались в конце прошлого века, но широко развернулись лишь за последние 40 лет. Шаг за шагом многочисленные исследователи, путем огромного количества опытов на животных, освещали те или иные стороны проблемы опухолей. В этом изучении немалую роль сыграли работы, произведенные в нашей стране.

Первой предпосылкой возможности экспериментального изучения опухолей является наличие опухолей не только у человека, но и у животных. Действительно, опухоли представляют собой весьма распространенное явление у ряда животных. При этом оказывается, что вид опухолей, местоположение их, строение у различных животных могут быть различны, но общие черты, характерные для опухолей, одинаковы. У всех животных истинные опухоли представляют собой разрастание клеток организма, клеток, которые отличаются способностью к самостоятельному существованию и прорастанию в окружающие нормальные ткани.

Поскольку у всех животных могут существовать опухоли, естественно было вначале задаться целью искусственно пересадить опухоли с одного животного на другое. Первой работой в этом направлении является исследование нашего соотечественника Новинского, которому впервые, в 80-х годах прошлого

столетия, в Медико-Хирургической академии (ныне Военно-Медицинская академия РККА им. Кирова в Ленинграде) удалось пересадить самопроизвольно развившиеся опухоли у собак. Опыты Новинского были в дальнейшем подтверждены целым рядом исследователей за границей, и их удалось перенести в дальнейшем на мелких лабораторных животных. Последнее обстоятельство дало особенно сильный толчок развитию изучения таких опухолей.

В начале нашего века, благодаря работам Иенсена, Эрлиха и многих других, а у нас — Петрова, Чичкина, Кронцовского, Лурье, Улезко-Строгановой и других авторов, было твердо установлено, что самопроизвольные опухоли животных, например, лабораторных крыс и мышей, можно с успехом прививать другим животным того же вида. Прививка опухолей производится путем пересадки опухолевых клеток в виде взвеси этих клеток, либо в виде кусочка опухолевой ткани. В этих опытах с особенной яркостью сказалась способность клеток злокачественной опухоли к самостоятельному (автономному) росту. Действительно, пересаженные клетки опухоли не только прививаются в другом, до того здоровом организме, но и продолжают здесь интенсивно расти, размножаться, прорастать в окружающие ткани, давать метастазы и т. д. Путем последующей перевивки опухоль можно пересадить на второе животное, затем на третье и т. д. и, таким образом, создать непрерывно поддерживаемую в ряде поколений опухоль (перевиваемый штамм). Во всех лабораториях мира и поныне существует перевиваемый штамм мышинового рака Эрлиха, который был начат в 1905 году.

В настоящее время такие штаммы перевиваемых опухолей также создаются. В частности, в нашей лаборатории Ленинградского филиала ВИЭМ за последние годы получен штамм перевиваемого под кожей рака печени (работы Морозенской), перевиваемая саркома кур (работа Дядьковой) и несколько штаммов перевиваемых сарком мышей (работы Шабада, Клейненберга).

Опыты с перевиваемыми опухолями

дали много сведений о характере опухолевого роста, о возможности различных воздействий на этот рост как в смысле его ускорения, так и в отношении его задержки и т. д. При этом был выяснен ряд закономерностей, имеющих важное значение и по сию пору. Благодаря этим опытам было твердо установлено, что пересадки возможны лишь в пределах одного вида животных, что опухоль человека, например, не прививается мышши или опухоль крысы — кролику. Это с несомненностью свидетельствует о том, что опухолевые клетки являются действительно клетками самого организма: наряду с приобретенными ими опухолевыми свойствами они сохраняют специфичность клеток данного вида животных.

Однако опыты с перевиваемыми опухолями не смогли дать ответа на основной вопрос, интересовавший исследователей, на вопрос о том, отчего возникает опухолевое превращение нормальных клеток? Действительно, перевиваемые штаммы опухолей создавались таким образом, что исследователи в начале опыта брали для прививки материал из уже готовой, самопроизвольно развившейся у животного опухоли. При этом, конечно, оставалось темным происхождение той первой опухоли, от которой начинался перевиваемый штамм. Для того чтобы осветить основной вопрос о происхождении опухолей, о причинах их возникновения, нужно было добиться в опыте получения опухолей у здоровых до того животных.

Уже давно делались попытки вызвать опухоли у животных введением различных раздражителей или же введением такого клеточного материала, из которого могли бы развиваться опухоли. При этом исследователи исходили из двух основных точек зрения на природу опухолей.

Одна из этих точек зрения, сложившихся во второй половине прошлого века, связана с именем Конгейма и заключается в том, что опухолевые клетки представляют собой неиспользованные в процессе развития организма зародышевые, эмбриональные клетки. Такое воззрение опиралось на тот факт,

что, собственно, лишь в эмбриональной жизни организма наблюдается столь быстрое размножение большого количества клеток, которое мы наблюдаем в опухолях, а также и на ряд других соображений. С другой точки зрения, связанной с именем Вирхова, особое значение придавалось хроническому раздражению тканей организма. Таким образом, по концепции Конгейма, причины опухолей лежали внутри самого организма и осуществлялись в результате разрастания клеток, от природы отличавшихся своей способностью к разрастанию, вследствие того, что они были близки к зародышевым клеткам или представляли собой недоразвившиеся зародышевые клетки. По концепции же Вирхова, причины опухолей лежали вне организма и могли действовать на нормальные клетки его, превращая их в опухолевые. Мы увидим ниже, как видоизменялись, в свете результатов современных экспериментов, эти два основных взгляда на природу опухолей.

С точки зрения Конгейма и его последователей, естественно было попытаться разрешить стоявшую перед экспериментаторами задачу получения опухолей у животных следующим образом. Если опухолевые клетки возникают из сместившихся эмбриональных зачатков, казалось возможным получить опухоль у животного в результате введения ему зародышевых клеток. Ткань эмбрионов животного, например, крысы, вводилась под кожу или в полость брюшины того животного, у которого она была взята, или другого животного того же вида. Однако в результате введения кусочков зародышевой ткани или взвеси зародышевых клеток истинных опухолей, как правило, не получалось вследствие быстро наступавшего созревания этих клеток и превращения их в те ткани, которые из них возникли бы в течение дальнейшей жизни эмбриона. Таким образом, метод пересадки зародышевой ткани не оправдал себя, как метод систематического экспериментального воспроизведения опухолей, несмотря на единичные положительные результаты (Петров и Кроткина и др.)

Иная судьба постигла эксперименты, явившиеся развитием взглядов, покоившихся на концепции Вирхова. Надо сказать, что мысль о внешнем раздражении, как причине опухолей, уже издавна опиралась на ряд наблюдений врачей над частотой рака губы у курильщиков трубок, над так называемым раком трубочистов и т. д.

Особый интерес для нас представляет история «рака трубочистов», впервые подробно описанного уже 165 лет тому назад в Англии Поттом. В то время среди трубочистов Англии особенно часто встречался рак кожи, причем у людей весьма молодого возраста: 20—25 лет. Условия труда трубочистов в Англии были особенно тяжелыми. Для этой работы нанимались дети, мальчики лет 7—8, которых заставляли влезать в каминные трубы и очищать их изнутри. Печи отапливались каменным углем, и в подлежащих очистке трубах скоплялись продукты перегонки каменного угля, каменноугольная смола, сажа. Юные трубочисты счищали эти скопления не столько теми нехитрыми приспособлениями, которыми они пользовались, сколько своей собственной одеждой и телом. В результате такой работы при весьма плохих гигиенических условиях на кожу трубочиста в течение длительного времени действовали продукты перегонки каменноугольной смолы. Интересно, что, после того как в XIX веке был издан закон, согласно которому запрещался детский труд при очистке труб, рак трубочистов не исчез, а лишь «постарел»: трубочисты стали заболевать раком не в 20—25 лет, а в 35—40 лет.

Такие наблюдения с несомненностью свидетельствовали о прямой связи рака кожи трубочистов с воздействием на их кожу продуктов перегонки каменного угля. Совершенно естественно было попытаться воспроизвести на животных «рак трубочистов» путем смазывания кожи, например, каменноугольной смолой или сажой. Следует лишь удивляться тому, что эта столь естественная мысль была осуществлена с положительными результатами лишь 25 лет тому назад. Правда, отдельные:

попытки в этом направлении делались уже во второй половине прошлого века. Однако они не приводили к получению опухолей вследствие того, что для опытов либо брались неподходящие животные, либо опыты длились недостаточно долго. Лишь в 1916 г. были опубликованы результаты опытов Ямагиwa и Ичикава, впервые получивших рак кожи уха у кроликов в результате длительного (свыше года) смазывания каменноугольной смолой. Опыты Ямагиwa и Ичикава были в скором времени подтверждены большим количеством исследователей во всех странах мира, и с этого времени началось современное систематическое экспериментальное изучение рака. У нас в Союзе уже с 1922 г. в Ленинграде, в I Медицинском институте и в Государственном рентгенологическом институте проф. Н. Н. Петровым и проф. Г. В. Шором и их сотрудниками (Кроткина, Ларионов, Соболева, Шабад и др.) был начат ряд наблюдений над опухолями, экспериментально вызванными у животных каменноугольной смолой.

В настоящее время уже легко подвести некоторый итог сведениям об опухолях, полученным благодаря опытам с каменноугольной смолой. Главным достижением этих опытов явилась возможность систематического получения в большом количестве случаев опухолей у животных (белых мышей), бывших до того здоровыми. Таким образом, эти опыты явились первым доказательством возможности настоящего вызывания рака. Наряду с этим выяснился весьма важный как в теоретическом, так и в практическом отношении факт. Оказалось, что рак не наступает сразу, что ему предшествует целый ряд изменений в коже, смазываемой каменноугольной смолой, которые можно расценивать как предраковое состояние. Уже после нескольких смазываний каменноугольной смолой шерсть на месте смазывания выпадает, в дальнейшем, через 2—3 месяца, кожа облысевшего участка утолщается, на ней появляются сначала мелкие, потом более крупные бородавки. Эти бородавки под микроскопом представляют со-

бой доброкачественные кожные опухоли. Они могут остановиться на этой стадии своего развития, если прекратить смазывание каменноугольной смолой. Однако, если смазывание продолжается, бородавки увеличиваются, изъязвляются по поверхности, начинают прорастать вглубь и постепенно превращаются в злокачественные опухоли, в рак.

Мы видим, следовательно, что опыты со смолой не только внесли конкретное содержание в понятие о предраковом состоянии, но и показали возможность перехода доброкачественной опухоли в злокачественную. Естественно, что эти факты отразились не только в наших теоретических представлениях об опухолях, но и в лечебной практике.

Опыты с каменноугольной смолой поставили на конкретную основу вопрос о роли хронического раздражения в возникновении опухоли. На первый взгляд казалось, что именно эти опыты полностью подтвердили старую концепцию Вирхова о выдающейся роли раздражения в происхождении опухоли. Однако уже очень скоро ряд фактов, накопившихся благодаря экспериментальной работе, заставил усомниться в решающей роли неспецифического раздражения для возникновения опухолей. Действительно, оказалось, что смолы, обладающие весьма сильным раздражающим действием и вызывающие как резко выраженные местные изменения тканей, так и гибель животного, очень часто вызывают значительно меньше опухолей, чем другие сорта смол, не обладающие столь явно выраженным, непосредственно вредным действием. Примером могут служить некоторые сланцевые смолы СССР, как это показали в 1934 г. Ларионов, Соболева и Шабад. Смолы, различные по своему происхождению, т.-е. по месторождению каменного угля, из которого они были добыты, или различные по методу приготовления, оказались различными и по своей способности вызывать опухоли. Например, газовая смола вызывает гораздо чаще и скорее опухоли у мышей, чем коксовальная или доменная каменноугольная смола.

Внимательное изучение некоторых (весьма, впрочем, редких) случаев рака человека, связанных с воздействием химических продуктов, поступавших из внешней среды, привело к таким же выводам. Так, например, рак трубчистов, о котором мы уже говорили выше, чаще всего наблюдался в Англии, несколько реже в Голландии, еще реже он встречался во Франции и Германии и никогда не был найден в России. Последние факты легко объясняются тем, что в Англии и Голландии для отопления употреблялся главным образом английский каменный уголь, а в других странах пользовались топливом другого происхождения, и, следовательно, сажа и смола в печных трубах могла иметь другой химический состав.

Это заставило подумать о том, что способность смолы вызывать опухоли зависит от определенного химического состава ее. Так зародилось современное представление об особых химических веществах, содержащихся в смоле, которые могут вызывать опухоли.

Такое представление оказалось весьма плодотворным, ибо оно повело к систематическому изучению различных составных частей каменноугольной смолы. Одним из важных этапов по пути этого изучения было сравнительно-экспериментальное исследование действия различных фракций каменноугольной смолы, разгоняющихся при различной температуре. Оказалось, что наибольшее количество опухолей вызывают смолы, перегоняющиеся при весьма высоких температурах (около 500°), в то время как легко кипящие фракции смолы (до 200°) опухолей у мышей не вызывают. Эти результаты, так же как и ряд других исследований и сопоставлений, на которых мы не можем здесь останавливаться, позволили уже к 1928 г. прийти к предположению о том, что действующим началом смолы, вызывающей опухоли, являются далеко не все ее составные части, а лишь высшие углеводороды. Такое предположение, однако, нужно было доказать экспериментально, что и было сделано в последующие годы. Наконец, в 1932 г.

было опубликовано сообщение Киннеуэй, Кука и их сотрудников о том, что им удалось получить опухоли у мышей в результате введения в их организм химически чистых углеводородов определенного строения. С этого времени началась новая полоса в экспериментальном изучении рака.

Возможность получения опухолей при помощи введения в организм подопытных животных химически чистых веществ известного строения не только весьма сильно расширила экспериментальные возможности, но и углубила наши представления о природе опухолей. Действительно, оказалось, что одно и то же химически чистое вещество может вызывать опухоли различного строения: в результате смазывания ими кожи получается рак (злокачественная эпителиальная опухоль), при введении его под кожу — саркома, т. е. злокачественная опухоль из соединительной ткани, а в некоторых случаях из мышц. В результате ряда наших опытов (Шабад, Клейненберг, Морозенская, Клеицкий), подтвержденных и другими исследователями, оказалось, что химически чистые вещества могут вызывать наряду с злокачественными опухолями и множественные доброкачественные опухоли. Этим была установлена единая природа опухолей различного строения и различного значения для организма. Оказалось, что при введении химически чистых веществ, например, под кожу паховой области, опухоли могут возникать в участках тела, весьма отдаленных от места введения, например, в легких. Таким образом, создалось представление о возможности переноса химических веществ по организму, циркуляции их вне опухоли. Кроме того, применение химически чистых веществ позволило поставить еще ряд опытов как по выяснению начальных стадий возникновения опухолей, так и по оценке биологического действия самих веществ, вызывающих опухоли.

Мы не можем в рамках сравнительно краткого очерка дать сколько-нибудь подробное описание результатов опытов с вызывающими опухоли хими-

чески чистыми веществами, которые в течение последних лет приковывают к себе внимание всех изучающих рак и занимают видное место, в частности, в нашей лаборатории ленинградского филиала ВИЭМ, где изучение их, впервые в СССР, было начато с 1934 г. Укажем лишь на некоторые работы других советских исследователей, представляющие значительный принципиальный интерес. Дело касается попыток вызвать опухоли вне организма путем воздействия определенными химическими веществами на клетки, выращиваемые вне организма (Магат — Киев, Тимофеевский — Харьков, Ларионов — Ленинград). Интересно, что во всех трех лабораториях, о которых идет речь, наблюдались однозначные результаты: опухолей до сих пор не получено, но выращиваемые вне организма нормальные клетки заметно изменились и до известной степени приблизились к превращению в опухолевые клетки.

Весьма большой интерес привлекают работы, ставящие целью выяснить роль нервной системы в развитии рака (акад. Сперанский и его ученики, ВИЭМ, Москва).

При помощи химически чистых веществ можно вызывать у животных не только наружные опухоли, но и рак внутренних органов, как это, например, показано в работах Морозенской и Вылегжанина (рак печени), Кленницкого (рак шейки матки). Серия работ Кленницкого показала, кроме того, значение для возникновения рака матки комбинированного действия химических веществ, вызывающих опухоли, и женского полового гормона.

Рассмотрение химического строения веществ, вызывающих опухоли, и сравнение этого строения со структурой некоторых веществ, могущих возникать в организме, дало весьма интересные результаты. Оказалось, что искусственные опухолеобразующие вещества по своему строению не столь далеки от некоторых веществ, находящихся в организме, а именно от желчных кислот и от половых гормонов.

В 1935 г. (Кук, Файзер и др.) уда-

лось приготовить из желчи, а именно из желчных кислот, вещества, вызывающие весьма большое количество опухолей в короткий срок (метилхолантрен и холантрен). Этим было показано, что в организме может найтись «сырьё» для изготовления веществ, вызывающих опухоли. Однако этими опытами ни в какой мере не было доказано, что самый процесс возникновения опухолеобразующих веществ в живом организме действительно имеет место. С другой стороны, в 1934—38 гг. Лакасань доказал, что введение больших доз фолликулина (женского полового гормона) мышам может вызвать у них рак. Однако в опытах Лакасаня был применен, и притом в огромных дозах, не встречающихся в организме, искусственно приготовленный фолликулин, а не какое-либо вещество, выделенное из организма больного раком. Прямым экспериментальным доказательством возможности существования в организме человека или животных веществ, вызывающих опухоли, должен был явиться такой опыт, при котором можно было бы вызывать опухоли у животных в результате введения им продукта, выделенного из тела человека, болевшего раком. Проведение такого опыта наталкивалось на целый ряд затруднений, на которых мы подробно здесь останавливаться не можем. Все же такие опыты в 1936 г. были нами поставлены в лаборатории по изучению рака ленинградского филиала ВИЭМ и дали положительный результат (Шабад, Нейфах, Клейненберг).

При вскрытии трупов лиц, умерших от рака и других злокачественных опухолей, нами была взята печень как в тех случаях, когда в ней находились метастазы рака, так и в тех случаях, где она была от них свободна. Ткань печени измельчалась и заливалась бензолом, испытанным растворителем целого ряда синтетических химических веществ, вызывающих рак. Бензол экстрагировал из печени ряд растворимых в нем продуктов. Затем бензол отгонялся, и полученная таким образом выгтяжка, представлявшая собой массу жировых продуктов, вводилась под ко-

жу мышам. В настоящее время нами подведены уже итоги большого количества опытов (свыше 500 мышей, кроме 634 контрольных), и можно прийти к определенному заключению. Оказалось, что введение бензолной вытяжки из печени людей, умерших от рака, вызывает у мышей большое количество опухолей, как злокачественных, так и доброкачественных, как на месте введения вытяжки, так и вдали от него. Количество, местоположение и вид полученных у мышей опухолей в этих опытах ничем не отличаются от результатов введения заведомо вызывающих опухоли искусственно приготовленных химических веществ. Таким образом, было дано первое прямое экспериментальное доказательство возможности нахождения в теле человека растворимых в бензоле химических продуктов, вызывающих опухоли. Интересно, что введение приготовленных таким же путем бензолных вытяжек из печени людей, умерших не от рака, а от других заболеваний, вызвало у мышей значительно меньшее количество опухолей.

Приведенные результаты, конечно, являются лишь началом большой и весьма трудной работы, направленной к нахождению образующихся в организме человека веществ, вызывающих опухоли, и к установлению их химической природы. Однако уже эти данные позволяют пролить некоторый свет на происхождение опухолей. Они открывают, так сказать, доисторический период рака, т.е. тот период болезни, который предшествует появлению первых опухолевых клеток.

Полученные результаты заставляют предположить, что в организме человека, может быть, в течение долгих лет, медленно и постепенно накапливаются, в результате расстройств обмена веществ, определенные вещества, могущие вызвать опухоль. Вероятно, что эти вещества в некоторых случаях могут быть выведены из организма или нейтрализованы до того момента, как они окажут свое вредное действие на клетки. Больше того, можно себе пред-

ставить, что даже уже после того, как эти вещества подействуют на некоторые клетки организма и создадут таким образом предраковые зачатки, эти последние могут быть уничтожены благодаря противодействию некоторых систем организма. Представление о таких противоопухолевых воздействиях дают нам многочисленные опыты целого ряда исследователей, например, академика Богомольца и его сотрудников — проф. Неймана, проф. Кавецкого, а также некоторые опыты лаборатории ленинградского филиала ВИЭМ, показавшие задерживающее влияние на рост опухолей со стороны сыворотки крови, ткани селезенки и т. д. (Халецкая).

Таким образом, результаты современных опытов по изучению опухолей, в частности опытов с бензолными вытяжками из печени людей, умерших от рака и других заболеваний, позволяют считать, что в зарождении рака большую роль играет возникновение и действие в организме некоторых химических веществ. Это заставляет рассматривать рак как конечный результат длинной цепи изменений, связанных с определенным расстройством обмена веществ.

★

В связи с представлением о сущности раковой болезни нам надлежит остановиться еще на двух вопросах, привлекающих всегда общий интерес, — на вопросе о возможности инфекционного происхождения рака и на проблеме о роли наследственности при возникновении рака.

Заразен ли рак? Передается ли он, подобно инфекционным болезням, от человека человеку или от животных человеку? Вызывается ли рак какими-либо бактериями или паразитами? На все эти вопросы в настоящее время можно ответить с полным правом: нет. В пользу такого ответа говорит все то, на чем мы подробно остановились выше. Клеточная природа всех опухолей, возможность их перевивки с одного животного на другое путем пересадки

опухолевых клеток, возможность вызывания опухолей у животных химическими веществами, наблюдения над постепенным возникновением этих опухолей из ранее здоровых клеток в результате ряда промежуточных, предраковых изменений, наконец, показанная нами возможность нахождения в теле человека растворимых в бензоле химических продуктов, могущих вызывать опухоли, — словом, все факты современной экспериментальной науки о раке говорят против возможности инфекционного, заразного происхождения рака. Многочисленные попытки обнаружить бактериальных или паразитарных возбудителей рака потерпели неудачу. Главным же доводом в разборе этого вопроса, как и при всех других, остается критерий практики, который в данном случае гласит: рак не заразен.

Неизмеримо труднее в кратких чертах осветить второй из поставленных нами вопросов: о роли наследственности в происхождении рака. Дело в том, что мы не можем иметь достаточного количества достоверных наблюдений над передачей потомству опухолей у человека, так как для этого надо было бы располагать материалом, охватывающим 3—4 поколения людей. Если принять во внимание, что рак появляется чаще всего в пожилом возрасте, то в сферу исследования надо было бы вовлечь период в 150—200 лет. Между тем, все современное учение об опухолях, включая и основы современной оценки и распознавания рака, моложе 100 лет. Иначе говоря, если бы мы даже располагали какими-либо сведениями об опухолях, встретившихся в какой-нибудь семье 150 лет тому назад, то мы не могли бы быть уверенными в достоверности этих данных.

Таким образом, единственным путем для изучения наследственности опухолей являются опыты на животных, в частности на быстро размножающихся мышах. Однако ни в коей мере нельзя переоценивать значение результатов таких опытов, так как нужна особая осторожность и сдержанность при пе-

ренесении на человека выводов, сделанных в результате опытов с мышами, особенно в таком вопросе, как наследственность.

Приняв во внимание все сделанные оговорки, надо сказать, что экспериментальное изучение наследственности опухолей дало все же немало интересных наблюдений. Так, работами главным образом американских исследователей было установлено, что скрещивание самца и самки с опухолями дает потомство, богатое опухолями, в то время как производители, не болеющие раком, дают потомство, свободное от этой болезни. Оказалось, что в одних семействах (линиях) мышей рак молочных желез, например, встречается в определенном, низком проценте случаев (например, у самок в 1—2 проц.), в то время как в других линиях этот же вид рака встречается во много раз чаще (например, у 80 проц. всех самок). Эти данные в течение долгого времени приводились как прямое доказательство наследуемости рака, по крайней мере, у мышей.

Однако новейшие эксперименты внесли много нового в освещение приведенных фактов. Если скрестить самку из семейства, бедного опухолями, с самцом из семейства, где много опухолей, то в потомстве встретится гораздо меньше опухолей, чем если поступить наоборот, т.-е. взять для скрещивания самку из семейства, где много опухолей, а самца из мало пораженной семьи. Иначе говоря, предрасположение к раку у потомства получается не в равной мере от обоих производителей, как этого следовало бы ожидать в случае истинной наследуемости (генотипической), а идет больше по материнской линии (что может говорить о факторе, передающемся вне хромозом). Новейшие исследования (1937—1939 гг.) с «обменом мышей-кормилиц» (Биттнер и др.) принесли еще более поразительный факт. Если мышат, родившихся в семействе, отягощенном раком, вскармливают самки из другого семейства, где рак встречается редко, то эти мышата в течение дальнейшей своей жизни заболевают раком в меньшем числе случаев, чем их родители. Наоборот, мышата, родившиеся в

здоровой семье, но вскормленные молоком самок из семейства, где встречается много опухолей, гораздо чаще заболевают раком, чем их родители. Предрасположение к раку передается, таким образом, с молоком «кормилицы», а не наследственным путем.

Конечно, прямо применить эти выводы к изучению раковой болезни у человека было бы весьма неправильным, даже опрометчивым шагом. Однако некоторые важные выводы из приведенных наблюдений применительно к опухолям животных все же сделать можно. Во-первых, на основании этих наблюдений можно утверждать, что наследственность играет вовсе не такую большую роль в происхождении, по крайней мере, некоторых опухолей у мышей, как это можно было думать еще всего несколько лет тому назад. Во-вторых, передача потомству «склонности к раку» через молоко заставляет предположить наличие в молоке кормящих самок, происходящих из семейств мышей, где встречается много опухолей, каких-то химических веществ, могущих вызывать опухоли. Если такие вещества выделяются с молоком, то они, вероятнее всего, возникли в организме самки-кормилицы. Таким образом, мы снова приходим к представлению о внутренних опухолеобразующих веществах, которые были прямо показаны нашими опытами с вытяжкой из печени людей, умерших от рака.

Исследования природы опухолеобразующих химических веществ, возникающих в организме, выяснение причин их образования и условий их действия на живую клетку, поиски факторов, могущих обезвредить эти вещества, наконец, поиски, нахождение и применение факторов, уничтожающих опухолевый зачаток, — вот обширное поле исследований, открывающееся в настоящее время. Вместе с тем результаты современ-

ных экспериментальных исследований позволяют коснуться и некоторых общих взглядов на происхождение опухолей. В свете этих результатов можно прийти к заключению, что оба основных взгляда на происхождение опухолей, которых мы касались выше, в равной мере подтвердились и вместе с тем в равной мере не подтвердились. Мысль Вирхова о том, что в происхождении рака большую роль играет раздражение клеток, подтвердилась в том отношении, что в результате постепенного развития этого взгляда были найдены химические вещества, вызывающие опухоли. Однако в настоящее время при оценке происхождения самопроизвольных опухолей человека и животных мы должны считаться с возможностью возникновения опухолеобразующих веществ внутри организма. В этом отношении современная точка зрения приближается к взглядам тех ученых, которые вместе с Конгеймом уже давно говорили о внутренних причинах рака, в противовес понятию о раздражении извне.

Таким образом, мы видим, как в результате длительной, систематической экспериментальной работы меняются и основные теоретические взгляды на рак и вместе с тем в переработанном виде входят в современные наши представления.

Задачей настоящего очерка было обрисовать общие черты понятия об опухолях и вкратце остановиться на современном положении вопроса об их возникновении. Многого мы не коснулись, многого мы еще не знаем, но уже изложенное показывает, как много мы узнали о происхождении опухолей в сравнительно короткий срок. Такое положение дела побуждает к еще более упорной и углубленной работе по изучению рака и внушает уверенность в конечном успехе этой работы.

„Лучи смерти“

А. ПАЛЬЧУНОВ

Как-то в одном из иностранных научно-популярных журналов было напечатано следующее сообщение:

«Несколько лет назад, в один из августовских дней группа японских военных инженеров проводила такой опыт. В открытое море был отбуксирован большой плот, сколоченный из бревен. На плоту находилось несколько десятков кроликов. Плот был оставлен в море, катер же с людьми отошел в сторону на расстояние двух-трех миль. Здесь был брошен якорь, извлечены и установлены какие-то радиоприборы и особые антенны, напоминающие лыжные палки.

С концов этих антенн в эфир излучались сконцентрированные электромагнитные колебания так, что они направлялись на плот с кроликами. После пятнадцатиминутного облучения аппаратуру выключили, и катер подошел к плоту.

Половина кроликов была мертвая, остальные лежали парализованными. Кругом плота всплыло огромное количество убитой и оглушенной рыбы. Результаты опыта были признаны удовлетворительными.

А спустя двадцать один день после этого случая, все участники опыта заболели и умерли, причем у них выпадали волосы, зубы, начались судороги и т. д...»

Это не заслуживающее доверия сообщение было напечатано в связи с производящимися в странах империализ-

ма исследованиями и опытами в области электромагнитных колебаний.

Но наряду с различными небылицами в печать проникают и сведения, вполне заслуживающие внимания к описываемым интереснейшим работам. Так, например, является достоверным произведенный в Америке опыт, на основании которого стали распространяться слухи об открытии «лучей смерти».

В лаборатории ультракоротковолновых колебаний одного из американских научно-исследовательских институтов разработали аппаратуру, позволяющую излучать в эфир электромагнитные волны, с такой ничтожно короткой длиной, что, проходя препятствия на своем пути, эти волны сильно нагревают их. Было испытано действие этих волн на живых существах. Объектами «облучения» были выбраны собака, человекообразная обезьяна и бык. Их помещали поочередно в специальное помещение и подвергали действию волн на расстоянии 15 метров.

Через 8 секунд была убита обезьяна. 20 секунд выдержала собака. Бык оказал наибольшее сопротивление, — он погиб через 92 секунды.

Попытаемся ознакомиться с природой электромагнитной энергии в области коротких и ультракоротких волн и физическими свойствами их.

Весь диапазон волн, используемый современной техникой, разделяется на несколько участков. Волны от 200 м и длиннее принято называть длинными

волнами, средневолновый, или промежуточный, диапазон охватывает волны от 50 до 200 м. Волны от 10 до 50 м — короткими. Волны же короче 10 м называются ультракороткими. Чем короче волна, тем больше частота колебаний тока, соответствующего данной волне. Частота токов, соответствующих коротким волнам, очень высока. Волне 10 м соответствует частота 30 000 килогерц, т.-е. 30 000 000 колебаний в секунду.

Интересны физические свойства этих волн, — они обладают способностью глубокого проникновения в физические тела, уподобляясь в этом отношении лучам Рентгена. Поглощенная предметами энергия этих волн превращается в тепло, — тела нагреваются. Но нагревание здесь получается особого рода: обычно всякий источник тепла прогревает предметы больше снаружи, чем внутри, а короткие и ультракороткие волны дают наибольшее прогревание в глубине. Кроме того, тепло здесь действует «избирательно». Интересный опыт был проделан физиком Эзау: он составлял эмульсию (взвесь) из водного раствора углекислого калия и парафинового масла. Эту взвесь Эзау подвергал действию коротких волн. Эмульсия нагревалась, и температура ее доходила до 50°C; в то же время вода в эмульсии закипала, т.-е. имела температуру около 100°C.

Избирательность, или, как говорят, селективность нагрева, зависит от физических свойств отдельных составных частей тела. В опыте Эзау с эмульсией физические свойства водного раствора углекислого калия и парафинового масла различны; это обусловило различную степень нагрева составляющих эмульсии частей.

Помимо основного свойства, избирательного термообразования, короткие и особенно ультракороткие волны обладают еще одним действием, называемым «специфическим». Действие это выражается в изменениях физико-химических свойств вещества тела, подвергающегося действию ультракоротких волн. Вот эти физические свойства и положены в основу некоторых описываемых нами ниже «лучей смерти».

Когда коротковолновый диапазон вошел в обиход радиотехники, радисты и радиолюбители заметили, что длительная работа вблизи генераторов коротких и ультракоротких волн вызывает ряд неприятных ощущений: головокружение, сонливость, утомляемость и т. д. Одновременно было установлено, что почтовые голуби, попадая в сферу действия антенн, ведут себя не так, как в остальном пространстве. Выяснилось, что короткие и ультракороткие волны в некоторых случаях вызывают гибель мелких животных в течение нескольких минут. Там, где облучение производилось не смертельными дозами, отмечались в облученном участке различные изменения: расширение сосудов, изменение тканей, вплоть до полного их разрушения, иногда усиленное разрастание клеток и т. п. Найдено было, что, кроме местного воздействия, короткие и ультракороткие волны косвенно влияют на состояние всего организма.

Вышеописанные физиологические свойства коротковолнового диапазона в электромагнитном спектре и побудили искать в нем «лучи смерти».

Здесь мы попытаемся критически рассмотреть возможность осуществления физических принципов, положенных в основу работ и исследований в области электромагнитных колебаний, как боевого оружия, с точки зрения достижений науки сегодняшнего дня. Таким образом, мы сможем определить, насколько реально осуществление «лучей смерти», как нового оружия в будущей войне.

Анализируя работы в этой области за границей, приходим к выводу, что к «лучам смерти» относятся прежде всего электромагнитные колебания большой частоты, известные в радиотехнике под названием УКВ (ультракороткие волны) и катодные лучи, открытые в 1869 году физиком Гитторфом.

В прошлом, сразу же по открытии Герцем высокочастотных волн, начали пробовать действие их на живые организмы. И еще до войны 1914—1918 гг. профессор Д'Арсонваль уже добился искусственного повышения температуры крови животных, применив для этого искровой передатчик.

Спустя известное время, германские физики Курц и Баржгаузен добились возможности генерировать незатухающие УКВ длиной в несколько десятков сантиметров. Вот эти работы и послужили отправным пунктом для опытов, все более отчетливо указывавших направление к действительным «лучам смерти».

Опыты над «облучением» животных при помощи генераторов УКВ начал в 1929 году профессор Эзау в Иене. У него крысы и мыши, попадая в поле конденсатора, погибали через несколько секунд.

В 1935 году в Берлине членами Кайзер-Вильгельм-Гезельшафт производилось исследование специфического влияния УКВ на мозг и нервную систему. Оказалось, что при работе передатчика на волне 8 м и мощностью его в 1 500 ватт по истечении нескольких часов люди, находившиеся в непосредственной близости от установки, испытывают нервное возбуждение. При работе же передатчика с мощностью 400 ватт на волне 3 м люди испытывали возбужденность, страх, проявляя пессимизм, рассеяние внимания и т. д. Эти опыты доказали, что специальный поражающий удар по мозгу можно направить при помощи определенной длины УКВ. Так ультракоротковолновые колебания получили в области «лучей смерти» название «поражающего луча».

Все описанные опыты были проделаны в поле конденсатора с близко расположенными друг к другу металлическими пластинами. Вогнутое зеркало из жести или параллельных проволок позволяет концентрацию энергии УКВ также и на большее расстояние.

★

Перейдем к следующему виду «лучей смерти» — так называемым «бреющим лучам свинцовых атомов», или проще — «свинцовым лучам».

Как уже говорилось выше, катодные лучи в 1869 году открыл Иоганн-Вильгельм Гитторф и назвал их «катодными», так как они излучались катодом трубки по принципу трубки Гейс-

лера. Тогда эти лучи еще не были способными проникнуть даже сквозь тонкую стеклянную пластинку.

Природа «свинцовых лучей» основана на действии гейслеровской трубки. Образующиеся в этой трубке под действием тока лучи обладают выраженным отрицательным свойством: они излучаются отрицательным электродом — катодом, почему их и назвал Гитторф катодными. Так как они не могли проникать через стеклянную преграду, немецкий физик Ленард добился открытия им пути из трубки. Он проделал в ней окно, закрыл его тонкой металлической пластинкой и снова откачал воздух из трубки. Так применили «окно Ленарда».

«Окно Ленарда» позволило выявить, что при вакууме и достаточном напряжении при включении трубки из окна излучаются лучи, представляющие собой поток мельчайших металлических частиц, несущихся от катода с огромной скоростью — 240 000 км в секунду. Этот поток приобретает свойство электромагнитных волн, почему их назвали также «материальными».

Американский физик Кулидж заменил алюминиевую пластинку никелевой и добился напряжения в трубке до 350 000 вольт. При этом поток лучей распространял фиолетовое свечение и электрически заряжал воздух. Конечно, это были уже не безвредные лучи prošлого. Муха, попавшая в поток этого луча, мгновенно погибала.

Пока нет еще причин считать возможным применение «свинцовых лучей» как оружия для массового воздействия на больших расстояниях на живую силу противника, но вполне реально производить опасные воздействия этими лучами в комбинации с другими.

Интересно, что еще практически не достигнута возможность ведения войны «свинцовыми лучами», т.-е. поражения этими лучами человека, а «противоядие» уже родилось. Искусственный прием, с помощью которого Ленард открыл выход «свинцовым лучам» из трубки, указал на возможность и защиты от них. «Окно Ленарда» освободило «свинцовые лучи» из стеклянного плена, —

стекло же всегда может и запереть их. Современная техника позволяет уже производить ткань из стекла. Нити этой ткани настолько тонки, что не превышают одной двадцатой части толщины человеческого волоса. Эта стеклянная вата в два раза легче самой легкой шелковой ткани. И изолирующая, защищающая от этого вида «лучей смерти» одежда бойцу уже создана задолго до реального воплощения их в оружие будущего.

В печать проникали сведения еще об одном виде «лучей смерти», способных зажигать на расстоянии горючие предметы. Эти лучи, действие которых демонстрировал Мэттьюс (он же открыл их) несколько лет назад, действительно зажигали модель самолета на расстоянии 100 м. Эти лучи широко рекламировались буржуазными газетами, но так как о физическом принципе их умалчивалось, то надо полагать, что нового здесь ничего не открыто, так как науке давно уже известны существующие в природе спектры лучей, обладающие химическим действием и взрывающие известные химические соединения на расстоянии. Это подтверждается еще и тем, что после опытов Мэттьюса профессор Ланжевен сообщил в интервью сотруднику газеты «Эвр», что опыт Мэттьюса с зажиганием модели самолета удался только потому, что модель имела запал с фотоэлектрической батареей, действующей от световых лучей.

Таковы «лучи смерти», их природа и действие на организм.

★

Переходя к «лучам смерти», основанным на природе звука и света, необходимо отметить, что и в этих разделах физики империалисты также стремятся найти новое оружие войны.

В 1934 году австриец Эрнст Гейлахуз эмигрировал во Францию и произвел там опыты, а затем демонстрацию изобретенной им «световой пушки», стреляющей «ослепляющими лучами». Как стало известно, эта пушка представляет собой трубу, из которой выдувается порошокобразная смесь, дающая вспышку

чрезвычайной яркости. Порошок, состоящий из смеси электрона и магния с солями азотной селитры, богатой кислородом, подается в виде отдельных патронов. Такая пушка дает при выстреле силу света до 5 000 000 свечей. Действие этого «ослепляющего луча» на противника вызывает в тяжелых случаях столбняк, в более легких — вытекание радужной оболочки глаза. В лучшем же для них случае бойцы будут временно ослеплены и выведены из строя. Разработкой «ослепляющих лучей» особенно детально занимались во Франции, где их предполагалось применить при отражении воздушных налетов.

В связи с опытами и исследованиями в области создания «ослепляющих лучей» сделаны некоторые интересные открытия и изобретения. Так, в 1935 году лаборатория «Филипс» (Голландия) сконструировала ртутную лампу весом в несколько граммов и диаметром в несколько сантиметров. Эта лампа создает поверхностную освещенность в 45 000 свечей на 1 квадратный сантиметр.

В Америке сконструирована дуговая лампа, с чудовищно высокой яркостью. В этой лампе удалось создать источники света, имеющие температуру, равную $9\,100^{\circ}\text{C}$, — превышающую температуру солнца на $1\,700^{\circ}\text{C}$ (как известно температура солнца = $7\,300\text{—}7\,500^{\circ}\text{C}$).

Но теперешние теоретические расчеты уже показывают техническую и тактическую невыгодность «ослепляющих лучей», этого нового вида оружия. Не говоря уже о том, что средства, предохраняющие глаза человека от действия яркого света, созданы и применяются задолго до идеи «ослепляющих лучей», — вторая, чисто тактическая невыгодность их состоит в том, что ночью различные средства ослепления выдают собственное местонахождение, а днем нужна сверхмощная установка для получения действительно ослепляющего луча.

Поэтому трудно предполагать, чтобы «ослепляющие лучи» нашли себе эффективное применение на войне как оружие, действующее губительно на войска противника, и скорее по своим результатам

«ослепляющие лучи» станут «освещающими лучами», что в целях разведки, как наземной, так и воздушной, конечно, будет иметь большую ценность. Не лишне будет упомянуть, что к работам по созданию «ослепляющих лучей» примыкают и работы по созданию новых мощных осветительных авиабомб. Уже созданы бомбы, дающие яркость света до 500 000 000 свечей, что более чем достаточно для очень яркого освещения с большой высоты целого города.

★

Идея использования звуковых колебаний для производства «убивающего звука» на войне основана на следующем физическом законе. Известно, что каждое физическое тело обладает своей собственной частотой колебаний. Поэтому, если воздействовать извне на такое тело частотой колебаний, равной его собственной частоте, то амплитуда (размах колебаний) начинает возрастать и быстро влетает за собой разрушение тела. Это явление называется «резонансом колебаний» и является очень важным фактором при расчете сложных конструкций. Причем это явление одинаково справедливо как для отдельных деталей, так и для конструкции в целом. Из этих соображений, например, хождение по мосту большого числа людей в ногу воспрещается.

В качестве примера резонанса колебаний можно привести несколько интересных случаев. Так, например, в эхолоте — приборе для измерения глубины — звуковые колебания убивают рыб. Практика знает немало случаев разрушения айсбергов повторными гудками сирены судна, в случае когда она имеет тон определенной высоты. При опытах по исследованию резонанса колебаний строительная балка, выполненная из стали, свободно выдерживала статическую нагрузку в 7 000 кг и сломалась при переменной нагрузке в 600 кг.

Логическое развитие этих соображений приводит к заключению, что самые мелкие детали материи — атомы и молекулы — также имеют собственный период и частоту колебаний. Поэтому и

является возможным при соответствующей частоте разрушать любую живую и мертвую материю. Отличие здесь заключается только в том, что для возбуждения резонанса мельчайших клеток материи необходимо применять очень высокую частоту колебаний, по сравнению с частотой, способной разрушить его, например, самолет, мотор или деталь его, так как соответственная частота колебаний тем выше, чем меньше масса тела.

Для военных целей поэтому ряд лабораторий работает над проблемой ультравысокой частоты колебаний, способной разрушать любую материю. Так, в Америке, в одной из лабораторий, был произведен такой опыт. В резервуар с маслом была погружена кварцевая пластинка, которая под действием электрического поля колебалась с частотой 300 000 периодов в секунду. Эти колебания передавались на погруженный в резервуар стеклянный стержень. Прикосновение руки к такому стержню вызывало сильные ожоги, хотя стержень был совершенно холодный. Стеклянная пластинка, поднесенная к стержню, разрушалась в мелкий порошок. Даже кратковременное воздействие такой частоты на кровь животных вызывало разрушение красных кровяных шариков. Рыбы, лягушки, мыши и крысы быстро погибали. Отмечено также быстрое повышение температуры жиров при воздействии на них ультравысокой частоты.

Конечно, сейчас еще является утопией создание приборов «убивающего звука» для широкого применения на войне. Этому препятствует целый ряд еще нерешенных проблем. Ведь от лабораторных опытов до практического применения очень далеко. Когда наука преодолевает быстрое затухание ультразвуковых колебаний в воздухе и найдет способы передачи воздействия их на расстояние, — тогда еще можно будет говорить о реальности применения на войне «убивающего звука». Пока же эта проблема имеет чисто лабораторный интерес.

Такова природа электромагнитной энергии, которую империализм выдвигает

гает как эффективнейшее средство войны будущего.

Но современная наука, если она и не считает невозможными органические повреждения в области воздействия на человека или животное различных «лучей смерти», — будь это «ослепляющие лучи», ультравысокие звуковые колебания или ультракороткие радиоволны, — то все равно сейчас еще не представляется возможным конструктивное оформление приборов и аппаратуры для воздействия этими лучами на большом расстоянии и на массу людей.

Разрушение человеческих тканей требует такой концентрации излучаемой энергии света, звука и электричества, которую для воздействия на большое число людей еще не создали, и только потому, что не разрешен ряд проблем в области генерирования и передачи на расстояние энергии.

Поэтому пока нельзя думать о наличии в какой-либо армии действительных «лучей смерти», «сжигающих и разрушающих на своем пути все материальные препятствия». Но что к этому стремятся и в лабораториях военных министерств продолжают опыты и исследования, — это, конечно, факт.

Рассмотрим теперь электричество высокой мощности, уже применявшееся и применяемое как средство поражения на войне путем не передачи его в виде «лучей смерти», а по проводам.

★

Идея применения электричества высокого напряжения в качестве активной поражающей силы давно уже волнует умы инженеров и изобретателей, изыскивающих новые средства и виды уничтожения материальной части и живой силы неприятеля. Заманчивая перспектива использования электротока большой мощности, сжигающего на своем пути всякое материальное препятствие, мгновенно убивающего все живое и морально подавляющего армию противника, заставляет военные лаборатории интенсивно работать над рядом проблем, связанных с техникой использования этого оружия будущего.

Американский физик Тесла уже давно работает над проблемой передачи на расстояние без проводов электрического тока высокого напряжения. Это — одна из проблем, делающая реальным применение электричества, как средства массового уничтожения живой силы врага. Первой его работой была передача тока через землю. Но практической ценности опыты его не имели. Одно время сообщалось, что Тесла нашел возможность передавать ток высокого напряжения прямо по воздуху. Говорилось, что он пошел по пути ионизации воздуха, что должно было сделать его хорошим проводником электричества и будто уже создана аппаратура для этого, но, конечно, все это является если не плодом досужих вымыслов, то во всяком случае сильно преувеличенным.

Империалисты в поисках таких эффективных средств войны будущего, как ток высокого напряжения, не остававшихся ни перед чем, почему нередко становятся жертвой обмана изобретателей-шарлатанов. Не так давно во Франции нашумело дело, скандальность которого с трудом удалось замять.

Один ловкий мошенник, польский инженер Дуниковский, «изобрел» способ получать при помощи токов высокого напряжения золото. Продажа Франции этого «способа» сделала Дуниковского миллионером. Но, так как золото все же по методу «изобретателя» получать не удавалось, он сел в тюрьму. Уже сидя во французской тюрьме, Дуниковский с помощью денег привлекает на свою сторону некоторые газеты, которые печатают его интервью:

«...Мною изобретены «атомные лучи», при помощи которых можно направлять в атмосферу электрический ток очень высокого напряжения. Лучи смерти, о которых так много говорили в Англии и которые до сих пор не могли создать, мною осуществлены. Самолет, который пролетел бы через эту невидимую линию, вспыхнул бы, как спичка. Экипаж был бы немедленно убит. Мое изобретение можно было бы применить в первую очередь для целей обороны. Его мощь была бы непреодолима. Всякий неприятельский воздушный флот был

бы уничтожен, как только бы он пересек эту невидимую линию; всякая армия была бы истреблена направленными на нее невидимыми и неслышными выстрелами. Это подарок, который я сделал бы Франции, если она согласится на пересмотр моего процесса и на мою реабилитацию...»

Нам неизвестно о реабилитации этого «изобретателя», но от себя должны добавить, что даже осуществление такого «луча смерти» и направление его на летящий самолет не повредит ему больше, чем вредит ток высокого напряжения, на проводах которого спокойно сидят птицы.

Попытки разработать способы передачи электротока через сильно разреженное воздушное пространство тоже не увенчались успехом, так как здесь возникли совершенно непреодолимые трудности. Пока еще, например, не найден способ довести ток до слоев стратосферы и направить его в нужном направлении. То же самое и с ионизацией воздуха на большом расстоянии. Опыты показали, что ни лучи Рентгена, ни ультрафиолетовые лучи не могут действовать для этой цели на расстояние даже в несколько десятков метров.

Другое дело говорить о боевом применении электротока большой мощности для электризации земных предметов, препятствий и т. д., т. е. электризации объектов, непосредственно прикасаясь к которым противник получал бы смертельное действие тока. Эта проблема решена уже давно и неоднократно применялась в боевых условиях.

Идея осуществления такой «электрической смерти» уже не нова. Она возникла еще в последних годах прошлого столетия. Первым воплощением ее является всем известный «электрический стул», применяемый и доселе как средство казни в Америке.

Первые попытки применить электричество на войне, как говорят военно-исторические данные, относятся к 1904 году, когда одному из русских инженеров пришла мысль — путем электризации активизировать проволочные заграждения осаждающей японцами крепости Порт-Артур.

Широкое применение электризация препятствий получила в первую империалистическую войну 1914—1918 гг. в австрийской и германской армиях. Тогда же электризация препятствий применялась и Францией. В русской армии большого распространения это не получило, правда, 12-я армия имела на рижском фронте четыре автомобильных станции, электризирующие проволочное заграждение длиной в 50 километров.

Принцип электризации состоит в том, что препятствие (проволочное заграждение, строение, пень, забор и т. д.) изолируется различным способом от земли и соединяется с одним полюсом мощного источника электрического тока, а другой полюс заземляется. Таким образом, между препятствием и землей устанавливается разность электрических потенциалов, необходимая для поражения при замыкании цепи. Где бы ни коснулся человек электризованного препятствия, цепь будет замкнута, и через него пройдет ток.

Чаще всего электризованное препятствие представляет собой проволоку, одетую на изоляторы. Такими препятствиями обычно обносятся государственные границы, аэродромы, подступы к линии обороны, охраняемые площади, отдельные объекты и т. д. Глубина (по фронту) устройства электризованных препятствий, а также высота их, зависит от характера охраняемого объекта, подходов к нему и других чисто тактических значений.

Для электризации препятствий применяют переменный ток, дающий при равных условиях с постоянным наибольшую поражаемость. Так как для переменного тока определяющее значение для поражаемости имеет низкая частота, то для электризации применяют переменный ток с общераспространенной промышленной частотой в 40—50 герц (периодов в секунду).

Практика применения электризованных препятствий в первую империалистическую войну установила, что напряжение на препятствии порядка 400—500 вольт, если и не вполне гарантирует смертельные поражения людей, стремящихся преодолеть это препятствие, то

во всяком случае выводит их из строя. Практически же напряжение на препятствии всегда выбиралось с достаточным запасом, с тем, чтобы обеспечить безусловно смертельное его действие, т.-е. порядка 1 000—2 000 вольт. Современное развитие электротехнических устройств, приборов и машин позволит применить в будущей войне электризацию препятствий током более высокого напряжения.

Со времени первого боевого опыта применение электризации получило новые, более эффективные способы и методы, на основе научных данных и лабораторных работ. Так, разработаны вопросы техники электризации, физиологии действия электрического тока и т. д. Эти работы дали конкретные материалы в этой области.

Физиологическое действие электрического тока, как показали упомянутые работы, зависит от следующих факторов:

- 1) природы тока — постоянный, переменный, переменный низкой частоты, высокой частоты;
- 2) силы тока, проходящего через организм;
- 3) продолжительности прохождения тока;
- 4) пути прохождения тока в теле;
- 5) физиологических свойств человека, пораженного током;
- 6) психического состояния пораженного.

Главной причиной поражения является величина силы электрического тока, прошедшего через ответственные части организма. Установлено, что минимальной силой тока для губительного действия является величина от 25 до 600 миллиампер. Возможные отклонения от этих величин объясняются продолжительностью прохождения тока и различием путей прохождения его.

Длительность прохождения тока через организм имеет громадное значение для смертельного исхода. Опыт показал, что собака переносит в течение двух секунд напряжение в 4 600 вольт и погибает, когда действие тока при напряжении в 110 вольт длится 17 се-

кунд, хотя сила тока достигает при этом только 0,45 ампера.

Одним из решающих условий поражения человека электризованным предметом является путь тока в организме. Сердце является наиболее опасным пунктом. Даже при контакте головы и прохождении тока через центральную нервную систему смерть все же скорее происходит в результате паралича сердца. Чрезвычайно опасен электрический ток, если он проходит из одной руки в другую, от руки к ноге, и вообще, когда ток проходит через левую половину тела.

Физиологические и психические факторы также оказывают значительное влияние на поражаемость человека. Так, сопротивляемость току понижена у организмов людей, физически слабых, утомленных и истощенных недоеданием, длительными переходами и т. д. Жаркое время года также повышает предрасположение к действию тока. Такое же значение имеют такие факторы, как голод, жажда, психическое возбуждение. Найдено, что неожиданный ток (а в боевых условиях это бывает всегда) может быть смертельным, тогда как ожидаемый — не смертельным.

В полевых условиях общее сопротивление поражаемого бойца зависит и от обуви (на деревянных или металлических шпильках подбиты подошвы), качества и состояния грунта (растительный грунт, сухой или влажный, песок и пр.)

★

Некоторой разновидностью боевого применения электричества высокого напряжения являются новые работы в области останова на расстоянии моторов, имеющих электрическую систему зажигания в цилиндрах (магнето). Создание «электрической завесы» для летящего в воздухе самолета, идущего по земле автомобиля, танка и мотоцикла — заманчивая перспектива в системе обороны. Для этой цели автострады, границы и участки неба, откуда можно ожидать вторжения механизированного противника, оборудуются подземными или наземными (для авиации) мощными электромагнитами, питающимися от элект-

тростанции. Такие электромагниты создают чрезвычайно мощные магнитные поля. Магнето двигателя, попадая в такое поле, перестает работать. Подобные работы ведутся и в Америке и в ряде европейских государств. И опыты дают самые благоприятные результаты. Сомнения достойны только сообщения о наличии таких установок, парализующих работу магнето летящего на большой высоте самолета. Здесь нужна огромная мощность электроустройства.

Характерно, что и здесь «противоядие» родилось еще до практического применения способа остановки моторов на расстоянии. Уже созданы специальные свечи для работы не от магнето, а от батарей, на которые магнитные помехи не влияют. Кроме этого, двигатель-дизель, не имеющий вовсе электрозажигания, все больше завоевывает себе место на всех боевых машинах, будь это самолет, танк, автомобиль и даже мотоцикл.

Кто правит Америкой

(Из книги Ф. Лундберга: «Шестьдесят семейств Америки», Нью-Йорк, 1938 г.; «America's 60 Families», Lundberg F., The Vanguard Press, 1938)¹.

★

ЗОЛОТЫЕ ДИНАСТИИ И ИХ БОГАТСТВА

В настоящее время Соединенными Штатами Америки владеет олигархия из 60 богатейших семейств, поддерживаемых приблизительно 90 другими семействами меньшего богатства. Господствует над Соединенными Штатами эта олигархия под скромным флагом демократического де-юре правительства, за которым скрывается правительство де-факто, абсолютистское и плутократическое в полной мере, — правительство денег в демократии доллара.

Наша задача охарактеризовать первые 60 семейств, хотя иногда мы будем упоминать и о членах семейств их окружения. Эти 60 семейств владеют самой богатой страной, которая когда-либо существовала. Многие государства, нации и империи, существовавшие до эпохи промышленной революции, накопили значительно меньше богатств, чем те, которыми обладают в настоящий момент Соединенные Штаты. Однако дело не только в размерах: Китай тоже ведь очень велик. По решающему в экономическом отношении признаку — концентрации капитала и оборудования, по техническим знаниям и возможностям, естественным и людским ресурсам, — Соединенные Штаты являются единственной в своем роде страной. И вместе с тем, как это ни парадоксально, население страны чрезвычайно бедно; большинство ничего не имеет, кроме нескольких предметов обстановки и носильного платья.

Соединенные Штаты не только вскормили богатейший класс, который когда-либо знала история, но они также создали огромную и постоянную армию безработной нищеты.

★

Американские миллиардеры непрочь похвастаться своей хищнической генеалогией. Так, старший Морган с удовольствием дает проследить свое происхождение от Генри Моргана, известного пирата XVII века, и в честь его наз-

вал свою яхту «Корсар», выкрасив ее в черный цвет анархистов. Современные потомки Моргана сохранили это имя для своей паровой яхты.

Имя Рокфеллера обыкновенно ассоциируется в общественном мнении, благодаря широкой рекламе, с богатыми дарениями, жертвованиями. Дальше мы увидим, насколько эта репутация основательна. Современный представитель семьи Рокфеллера является по рождению самым богатым человеком во всем мире, и семья его может сравниться лишь с Фордами или с японской фамилией Мицуи. Налог (федеральный), который платил Рокфеллер в 1924 г. (год этот считается нормальным), составлял 6 279 669 долл., что соответствует облагаемому доходу в 15 млн. долл. Это, в свою очередь, при капитализации из 5 проц. составит капитал в 300 млн. долл. Всего же в распоряжении Рокфеллера состоит до 1 миллиарда долл., а его личный чистый доход в 1924 г. составлял от 30 до 50 млн. долл. Для сравнения можно привести следующие цифры: годовой доход русского царя равнялся 10—12 млн. долл., причем он не мог полностью им распоряжаться, имея ряд твердых обязательств. Состояние английской королевы Виктории оценивалось когда-то в 45 млн. долларов, доход ныне здравствующего английского короля составляет 4,5 млн. долл., причем часть он получает по цивильному листу. Перед мировой войной самым богатым европейским аристократом считался эрцгерцог австрийский Фридрих, имущество которого оценивалось в 750 млн. долл. Но ни один европеец или даже азиат, как видно, не имел таких богатств, как Рокфеллеры, Форд, Вандербилты, Меллоны и Дюпоны. Когда какой-нибудь из Рокфеллеров умирает, газеты обычно сравнивают его богатства с сокровищами индийских принцев, считающихся сказочно богатыми. Однако по сравнению с американскими миллионерами индийские принцы просто бедняки. Состояние их замощено в земле и в драгоценностях и неликвидно. Состояние же американских миллионеров может быть в одно мгновение превращено в любую валюту мира или ценные бумаги.

Быстрый рост американских состояний с имуществом Рокфеллера во главе доказывает, что

¹ Автор книги — бывший служащий банковских предприятий Нью-Йорка, журналист, хорошо знающий среду, о которой он пишет. До этого выпустил книгу о Херсте, американском газетном магнате.

хотя Соединенные Штаты когда-то и назывались великой политической демократией, но они давно перестали быть ею.

Соединенные Штаты дали миру в лице Стандарт Ойл компании, Аллюминиевой Американской компании, Автомобильной компании Форда и других промышленных предприятий, целый ряд феодальных, управляемых диктаторами, династических владений, по сравнению с которыми старые коронные владения Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов и других являются мизерными и ничтожными.

Концентрация богатств в настоящем капиталистическом обществе так же, как и в феодальном, проявляется в виде «товариществ» и семейных союзов. В большинстве случаев целые семьи руководят банками, контролируют промышленные корпорации и заводы. Подобно тому, как 200 или 300 лет тому назад, или даже во времена Римской империи, — семья является и сейчас высшим средоточием богатства, накапливая его, управляя и сохраняя, с передачей из поколения в поколение. Семья является священным учреждением, и никакое правительство не смеет вмешаться в ее внутреннее бытие, не рискуя оскорбить укоренившиеся предрассудки.

В течение ряда десятилетий, семейства американских богачей росли и усиливались благодаря бракам между собой. Крупные состояния переходили от отцов к детям и увеличивались. Немало было также случаев брака между правящими классами Европы и Америки. С социальной точки зрения такие браки имели меньше значения, чем браки американцев между собой, так как европейцы в таких случаях были большей частью обедневшими аристократами, и лишь в редких случаях могли способствовать увеличению богатств своих американских партнеров.

Рокфеллеры заключили ряд браков крупного финансового значения. Жена Рокфеллера младшего является дочерью сенатора Альбрита, крупного коммерсанта. Стильман Рокфеллер, внук первого Рокфеллера, женился на Ненси Карнеги, внучке первого представителя этой династии. Сестра Рокфеллера младшего вышла замуж за Гарольда Макормика (Международная компания жатвенных машин). Один из Вандербильтов женился на Виргинии Фер, дочери калифорнийского сенатора, принесшей в приданое баснословные богатства серебряных рудников. Такие династические союзы столь многочисленны, что изучение их превратилось бы в генеалогическое исследование. Президент Рузвельт, уязвленный газетными нападениями представителей тяжелой индустрии, сердито назвал этих капиталистов в 1936 г. «экономическими роялистами». Но даже и в буквальном смысле это утверждение может считаться правильным: сотни отпрысков богатых семейств являются членами аристократии и королевских домов. Так, например, одна из дочерей Рокфеллера вышла за испанского маркиза, и дети ее являются испанскими графами по праву рождения. Вильям Вальдорф Астор переменял, по собственному желанию, подданство (сохранив, конечно, все свое имущество в

США), сделался английским лордом; таким образом, его сын, потомок бедняка Джона Якова Астора, мелкого торговца пушной и спекулянта, является английским пэром. Но Асторы поднялись еще выше по социальной лестнице. Одна из внучек первого лорда Астора в 1929 г. вышла замуж за брата терпешней английской королевы¹.

Семьи американских богачей достигают больших размеров. Так, например, Дюпоны насчитывают 73 человека, Гульды — 53, Меллоны — 29, Рокфеллеры — 27, Вандербилты — 18 и т. д. Члены этих семейных кланов получают обычно теплые местечки в предприятиях своей группы. Сыновья, внуки, двоюродные братья Рокфеллеров рассеяны по всем бесчисленным предприятиям Рокфеллеровской группы и занимают места, которые они, конечно, никогда и не рассчитывали бы получить без семейной протекции.

В большинстве случаев современные владельцы крупных богатств получили их по наследству. Так, в 1936 г. 19 американских женщин уже в весьма раннем возрасте обладали состояниями по 25 млн. долларов и больше, которые приносили каждой в год до 1 млн. долларов дохода.

По мере того, как отдельные семьи росли, развивались и соединялись друг с другом, а доходы распределялись между многочисленными наследниками, огромные прибыли укрывались от точного учета. Состояния Рокфеллеров и Фордов превышают у каждого 1 млрд. долларов; имеется еще несколько семейств, имущества которых приближаются к этим. Если же взять данные о налоговом обложении за 1924 г. и вычесть чистый доход, подлежащий обложению, и накопление, определяемое в 5 проц., то окажется, что крупные состояния имеют неизвестный резервный фонд в ценностях, скрываемых от обложения в силу обходов закона, под видом, например, семейных корпораций. Авторитетные свидетельства показывают, что, только умножая состояния, облагаемые налогами, на три, можно получить представление о действительном размере состояний американских миллионеров. Например, Морган в 1924 г. платил около 575 тыс. долл. федеральных налогов (с дохода в 1,5 млн. долларов). Это составляло 5 проц. с капитала в 30 млн. долларов. Фактически же состояние Моргана равнялось минимум 90 млн. долларов, так как еще в 1913 году полученное им лично по наследству имущество оценивалось приблизительно в 77 млн. долларов, да, кроме того, около 20 млн. долларов предназначалось на специальные дарения различным членам его семьи. Рокфеллер старший, укрывая свое состояние от налогов, неофициально передал часть своего богатства сыну, который в свою очередь, поступит так же.

Таких примеров можно привести множество.

¹ Семейство Асторов нажило свое состояние на купке мехов, спаявая охотников-индейцев, а также спекулируя землей и домами-казармами-рассадниками эпидемий, где ютился рабочий люд. Состояние Асторов в 1889 году равнялось 250 млн., а в начале XX века — 450 млн. долларов. (Ред.)

Одной из причин, почему подлежащие обложению налогом состояния оказываются столь незначительными по сравнению с официальными их оценками, является поразительный способ управления Департаментом казначейства, во главе которого стоял миллионер Меллон. В период руководства Меллона департаментом толкование налоговых законов в отношении богачей было необычайно широким и даже потребовало в конце-концов сенатского расследования.

Значение семейств миллионеров в жизни страны хорошо иллюстрируется примером из практики группы Моргана. Влияние Моргана в американской промышленности и финансах не поддается статистическому определению. Можно назвать, однако, 35 банков, страховых обществ и других организаций, и, кроме того, 60 нефинансовых корпораций, входящих в орбиту его деятельности. Если мы включим в этот перечень еще и акционерные общества, то насчитаем еще 16 банков, страховых обществ и 26 корпораций. Все эти 51 банк и 86 корпораций с общим активом в 46 млрд. долларов включают также и иностранные корпорации с активом в 3 млрд. долл. Одна только американская часть актива — почти 43 млрд. — составляет около одной шестой части всего состояния всех корпораций США. Можно, однако, насчитать еще около 80 банков и других корпораций, находящихся под тем или иным влиянием Моргана. Все эти бесконечные предприятия, находящиеся в различной степени зависимости и влияния от Моргана, дают, грубо говоря, группе Моргана актив в 77 600 000 000 долларов. Это составляет свыше одной четвертой части всего имущества всех американских корпораций.

По крайней мере 36 крупных небанковских корпораций имеют непосредственную связь с группой Рокфеллера. Группа Меллона контролирует около 35 банков и страховых обществ и до 40 корпораций с общей суммой актива 4 250 000 000 долларов. Кроме того, эта группа — косвенно или непосредственно — заинтересована в других банках и корпорациях с активом в 13 млрд. долларов. Эта крупнейшая группа включает 11 банков и корпораций, находящихся под контролем Моргана, с капиталом в 6 млрд. долларов. Можно привести ряд аналогичных данных относительно групп других капиталистов — семейств Варбургов, Леманов, Кунов и др.

Все ведущие финансисты и их семьи властвуют, имея паи в крупных предприятиях. Банки их заинтересованы или в целой отрасли промышленности, или в смежных отраслях. Так, например, личные банки Моргана и находящиеся под контролем его группы банки давно уже распоряжаются сталелитейной и каменноугольной промышленностью и железными дорогами. Рокфеллеры через свои банки контролируют нефтяное дело. Банки Меллона имеют базой алюминиевую монополию и, кроме того, заинтересованы в качестве подсобных отраслей в нефти, стали, угле и железных дорогах. Все эти группы сохраняют свое положение с помощью участия в промышленной

жизни страны в целом, но каждая владеет еще и специально какой-нибудь сферой, где и пользуется исключительным влиянием. Лишь только в некоторых, более новых отраслях индустрии, как, например, в энергетической промышленности, в авиационной, радиевой, автомобильной и химической, отдельные группы конкурируют друг с другом. Вообще же говоря, все они прекрасно знают силу свою и своих противников и не претендуют на ведущую роль в тех отраслях, где другая группа является фактическим монополистом.

Многочисленные некоммерческие предприятия и страховые общества стоят за этими финансовыми гигантами. Школы, университеты, социальные, религиозные организации, больницы и т. п. учреждения необходимым не только для финансового контролирования, но и для оказания влияния на общественное мнение. Фактически использование средств на такие учреждения находится в руках банковского капитала, преимущественно Рокфеллеров и Морганов.

Каковы же данные о крупных состояниях США? В 1892 г. насчитывалось всего 4 047 состояний в 1 млн. долларов и выше; в 1914 г. их было уже 7 509, а в следующем году, благодаря военным прибылям, число их возросло до 10 450. В 1917 г. налоговое бюро определяло количество их в 11 800. Сильнейший бум 1929 г. повысил количество состояний в 1 млн. долларов — до 38 889. После этого наступило сильное сокращение примерно до уровня 1917 г.

Состояния в 1 млн. долларов или около того увеличились, таким образом, с 1914 до 1924 г. на 71 проц., с 1914 до 1929 г. — на 400 проц.

Состояний с доходом в размере 1 млн. долларов (от капитала в 20 млн. долларов и выше) насчитывалось в 1914 г. — всего 60; в 1924 г. — 75; в 1929 г. — 513; т. е. имело место увеличение на 700 проц. по сравнению с 1914 г. Между тем, в период 1914—1929 гг. весь народный доход страны возрос только на 73 проц.; отсюда видно, что доля самого богатого класса в национальном доходе стала в 10 раз большей в 1929 г., чем в 1914 г. В этот же пятнадцатилетний период население страны возросло на 24 проц. Это лишь означает, что увеличилось количество индивидуальных притязаний на долю в народном доходе.

Из всего количества взрослого населения США в 70 млн. только 7 370 000 заполнили в 1924 г. декларации о подоходном налоге. В 1929 г. в то время, как доля миллионеров в национальном доходе увеличивалась семимильными шагами, число рядовых налогоплательщиков подоходного налога сократилось наполовину. Даже, если считать, что на каждого налогоплательщика приходится пять взрослых членов семьи, то по крайней мере половина взрослых американцев, даже косвенно, в силу своей бедности не подлежит налоговому обложению.

По подсчетам известного американского экономиста Дона в 1929 г. около 99 проц. всего населения США имело годовой доход ниже

чем по 5 тыс. долларов. Это — группа с низким доходом, большая часть которого расходовалась на питание, одежду, домашнее хозяйство, поездки и лечение. И в это же время 1 проценту населения страны с доходом свыше чем по 5 млн. долларов в год принадлежало 83 процента всего ликвидного имущества страны. Совершенно бесспорно, что даже в годы бурного промышленного развития большинство американцев — подобно рабам — получают, рядом с крупнейшими когда-либо известными людям богатствами, лишь немногим больше того, что им необходимо для поддержания своего существования и воспитания детей.

При рассмотрении проблемы распределения народного дохода всегда приходишь к одному заключению: менее 20 проц. народа обладает всем, чем угодно, тогда как 80 проц. почти ничего не имеют. Богатство является монополией. Из 1 300 000 американцев, умерших в 1933 г., 10 000 человек (0,77 проц.) оставили облагаемые налогом состояния в 50 тыс. долл. и больше. В этом же 1933 г. страна насчитывала 43 млн. человек, занятых производительным трудом, но лишь 3 600 000 человек из них можно было обложить налогом, хотя облагаемый уровень был снижен до 1 тыс. долларов. Иными словами 40 млн. американцев в 1933 г. не зарабатывали и по 1 000 долларов в год.

Следует категорически рассеять миф о том, что колоссальные состояния понемногу уменьшаются и распыляются. Часто утверждают, что на протяжении трех поколений крупное имущество исчезает. Бесспорно, внук может расточить все состояние деда, но это правильно только для очень скромных состояний, для крупнейших же имуществ в настоящее время это совсем не так. Такие состояния не только сохраняются, но еще растут, и растут они именно потому, что так бесконечно велики. Большинство крупных состояний не только сохраняется, но при переходе из поколения в поколение еще увеличивается. Например, Вильям Рокфеллер оставил в 1922 г. состояние в 50 млн. долларов, поставив условием, что часть дохода с него будет разделена между четверью его детьми и четырнадцатью внуками, а главная часть должна быть резервирована для правнуков. В течение только 1929—1937 гг. дети и внуки получали от этого имущества 9,5 млн. долларов дохода, а за 15 лет имущество увеличилось почти на 14 млн. долларов. Считают, что около 50 правнуков Рокфеллера получат в 1950 г. состояние, которое можно оценить в 75 — 100 млн. долларов и притом по выплате части дохода детям и внукам.

Если до 1950 г. не наступят какие-нибудь чрезвычайные события, в Америке будут две крупных династии Рокфеллеров, каждый член которой будет миллионером или архи-миллионером. Современная стратегия финансового капитала, трестирующего фамильные состояния, — говорит профессор Дэвис, — неизбежно приводит к образованию наследственной касты.

КАК МИЛЛИОНЕРЫ ВОВЛЕКЛИ США В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Мировая война была выдающимся событием эпохи президентства Вильсона и явилась новым этапом на пути роста состояний американских архимиллионеров. «Экономические роялисты» являлись вождями, побудившими страну вступить в войну. Все остальное население — фермеры, организованные и неорганизованные рабочие, средняя и мелкая буржуазия, служащие и интеллигенция — лишь приняли это лидерство. Вопрос о том, — кто является настоящим виновником мировой войны, разрешается историками. Для нас же вопрос стоит так — кто выиграл от войны, кто загребал в карманы чудовищные прибыли?

Большая часть военных прибылей поступила в руки богатых семейств. Европейские державы-победительницы воспользовались — после победы — контрибуцией своих противников. Соединенные же Штаты «великодушно» отказались от этого. Американские солдаты, сражавшиеся в окопах, рабочие, работавшие дома, вся страна боролась, оказывается, не только за то, чтобы победить Германию, но и за то, чтобы ограничить, урезать самих себя. В таком утверждении нет ничего невероятного, если учесть, что все военные расходы Соединенных Штатов от 6 апреля 1917 г. до 31 октября 1919 г. (когда вернулись из Европы последние воинские части), равнялись 35 413 000 000 долл., а чистая прибыль корпораций американских миллионеров за период с 1 января 1916 г. до июля 1921 г. (когда была прекращена работа промышленности на военные нужды) достигла 38 млрд. долларов, т.е. равнялась приблизительно всей сумме военных расходов. Более 2/3 этой прибыли было получено ограниченным кругом капиталистов, находящихся под контролем так называемого «денежного треста». Большая часть издержек, связанных с войной, финансировалась с помощью кредитов и займов у населения, которые к концу войны достигли почти 30 млрд. долларов, т.е. увеличились в 30 раз по сравнению с довоенным государственным долгом. Единственным способом, которым можно было бы — хотя бы частично — возместить народу эти суммы, является обложение нажившихся на войне корпораций. Однако правительство, бывшее у власти после 1920 г., не нашло ничего лучшего, как значительно снизить налоги с миллионных состояний, вместо того, чтобы их повысить.

Начало войны было очень благоприятно для группы Моргана. Как выяснилось, в особой сенатской комиссии Най, государственный секретарь¹ Брайан 10 августа 1914 г., т.е. спустя две недели после начала войны, уведомил президента Вильсона, что группа Моргана интересуется, имеются ли со стороны правительства официальные возражения против предоставления французскому правительству займа через посредство Ротшильдов. При этом Брайан предупредил президента, что «деньги — это худшая из контрабанд» и что если заем

¹ Министр иностранных дел США. (Ред.)

будет разрешен, то интересы кредиторов будут на стороне воюющей стороны, а это сделает сохранение нейтралитета затруднительным и даже невозможным. В связи с этим 15 августа Брайан написал Моргану, что займы иностранному государству, находящемуся в состоянии войны, не совместимы с духом подлинного нейтралитета. Такое официальное разъяснение, обзывало США к недопущению займов.

Однако нью-йоркские банкиры, ознакомившись с письмом Брайана, стали добиваться своей цели в Вашингтоне другими путями. Один из директоров Национального банка уведомил Лансинга¹, что его банк хотел бы стимулировать внешнюю торговлю США путем содействия иностранному правительству в деле закупок на американском рынке, но что это невозможно без предоставления покупателям кредитов. Лансинг проконсультировался по этому вопросу с Вильсоном, и они провели неузуское различие между кредитами и займами, причем заявили, что займы несовместимы с нейтралитетом, а кредиты могут быть допущены. Вильсон разрешил Лансингу передать «впечатления» об этом разговоре тем, кого это интересует, но при обязательном условии, что «эти впечатления» будут считаться личными впечатлениями Лансинга и что последний не имел никакого уполномочия говорить от имени президента или правительства.

24 октября Лансинг передал «свои впечатления» таинственному эмиссару группы Моргана в одном из нью-йоркских клубов; через два дня он поделился ими с одним из служащих Национального банка. Но когда Вандерлип, бывший президентом банка, был спрошен по этому поводу сенатской комиссией, оказалось, что он страдает забывчивостью.

Правительства союзных стран, осведомившись о «впечатлениях» Лансинга — Вильсона, начали размещать в Америке большое количество заказов, требуя кредитов. Кредиты были предоставлены, и в этом участвовали все американские банки с Национальным банком во главе.

По мере роста германских военных успехов, финансовый риск для капиталистов США с каждым днем становился все больше и больше. В декабре 1914 г. один из партнеров Моргана — Дэвисон — убеждал Ллойд-Джорджа, бывшего в то время министром финансов Великобритании, что через шесть месяцев США отменят запрещение официальных займов союзникам. Дэвисон, как один из крупных членов фактического правительства США, не мог не знать, о чем он говорит. И действительно, прошло немного больше шести месяцев, и Вильсон секретно дал разрешение на переговоры о крупном займе Англии и Франции.

25 августа 1915 г. Лансинг послал Вильсону письмо одного из банковских заправил Форгана, поддерживая убеждение последнего, что изменившиеся обстоятельства должны быть учтены и что крупные долги банкам, возникшие в результате закупок воюющими государ-

ствами, должны быть каким-либо образом превращены в задолженность самой стране.

На это Вильсон 26 августа ответил: «Мое мнение таково, что стороны не должны высказываться ни за, ни против таких сделок, при чем это должно быть передано устно, поскольку это нас касается». Другими словами, Вильсон опасался, что его согласие на предоставление займов Англии и Франции выплывет наружу. О таком новом повороте мнения Вильсона Лансинг и уведомил банкиров.

Говоря о процессе склонения американского правительства к разрешению займа Англии и Франции, следует отметить речь, произнесенную Ламонтом, одним из партнеров Моргана, в Американской академии политических и социальных наук; в свое время речь эта не была опубликована и впервые была обнаружена при расследовании сенатской комиссией.

Значение этой скрывавшейся долгое время речи заключается в том, что она доказывает заинтересованность банковских кругов в продолжении европейской войны для извлечения из нее максимальных прибылей. Ламонт, подвергнув анализу финансовое положение США с самого начала войны и отметив сильное развитие экспорта, подчеркнул, что страна — на пути к тому, чтобы сделаться финансовым центром всего мира. Далее он сказал:

«Другим фактором, зависящим от продолжительности войны, является вопрос о том, до каких пределов мы сможем скупать американские ценные бумаги, еще находящиеся в руках иностранных инвесторов... Если мы будем продолжать покупать их в крупных размерах, — а шансы говорят, что если война продлится достаточно долго, то мы будем иметь эту возможность, — тогда мы окажемся в состоянии платить по нашим долгам ежегодно крупные суммы в виде процентов не иностранцам за границу, а собственному населению (т.-е. банкам)...

Третьим фактором, также зависящим от продолжительности войны, является вопрос о том, сможем ли мы действительно быть крупными кредиторами иностранных государств. Я уже указал, что с начала войны мы предоставили непосредственно иностранным правительствам займов на сумму свыше 200 млн. долларов. Однако это сравнительно небольшая сумма. Можем ли мы выступить в роли кредиторов в действительно крупных размерах, т.-е. станем ли мы кредиторами и Южной Америки, и других частей света, которые до сих пор финансировались Великобританией, Францией и Германией? Если война продлится достаточно долго, и если в нашем распоряжении окажутся достаточные ресурсы, тогда мы неизбежно займем такую позицию и превратимся из страны должников в страну кредиторов. А такой поворот дела, бесспорно, приведет к тому, что доллар вместо фунта стерлинга станет международной валютой»¹.

¹ Новый министр иностранных дел США, сменивший ладифиста Брайана, противника вступления США в войну. (Ред.)

¹ Накануне войны США должны были другим странам 6 млрд. долл. За время войны они уплатили весь свой долг и сверх этого другие державы уже им задолжали 10 млрд. долларов. (Ред.)

Эта речь Ламонта является документом первоклассного исторического значения, особенно, если ее сопоставить с материалами сенатской комиссии Най. Заявление Ламонта впервые устанавливает сознательное стремление группы Моргана и других американских банкиров к тому, чтобы вовлечь правительство США в конечном счете в войну. Когда правительство США отказалось переучитывать английские военные банкноты, уплачиваемые в счет заказов, то никто другой, как Ламонт, посоветовал Английскому банку временно прекратить закупки, чем навел панику на все деловые круги своей страны. Весьма скоро вслед за этим Вильсон дал разрешение пустить в ход вопрос о предоставлении займов союзникам.

Как в конце 1914 г., так и в 1915—1916 гг., ведущие представители американского капитала и их агенты в печати, в клубах, на собраниях вели энергичную пропаганду в пользу союзников и против Германии. Особенно старались газеты. В начале 1917 г. союзные правительства должны были американским банкирам почти 1,5 млрд. долларов. В марте 1917 г. царское правительство в России было свергнуто, что угрожало переводом всех германских армий на западный фронт.

5 марта 1917 г. Пейдж, американский посол в Англии, считавшийся ярким сторонником Англии, писал Вильсону, что острота приближающегося кризиса, по его мнению, превышает возможности группы Моргана, как агента британского и французского правительства. Потребности последних являются слишком крупными и настоятельными для того, чтобы их можно было удовлетворить путем частных мероприятий. Пейдж прибавлял, что для промышленных и финансовых кругов Америки положение является чрезвычайно серьезным и что если бы США вступили в войну с Германией, то самой большой помощью союзникам с нашей стороны были бы, конечно, займы; до тех пор, пока мы не объявим войны Германии, наше правительство, естественно, не может предоставить прямых займов. Таким образом, для Пейджа альтернативой были — или война, или крах.

Через четыре недели президент Вильсон представил конгрессу проект декларации об объявлении войны Германии, причем официальным мотивом была выставлена возобновленная немцами неограниченная подводная война. Конгресс, за исключением небольшой самостоятельной группы лиц, быстро дал свое согласие на объявление Германии войны.

Из первого официального займа США, так называемого займа свободы, группа Моргана получила свыше 400 млн. долларов в возмещение задолженности ей британского правительства. За все время участия США в войне, они кредитовали Европу на 9 386 311 178 долл., из которых Великобритания получила 4 136 000 000, а Франция — 2 293 000 000 долларов.

Участие Америки в войне позволило ее правительству поддержать кредит страны с помощью союзников, положение которых в на-

чале 1917 г. было настолько плохо, что американские держатели английских и французских ценных бумаг на сумму почти в 1,5 млрд. долларов стояли перед угрозой почти полного краха. Объявление США войны, — помимо того, что оно освободило самых богатых американских капиталистов от опасного положения, — открыло им еще и новые перспективы обогащения.

1914 год и предыдущие были очень трудными для группы Моргана, потерпевшей большие убытки при крахе железнодорожной компании Нью Хавен и Хартфорд и открыто обвинявшейся акционерами в мошенничестве. По мнению многих, запутавшемуся Моргану грозило банкротство. Открытие военных действий в Европе, однако, неожиданно принесло Моргану радость: ему удалось сделаться финансовым представителем английского и французского правительства в США, и через его руки потекли огромные военные заказы союзников в Америке. Кризис моргановского банка был войной предотвращен.

Позднее, когда президент Вильсон был вынужден дать согласие на займы союзникам, синдикат американских банкиров с Морганом во главе взялся за размещение англо-французского займа в 500 млн. долларов. Самыми крупными подписчиками были Гугенхеймы, Джемс Стильман, Морган, Бекер, Андрей Карнеги, Винстэн Астор и др. В первый год подписка составила 620 млн. долларов, во второй — 600 млн.

Из денег, предоставленных американским правительством в заем Европе, последняя не получила ничего. Она получила лишь военные материалы. Все же деньги поступили американским промышленникам и банкирам, которые в большей части использовали их для увеличения своих состояний. Короче говоря, военные займы союзникам, разрешенные американским правительством, в сущности свелись к передаче денежных сумм американского народа — американским миллионерам и архимиллионерам для их обогащения.

И хотя Европа после войны оказалась не в состоянии уплатить свои военные и послевоенные долги США как государству, она тем не менее, кроме России, Германии и Австрии, скрупулезно, до последнего цента, выплатила всю свою задолженность американским банкирам.

★

Когда Вильсон в 1913 г. сообщил Пейджу о своем намерении назначить его послом в Лондон, Пейдж отказался под предлогом отсутствия средств на представительство. Тогда президент обратился к известному финансовому дельцу Доджу и предложил ему снабдить Пейджа деньгами. Додж выразил согласие выплачивать Пейджу ежегодно, пока он будет занимать пост американского посла в Лондоне, по 25 тыс. долларов из своих собственных средств. Таким образом, официальный посол США военного времени в Лондоне оказался на содержании у крупного биржевика и одного из магнатов военной промышленности.

С наступлением военных действий американское правительство де-факто, т.е. банкиры и промышленники решили войти в правительство де-юре. Началась ведь усиленная заготовка военных материалов.

Поэтому во главе военного ведомства был поставлен крупный финансист и спекулянт Барух; его ведомство тратило 10 млрд. долларов в год, за что после войны он не без основания подвергался сильным нападкам. Барух заполнил промышленниками (Розенвальд, Виллард, Райан и многие другие) ряды военных комитетов, которые закупили у американских миллионеров по вздутым ценам продукцию для военных нужд государства. Райан (владелец медных копей Аяконды) был, например, помощником военного министра; помощником министра финансов состоял Лефингвелл, будущий партнер Моргана, представитель британских горных концернов — Гувер получил пост генерального контролера по продовольствию и т. д.

В Россию была послана миссия Красного Креста с Томпсоном и полковником Робинсом во главе. Они имели политическое поручение, о чем даже сейчас немногие знают, преимущественно, как представители военного ведомства. Они поддерживали Керенского и его программу продолжения войны. Томпсон заплатил 1 млн. долларов ряду членов Демократического совещания за их поддержку Керенского. Во все время своего пребывания в России Томпсон был в непосредственном контакте с группой Моргана (через Ламонта и Морроу) и одновременно подготавливал почву для получения себе горной концессии в России.

Задачей Томпсона и его миссии Красного Креста было предотвращение заключения русским народом мира с Германией. Когда это тем не менее произошло, Томпсон приложил все старания, чтобы Германия не снабжалась из России.

Американский Красный Крест оказывал помощь антигерманским элементам, действовавшим в то время в России. Кроме того, Томпсон и Робинс занимались под флагом Красного Креста и просто шпионажем, стараясь проследить перевозку «опасных» грузов в Германию.

Неудивительно, что во время мирных переговоров в 1918—1919 гг. окружение президента Вильсона блистало присутствием таких видных миллионеров, как, например, Барух и Ламонт. Последним была составлена финансовая часть вильсоновского проекта Лиги Наций, и он являлся одним из самых авторитетных экспертов в свите Вильсона. Секретные экземпляры проекта Версальского договора были в первую очередь в руках группы Моргана и притом значительно раньше, чем с ними мог ознакомиться сенат Соединенных Штатов Америки.

На всех послевоенных международных финансовых конференциях представители группы Моргана также играли ведущую роль. Эта группа размещала важнейшие иностранные займы. Мировая война удвоила мощь семейных кланов, мобилизовавшихся вокруг банкир-

ских домов Морганов, Рокфеллеров, Меллонов. Поэтому и не приходится удивляться, что с личной точки зрения американских сверхбогачей, мировая война была единственным и самым крупным событием со времени эпохи гражданской войны.

СКАНДАЛЫ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Специальные комиссии конгресса неоднократно рассматривали целый ряд скандальных дел о злоупотреблениях при военных поставках и о недопустимо высоких военных прибылях американских промышленников, а также о взяточничестве и т. п.

Трудно сказать, в какой области военных поставок государство больше всего пострадало и было обмануто. Так часто и чудовишно его обманывали! Отчет 66-го конгресса II сессии № 637 указывает, например, что хотя на военную авиацию было истрачено свыше 1 млрд. долларов, — ни один аэроплан не был сдан армии. Этот так называемый «аэропланый скандал» получил столь широкую огласку, что президент Вильсон был вынужден назначить расследование. Производивший расследование Чарльз Хьюс нашел, что, независимо от грубой неопытности, некомпетентности, незнания, небрежности и личной заинтересованности, в деле имелись налицо признаки уголовных преступлений, и рекомендовал привлечь к ответственности полковника Эдварда Дидса по 95 и 96 ст. ст. Военного кодекса. Первоначально к этому мнению присоединились государственный прокурор и военный министр Бекер, но последний вскоре приказал пересмотреть дело и заслушать новых свидетелей. Вскоре после этого специальная военная коллегия оправдала Дидса.

Полковник Дидс пользовался крупным влиянием как в правительственных, так и в банковских кругах; он устраивался таким образом, что при очень незначительных вложениях собственных денег, получал крупные правительственные поставки, обеспечивавшие ему колоссальные прибыли. Из этих прибылей он в свою очередь не скупился на огромное жалование своим партнерам. Сенатская комиссия неоднократно указывала, что Дидс является весьма сомнительной личностью. Так, в 1912 г. он подвергался судебному преследованию за взяточничество и за недозволённые способы ведения торговых дел, причем был даже приговорен к 1 году тюремного заключения. Ему, однако, удалось добиться отмены приговора.

Отчет III сессии 66-го конгресса № 1400 рассказывает об огромных суммах, истраченных на артиллерийские снаряды. Для этого заказа материалы были доставлены заводами крупнейших американских промышленников. Комиссия конгресса (так называемая «Грахамская») следующим образом суммирует результаты исполнения этих заказов.

«Мы имели 53 контракта на 37-миллиметровые снаряды, на что израсходовали— 9 134 592 доллара. Ни один из этих снарядов не достиг линии фронта. Мы заключили

689 контрактов на 75-мм снаряды на сумму 301 941 459 долларов. Из всей этой партии использовано было артиллерией лишь 6 тысяч снарядов. Мы имели 142 контракта на 3-дюймовые снаряды, истратив на них — 44 841 844 доллара. Ни один из этих снарядов не достиг линии фронта. Мы имели 439 контрактов на снаряды 4,7 дюйма на сумму 41 716 051 доллар. Из этих снарядов только 14 тысяч штук были использованы нашими военными силами. Мы заключили 305 контрактов на 6-дюймовые снаряды на сумму 24 189 075 долларов. Ни один из этих снарядов не достиг линии фронта. На 8-дюймовые снаряды мы имели 301 контракт на сумму 51 371 207 долларов. Ни один из этих снарядов не достиг линии фронта. Мы заключили 152 контракта на снаряды в 240 мм, истратив на это — 24 136 867 долларов. Из числа этих снарядов ни один не достиг линии фронта. На снаряды 9,2 дюйма мы имели 239 контрактов на сумму 54 389 377 долларов. Ни один снаряд не достиг линии фронта. Мы имели 71 контракт на 12-дюймовые снаряды, истратив на это 9 507 878 долларов. Ни один из этих снарядов не достиг линии фронта. Мы заключили шесть контрактов на 14-дюймовые снаряды, истратив на это дело 1 266 477 долларов. Ни один снаряд не попал на линию фронта. Мы заключили 111 контрактов на сумму 478 828 345 долларов на артиллерию всяких калибров, на винтовки, гаубицы, лафеты, передки, накатники. Из всего этого огромного количества вооружений наши войска получили и фактически использовали в бою 39 штук 75-мм зенитных автомобильных установок, 48 орудий в 4,7 дюйма образца 1906 г., 48 лафетов того же образца, 24 штуки 8-дюймовых гаубиц и 24 штуки 8-дюймовых лафетов».

Заказы эти, полностью оплаченные вперед, фактически никогда не были отданы, но правительство США тем не менее любезно согласилось, чтобы невыполненные контракты были закончены выполнением после войны, причем некоторые из них — французскими и английскими военными промышленниками, которые не хотели закрывать свои заводы. Интересно — контракты на вооружение, как установила комиссия Конгресса, имели необычайный характер: почти ни один контракт не содержал обычной оговорки о праве расторжения.

Одним из выдающихся примеров наживы на военных поставках являются прибыли владельцев Американской Стальной Корпорации («Юнайтед стейтс стил корпорейшен»). По данным Сенатской комиссии (доклад № 259), военные прибыли этой компании равнялись 888 931 000 долларов. Вообще же военные прибыли американских промышленников коле-

бались от 25% до 7 856%, т.-е. превышали паритетную стоимость капитала почти в 80 раз.

Капиталисты азотной промышленности тоже финансировались правительством в сумме свыше 116 млн. долларов, но до заключения перемирия они не сдали государству ни одной тонны заказанной им продукции (доклад № 998, 66-го конгресса). Как выяснилось потом, в виду больших и близких запасов чилийской селитры и не было, в сущности, никакой необходимости в таком огромном финансировании на постройку новых заводов, но Дюпоны¹ получили на это дело 90 млн. долларов. После войны их завод, построенный якобы на эти деньги, был продан всего за 3,5 миллиона долларов.

Мировая война 1914—1918 гг. оказалась неоптимальным источником обогащения богатейших фамилий США за счет всего населения страны. И этим источником капиталисты воспользовались в полной мере.

До 1 сентября 1919 г. военное министерство израсходовало всего 18 501 117 999 долларов, причем, по мнению комиссии Грахама, по крайней мере одна третья часть этой суммы была израсходована на цели, не имеющие никакого отношения к успешному ведению войны.

Бесспорно, американские миллионеры хотели выиграть войну, но они приняли все меры, чтобы победа обошлась рядовым американцам — плательщикам налога, как можно дороже. Они не проявляли никакой заботливости об экономии, как они это делали позже, когда государственному казначейству пришлось тратить деньги на ветеранов войны и на безработных. А ведь в то время, как происходил этот грабеж со стороны акул, называвших себя патриотами, молодежь страны рисковала своей жизнью в окопах.

★

Крах 1929 г., разоривший столько народа, был также искусственно вызван богатейшими фамилиями страны ради их личной выгоды. На каждой стадии кризиса именно самые богатые, самые уважаемые, известные и влиятельные люди были в числе тех, кто прежде всего сбывал мошенническим путем вздутые ценности обезумевшей публике. Ни один из самых крупных капиталистов не пострадал при этом, и лишь некоторые из их агентов, как, например, Инсулл, Митчэлл, Крейгер, оказались козлами отпущения. До сих пор еще как следует не предан гласности тот факт, что эти последние являлись лишь представителями крупных групп капиталистов и даже в своих собственных делах играли лишь незначительную роль. Существовало молчаливое соглашение, что в случае каких-либо неудач, представители эти должны потихоньку защищать самих себя, не впуская в это дело своих высоких покровителей.

Отчет сената № 455 (III сессия 73-го конгресса) содержит материал о деятельности са-

¹ Дюпоны вырабатывали 40% боевых припасов, использованных союзниками в течение войны.

мых крупных банков и корпораций, выбросивших на денежный рынок искусственно созданный излишек фондовых ценностей, что подействовало на экономику страны, как газалин в бушующем огне.

Участие промышленных корпораций в этих операциях принимало необычайные размеры. Как отдельные лица, так и корпорации помещали огромные суммы в распоряжение маклеров. Так, например, Дюпон имел на своем личном счету для игры на бирже 32 млн. долларов, группа Моргана — около 110 млн. долларов. Для получения прибылей с этих сумм, широкая публика вызывалась на спекуляцию, жертвой которой она и становилась. Причем огромную роль в этой афере играли газеты, помещая извращенные отчеты об операциях. Для капиталистов, конечно, не было никакого риска в этом деле. Они заполняли правления всех банков и занимали все сколько-нибудь значительные должности в трестах и синдикатах. Так, например, партнеры Моргана в 1929 г. были директорами 89 корпораций с активом в 18 млрд. долларов. Эти корпорации имели огромное влияние на всю американскую промышленность и диктовали бирже. Из всех американских богатей нашелся только один миллионер Павел Варбург, который в 1929 г. протестовал против этого политическо-финансового скандала. Однако на его возражение никто даже не обратил внимания, а сам он был поставлен американской прессой в чрезвычайно невыгодное положение.

Характерной особенностью большинства богатейших семейств Америки является то, что виднейшие их представители привлекались к уголовной ответственности за серьезные преступления в области их коммерческой деятельности. Ни в какой другой социальной группе нельзя обнаружить что-либо подобное. За период между гражданской войной и 1910 г. почти все выдвинувшиеся и достигнувшие успехов финансовые тузы привлекались к суду и судились, но... ни один из них не был осужден. Галерея «финансовых преступников» включает, например, такие имена, как Джон Морган, Джон Рокфеллер, Гариман, Филипп и Джон Арморы, Джек Голд, Джордж Перкинс, Томас Райан, Гарри Синклер и множество других. Обвинения возбуждались иногда их политическими врагами, иногда конкурентами, иногда же по настоянию общественных обвинителей. В наше время миллионеры Меллоны и Дюпоны, как и многие другие, обвинялись, например, в уклонении от налогового обложения и в неблагоприятных коммерческих операциях.

Оправдание Чарльза Митчелла по обвинению в сокрытии имущества от обложения и Самуэла Инсулла по обвинению в использовании почты для обмана потребителей, доказывает, что американское правосудие и судебная система остаются теми же, чем они были и в старину: бедные идут в тюрьмы, а богатые преступники — на свободу.

Заслуживает внимания вопрос о выпуске акций и облигаций и о разных злоупотреблениях и уловках, связанных с их распростране-

нием на льготных условиях среди миллионеров и государственных деятелей. Так, например, группа Моргана подписалась в 1929 г. на 3,5 млн. долларов обыкновенных акций Общества Аллегани. На рынке они котировались от 31 — 35 долл., привилегированные же покупатели получили 1250000 таких акций по 20 долл., что позволило им снять немедленно на разнице колоссальную прибыль в 13 750 000 долларов. Большая часть таких привилегированных акций попала в руки партнеров Моргана, но значительная доля была распределена нужным клиентам, служащим, должностным лицам банков, а также политическим деятелям. Распределение таких привилегированных акций является одним из средств расширения и укрепления влияния фирмы и равносильно обыкновенным денежным подкупам. В числе политических деятелей, получивших привилегированные акции, можно назвать морского министра Адамса (1 000 акций), бывшего военного министра Бекера (2 000 акций), бывшего финансового министра Макаду (500 акций), Вудина, бывшего в 1933 г. министром финансов (1 000 акций), жену Паркера Джильберта, генерального агента по репарациям, сделавшегося партнером Моргана и разработавшего в 1920 г. техническую часть меллоновского проекта о снижении налогов для богатей.

Можно привести ряд примеров подобного рода и по другим отраслям банковской и промышленной деятельности. И во всех этих примерах мы встретим в числе получателей привилегированных акций и облигаций все тех же самых лиц: Макаду, Вудина, Меллона, жену Паркера Джильберта и других. Находим мы в этих списках и знакомые имена бывших президентов республики США — Кулиджа и Гувера. Само собой разумеется, что Меллоны, Морганы и другие архимиллионеры также не забыты при этом.

ВОЕННЫЕ ПРИБЫЛИ

Нижеследующие краткие и случайные цифры дают представление о том, что принесла в свое время американскому капиталу мировая война и президент США Вудро Вильсон.

В конце 1913 г. актив группы Дюпонов равнялся 74.818.826 долл.; в конце 1918 г. он возрос до 308 846 297 долл. Валовой доход за 1914 г. равнялся 25 179 948 долл., в 1915 г. — 131 142 015 долл., в 1916 г. — 318 845 685 долл., в 1917 г. — 269 842 465 долл., в 1918 г. — 329 821 608 долл. Дивиденды Дюпонов во время войны равнялись 458 процентам паритетной стоимости их первоначального капитала.

Стандарт Ойл К° Рокфеллеров до 1918 г. тщательно скрывала свои прибыли, но в этом году она опубликовала некоторые данные о своих доходах. Чистая прибыль этой компании только по предприятиям Нью-Йорка равнялась в 1914 г. — 7 735 919 долларов; в 1915 г. — 36 638 495 долл.; в 1917 г. — 30 000 673 долл.; в 1918 г. — 28 642 388 долл.

Такой же рост прибылей наблюдался и по Калифорнии, по Индиане и по другим штатам.

Чистая прибыль 32 отделений Стандарт Ойл К^о в 1918 г. достигла суммы 450 млн. долларов.

Промышленные предприятия группы Моргана дали также колоссальный рост прибылей. Если накануне войны дивиденд по ним не выдавался, вследствие дефицита, то уже первый год войны принес стальному тресту прибыль в 23 496 768 долл. (1914 г.); в 1916 г. — 271 531 730 долл.; в 1917 г. — 224 219 565 долл.; в 1918 г. — 137 532 377 долл. В 1914 г. актив его равнялся — 1 765 257 492 долл.; в 1918 г. — он уже достигал 2 571 617 175 долл.

С 1915 г. по 1919 г. включительно Американская Стальная Корпорация Моргана выплатила свыше 355 млн. долл. дивидендов.

Медные предприятия Моргана-Гугенхейма в штате Юта в 1917 г. дали 200 проц. на первоначальный капитал.

Американская Телеграфно-Телефонная компания во время войны скупила почти все телефонные предприятия страны и воспользовалась распоряжением правительства о повышении телефонной платы.

«Анаконда» — предприятие медной промышленности — повысило свой актив с 141 млн. долл. в 1914 г. до 254 млн. долл. в 1919 г. Чистый доход ее в 1915 г. равнялся почти 17 млн. долл., а в 1918 г. — 21 млн. долл.

Согласно отчету Конгресса № 1400, компания Калюмет и Гекла дала в 1917 г. 800 проц. дохода на свой первоначальный капитал, а в 1918 г. — 300 проц.

Профессор Скот Ниринг, анализируя прибыли других промышленных предприятий, выяснил, что Железодельная и Стальная компания имела в три предшествующих войне года средний доход в 2,5 млн. долларов, а в 1916 г. ее доход выразился почти в 18 млн. долларов, Генеральная химическая компания получила 2,5 млн. долларов прибыли в три предвоенных года, а в 1916 г. имела 12 с лишним млн. долларов. Международная никелевая компания получала в среднем 4 млн. долларов дохода в три предвоенных года, а в 1916 г. заработала 73,5 млн. долларов.

В конце первой мировой империалистической войны большинство населения США оказалось в чрезвычайно тяжелом финансовом положении. В отличие от своих богачей, страна не стала богаче, а напротив того, обеднела. В 1914 г. государственный долг равнялся 967 953 000 долл., т.-е. по 9,88 долл. на человека. В конце войны долг возрос до 24 061 000 000 долл., т.-е. по 228 долл. на человека. Хотя прямые расходы на войну в кругах цифрах оценивались в 36 млрд. долл., но эту сумму нельзя считать полной стоимостью войны, так как глубокие социальные разрушения, имевшие место после 1929 г., должны быть частично отнесены на счет войны. Таким образом, включая расходы восстановительного характера, произведенные в 1930 г., общую стоимость первой мировой империалистической войны, оплаченную народом США, следует определить в 75 млрд. долл. Около половины прямых военных расходов финансировались в форме займов союзным правительствам для оплаты ими материалов через посредство Моргана, который на этом на-

жил 30 млн. долл. В настоящее время вся эта задолженность (13 736 000 000 долл.) отвергается правительствами Англии, Франции и Италии, но она находится не в руках европейцев: деньги эти за время войны переключались в карманы Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов и т. п.

В 1929 г., согласно данным, не менее пяти обзоров консервативных экономистов, $\frac{3}{5}$ всех богатств страны принадлежали двум проц. населения; свыше половины всех состояний американских корпораций принадлежало 200 обществам. Ни одно из произведенных обследований не дало других результатов. В 1900 г. подобные же обследования показали, что 2 проц. населения владеют 50 проц. народного богатства страны.

Другими словами, по мере того, как страна умножала свое богатство, народ ее становился в целом беднее, а богачи — богаче.

ПЛАТОКРАТИЧЕСКАЯ ПРЕССА

В США журналистика сверху до низу является личным делом и покупается, и продается богачами. В современном американском журнализме — плохом или хорошем — нет почти ничего, что не исходило бы от династии миллионеров. Хозяева американской печати принадлежат к кругу архимиллионеров. Естественно, что и печать, находящаяся в ведении республиканской и демократической партий (первой принадлежит до 70 процентов всех органов печати США), — также контролируется отдельными финансовыми группами, поддерживающими ту или другую политическую партию.

Таким образом американскую журналистику можно разделить на три основных вида. К первому относятся органы печати, формально контролируемые и финансируемые политическими партиями непосредственно. Ко второму — так называемые «независимые» газеты, многие из которых, однако, связаны самыми тесными узами с денежными или политическими интересами определенного круга архимиллионеров; эти последние и распоряжаются «независимой» прессой, как своей собственной. Третьим видом можно считать органы печати, просто принадлежащие самим миллионерам. К этому типу относится большинство крупных американских центральных газет и журналов. Они и являются персональными органами шестидесяти семейств Америки.

В США имеется всего около 18 тысяч ежедневных, еженедельных и выходящих два раза в неделю газет. Из этого числа 15 тысяч газет следует считать чисто партийной прессой, главным образом с малой, провинциальной и на $\frac{3}{4}$ принадлежащей республиканской партии. В этих газетах не может быть и речи о какой-либо справедливости и беспристрастности в политической борьбе.

Получая львиную долю своих ресурсов от комитетов политических партий, провинциальная печать весьма внимательна к интересам правящих семейств, которые этими партиями распоряжаются.

Группа так называемых «независимых» газет имеет в числе своих руководителей ряд крупных политических и профессиональных деятелей; другие занимаются этим делом лишь ради выгоды, интересуясь главным образом объявлениями на товары, изготовляемые контролирующими их корпорациями. К этой группе принадлежит, между прочим, пресса Скрипс Говарда. После мировой войны 1914—1918 гг. группа так называемой «независимой» печати все более и более сокращалась. До тысячи газет прекратили существование, что является логическим доказательством развития и концентрации финансового капитала, препятствующего всякому, даже самому минимальному изъятию более или менее свободной мысли и пользующего свою печать исключительно для распространения своих взглядов и мнений.

К третьему виду американской прессы относятся собственные и по форме, и по существу органы следующих крупных групп миллионеров:

Группа Моргана

Газетная деятельность группы Моргана началась в 1887 г. основанием в Нью-Йорке газеты «Ивнинг Сэн»; в 1897 г. была приобретена газета «Морнинг Сэн». Обе газеты служили Моргану рупорами по всем нужным для него делам. Так, например, в знаменитом панамском скандале они смело выступали в пользу программы Рузвельта-Бунау-Варилла, за которой скрывался сам Морган. В целом ряде других случаев они всегда поддерживали Моргана и его группировку в финансовых вопросах. В 1916 г. газета перешла в руки Франка Менси, который являлся платным агентом Моргана и долгое время был какой-то таинственной личностью в американской журналистике. На первый взгляд трудно было понять, почему он, без всяких видимых причин, губил бесконечное количество журнальных и газетных предприятий. Но если учесть его связи с миллионерами, секрет оказывается простым. Менси «уничтожал» газеты, которые были в том или другом виде враждебными Моргану или его группе, и основывал другие, воспевавшие хвалу проектам, в которых была заинтересована группа Моргана в данный момент и в данной местности. Иногда Менси покупал газету, но не «уничтожал» ее, а переделывал по-своему, так что газета, бывшая ранее политически враждебной Моргану, становилась дружеской и полезной для него.

Группа Рокфеллера

В настоящее время Рокфеллеры оставили политику непосредственного владения и распоряжения собственными журналами и газетами и опираются на поддержку различных органов печати. После Моргана они имеют самое крупное рекламное дело и полностью им распоряжаются. Кроме того, предприятия рокфеллеровской группы практикуют прямые денежные платежи за благоприятные для них отзывы печати.

Группа Форда

Генри Форд сделал только одну попытку в области журнализма. Его журнал «Индепендент» («Независимый») после войны достиг тиража в 700 тыс. экз., но в 1927 г. прекратил существование. Журнал этот содержал ядовитые нападки на конкурентов Форда и в особенности отличался антисемитским направлением. На это издание Форд истратил миллионы, отчасти ради собственного удовольствия, отчасти, чтобы посеять раздор среди рабочих. После того, как издание этого журнала прекратилось, Форд пользовался главным образом радио для распространения своей «социальной философии», которую можно назвать анархической.

Группа Херста

Семейство Херста не принадлежит к числу первых 60 семейств США, но входит в состав 90 семейств второго ранга. Впрочем, Херст проявлял деятельность в области журналистики значительно большую, чем ему полагалось бы по размеру его состояния, оцениваемого примерно в 30 млн. долларов.

Состояние Херста образовалось не на издательском деле. Происхождение его относится к XIX в., к калифорнийским рудным предприятиям (Анаконда и др.). Современный представитель семьи Херста, помимо крупного издательского дела, имеет большие промышленные предприятия и интересы в других акционерных обществах, в том числе в медных рудниках Перу.

Херст выразил очень отчетливо одну из истин, фигурирующих в арсенале всех магнатов американской журналистики, а именно: прибыль в газетном деле не необходима, хотя и желательна. Херст постоянно фабриковал разные издания коммерчески невыгодные, но дававшие ему политическое влияние; потери на этом деле наверстывались на другом, путем снижения налогов, а также доходами от золотых и медных рудников. Эти предприятия и субсидировали невыгодные издательские операции Херста. Таким же способом пользовался известный журналист Менси, о котором упоминалось выше при описании деятельности группы Моргана.

Из всего сказанного выше ясно, что американская печать принадлежит и контролируется самыми богатыми семействами американского финансового капитала. Она не зависит исключительно от одних только реклам и объявлений; она является отражением индивидуальных влияний и направлений отдельных крупных представителей капитала и представляет собой крупное коммерческое предприятие, хотя при этом и функционирует независимо от того, является сама по себе рентабельной или нет, так как предназначена для выполнения других специальных заданий господствующего класса США.

СВОБОДА ПЕЧАТИ В США

Свобода печати в США — в значительной мере теоретична и проявляется главным обра-

зом в том, что небольшие протестующие группы пытаются издавать газеты и журналы с весьма ограниченным обращением. Как только такое издание посмеет выразить взгляды, несовместимые с интересами крупных собственников, последние принимают все меры, чтобы покончить с такими изданиями.

В настоящий момент продажная пресса США встретила бы чрезвычайно неприязненно всякую правительственную попытку освободить ее от контроля и влияния частного капитала, так как она совершенно не желает избавиться от золотого дождя, которым ее осыпают миллионеры. В этом отношении она походит на придворных.

Централизованный классовый контроль над американской печатью лучше всего выражается в крупных газетных кампаниях, проводимых в стране периодически.

Первая из таких кампаний относится к 1896 г., когда, почти каждая сколько-нибудь значительная газета как демократическая, так и республиканская, высказывалась за Маккинлея и за золотой стандарт, против Брайана и серебряной валюты. Только две газеты Херста поддерживали Брайана: Херст был заинтересован в серебряных рудниках.

Следующая крупная газетная кампания, в которой участвовали почти все американские издания, началась в 1915 г. и протекала под знаком вовлечения США в войну. В 1917 г. лишь несколько газет осмеливались идти против течения. Раз война была объявлена, печать оказалась связанной цензурой, причем со стороны издателей было очень мало возражений против этого, так как они обыкновенно борются за свободу печати лишь тогда, когда затронуты их денежные интересы.

В 1920 г. почти вся печать, включая и демократические журналы, как «Нью-Йорк Тайм», поддерживала знаменитое «просперити» Кулиджа. Быть может, самым крупным предательством американской печати было именно то, что она не предупредила народ о предстоящем крахе, который фактически предвидели многие публицисты. Во время кризиса 1929—1933 гг. печать снова объединилась в общей кампании для скрывания от народа глубины краха.

В 1936 г. 80 процентов американской прессы, по данным газеты «Тайм», и по крайней мере 71 процент, по данным журнала «Нью Рипаблик», высказывались против переизбрания Франклина Рузвельта и обливали его и его последователей помоями.

Единственными газетами, — кроме субсидируемых демократической партией, — поддерживавшими Рузвельта, были газеты, принадлежащие крупным производителям потребительских товаров, складов и т. п. Эти элементы были главным образом финансовыми покровителями политики «Нью Дил»¹.

Вскоре после выборов направление органов печати выявилось еще отчетливее, чем во время самой избирательной кампании. Если во

время последней 80 процентов газет и журналов были против Рузвельта, то теперь 95 процентов их высказывались против проекта реформы Верховного Суда¹. Газеты Скрипс Говарда, относившиеся весьма прохладно к переизбранию Рузвельта, также присоединились к оппозиции.

Бесцеремонность архимиллионеров в проведении своих интересов в области журналистики не знает предела. Весьма характерным показателем философии капиталистов в этой области является заявление в биржевом журнале «Уолл стрит Джорнал» от 20 января 1925 г.:

«Трудно догадаться, что хотел сказать автор передовой «Нью-Йорк геральд трибюн» или что он думал, говоря, что «американские газеты всегда были институтом, связанным с общественными интересами». Эта юридическая фраза в устах юриста имеет не более, чем трафаретное значение. Она совершенно жлива, глубоко невежественна и фальшива.

Газета является частным предприятием, ровно ничем не обязанным публике, которая, в свою очередь, не дает ей никаких преимуществ. Таким образом, газета не связана с общественными интересами. Она является полной собственностью своего владельца, продающего произведенный им продукт за свой собственный риск. Если публике не нравятся его мнения или способ сообщения новостей, то избавление от этого находится в руках самих читателей. Они не имеют никаких обязательств покупать газету... Не желая нисколько умять в чем-либо замечаний президента, сделанных на одном из последних собраний редакторов, следует сказать, что редактор проводит политику своих хозяев — за исключением лишь случаев, когда они сами являются хозяевами. Но имеется много газетных владельцев, которые по совершенно неслепым причинам поощряют публику в убеждении, что редактор газеты является расюрядителем в выборе материала и в выражении мнений газеты. Он делает это лишь по указанию и с ведома владельца газеты».

Если газета связана с общественными интересами, она является предприятием общественного значения и, с точки зрения американского закона, ее деятельность подлежит вмешательству со стороны органов правительства. И обратно: если, согласно рассуждению вышеупомянутого биржевого журнала, газета не связана с общественными интересами, ее владелец может использовать ее, как только ему угодно, не нарушая лишь закона о клевете.

Характер даваемых американской печатью сведений, а также умолчание о целом ряде событий ярко иллюстрируется следующими примерами.

Андрей Меллон возбудил против своей жены иск о разводе при чрезвычайно странных

¹ В процессе борьбы за проведение своей политики Рузвельт хотел обновить состав Верховного Суда, оказывавшего противодействие его мероприятиям, якобы нарушающим конституцию. (Ред.)

¹ Так принято называть в буржуазных кругах экономическую политику Рузвельта. (Ред.)

обстоятельствах. Для этого ему понадобилось быстрым темпом провести через Пенсильванские законодательные органы специальный закон (впоследствии отмененный), в силу которого женщина лишается права суда с присяжными при разбирательстве дела о разводе. Одна из газет, принадлежащих группе Моргана («Норс Америкен»), первая опубликовала сенсационное известие об этом разводе; все же остальные газеты Пенсильвании, а также газеты «Ассошиэтед Пресс» молчали.

Разглашение или умолчание о личных скандальных происшествиях с богачами имеет, конечно, для народа небольшое значение. Гораздо серьезнее секретный контроль над печатью, осуществляемый миллионерами в области социальных отношений. Так, например, семья Меллонов имела возможность сохранять в секрете в течение многих лет свои деловые взаимоотношения с рядом групп. Этот факт имел огромное общественное значение, но — к сожалению — он выяснился лишь после назначения Меллона министром финансов. Если бы колоссальные финансовые связи Меллона были известны ранее, то сенат, быть может, и отказался бы утвердить его назначение, оказавшееся столь губительным для интересов страны.

В продолжение всей войны 1914—1918 гг. американские газеты усиленно защищали интересы своих покровителей, категорически отказываясь напечатать хотя бы одну строчку фундаментально документированной информации о военных прибылях. О продажности американской печати говорят и такие характерные факты, как сокрытие несколькими десятками газет сведений о подоходном налоге с капиталистов: эти газеты категорически, под разными предлогами отказывались печатать сообщенную им информацию. Они указывали, что обнаругование таких списков является противозаконным.

14 октября 1934 г. нью-йоркская газета «Уорлд телеграмм» напечатала текст телеграммы американского посла в Англии Пейджа на имя президента Вильсона в 1917 г., в которой Пейдж предупреждал о неизбежном крахе в США, если правительство не выпустит Моргана и его группу из запутанного клубка финансирования союзников путем участия США в войне. Публикуя такой документ «Уорлд телеграмм» сообщала, что он будет предметом расследования сенатской комиссии. И хотя это сенсационное известие никогда раньше не появлялось в печати, только три газеты из двадцати ведущих изданий Америки решились его опубликовать. Так до сих пор большинство читателей и не знает, что существовала такая телеграмма.

Но особенно плутократическая пресса широко использует скрытые информации в области трудовых конфликтов. Это является самым убедительным доказательством враждебности принадлежащей миллионерам печати по отношению к рабочим. В 1934—1937 гг. (да и не только в эти годы) полиция без всякого повода открывала огонь против пикетов бастовавших рабочих. Грубо фальсифицируя правду, чикагская газета «Трибюн» заявляла, что ра-

бочие сами, мол, напали на вооруженную полицейскую часть. Семь человек из числа убитых забастовщиков оказались имеющими раны в спине, трое — сбоку. американская же пресса воздержалась, конечно, от оглашения этого драматического происшествия.

Неудивительно, что американские газеты всегда враждебны организованному рабочим, в силу чего широкая публика подозрительно относится к рабочему движению. Для всех почти газет без исключения, одной из основных тем является извращение фактов о деятельности профсоюзов.

Представляя в неверном освещении деятельность профсоюзов, органы плутократии надеются на поддержку со стороны фермеров и средней буржуазии, которые служат балластом для поддержания существующего социального строя. Газеты играют для этого на предрасудках этих групп населения, во вред рабочему классу. Средняя буржуазия, стоящая за порядок и жадная до прибылей, провоцируется газетами против рабочих, как нарушителей порядка и закона и призывается к тому, чтобы делать им минимальные уступки.

В американской печати нет и следа хотя бы попыток дать сколько-нибудь правдоподобное описание плачевных условий существования рабочих, вынуждающих их на выступления. Фермеры и мелкие собственники, под влиянием газетных отчетов, обычно лживых, проникаются убеждениями об уничтожении и повреждении рабочими собственности и об убытках от стачек и, как общее правило, оказываются глухими к протестам рабочих о том, что газеты капиталистов дают извращенное представление о событиях.

Но интересы фермеров и средней буржуазии также предаются печати американских миллионеров. Средняя буржуазия, выступающая и как потребитель, и как инвеститор, подвергается обману с помощью плутократической прессы. Так, например, в 1929 г. печать упорно отказывалась помещать какие-либо сведения о надвигающемся биржевом кризисе, в результате которого средняя буржуазия потерпела жесточайшие убытки и разорение.

Фальсификация сведений оказалась особенно явной в период 1929—1933 гг., когда по всем газетам обильно размещались неотвечающие действительности оптимистические прогнозы крупных финансистов, как, например, Клейна, товарища министра торговли и др., вуальровавших разговорами о благоприятном положении финансовую катастрофу. Шаткое положение банков обычно скрывалось. О банкротствах или старались молчать, или писали о них, как о случайных происшествиях. Выдуманное некоторыми авторитетами мнение, что почтовые сберегательные кассы являются более надежным местом для помещения населением своих сбережений, чем частные банковские конторы, отвергалось газетами во вред читательской массе.

Во все время кризиса колоссальный рост безработицы, ложившейся тяжелым бременем не только на рабочих, но и на среднюю буржуазия и на фермеров, также скрывался в

прессе, и газеты оспаривали отчеты Американской Федерации труда об угрожающем разmere безработицы. Не находили газеты на своих страницах места и для сообщений о локаутах против рабочих со стороны крупных корпораций, как, например, Компаний Форда, Стального треста, Телеграфной и телефонной компании и др., хотя эти сообщения и выпускались осведомительным бюро «Уолл стрит» для информации узкого круга капиталистов. Но как только началось улучшение положения в 1933 г., то печать сразу оказалась переполненной преувеличенными отчетами об устройстве рабочих во всех отраслях американской промышленности. Читая газеты периода 1929—1933 гг., встречаешься с таким парадоксом: в 1933 г. предприниматели внезапно стали нанимать рабочих и служащих, которых они никогда не увольняли.

Имели газеты в своем распоряжении и бесконечный ряд фактов о выселении за неплатеж арендной или квартирной платы, и не печатали их. И только когда западные фермеры устроили восстание, выяснилось, что крупные банки и страховые общества ополчились против недоимщиков.

Непрерывная координация работ американской прессы с деятельностью банков могла бы показаться чудесным случаем, если бы из всего предыдущего не вытекало с очевидностью, что американская пресса находится всецело в распоряжении богатейших семейств.

В области здравоохранения и розничной торговли фермеры и средняя буржуазия страдают еще больше от поведения печати. Как официальные материалы департаментов земледелия и торговли, так и частные источники о фальсификации и недоброкачественности целого ряда пищевых продуктов, лекарств, косметик, одежды и других товаров, игнорируются печатью, которая заполняет свои столбцы рекламированием как-раз недоброкачественной продукции.

Журнал «Нью-Рипаблик» от 29 октября 1930 г. указывал, что только восемь газет в США не помещали объявлений о недоброкачественных или фальсифицированных медицинских продуктах. Такая «свобода печати» является весьма опасным делом для общественно-го здоровья: журнал Американской медицинской ассоциации поместил ряд критических материалов за 1934 г., указывавших, что США обладают самым высоким уровнем смертности от оспы, и возлагал при этом ответственность за это, хотя бы частичную, на вредное влияние ряда периодических изданий.

Направление, даваемое американской печати ее капиталистическими хозяевами, приводит в конечном счете к заполнению страниц газет и журналов разным малоценным и недоброкачественным материалом. Газеты переполнены сообщениями о скандалах из театральной жизни, о спортивных состязаниях и тому подобными второстепенного интереса данными. Для того, чтобы удержать внимание читателей газеты, прибегают к помещению так называемых юмористических материалов, сплетен, дешевых романов, кухонных рецептов и т. д. В конечном счете, американские газеты, за малыми

исключениями, даже по форме совершенно не являются газетами.

Примером помещения таких сенсационных известий может служить история с известным авиатором Линдбергом, перелету которого в Париж пресса посвятила из ряда вон выходящее внимание. Это между прочим способствовало проявлению интереса к авиационному делу и к повышению акций авиационных предприятий.

Естественно, что деловые круги США не пользуются информацией американской прессы. Для получения сведений о рынках и биржевых курсах им служит специальная «Коммерческая хроника» и другие специальные статистические материалы, дающие свежую информацию. В Вашингтоне имеется особое агентство, периодически дающее такую информацию о торговых и политических событиях. Наиболее известными изданиями в этой области являются так называемые письма Киплингера и Уолей-Итона.

Оба эти бюллетеня возникли во время мировой войны для того, чтобы давать узкому кругу не подлежащие широкому оглашению сведения из политической, хозяйственной и международной жизни. Против таких изданий правительство США не возражало, поскольку общая масса населения страны продолжала оставаться в неведении событий.

В бюллетенях принимают участие как литературные работники, так и экономисты, статистики, различные специалисты.

В настоящее время эта информация фактически является газетой в миниатюре, освобожденной от балласта. Очень часто разница между сведениями, сообщаемыми в этих частных бюллетенях и в газетах, является разительной.

В результате незначительное меньшинство населения получает информацию о фактическом положении дела путем специального обслуживания, — за что платит большие деньги, — тогда как громадное большинство пребывает в неведении или получает извращенную информацию.

Издатели обыкновенно горячо отвергают наличие продажности в современном газетном деле. Выше уже приводился ряд примеров, доказывающих продажность американской прессы, принадлежащей миллионерам. Можно привести еще и другие примеры.

Так, например, фирма Хофер и С-вья, владеющая конторой по распространению печатных изданий и помещающая агитационные статьи и материалы в 14 тысяч газет, получала субсидии от четырех крупнейших индустриальных компаний: Генеральной Электрической (Морган), Газовой (Морган), Электрической (Морган) и Телефонно-Телеграфной (Морган). Прессбюро Дарнелла, находящееся на откупе Национальной Электро-Осветительной Ассоциации, снабжает 600 газет в 4 штатах пропагандой антиобщественного характера, но идущей на пользу владельцам Ассоциации.

Чикагская газета «Трибюн», называющая себя величайшей газетой мира, настолько открыто обслуживала группу Маккормика, что легко могла быть подвергнута судебному преследованию. Она являлась рассадником сенсационных

слухов, в частности фальшивок о Советском Союзе. Число помещенных ею ложных сообщений так велико и так разнообразно, что даже затруднительно сделать выбор для приведения примеров. Начиная с 1933 г., эта газета всеми возможными способами старается опорочить и очернить программу Рузвельта.

В 1913 г. сенатор Лафоллет предъявил документы, доказывающие, что Национальная каменноугольная ассоциация субсидировала печать для помещения ложных сведений о предстоящем недостатке угля.

В 1934 г. Калифорнийская Пивоваренная Ассоциация платила Калифорнийской Газетной Ассоциации за помещенные статьи, направленные против известного радикального губернатора Калифорнии Синклера.

Газеты Херста известны целым рядом махинаций, проведенных за деньги, в том числе и получением ежемесячных субсидий за то только, чтобы не быть «нерасположенными» к тому или иному предприятию и даже иностранному государству.

Газета «Тайм», начиная с 1924 г., бесменно выполняет обязанности органа по обслуживанию личной жизни богатейших семейств. Особенно же усердно обслуживаются ею Рокфеллеры и Морганы.

Характерно отметить, что обе газеты — «Тайм» и «Форчюн» — позволяют себе говорить неприятные вещи только тем правительствам, которые находятся в натянутых отношениях с группой Моргана. Появление у власти левого французского правительства было встречено с негодованием газетой «Тайм»,

поддерживавшей всеми способами фашистскую организацию де ла Рокка. Попытки передовых людей США защитить законно избранное демократическое правительство Испании, встретили насмешки со стороны газеты «Тайм», на страницах которой героические защитники Мадрида обливались помоями.

Проводя псевдо-научные исследования о «типичных» американских семьях, газета «Форчюн» совершенно игнорировала огромное количество южных кропперов (мелких арендаторов хлопковых штатов), население городских трущоб и неквалифицированных сельскохозяйственных батраков. Газета имела наглость заявить, что «типичный фермер Среднего Запада владеет фермой, стоимостью в 100 тыс. долларов и в 1934 г. получил чистый доход в 4 тыс. долларов. А типичный работник умственного труда получает 58 долл. в неделю».

В штате редакции газет «Тайм» и «Форчюн», конечно, имеется целая армия либеральных и радикальных публицистов, хорошо знакомых с социальными и политическими вопросами. Однако все их писания тщательного просматриваются их хозяевами в редакциях, переделываются и извращаются. Статьи же о каких-либо личностях или об отдельных предприятиях всегда еще представляются на одобрение или исправление заинтересованных в этом капиталистов.

Так высокоразвитая журналистская техника, направленная во вред трудящимся и сознательно используемая в классовых интересах, не позволяет читателям проникнуть сквозь гущу обмана, клеветы и лжи.

(Продолжение следует.)

Перевод Ф. Кублицкого.

БИБЛИОГРАФИЯ

РАССКАЗ О ЛЕНИНЕ

★

Константин Федин написал небольшой, но очень хороший рассказ о Ленине¹. Пушкин когда-то говорил, что проза «требует мыслей и мыслей». Маленький рассказ Федина, безусловно, отвечает этому пушкинскому требованию.

Сюжетная ткань рассказа очень проста. Действие, если тут вообще можно говорить о действии, происходит в первые годы нашей революции, когда шла война с Польшей, в Крыму еще хозяйничал Врангель и «вражеская блокада изнуряла молодую советскую землю». Летним полднем позвонили молодому художнику Сергею Шумилину из редакции и поручили ему отправиться на открытие конгресса Коминтерна, чтобы зарисовать для газеты делегатов и, если представится возможность, — Ленина. Художник с радостью принял предложение. О том, как молодой художник увидел на конгрессе Ленина, и о том, что он переживал, пытаясь Ленина зарисовать, — собственно и рассказывает Федин на протяжении своего маленького рассказа. Почему же рассказ волнует, почему он вызывает такое глубокое раздумье?

Потому что писатель поставил в своем небольшом рассказе очень важные и значительные вопросы. Здесь вновь поставлен вопрос, который издавна, со времен седой древности, волновал людей искусства — и художников, и эстетиков. Это — тема искусства и действительности, разрешенная у Федина в лирическом плане, в плане стремления художника запечатлеть в искусстве как можно глубже, правдивее и в художественном смысле точнее то единственное, неповторимое и «однократное», что представляет собой живая действительность. Речь идет о мучительных поисках художественной правды, художественного выражения. Речь идет о тех «муках слова», о которых нам поведали многие великие мастера и которые иных даже приводили к художественному «агностицизму», к тезису о «молчании» («Silentium» Тютчева), потому что, по словам того же Тютчева, «мысль изреченная есть ложь».

Проблема жизненной правды в искусстве всегда привлекала великих рассказчиков прошлого. Любопытно при этом то, что в качестве примера, на котором эта проблема решалась, здесь часто фигурировало искусство живописи, рисунка, потому, может быть, что в этом искусстве вопрос жизненной правды проступает

наглядней, очевидней. О трагических усилиях художника передать на полотне тайну жизненности рассказа нам Бальзак, автор «Неведомого шедевра». «Задача искусства, — говорил бальзаковский старый мастер, — не в том, чтобы копировать природу, но — чтобы ее выразить». Ту же мысль, только в романтико-мистическом плане, проводил и несчастливым герой гоголевского «Портрета». Как бальзаковский художник стремился запечатлеть на полотне тайну рельефа, которым обладает действительность, так и гоголевский художник мечтал о передаче «плывающей округлости линий, заключенной в природе». Оба художника мечтали о том, чтоб их произведения сохранили дыхание жизни. Но и бальзаковский, и гоголевский художник — по разным причинам и в разных условиях — оба погибли, не найдя в себе силы осуществить правду в искусстве.

Вот эта старая тема жизненной правды в искусстве, решенная трагически и у Бальзака, и у Гоголя, вновь и совершенно по-новому зазвучала в рассказе Федина, зазвучала так, как она должна звучать у советского художника: ни на йоту не умаляя высоты и сложности задачи, советский художник знает, что он придет к ее решению, потому что революция бесконечно раздвинула круг наших возможностей.

Вот это новое, что вносит рассказ Федина, осложняется и вместе с тем одухотворяется тем, что фединский герой поставил перед собой задачу запечатлеть черты величайшего человека нашей эпохи — Ленина. «Сергей хотел сравнить Ленина с каким-нибудь образом, знакомым из истории или современности, но Ленин никого не повторял. Каждая черточка его принадлежала только ему».

Когда художник сидел в вагоне трамвая, направляясь к назначенному месту, он «ясно представлял себе, каким легким, непринужденным, светлым, живым будет его рисунок с Ленина». Но когда перед взором художника оказался живой Ленин (Федин очень скупыми и вместе с тем четкими и точными чертами передает представший перед его героем образ Ленина), художник всем своим существом ощутил огромнейшую сложность и трудность задачи.

«Сергей следил за каждым его шагом. Ему казалось, что он успел заметить очень важные особенности движений этого невысокого, легкого человека, и уже видел их пойманными карандашом в своем альбоме».

Но вот Ленин начал говорить.

«Сергей увидел его в движении, передававшим мысль. Вот именно это и мечтал художник изобразить в рисунке. Черты Ленина, не-

¹ К. Федин. «Рисунок с Ленина». Гослитиздат. Ленинград, 1939 г., стр. 16. Ц. 50 к.

сколько минут назад совершенно точно увлеченные, как будто исчезали в Ленине-ораторе и заменялись новыми, в непрерывном живом чередовании. Одну за другой отмечал их в памяти Сергей, но они возникали и не повторялись, и он боялся упустить их, и все не решался начать рисовать, и уже не мог бы сказать — что делает: изучает ли жестикуляцию Ленина или слушает его речь».

Здесь Федин ставит уже новую проблему, с которой сталкивается советский художник: проблему активного участия нашего художника в советской действительности. Речь Ленина захватывает художника своим непосредственным содержанием, потому что Ленин говорит о вещах, дорогих и кровно близких каждому советскому гражданину. Художник, следовательно, перестает быть только наблюдателем своей природы; он непосредственно сопричастен той действительности, которая служит объектом его художественного изображения. Так своеобразно и с большим тактом Федин запечатлевает в художественной ткани своего рассказа ленинский тезис о партийности нашего искусства.

Два небольших эпизода, которые Федин вводит в рассказ, очень дополняют человеческий облик Ленина. Первый эпизод — встреча Ленина с брауншвейгским делегатом, ограниченным и самодовольным обывателем, настойчиво требующим ответа на вопрос: почему у нас закрыты мелочные лавки и где он сможет купить пуговицу, если ему таковая понадобится.

«Сначала Ленин был серьезен. Потом заулыбался, прищурился, коротко подергивая головой. Потом отшатнулся, обрывисто махнув рукою с тем выражением, которым говорится: чушь, чушь! Брауншвейгец, жестикулируя, продолжал что-то доказывать. Ленин взял его за локоть и сказал две-три фразы — кратких и каких-то окончательных, бесповоротных. Но брауншвейгец яростно возражал. Тогда вдруг Ленин слегка хлопнул его по плечу, засунул пальцы за жилет и стал смеяться, смеяться, раскачиваясь на ходу, прибавая шаг и уже больше не оглядываясь на человека, который его так рассмешил».

Сцена эта, хоть она и оставалась для наблюдавшего ее художника немой, показала ему

в Ленине «непринужденность, доступность и беспощадное чувство смешного».

Во втором эпизоде участвует уже сам художник. Преодолев смущение и боязнь, художник протиснулся к Ленину и решился показать ему рисунок, спрашивая его мнение. Ленин ответил так, как он часто отвечал в таких случаях: «Не могу судить, я — не художник», скороговоркой отозвался Ленин». В глазах Ленина мелькнуло шутовское лукавство, но вместе с тем он ободряюще кивнул молодому художнику. В этом маленьком эпизоде сквозит вся мягкая человечность Ленина в общении его с людьми.

Так фединскому художнику открывалась все новые и новые стороны многогранной природы Ленина.

Федин изобразил сложную гамму переживаний своего художника — от отчаяния к надежде, от ощущения того, что «цель, которую себе поставил, ничуть не приблизилась», к минутной уверенности в том, что найден «близкий к правде образ».

В своей неудаче молодой художник Сергей Шумилин не был одинок: его учитель, художник, рисовавший Ленина вместе с ним в ложе, пожаловался Шумилину, что у него не получается рисунок с Ленина.

«— У меня тоже, — ответил Сергей и, неожиданно прижимая к себе ласковую руку, с жаром договорил:

— Но даю слово, даю вам честное слово — у меня непременно получится!..»

В словах этих не только звучит молодая уверенность в своих силах. Весь рассказ Федина проникнут ощущением великой темы, чувством большой художественной ответственности, чувством «взыскательного художника». И в этом — важнейший залог победы. Наша литература, наше искусство знают уже целый ряд удач на пути к осуществлению благороднейшей и почетнейшей художественной задачи — дать в искусстве образы наших великих вождей Ленина и Сталина. Для того, чтобы эту задачу осуществить по-настоящему, надо людям нашего искусства мыслить и работать так, как учат мыслить и работать Ленин и Сталин.

А Гурштейн.

★

МЫ ПОБЕДИМ!

(О творчестве Геннадия Фина)

В повести «Падение Кимас-Озера» один из участников похода против белофинов вспоминает героев Джека Лондона: «Я шел по снегу и беспричинно вспомнил, как в юности попалась мне три томка Джека Лондона и с каким нетерпением ждал я конца рабочего дня, чтобы побежать к себе в каморку прочитать эти приключения.

Какими необычайными и невозможными казались подвиги и герои этих книг и как хотелось хоть на малую минутку походить на них!

А сейчас иду я один, почти у полярного

круга, через далекий лес... И такие же трудные морозы и такие же ночевки в лесу на снегу, и куда более быстрое движение без помощи собачьих упряжек, — все те же самые трудности, только вдобавок за каждым стволом сосны, может быть, спрятаны и поджидают меня вражеские снайперы...»

Сила воли, способная к самоотречению, способная противостоять любому страданию тела, — характеристика для героев Джека Лондона.

Силой воли обладают и герои «Кимас-Озера», «Клятвы», «Мы еще вернемся, Суоми».

«Третьего поезда». И все же — герои американского писателя и герои Геннадия Фиша — это качественно различные люди.

Герои Лондона трагически одиноки, их силы растрачиваются порой неделесообразно. Жизнь их не озарена светом великой идеи. Герои повестей и романов Геннадия Фиша — революционеры, бойцы за народное счастье, их воля направлена к осуществлению прекрасной цели. Это не одиночки, а люди коллектива, люди труда и отваги, люди, которым принадлежит мир.

Основная тема большинства произведений Геннадия Фиша — гражданская война в Финляндии и Карелии. Здесь у него нет соперников; никто из писателей, кроме него, не коснулся так широко этой темы.

«Падение Кимас-Озера» — первая повесть о гражданской войне в Финляндии и Карелии. 1922 год. Лахтари (так население Карелии окрестило финских белобандитов) ворвались в Советскую Карелию. Трудовой народ Карелии напрягает все свои силы, чтоб отстоять страну. Рождаются люди сказочной, немислимой отваги. Таковы финны — участники лыжного батальона Интернациональной школы. Отряду курсантов было дано задание ворваться в тыл противника, разбить его штаб, находящийся в Кимас-Озере. Задание почти невыполнимое. Но разве можно не выполнить, если революция требует выполнения, если родина в опасности.

Участники похода уверены в победе. Вот идут они, полные отваги, энергии, молодого азарта. «Каждая мышца, напрягаясь, утверждала свое существование, каждый свежий глоток соснового воздуха, проходя через все тело, звенел в каждой артерии, каждый мелькающий обмозженный ствол, каждая жаркая капля пота говорили, ликуя: «Ты живешь, ты идешь, ты двигаешься...»

Чем дальше, тем труднее и труднее идти. Но каждый участник похода знает, что пройти можно столько, сколько нужно, чтобы принести победу революции. Сила воли, движимая достойной целью, побеждает все невзгоды: боль, голод, мороз.

И вот, штаб неприятельского фронта разбит. «Это были самые наполненные часы моей жизни» — говорит один из участников похода.

Герои Геннадия Фиша знают не только «восторг победы», когда вся жизнь представляется освещенной и яркой, они изведали и неумирающую боль слов: «Революция разбита». Один из героев романа «Мы еще вернемся, Суоми» коммунист Коскинен вспоминает о гибели финской революции 1918 года. Он «подумал о красном огне на вышке «Рабочего дома» — сигнале, которым началось восстание, и вспомнил о том, как красное знамя хлестало по ветру на флагштоке здания сейма и как тяжело было через несколько месяцев видеть другие, чужие, бело-синие цвета. И как он шел по городу, и весь город стал сразу пустым, чужим и враждебным».

Эту скорбь, эту горечь поражения познали и другие революционеры: Инари, Олави, Луудстрем... Но горечь неудач не подталкивает

волю революционера, а только еще больше закаляет ее. Это — неотъемлемое свойство подлинного борца.

Сложен и труден путь революционера. И все же путь этот прекрасен. «Мы победим, мы не можем не победить» — слова эти торжествуют над скорбным: «Революция разбита». Такова логика борьбы. Окончательная победа всегда за народом, народное движение может быть задавлено временно, пока народ не научится побеждать.

В романе «Мы еще вернемся, Суоми» изображен снежный поход, восстание лесорубов Похьяла в 1922 году. Первый партизанский батальон лесорубов был вынужден перейти границу, временно покинуть родную Суоми и обрести себе новую родину в Советской Карелии. Роман заканчивается словами: «Я иду по широкому мосту. Ветер бьет мне в лицо. Он совсем похож на ветер восемнадцатого года, на ветер нашего похода в снежном феврале двадцать второго.

Мы еще вернемся, Суоми!»

Роман Геннадия Фиша о поражении финляндской революции 1918 года назван «Клятвы». В эпилоге романа автор приводит письмо-манифест об основании коммунистической партии в Финляндии. После разгрома финляндской революции финские революционеры дают Ленину «клятву», обещание: «Можете сказать русским товарищам за нас, — финляндские коммунисты пойдут с радостью в огонь; они хотят и будут участвовать в наступлении, при котором крепости капитализма будут взяты и разрушены...»

Герои «Клятвы», Айроксинен, Ганнес, Си-рола, Аино, Ярви, Ямар и др. твердо знают, что поражение временно, что будущее за ними. Один из главных героев революционер Ямар сознает ошибку финского революционного движения 1918 года: «...Нельзя было ждать, пока нападут, надо было самим напасть всюду».

Логика событий романа, логика характеров всех действующих лиц говорит за то, что ошибка будет исправлена, что революция победит. Показанная в романе трагедия разгрома революции наполняет сердце читателя не печалью, не унынием, а светлой верой в победу, в конечное торжество народного дела.

Финал романа — слова из дневника революционера Ярви:

«Таси свет, а я снова буду зажигать его!»

★

Последняя на сегодняшний день книга Геннадия Фиша «Первая винтовка» состоит из ряда небольших, печатавшихся раньше рассказов и большой повести «Третий поезд», занимающей почти половину книги.

Тема «Третьего поезда» близка «Клятве». Сюжетом повести послужил один из эпизодов героической борьбы за утверждение пролетарской диктатуры в Финляндии в 1918 году. Финская буржуазия, желая взять измором молодую республику, подрывает продовольствен-

ную базу страны. При содействии Ленина из Финляндии наряжаются маршрутные поезда в Сибирь за хлебом. О подвигах бригады одного из таких хлебных эшелонов и рассказано в «Третьем поезде». Финляндские революционеры с поезда были тепло и дружески встречены нашими рабочими. И если раньше кое-кто (машинист Айрола) был не совсем уверен в братской солидарности русских и финских рабочих, то действительность разбила все следы этого недоверия. С большим лиризмом написана сцена, где рабочие ближайшего завода приезжают на помощь затонувшему в снегах финскому поезду, или сцена, где омские рабочие отдают собранный для себя хлеб финляндским революционером.

Повесть написана сдержанно, просто. Эта манера письма как нельзя лучше гармонирует с суровой мужественностью людей, не знающих препятствия, если родина ждет от них помощи.

Героическая бригада ведет поезд, нагруженный хлебом, в революционную Суоми. Но радость победы сменяется большим горем. За время маршрута финская буржуазия, опираясь на помощь иностранных штыков, зверски уничтожает молодую Финляндскую республику.

Спокойно, в сдержанных тонах повествует автор о впечатлении, которое производит на поездную бригаду известие о трагических событиях на их родине:

— Пропустите нас тогда на Петроград, — сказал каменным голосом комиссар.

Председатель по телефону при нас отдаст распоряжение о пропуске, и мы выходим на улицу.

Карвонен идет молча. А день, словно назло, солнечный и теплый...

Люди подавлены горем. Сильнее этого горя нет ничего. Ни смерть возлюбленной, ни гибель матери, сына, брата, — ничто не сравнится с вестью о потере свободной родины.

Но герои «Третьего поезда», как и других романов Геннадия Фиша, не сломлены несчастьем. Итог повести — бодрый призыв революционера Линолы: «Мы разбиты, но революция должна жить!»

Всякое личное горе замкнутого в своем внутреннем мире человека делает этого человека одиноким. Но борясь за великое дело не может быть одиноким. Перенесенное потрясение еще теснее, еще неразрывнее соединяет его с товарищами-соратниками.

Глубока и сложна внутренняя жизнь революционера, труженика, мудрого и ясного, стойкого до самоотречения, благородного до полного забвения себя и в то же время живого и понятного во всех деталях, во всех мелочах. Перед советской литературой стоит высокая задача показать такого человека во весь рост. Пока у нас есть отдельные наброски, этюды. И герои Геннадия Фиша тоже еще мало индивидуализированы, еще чересчур похожи друг на друга. Но даже по тем отдельным намекам, отдельным черточкам, которые даны нам в финских повестях и романах, читатель в состоянии разглядеть благородный профиль героя нашей эпохи.

★

Помимо «Третьего поезда», в сборник «Первая винтовка» входят еще три рассказа о гражданской войне. Тепло написан рассказ «Первая винтовка». Образ мальчика-подствитка, первой винтовкой которого явилась винтовка старшего брата, павшего в борьбе с белогвардейцами, по-настоящему волнует читателя. Нельзя не запомнить сцену, где мальчик бросается к взрослому красновардейцу и просит отдать ему винтовку убитого брата:

«— Это мой брат! Винтовка моего брата! Отдай ее мне!»

Он с удивлением взглянул мне в глаза и затем, переведя взгляд на мертвое, но еще теплое тело, лежавшее у наших ног, вдруг отпустил винтовку».

В хорошей манере (народный сказ) написан рассказ «Мамайская скала» — эпизод из гражданской войны в Крыму. Много слабее рассказ летчика — «Над Варшавой».

Все эти три рассказа уступают финским повестям и романам. В них нет внутренней экспрессии, глубокого лиризма в счастливом сочетании с эпически сдержанным, спокойным тоном повествований. В этом отношении особенно интересен роман «Клятва». Он состоит из кратких, ударных глав. Сюжет развивается плавно и в то же время динамично. Композиция ровная, четкая — нет ничего лишнего. «как на военном корабле», по выражению Чехова.

Финские романы и повести безусловно не случайная удача автора. Геннадий Фиш изучал жизнь и по официальным документам, и по архивам и многое пережил на личном опыте. Это и дало ему возможность внести в литературу свою, новую тему.

Геннадий Фиш всегда идет по горячим следам жизни. Его литературная тема органически связана с жизненным опытом. Такого рода писатели, если они пишут о работе тракториста, должны сами вести трактор, если пишут об ученых открытиях, должны сами принимать участие в научной работе. Мы вовсе не хотим сказать, что это обязательно для всякого писателя, но Геннадий Фиш иначе работать не может. Вот почему нам представляются мало удачными небольшие рассказы того же сборника «Первая винтовка»: «Разведчики» и «Перед собранием». В первом рассказе говорится о девушке-геологе, организующей работу геологической разведки (поиски огнеупорной глины) в далекой карельской глуши, второй рассказ является по существу небольшой сценкой из жизни зажиточного колхоза. И в том, и в другом рассказе изображены хорошие, честные люди. Они прекрасно работают. Весь пафос их жизни в их труде. С внешней стороны все гладко, правильно, как следует быть. А рассказы не трогают, не волнуют. Слишком они легки, благополучны. В них нет сердцевинки, нет самого главного — глубокого раскрытия подлинной жизни. Такие рассказы появились вовсе не потому, что автора не зажгла тема социалистического труда. Произведения эти, по всей вероятности, — обработка слы-

шанного писателем рассказа. На таком материале Геннадию Фишу трудно работать. Но стоит ему органически подойти к материалу, быть свидетелем, участником, — и удача обеспечена. Такая несомненная удача — недавно вышедшая (непосредственно перед сборником «Последняя винтовка») книжка «Вредная черепашка и теленомус».

Нашествие черепашки — стихийное бедствие. Мировая наука не знала методов борьбы с этим вредителем зерновых полей. И вопреки всем научным «источникам, русским, немецким, французским и английским», Одесский институт селекции и генетики, руководимый академиком Лысенко, нашел способ борьбы и в течение десяти месяцев уничтожил врага. Было размножено в сотнях миллионов и брошено на поля насекомое — наездник с необыкновенным именем «теленомус». Это насекомое откладывает яички в яичках черепашки и уничтожает потомство вредителя.

Самое ценное в этом произведении — изображение теснейшей органической связи науки в нашей стране с массами народа. С быстротой электрической искры научная мысль будоражит сознание, тысячи умов и сердец. Вырастают, как в сказке, из-под земли хаты-лаборатории, колхозники-опытники в специальных вивариях выращивают теленомуса, напряженно, мужественно работают. Такая самодеятельность народа — великая радость для ученого!

Автор назвал свою книжку «реалистической сказкой».

Что такое «реалистическая сказка» Фиша? Ведь это не очерк, и не повесть, и не рассказ и, конечно, не сказка. Так что же это? Геннадий Фиш не занимался специальным литературным новаторством. Он шел от жизни. Сам материал подсказал ему способ выражения. Без натяжки, органически, естественно, как дерево из корня, выросла новая форма. Потому-то книга и читается с живым интересом, потому

нас не оставляет ощущение новизны и полной жизненности.

В каждой главе своя неожиданность, своя загадка.

Интрига рассказа движется быстро, как лента кино. Эта бурная стремительность рассказа хороша, потому что такова жизнь: «Мы можем прямо сказать: скоро сказка сказывается, да и дело скоро делается».

«Вредная черепашка и теленомус» — новый этап в творчестве писателя: новый жанр, новая тема. Но между финскими повестями и книжкой о борьбе с вредителями хлебных злаков существует непосредственная связь, идейная преемственность. И там, и здесь герои — стойкие, сурово-мужественные бойцы за новую жизнь. Они так же, как и герои гражданской войны, не связаны ни себялюбием, ни узкими бытовыми интересами. Отбрасывается все, что мешает. Мобилизуется все, что приближает к цели. Это одной породы, все той же щедрой энергии и необыкновенной целеустремленности, только действуют они в иных условиях, при новых обстоятельствах.

★

У Геннадия Фиша — дар рассказчика. Оттого многие его произведения ведутся от первого лица. Это всегда чей-то рассказ: курсанта Интернациональной школы, лесоруба, партизана, красногвардейца, летчика, колхозника... Манера рассказа всегда соответствует характеру того лица, от имени которого он ведется. Особенно удачна написанная в духе фольклора народного сказа книга «Ялгуба». Здесь собран живой, новый, интересный материал. Книга органически вытекает из современного фольклора. Недаром Горький сказал, что она «будет прочитана с радостью и с пользой для души».

Б. Брайнина.

★

ЗАПИСКИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО АКТЕРА *

Книга Юрьева написана хорошим русским языком, полна образов и ярких, запоминающихся фактов. То, что удалось увидеть Юрьеву, выпадает на долю немногих: он знал театральную жизнь Москвы и Петербурга конца XIX столетия, принимая в ней участие как ученик, а затем — как актер. Он пережил пору упадка театрального искусства в годы реакции после 1905 года. Наконец, его сценическое дарование развернулось с полным блеском после Великой Октябрьской социалистической революции.

Книга Юрьева интересна широкому читателю, рассказывая о людях и событиях примечательных, она учит профессиональному мастерству.

Автор опубликовал только первую часть записок (1872—1893 гг.). О самом авторе мы узнаем лишь из скупых строк, написанных о

детстве и первых шагах артистической карьеры. Говорит Ю. М. Юрьев главным образом о других.

Ю. М. Юрьев — актер романтического плана, высокого подъема чувств, больших страстей. В своих беседах с молодыми актерами (беседы изданы ВТО в 1939 году в Ленинграде) Юрьев требует от актеров знаний и учебы.

«Для правильного понимания роли очень важно гореть тем самым огнем, каким в минуты творчества горел сам автор — творец данного произведения» — справедливо замечает он.

Юрьев ратует за большую работу над ролью; он против того, чтобы голый техникой сценического мастерства подменять творческую работу над художественным образом. Основное в игре актера — правда и истина на сцене. Не копирование жизни, а ее подлинное отражение средствами театрального искусства. Юрьев говорит: любить театр и со всей серь-

* Юр. Юрьев. «Записки». Изд. «Искусство», стр. 234. Ц. 12 руб.

езностью относиться к работе в нем; с предельной ясностью и убежденностью относиться к мыслям и чувствам играемого образа; актер должен развиваться органически и непринужденно.

Призыв к труду — основа сценической деятельности Юрьева. Юрьев — один из самых обаятельных актеров современности. Блестящие внешние данные соединяются в нем с крупным актерским талантом и с трудолюбивейшим мастерством.

За пятьдесят лет своей сценической деятельности он сыграл двести шестьдесят одну роль, из них иностранной и русской классикой свыше ста ролей. Его знала Уфа и Париж, Одесса и Варшава, Гродно, Вильно и Кинешма. Его видела не только Москва и Петербург, но и тогдашняя провинция царской России.

Юрьев, как и многие актеры прошлого, не сразу принял социалистическую революцию, не сразу понял ее огромное историческое значение для жизни народа и для развития искусства, но когда понял, — понял до конца и принял горячим сердцем.

Книга Юрьева состоит из восьми глав. Самые значительные из них это главы о старой театральной Москве и о спектакле «Таланты и поклонники» Островского в Малом театре.

Запоминаются рассказы Юрьева о тогдашнем демократическом зрителе театров. «К своему Малому театру (так они и называли его: «наш Малый театр») москвичи относились в то время с каким-то особым энтузиазмом. Малый театр был для них чем-то вроде солнца. Они были благодарны ему, любили его и гордились им».

«Мест на галерке Малого театра не так уж много... попадали только истые театралы... — по большей части молодежь...»

Только и слышно бывало:

— Поздравляю вас с праздником!

— И вас также!».

Такова была атмосфера вокруг Малого театра. Театр любило большинство просвещенных людей тогдашнего времени. Юрьев рассказывает о том, как наряду с императорскими театрами возникали театры частной инициативы и самым значительным из них был — Пушкинский театр. Это — театр энтузиастов. В нем играли Андреев-Бурлак, Иванов-Козельский, Южин, Стрепетова, Глама-Мещерская, Немирова-Ральф и много других прекрасных актеров и актрис. Но театру трудно было существовать на собственные средства. Через 2 года — театр закрылся. На смену ему пришел театр Корша.

Юрьев рассказывает о талантливейших актерах коршевского театра и об одном из них — Киселевском.

Самая интересная глава книги — разбор спектакля «Таланты и поклонники» А. Островского в Малом театре. Здесь Юрьев дал и анализ пьесы, и оценку игры исполнителей.

«Таланты и поклонники» — одна из очень «игральных» и театральных пьес Островского. Прекрасно знавший актерский быт, любивший русского актера, несмотря на все его недостатки, — Островский в «Талантах и поклонниках» показывает поэтическую и вместе с тем грустную повесть об актерском «счастье», о жизни актрисы Негиной. Добролюбов вскрыл всю огромную общественную значимость пьес Островского. Критик-публицист подкреплял художника.

В главе о «Талантах и поклонниках» Юрьев рассказывает, как разыграли актеры Малого театра трагедию жизни молодой актрисы. И этот рассказ интересен тем, что он раскрывает перед нами картины жизни и работы актеров великого прошлого русского театра.

Ермолова, Г. Н. Федотова, О. О. Садовская, Самарин, А. П. Ленский, М. П. Садовский, Рыбаков. Все они — живые на страницах книги Юрьева. Вместе с ними — блестящий актер и впоследствии режиссер и директор Малого театра — А. И. Южин-Сумбатов.

Юрьев воскрешает тени великих мастеров и актрис. «Актер умирает бесследно» — говорит автор. Но одновременно он подчеркивает, что сейчас, когда есть радио и кино, положение изменилось. Актеры оставляют память «в вечности».

Юрьев отмечает, что в труппе Малого театра соседствовали два течения: героико-романтическое и русское бытовое. И симпатии Юрьева на стороне первого течения.

Ермолова, Южин, Ленский — вот кого поднимает на щит Юрьев, отдавая должное и второму течению блестящих актеров во главе с Садовскими, Никулиной и Музилом. Юрьев утверждает, что только наличие таких артистов, как Ермолова, Ленский, Южин, Горев и некоторые другие, как бы «самой судьбой предназначенные для героических ролей, — помогло продвижению классики».

Этот момент был очень важен. На императорской сцене господствовали тогда посредственные драматурги: Александров (Крылов), Боборыкин, Лихачев В., Гнедич П. П., Мясницкий, Потехин и другие. А классика приучала актера к большим чувствам, к социальному протесту, к знаниям, к проникновению в роль. И это было главное.

О многих замечательных актерах рассказывает Юрьев. Мы не хотим множить выдержек и цитат. Мы хотим, чтобы наш читатель прочел эту книгу и чтобы издательство выпустило ее вновь для широкого читателя.

Семен Долинов.

Редакция: Ф. В. Гладков
Л. М. Леонов
В. П. Ставский
М. А. Шолохов

Ответственный редактор В. П. Ставский

Редакция: Москва, 6. Пушкинская площадь, 5.

Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»

16 печ. листов. Тираж 80.000. Зак. 1830. Технический редактор С. Ардашников. А-28997. Одно в набор 15-29/VII-40 г. Подписано к печ. 2-10/VIII-40 г.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР». Москва.

Замеченные опечатки

Страница	Столбец	Строка	Напечатано	Следует читать
20	2-й	17-я сверху	оскалив зубы, рычит	оскалил зубы, рычит
55	2-й	9-я снизу	Даутек, Элигбар	Даутбек, Элизбар
125	1-й	27-я сверху	Мы едим — и ничего	Мы едим — и ничего
133	1-й	3-я сверху	приложил светоскоп	приложил стетоскоп
160	2-й	15-я снизу	наш замысел	мой замысел
185	1-й	23-я снизу	магнитному курсу 140	истинному курсу 140
253	2-й	20-я сверху	Он совсем не похож	Он совсем похож